

Испытание Хищника

"Разницы нет никакой между Правдой и Ложью..."
Владимир Высоцкий

"...каждому будет дано по его вере..."
Михаил Булгаков

(хроника событий последних суток)

Город Шатузол. Кабинет начальника ГАИ.
Местное время - 9 часов, 30 минут.

- Подполковник Воронов, как вы думаете, что находится в этой папке?
- Не могу знать, товарищ полковник...
- Так вот, в этой папке результаты проверок по твоему району. Здесь написано чёрным по белому, что пятеро ваших подчинённых, уличены в получении определённой денежной суммы. Проще говоря - взятки. Вам понятно, товарищ подполковник? Самое смешное, что всего-то и было пять проверок. Пять из пяти и все в цель. То есть - стопроцентное попадание. Хотя бы один, ради приличия, отказался. Конечно, взяточники понесут заслуженное наказание. Но вот будете ли вы работать в прежней должности - не знаю. Пока вопрос открытый. Я как-то, месяц назад, ехал по центральному проспекту. На пересечении с улицей Лотерейной, как раз под мостом, стоял, так называемый, государственный автоинспектор... Вот знаете, товарищи, лицо и задница - одного размера. Честное слово, не преувеличиваю. Рядом с ним, служебный автомобиль, "девятка", выглядел игрушечным. Я ещё подумал - "Как же это он залазит в неё?". А если надо догнать нарушителя? Она же, бедненькая, его не потянет. Такие вот дела... Развёл ты, товарищ Воронов, понимаешь, болота в своём районе. Милиционеры, вместо того чтобы следить за порядком, берут взятки, пьянствуют водку, нагуливают бока жиром и растят себе большие задницы. Никто не думает мозгами, извилины прямые, мысли в головах не совокупляются. Товарищ подполковник, вы когда-нибудь давали своим подчинённым какие-нибудь вводные? Поднимали их по тревоге? Проводили проверки состояния боевой готовности?
Я сомневаюсь...

5 часов, 40 минут следующего дня.
Город Шатузол.
Улица Памяти Декабристов.
Дом 16 квартира 10.

Человек, вдруг, почувствовал сильный удар в затылок. В глазах резко потемнело, словно он мгновенно очутился в какой-то вселенской пустоте, которая, казалось, невидимой субстанцией, жёстко придавила его со всех сторон. Не было ничего: ни света, ни звука, ни воспоминаний.

- Кто я? Где я? - крутилось в сознании, но все попытки что-то вспомнить безрезультатно проносились сквозь глухую пустоту. И вдруг...

- Вася! Васечка! - голос матери требовательно звучал из темноты - Вставай, сыночек, пора в школу.

Он открыл глаза. Ослепительно яркий свет, сплошным потоком, словно снежная лавина, сорвавшаяся с высокой кручи, на бешеной скорости, ворвался в сознание.

Свет, представляющий из себя невесомую белую массу, заполнил всё вокруг. Потом он постепенно начал таять, обнажая очертания знакомых предметов.

Сначала Василий узнал свою квартиру.

"Мамы здесь нет и быть не может. А школы и подавно. Всё уже давно в прошлом" - подумал он, приподнимаясь на кровати.

С улицы, в большое, открытое окно падала яркая полоса света и белой половицей стелилась к ногам.

Весь в белом и весь белый ангел, с видом пятилетнего мальчика и, почему-то, бутафорскими крылышками за спиной, сидел на подоконнике, с любопытством разглядывая Василия.

- Ты ангел?

Что вопрос нелепый, он осознал сразу, как только произнёс его.

- Да... - ответил тот и поднялся - Пойдём...

Ступая босыми, пухленькими ножками по полосе света, он вышел из квартиры через окно.

Василий оторвался от кровати и двинулся следом. Однако он не предпринимал никаких усилий: не напрягал мышцы, не двигал руками, не переставлял ноги. Он плыл по воздуху, будто его тело было невесомое и невидимой нитью прикреплялось к этому небесному созданию.

- Куда ты меня ведёшь? - спустя какое-то время спросил он.

- В рай... - не оборачиваясь, ответил ангел.

Вдруг, откуда-то сверху, как во время сильного снегопада, на Василия обрушились воспоминания. Они, вначале, кружились в бешеном вихре, потом стали замедляться, опускаться, занимать свои места в пустых ячейках памяти.

Вся прошлая жизнь, во всех подробностях, как-то по особенному чётко и ясно предстала перед его сознанием.

- Подожди... - проговорил Василий - Мне нельзя в рай. Я - грешник...

Ангел остановился, повернул к нему голову, в белых кудряшках, и недоумённо посмотрел в глаза.

- Но мне поручили привести тебя в рай.

- Здесь ошибка, вы что-то перепутали - мягко настаивал Василий.

Вдруг, оглушительный раскат грома разорвал тишину. Одновременно подул сильный ветер, стремительно разрушая пелену белого света, превращая его в клочья облаков и швыряя в разные стороны. Внизу обнажилось страшное место, в виде чёрных скал с острыми пиками, зловеще торчащих неровными рядами.

- Стр-е-е-ля-й-й-й... е-э-э-й... в... го-о-о-ло-ву-у-у... - из грубого завывания ветра сложились слова, наводящие ужас своим звучанием.

Ангел стоял на краю облачка. Это всё что осталось от белого света, совсем ещё недавно заполнявшего пространство. Василий, каким-то чудом держался за это облачко и, подняв голову, обречённо смотрел на ангела.

- Я же говорил... Мне надо в ад... - наконец прошептал он.

- Нет - твёрдо ответил ангел - просто тебе ещё рано в рай...

После этих слов Василий сорвался окончательно и, терзаемый яростными порывами ветра, кубарем полетел вниз. В темноте он обо что-то ударился затылком и застонал от страшной боли.

- Держись, мужик, держись - откуда-то послышался обычный человеческий голос, сразу же переходящий в крик - В операционную! Быстро!

5 часов, 45 минут того же дня.
Город Шатузол.
Улица Памяти Декабристов.
Дом 16. Квартира 9.

- Ало! Ало! Это милиция? Ало... Милиция?... Приезжайте, здесь стреляют... Стреляют, говорю! Нет, ни в меня, наверху стреляют... В квартире, которая над моей... Я не знаю кто ... Приезжайте и разбирайтесь... Чья фамилия? Моя фамилия? Пехотина. Пехотина Вера Ивановна. Не вздумайте написать Пахатина! Помните первого секретаря Горкома партии Пехотина? Помните... Нихрена вы не помните... Адрес? Пишите...

6 часов, 03 минуты того же дня.
Город Шатузол.
Улица Памяти Декабристов.

Патрульная машина остановилась у дома номер шестнадцать. Из неё вылезли два милиционера и, часто похрустывая сапогами по первому снегу, твёрдым шагом, уверенно, направились к центральному подъезду.

Шестнадцатый дом представлял из себя старинный двухэтажный особняк, построенный около двух веков назад. По изначальному проекту здесь имелся парадный вход в виде тройной цилиндрической колоннады, поддерживающую массивный выступающий навес. Когда-то за колоннадой, располагались три высокие двухстворчатые двери, арочной формы. Но после революции осталась только одна. Остальные убрали и проёмы замуровали. А в пятидесятых годах двадцатого века, после капремонта, здесь установили обычную, стандартную дверь, как во всех подъездах многоэтажек. Перепланировка произошла и внутри дома, о чём свидетельствовали надписи на стене - "Подъезд номер один. Квартиры 1 - 8" Жирная, красная стрелка влево указывала, что в том направлении квартиры 9 и 10. А если зайти со двора, то там ещё 11 и 12. Эти указатели появилась потому, что люди, не знающие подробностей перепланировки, как обычно шли к центральному входу.

Милиционеры ознакомились с надписью только у самых дверей, за колоннами. После чего они сразу же развернулись и пошли по стрелке.

- Лейтенант сказал, что если эта пьяная выходка, то забирать всех в обезьянник и подержать сутки на голодном пайке - сказал милиционер, идущий чуть позади, младший за коллегу по возрасту и званию.

Первый резко остановился и повернулся ко второму.

- Послушай меня, коллега - сурово произнёс он - Этот район называется Сиреневая Гряда. Здесь всегда жили и живут только первые люди города. В какой-нибудь Беднохатке ты можешь свободно махать дубиной налево и направо, и крыть матом всех подряд. Здесь же, стоит только на

кого-то косо посмотреть, как завтра же, вместе со своим лейтенантом, пойдёшь подметать вокзал. Понятно?

- Так точно... - кротко ответил второй.

Дверь в подъезд была приоткрыта, табло домофона не светило. Даже в элитных домах имелись какие-то недостатки.

Войдя в тёмный подъезд, пошарив лучом фонарика вокруг, милиционеры нашли выключатель.

Такого подъезда они никогда не видели. Он имел цилиндрическую форму, чем напоминал средневековую башню. Небольшие окна, исполненные в готическом стиле, могли когда-то служить бойницами. Широкая каменная лестница с широкими каменными перилами, серпантином поднималась вдоль стены и заканчивалась площадкой на втором этаже. В изначальном варианте это была одна из лестниц, ведущих на второй этаж. Она находилась в фасадном углу дома, который также имел закруглённую форму и заканчивался конусной крышей, тем самым выделяющейся от остальной, покато.

В подъезде было чисто: белые стены, без надписей, не битые и не замазанные краской стёкла в окнах и светильниках. Причина такой чистоты заключалась в том, что здесь жили всего две семьи и они поддерживать порядок.

Этот дом построили ещё в то время, когда окраина города находилась в семи километрах отсюда. Богатые и состоятельные люди облюбовали эти места за их живописность. Лес, луг, река, спокойное и равномерное течение воды. Тишина и спокойствие. Двенадцать имений появились вдоль реки по всей возвышенности, с расстоянием полкилометра друг от друга. Всех их соединяла ровная, как струна, дорога. Со временем усадьбы обросли садами, парками, цветочными клумбами. Особенно изобиловали эти места сиренью. Здесь её было так много, что местность стали называть Сиреновой Грядой.

Время шло и в мире всё менялось: строй, порядки, общественные устои, обстановка, отношения. Революция заставила хозяев бросить свои дома, но они никогда не пустовали. Их сразу же заселили новые представители власти и другие влиятельные люди города, которые и вносили изменение в архитектуру строений.

Город давно уже подкрадывался к Сиреновой Граде. Ещё перед революцией она стала его окраиной, а потом, за одну пятилетку "вросла" вглубь на три километра. Целлюлозный и кожевенный комбинаты, возведенные в кратчайшие сроки, окончательно испоганили воду в реке, два литейных завода, ещё до революции отравлявшие воздух, с успехом продолжали это делать и сейчас. Сиреневая Гряда давно уже перестала быть райским уголком, но и, тем не менее, продолжала оставаться элитным районом. К слову сказать, изначально город, в экологическом смысле, был безупречно чист, по той простой причине, что основали его обыкновенные спекулянты.

Полайский горный хребет протянулся строго с севера на юг. В самой его южной части, у подножья гор, брала своё начало речушка со смешным названием Люська. Где-то около семисот километров она текла на север, параллельно горному хребту, подпитываясь его водами, ширясь и углубляясь. Но потом вдруг резко, почти под прямым углом, поворачивала на запад и петляла по тайге. Вот за это петляние в народе её прозвали Шатун, мол, шатается по тайге. Официальное название реки и было Шатун, хотя от истока и до поворота, люди по-прежнему называли её Люська. Где-то в глубине тайги имелось место, протяжённостью около двух километров, где до этого спокойная и тихая река, шипела и пенилась перепадами, порогами, скалилась острыми и кривыми краями подводных камней. "Шатун зол..." - говорили люди про это место. Надо сказать, что до порогов и после, река была вполне судоходной. Конечно, не для крупных судов, но мелкие и средние проходили свободно. Это был единственный кратчайший путь, связывающий два крупных города - Политор и Бокачуйск. С развитием промышленности появилась необходимость в торговле. Купеческие лодки доплывали до порогов, по суше перетаскивались в обход опасного места, и следовали дальше. Сразу же появились предприимчивые люди, которые поселились здесь и стали заниматься исключительно переправой. Они же начали скупать товар у торговцев прибывших с верхнего течения, перепродавать его тем, кто

прибыл с нижнего и наоборот. Со временем на этом месте возник посёлок с названием Шатузол. После того, как прокапали канал в обход порогов, посёлок вовсе не исчез, а наоборот, стал расширяться и вскоре превратился в город, который, из-за своего выгодного местоположения продолжал расти и развиваться. И наконец, он дошёл до Сиреневой гряды. На её живописных холмах беспардонно обосновались однотипные, безликие, прямоугольники хрущёвки. Они хотя и поглотили этот район, однако не растворили в себе: Сиреневая Гряда так и осталась зелёным островком среди каменных джунглей высоток. И по-прежнему здесь жила городская элита. Даже если люди получали или приобретали комфортабельное жильё в новостройках, то всеми способами старались оставить за собой, или своими родственниками, квартиру, или хотя бы комнату, в Сиреневой Гряде. И это несмотря на то, что особняки значительно преобразились внутренне и больше напоминали коммунальные квартиры. В частности - парадные входы, с арочными сводами и колоннадами, превратились в три, а то и четыре, отдельных подъезда. Кроме того - входные проёмы проделывались в тыльных и боковых стенах зданий, от чего подъезды получались своеобразные. Последующие перепланировки квартир не лишили их оригинальности, неповторимости, сохранили удобства и комфорт. Это был рай для любителей старины: этих высоких потолков, больших окон и печного отопления, иметь которое, в последнее время, стало очень модным. Ещё о прежних хозяевах напоминали названия улиц, которые сохранились в народной памяти. На самом деле, улица в этом районе была одна и называлась – «Памяти Декабристов». Правда к декабристам она не имела никакого отношения. В былые времена, та часть улицы, которая находилась напротив какого-нибудь особняка, называлась именем его хозяина. Так появились улица Ропчина, Ивасова, Загорского, Паше и так далее. И если, к примеру, теперь кто-то говорил об улице Цветалинской, то все местные жители представляли, где это находится, но официальный адрес этого места был – улица Памяти Декабристов, дом номер семь.

Сержант из всех сил жал на кнопку звонка, вкладывая в это действие всю свою злобу и недовольство. Вызов в конце дежурства был, мягко говоря, некстати.

После третьего нажатия внутри квартиры послышалась возня, замок щелкнул, и дверь открылась. Хозяин даже не соизволил поинтересоваться, кто его беспокоит.

- Патрульно-постовая служба, сержант Ква... - произнёс сержант, небрежно поднося руку к головному убору и вдруг замер: в дверях стояла юная девушка, не больше восемнадцати, лохматая и заспанная, в короткой, просвечивающейся ночной рубашке. Её симпатичное личико с взглядом, безучастным ко всему происходящему, говорило о том, что она, в сущности, вся ещё спала. И только один, чуть приоткрытый глазик, из-под нависшей пряди тёмно-русых волос, с лёгким недоумением созерцал это непонятное явление.

- ... Квасов – наконец закончил милиционер. Представление получилось комичное - "Сержант Ква-Квасов". Но этого никто не заметил.

- У вас входная дверь в подъезде не притягивается к магниту – каким-то восхищённо-извиняющимся тоном сообщил его коллега.

- Это вы звонили в милицию? – спросил сержант Квасов деловым, но мягким тоном.

- Милицию?... – удивлённо повторила девушка, еле шевеля розовыми пухленькими губками.

- Это я звонила в милицию... - послышался из глубины квартиры старческий голос с хрипотцой.

Девушка повернулась боком, позволяя милиционерам видеть личность, по милости которой они оказались здесь. Это была очень старая, сгорбленная женщина, с худым морщинистым лицом, длинным носом и острым подбородком. Её седые волосы, редкие и прямые, с одной стороны были расчёсаны, а с другой – взъерошены и торчали в сторону. Она сидела в инвалидной коляске, чуть наклонившись вперёд, укрытая по шею английским пледом и сквозь большие очки, в чёрной оправе, смотрела на милиционеров.

- Зачем? - тихо спросила девушка.

- А за тем, что бы ты не стояла здесь голая на сквозняке! – властно произнесла старуха.

Девушка бросила короткий взгляд на милиционеров и со словами – «Я не голая» - сделала шаг назад и исчезла в темноте коридора.

- Вы сообщили, что слышали выстрелы - приступил к своим обязанностям милиционер.

- Да, наверху стреляли.

- А почему вы решили, что это были выстрелы? Может это были звуки падения какого-нибудь предмета или просто удары?

Женщина низко наклонила голову к коленям, сняла очки и снова выпрямилась.

– Молодой человек! Я пережила две войны и революцию! Неужели вы думаете, что я не смогу отличить выстрелы от ударов молотка? - глядя Квасову в лицо, сказала она.

В это время снова появилась девушка, одетая в длинный махровый халат, коричневого цвета.

- Бабушка, с чего ты взяла, что там стреляли? - окончательно проснувшись, уже раздражённо спросила она, наклоняясь над старухой и махая у неё перед лицом растопыренными пальцами.

- Потому, что я ещё хорошо слышу! - почти крикнула старуха, строгим взглядом вцепившись в девушку.

- Я ничего не слышала – спокойно произнесла та, обращаясь к милиционерам.

- А кто живёт над вами – спросил напарник Квасова.

Женщина откинулась на спинку кресла и, устремив мечтательный и даже помолодевший взгляд куда-то мимо стоящих перед ней людей, с лёгкой улыбкой произнесла – «Там живёт элегантный мужчина. Полковник. Культурный, образованный, интелгентнейший человек». Произнеся эти слова, она застыла в мечтательной задумчивости.

- Откуда ты знаешь, что он полковник? Я его никогда не видела в форме – сказала девушка.

- Я военного человека определяю на расстоянии – словно очнувшись, произнесла старуха, немного помрачнев лицом.

Её внучка стояла, закутавшись в халат, скрестив на груди руки и, опершись спиной о дверь, молча смотрела на бабушку. Вдруг она повернула голову в сторону милиционеров.

- Вообще-то там живёт профессор Касьянов, но он находится в командировке, а квартиру сдаёт в наём - сказала она и, немного подумав, добавила – Уже, наверно, лет пять здесь живёт этот мужчина.

- У него большое горе – мрачно добавила бабушка – Его дочь очень больна.

- Почему ты решила, что она ему дочь? - с безразличием, разглядывая свои ногти, спросила внучка.

- Ну а кто же ещё? Он за ней так ухаживает, так смотрит - держалась за своё предположение старуха.

- Вообще-то, странный тип... – рассудительно продолжала внучка, не сводя глаз с милиционеров – Замкнутый, молчаливый, ни с кем не общается, к нему никто не приходит. Я не знаю, где он работает, чем занимается, но «тачка» у него крутая.

- Как зовут вашего соседа? – спросил Квасов.

- Как зовут его? – обратилась внучка к бабушке.

- Ой, а мы с ним как-то даже и не познакомились. При встрече здоровались, разговаривали но... - растерянно проговорила та.

- Не важно – деловым тоном прервал её сержант – Сейчас разберёмся.

Девушка, слегка улыбнувшись, одобрительно закивала головой и, поскольку милиционеры собрались уходить, начала прикрывать за ними дверь.

- А у вас бабушка бдительная – бросил в оставшуюся щёлочку коллега Квасова.

Неизвестно спасёт ли мир красота, но милиционеры на второй этаж поднимались уже подобрёвшие.

Они остановились у двери и снова сержант Квасов нажал на кнопку звонка.

Здесь была установлена старинная, сделанная из натурального дерева, высокая, массивная дверь. Современный кнопочный замок, даже как-то и не смотрелся в ней.

То ли звонок сам по себе звучал не громко, то ли толщина двери его сильно приглушала, но снаружи лишь один раз, еле-еле, послышался мелодичный перелив. Квасов, уже не прислушиваясь, нажал на кнопку несколько раз подряд. За дверью никто не реагировал.

- Ну что мы можем сделать? - не столько спрашивал, сколько рассуждал сержант, глядя на своего напарника - Дверь ломать, мы не имеем право, а открыть её... нам никто не открыл.

С этими словами он, скорее интуитивно, чем с какими-то намерениями, нажал вниз дверную ручку и одновременно толкнул её от себя. Дверь сразу же поддалась его легкому усилию, при этом послышался характерный скрежет металла и щелчок. Это говорило о том, что раньше, при нажатии на кнопку замка, для его закрытия, язычок не вошёл в соответствующее прямоугольное углубление, и дверь, практически, осталась не запертой.

Милиционеры посмотрели друг другу в глаза.

"Надо указать в протоколе..." - мелькнула мысль у сержанта Квасова.

- Эй, есть кто-нибудь? У вас здесь всё открыто... - сквозь образовавшуюся щель произнёс он в глубину квартиры. Потом снова повторил эту фразу, но уже громче и ещё шире приоткрыл дверь - Есть кто-нибудь дома! - наконец почти крикнул милиционер, прислушиваясь к тишине.

Вдруг, на какое-то мгновение, но очень явственно, то, что люди имевшие дело с оружием не перепутают никогда и не с чем, до их осознания донёсся лёгкий запах пороховых газов.

Сержант застыл всем телом и неподвижным взглядом смотрел в темноту за дверным проемом.

- Стой здесь - сквозь зубы процедил он напарнику и пальцем левой руки указал место, где надо стоять. Затем достал пистолет, передёрнул затвор и переступил порог. Там он снова остановился, достал из кармана фонарик и, шаря белым лучом по полу и стенам, пошёл дальше. Осторожно ступая, словно крадучись, он скрылся в темноте, а напарник остался у дверей, прислушиваясь к доносившимся еле уловимым звукам.

Сержант появился неожиданно, с испуганным видом, словно побывал в преисподней.

- Вызывай оперативников, там два трупа - вполголоса, с усилием сдерживая волнения, произнёс он.

6 часов, 21 минута того же дня.

Пятый километр трассы Шатузол - Риппоир.

- Соловьёв, да включи ты печку! Ноги мёрзнут.

- Ага... Потом Марковский спросит, куда бензин дел? По спидометру проехали десять километров, а топливо израсходовали на все сто.

- Ну, так что нам всем теперь околеть в этой машине?! Дурдом какой-то... Подняли в три часа ночи, оружие в "зубы", боевые патроны и в чистое поле. Война, что ли началась?

- Хуже. Проверка боевой готовности.

- Да убери ты от меня свой автомат! Прикладом в бок упёрся.

- Это не автомат, это подсумок.

- Значит, подсумок убери.

- Куда я его уберу? Он к ремню пристёгнут.

- Да заткнись ты, Мухин. Три часа всё ноешь и ноешь. Надоело. Как будто нам хорошо, а тебе одному плохо. Вон, машина с города едет. Иди лучше проверь.

- Ага, на холод вылезать... Вы, вообще, в курсе, что зима на улице?

- Мухин, я что-то непонятно сказал?

- Почему я?

- Товарищ сержант, это приказ!

- Иду уже, иду... Нормальные люди ещё спят... Бандиты спят... Одни менты, как придурки... Ночью, в чистом поле...

За полгода до произошедших событий

Гудвину пришла идея ограбить банк и он, по этому поводу, собрал у себя на даче братву.

Бахча и Шест приехали на полчаса раньше назначенного времени, Ферзь и Пол настолько же задерживались.

Мужчина всем своим видом напоминал арбуз. Особенно бросались в глаза его кругленький, хорошо выпирающий животик, круглая голова и полные бедра. Кличка у него была - "Бахча", что вполне соответствовало внешнему виду.

В уголовном мире, общаясь между собой, все обращались друг к другу по кличкам, или "погонялам", обычно полученным во время нахождения в местах лишения свободы. Даже люди, близко контактирующие между собой, могли не знать настоящих инициалов друг друга. Даже если они и знали их, то произносили очень редко.

Бахча бегал от клумбы к клумбе, на которых росли розы, и восхищение кричал - "Это всё ты вырастил?... И это тоже ты?...".

Хозяин дачи, по кличке Гудвин, стоял у мангала и колдовал над шашлыком. Он был среднего роста, полный, совершенно лысый, носил круглые очки в чёрной оправе, чем внешне сильно напоминал Берию.

- Я - отвечал он, не отрывая взгляда от своего занятия - И вообще, на этом участке всё сделано моими руками.

- Особняк, газоны, цветы, бассейн, да и сам участок в Тишкином Бору, где каждый второй или бывший министр, или полковник КГБ... За какие такие заслуги? Откуда деньги? Вот Шест - он указал пальцем на человека сидящего в гамаке - имеет ресторан, две забегаловки, и доход с района. Но у него дача в Клёнове. А ты всего лишь бухгалтер в фирме по изготовлению картонных упаковок. Или ты хочешь сказать, что получаешь больше директора?

- Я получаю больше директора - неохотно ответил Гудвин.

- Да "гонишь" ты... Главный бухгалтер, конечно, солидная должность, но что бы больше директора...

- Дело в том, что это моя фирма. Я её основал, я в неё вложил деньги... Свои деньги, свой первоначальный капитал. А директор, это просто должность в моей фирме, с обычным окладом. Но решаю там, всё я.

- А почему?

- А потому, чтоб ты знал, мне нельзя занимать руководящие должности. Ну, я и не занимаю.

- А он, ну, директор твой... тебя того... Не кинет?

- Кидать, надо уметь. Как кинуть меня, знаю только я. Он не успеет ещё подумать, а я уже буду знать.

- Откуда ты знаешь?

- Бахча, не задавай дурных вопросов. Я за это сидел. Как кого кинуть, где что украсть, никто не знает лучше меня. А эти знания стоят дорого.

- Ты хочешь сказать, что воруете?

- Нет, воруют другие, а я, всего лишь, их прикрываю. Но дело в том, что воровство у человека сидит в крови, так сказать - заложено на уровне инстинкта. В жизни, даже самый честный человек, когда-нибудь, что-нибудь, да и украл. Мой бывший начальник, когда я ещё работал на комбинате по производству щебня, Гаврила Семёнович, настолько был подвержен этой страсти, что если бы не я, то давно бы окончил жизнь на лесоповале, где-нибудь в районе Калымы. Он воровал безбожно и безобразно. Украдёт, к примеру, стройматериалы, а мне, на следующий день, говорит - спиши. А я думаю, как это сделать. Когда его отправили на пенсию, умер через полгода. Не стало возможности воровать, заболел и умер. Я тебе серьёзно говорю - тяга к воровству, это болезнь. Назначили нам нового директора, мужчину молодого, неопытного, но сообразительного. А я ему сразу и сказал, этак прямо в лоб, мол, знаю что, где и как можно украсть. Он - "Да как вы смеете, что вы себе позволяете, за кого вы меня принимаете..." И так далее. Ну а через полгода, с глазу на глаз, сам начал намекать: как бы это излишки вспомогательного сырья реализовать втихаря. Я ему подсказал. Он меня за это вознаграждал. До сих пор пользуется моими советами. Главное - не бросаться в крайность.

- А как же ревизия?

- Да никак. Ревизоры - обычные люди. Нормальный человек искать себе работу не станет. А что бы вскрыть хорошо замаскированное воровство, надо ой как потрудиться. Им это надо? Им главное, что бы по бумагам всё сходилось. Конечно, если им дают указание вскрыть, они даже на честного человека наруют такого, что тот без балды залетит на червонец.

- Да ты хитрец, Гудвин.

- Гудвин не хитрец, Гудвин мудрец. Это ты хитришь с "левыми" автомобилями.

- А что у меня не так?

- Да всё у тебя не так. Но имей в виду - если с "Жигулями" и "Москвичами" у тебя всё более-менее сходит с рук, то с иномарками это не сработает. К иномаркам другие требования. Ты на них погоришь. Вспомнишь потом Гудвина. А про твою бухгалтерию я и говорить не хочу. От неё за километр "шманит" лесоповалом на Студёных Сопках. Нельзя так. Это же твоё прикрытие, там должно быть всё идеально.

- Я же тебя просил разобраться, а ты мне цену задрал.

- Бахча, хороший специалист стоит дорого. Спроси у Шеста. У него солидный ресторанный бизнес.

Мужчина в гамаке по кличке "Шест", раскачивался и курил. Он действительно внешне был похож на шест: высокий, худой, с вытянутым лицом. Но такую кличку он получил не за внешность. Фамилия его была Девятков. В тюрьме стали звать "Девятка". Однажды заключенные тачками перевозили щебёнку. Он споткнулся и упал.

- Смотрите, "Девятка" перевернулась - съезвил какой-то "зек".

- А перевернутая девятка, это шестёрка - добавил второй.

Но Девятков не был "шестёркой" по меркам уголовного мира и, что бы ни путать понятия, его стали звать Шестак. Со временем кличка подсократилась и осталось от неё только Шест.

- За неделю до составления отчёта - начал Шест, затягиваясь сигаретой и сплёвывая в сторону - я своего бухгалтера вывожу из запоя. При чём, за свои деньги - он помахал перед лицом горячей сигаретой, зажатой в двух пальцах - Неделю он составляет отчёт, я ему плачу, и он опять уходит в запой. А официально - он каждый день ходит на работу, я ему в табеле ставлю восемь часов.

- Ну, вот... - сказал Гудвин - А почему нового не хочешь взять?

Шест безнадежно махнул рукой.

- Во-первых - где? А во-вторых - они не стоят тех денег, которые просят. К тому же - их специфике надо обучать - сказал он.

- Вот - Гудвин ткнул пальцем в сторону Бахчи - Специфике обходить закон.

- Да куда там обходить. Хотя бы в рамки вписываться – поправил его Шест.

В это время у решётчатых ворот остановился чёрный «Мерседес».

Гудвин нажал кнопку пульта и ворота плавно сдвинулась в сторону.

Из «Мерседеса» вышли двое уже не молодых мужчин, возрастом, где-то в районе пятидесяти пяти лет. Внешность одного из них указывала на то, что это чиновник, и, может быть даже, высокого ранга. Создавалось впечатление, что он прибыл сюда прямо с какого-то совещания, потому что одет был в строгий чёрный костюм, такого же цвета галстук и белую рубашку. Его высокий рост и объёмный, почти цилиндрической формы торс, только придавали мужчине солидности. Второй, также был высокого роста, но, в отличие от своего товарища, поджарый и широкоплечий. И именно ширина плечей говорила о его физической мощи. На них так и просились погоны, а на широкую грудь - ордена и медали. Но он никогда не был военным и теперь, в чёрном костюме, светлой, клетчатой рубашке без галстука, не походил даже на мелкого чиновника. Так, хорошо одетый мужчина. Его седая голова была аккуратно подстрижена. Кожа на лице смуглая, глаза большие. Белки глаз резко контрастировали со смуглой кожей, и гармонировали с сединой. Неподвижный взгляд его светло-серых глаз, при чуть опущенных веках, казалось, пронизывал человека насквозь. От этого взгляда, внутри всё холодно и замирало, хотелось тут же признаться во всех своих тяжких.

Если первого человека условно можно было назвать "уставший добряк", то второй был, как бы, всё время чем-то недоволен. Но при этом различия объединяла их походка - свободная, властная, можно даже сказать - царственная. И дело не в том, что они были возрастом старше всех здесь присутствующих, как минимум, лет на десять. Всё дело в их высоком, можно даже сказать - исключительном статусе, который они занимали в своём окружении.

- О, Ферзь, Пол... Давненько я вас не видел - говорил Гудвин, подходя к гостям и расплываясь в широкой улыбке.

Остальные так же последовали за ним и приветствовали друг друга пожатием рук.

После этого хозяин закрыл ворота и пригласил всех в беседку.

Однако прежде чем туда отправиться, Ферзь обратился к Шесту с вопросом - "Что с Клином?".

Было заметно, что последний занервничал и стал отвечать как школьник, не знающий урока.

- Ай... Ну... По морде съездил одному "козлу"... Да тот сам виноват: бухнул и полез права качать. Схватил Клина за груди... Ну, тот и ответил...

- У этого "козла" брат в прокуратуре работает. Дело шьют - откат, рецидив... Срок не хилый светит. А почему он у тебя на зале работал? Ты же его грузчиком брал?

- Так на зал некого было поставить. Ну, а Клин, мужик видный, представительный...

Ферзь недовольно дёрнул головой.

- Это подстава, со всеми последствиями. По твоей милости он пойдёт по этапу. Секёшь? - сказал он и, не дождавшись ответа, пошёл дальше.

Архитектурное исполнение беседки напоминало старинный стиль: четыре колонны, цилиндрической формы, заканчивающиеся сверху изразцами, поддерживали куполообразную крышу с настоящей черепицы. Все стороны беседки, имели арочную форму. И хотя снаружи это строение казалось небольшим, внутри было свободно. Здесь располагался шестигранный дубовый стол, а вокруг, возле каждой грани, стояли удобные плетёные стулья, широкие, с высокими спинками и закруглёнными подлокотниками.

Гости свободно расположились за столом и, поскольку хозяин уже подал шашлык, стали разливать по рюмкам спиртное. Здесь не было изысканных блюд, всё по-простому - выпивка, в виде

обычной, но хорошей водки, и закуска - шашлык, хлеб, кетчуп, да большая миска овощей посреди стола.

- Очень вкусное мясо - сказал Ферзь, после того как выпили за встречу.

- Всё дело в маринаде - с гордостью ответил Гудвин.

- Ты сам готовишь маринад?

- Ну а кто же?

- А чего ты себе бабу не заведёшь? - громко чавкая, спросил Бахча.

- Зачем? - страдальчески скривив губы, вопросом на вопрос, ответил хозяин - Я даже собаку не хочу заводить. Я почти весь день на работе, она будет скучать. Зачем мучать животное?

- А как же секс? - не унимался Бахча.

- Для этого у меня есть резиновая баба. Силикон в точности повторяет все формы женского тела. При чём - красивые формы. Она у меня, кстати, с подогревом, так что ощущение ничуть не хуже, чем от настоящего человека.

Такой смелый ответ шокировал присутствующих: Бахча от удивления, замер с открытым ртом, из которого торчала веточка петрушки.

- Серьёзно? - наконец спросил он.

- Вполне - глядя ему в лицо, ответил Гудвин - Есть такой анекдот: мужик говорит мужику - пойду, отнесу цветы своей бабе. Второй ему отвечает - «Так это же искусственные цветы». А тот - «Так у меня и баба резиновая».

Бахча разразился громким смехом, но бросив взгляд на товарищей, резко прекратил, потому, как никто его не поддержал.

- А почему ты мне не сказал? Я бы тебе первоклассных девок доставил - на полном серьёзе произнёс Шест.

- Не хочу - ответил Гудвин - Во-первых - мы будем разного возраста. Это говорит о том, что у нас будет разное мировоззрение и физические данные. И вряд ли у нас найдётся что-то общее. К тому же, это живые люди, у каждой свой характер, свой нрав, свои привычки. А резиновая баба - предмет неодушевлённый. Ей пофиг, как у меня стоит и стоит ли вообще. Она не воротит нос от того, что у меня воняет изо рта. Под её не надо подстраиваться, угождать. Её засуну под кровать и совесть твоя чиста.

- Ну, это ты зря, Гудвин. Они бы всё сделали по высшему классу и никто бы ничего не сказал - возразил Шест.

- А мне не надо ничего говорить. Я людей вижу насквозь и знаю, что они думают.

- Ты был женат? - спросил Ферзь.

- Нет.

- Ты девственник?

Явно издевательский вопрос Бахчи, Ферзь прихлопнул громким окриком - "Заткнись!"

- Нет - всё также спокойно ответил Гудвин - У меня всё было как у всех: детство, юность, довольно бурная молодость. В своё время, я даже пожалел свои молодые годы, и не стал обременять себя брачными узами, хотя об этом жалею теперь. Ведь тогда, всё могло бы сложиться по-другому: не было бы промбазы, приписок, хищения, подлога, отсидки. И я бы был совершенно другим человеком, и всё бы теперь было по-другому.

- Ну, ладно - прервал его исповедь Ферзь - в прошлом ты был голодранцем непутёвым, но теперь-то ты состоятельный мужчина.

- Вот если бы кто-нибудь полюбил голодранца непутёвого, искренне полюбил, то я бы сразу женился и без раздумий отдал ей всё своё состояние. Но они ведь любят только моё состояние. Я ездил по санаториям, по курортам... Нельзя сказать, что там не было выбора. Но... Но кому нравился я, те не нравились мне. А кто нравился мне, тем не нравился я. Такое вот несовпадение. Конечно, можно было козырнуть состоянием, и те, кто мне нравился, на это бы клюнули... Но мне нужна

искренность... А так - не хочу... - Гудвин вдруг задумался, помолчал и, осмотревшись вокруг, добавил - Я всё это описал на детский дом инвалидов. Если вдруг "отдам концы" то...

- А почему не на наш "общак"? - басом перебил его Бахча.

- А может ты подскажешь расчетный счёт? - наклоняясь к нему, вопросом на вопрос ответил Гудвин.

В следующее мгновение он выпрямился и снова задумался.

- "Общак" существует, пока существуем мы. А не станет нас - неизвестно чем всё кончиться. Ведь молодёжь традиции не соблюдает. Вспомните, что случилось два года назад в Златокольске. Там братва из-за "общака" глотки друг другу перерезали. Тот, кто займёт наше место, тот пусть создаёт и "общак". Я так считаю.

- А, кстати, насчёт "общака"... - вдруг деловым тоном заговорил Бахча и повернулся в сторону Ферзь - Тут недавно пацанчик "откинулся", может ему накрошим что-нибудь?

- Что за пацанчик? Откуда откинулся? - спросил Ферзь.

- С Тумановки

- Здешний?

- Нет... С Карда-Юза.

- Здесь осесть хочет?

- Ну, если поможем...

- За что "торчал"? - поинтересовался Шест.

- По 158 статье.

- Домушник?

- По автомобилям... Магнитолы...

- Сколько "тянул"?

- Два года.

Ферзь небрежно махнул рукой и стал смотреть в сторону.

Вдруг, глядя на свои колени, заговорил Гудвин.

- У нас на зонах, в общей сложности, восемь человек. Трое "откидываются" в этом году, один в следующем. Я уже не говорю о возможной амнистии. Это наши люди, это достойные люди и встретить их надо достойно. А в "общаке" у нас, не так уж и "кучеряво" - сказал он, и, немного подумав, добавил - Тем боле, что чувак залётный.

Ферзь, глядя на Бахчу, указал рукой на Гудвина, мол, вот тебе и ответ. Вдруг он перевел взгляд на хозяина, и, уже с какой-то строгостью, спросил - "Надеюсь, мы не за этим здесь собрались?"

- Нет, конечно... - Гудвин откинулся на спинку кресла, снял очки и начал протирать их уголком рубашки, одновременно прокашливаясь, словно перед выступлением - Я хочу вам рассказать одну историю - начал он, снова одел очки и продолжал, неподвижно уставившись на тарелку перед собой - Как-то на прошлой неделе, ехал я по проспекту и попал в пробку на Каменном переулке. Застопорились мы напротив сберкассы. И тут я вспоминаю, что недавно был перерасчёт и теперь надо доплатить за недвижимость. Рассчитался с таксистом, вылез из автомобиля и пошёл в сберкассу.

Гудвин вдруг замолчал, по-прежнему задумчиво глядя в пустоту и слегка покусывая губы.

- Ну, оплатил? - не выдержал этого молчания Бахча.

Гудвин кивнул, потом снова снял очки и, держа их перед собой, мечтательно глядя вверх, вполголоса произнёс - "И вспомнилось мне, как где-то пятнадцать лет назад, пятеро отчаянных пацанов, среди которых был и ваш покорный слуга, "взяли" точно такую же сберкассу в городе Ягель".

Все четверо сидящих за столом вдруг замерли, перестали жевать и уставились на рассказчика.

- Ты это, о чем? - спросил Ферзь, грозно глядя исподлобья.

- Я это к тому, что здесь точно такая же сберкасса: точно такое же помещение, стандартный проект пятидесятых, точно так же расположены комнаты, даже сигнализация точно такая же.

- Лажа это - бесцеремонно высказал своё мнение Шест, после чего откинулся на спинку стула и закурил - Сравнил - пятнадцать лет назад... Сигнализация не может быть точно такой же. За это время всё изменилось и особенно, что касается безопасности. Я, сидя у себя в кабинете, могу одновременно наблюдать за всем, что творится в ресторане и вокруг. Зал, кухня, коридоры, подсобки... Скажу честно - даже в туалете есть скрытые камеры. Нет, ну а что?... Я за всё отвечаю и должен знать всё. А в банках, я уверен, сигнал в реальном времени идёт прямо в райотдел. Ты только припаркуешься, а в ментовке за этим уже будут наблюдать.

По-видимому, Гудвин был готов к такому возражению, потому что стал отвечать сразу - "Согласен. Но здесь случай особый. Это один из филиалов банка, обслуживающих завод шлифовальных станков, и его, в ближайшем будущем, собираются переносить в новое здание, что возле военной академии. Поэтому там техническое оснащение системы безопасности, да и всё техническое оснащение в целом, мягко говоря, далеки от совершенства. Ну и это понятно: зачем вкладывать деньги в то, что в будущем будет ликвидироваться? Взять хотя бы камеры видеонаблюдения. Они настолько устарели, что годятся только для музея. Нет, они, конечно, работают, всё фиксируют, но, я уверен, что в райотдел сигнал не передаётся, по причине его низкого качества. Ну не способна эта аппаратура выдать хорошее изображение. А муть им зачем? Но я не говорю, что на деле всё легко и просто. Я говорю, что мне это знакомо и что есть шанс. Пока что есть. Однако из этого не следует, что уже завтра мы должны взять пушки и ломануться в банк. Во-первых - мы уже не молоды, во-вторых - мы "обросли", "забурели", да и в деньгах, практически, не нуждаемся. Это даже не дело престижа, это, скорее всего, просто случайное стечение обстоятельств. И не более. В общем - такие вот дела. Решайте - следует жевать дальше, или выплюнуть и забыть.

- А сколько там бабла? - спросил Бахча.

- Последние три месяца завод работал на границу. По-видимому, им неплохо заплатили, если наличку сбросили на филиал. Сколько - не знаю даже приблизительно. Но думаю, что кусок жирный. Через неделю на заводе начнут выплачивать зарплату и премию. Сначала, как обычно, литейщикам, ну а потом и остальным. И тогда уже всё, будет поздно. Точнее - не будет смысла.

Гудвин обвёл взглядом присутствующих, затем открыл новую бутылку водки и стал наливать в рюмки. Всё молча наблюдали за его действиями.

Ферзь шумно, со стоном вздохнул, откинулся на спинку стула. Он внимательно смотрел на хозяина и, не отрывая от него взгляда, задал вопрос Полу, сидящему рядом - "Ты помнишь, чтобы Гудвин когда-нибудь попусту гнал пургу?".

Пол молча покачал головой.

- Ну, вот и я не припомню - Ферзь, в глубоком раздумье сделал небольшую паузу - Может, следует прикинуть вариант?

Был тихий, ясный, солнечный день в начале лета и время до полудня. Возле сбербанка, что по Каменному переулку, остановился серый, ничем не примечательный микроавтобус марки «Мерседес». Из него вышло пятеро мужчин, одетые в одинаковые рабочие костюмы, состоящие из курток и комбинезонов, со светоотражающей полосой ниже колен. Головные уборы у них тоже были одинаковые – тёмно-синие, как и костюмы, бейсболки, с ровными и прямыми козырьками. В общем – обычная, ничем ни примечательная, бригада ремонтников. Лишь только вблизи и присмотревшись можно было заметить определённую странность в их внешности: почему-то у всех

одинаковые очки, в чёрной оправе, одинаковые пышные усы, крупные клювообразные носы, при этом одинаковой формы и цвета. Один из мужчин держал в руке чёрный дипломат, остальные же были налегке.

Каменный переулок представлял собой довольно узкую улочку длиной полтора километра, которая связывала между собой два оживлённых проспекта. В начале, на протяжении пятисот метров, он был заключён между высокими заборами. Один принадлежал молочному комбинату, второй – троллейбусному депо. В одном заборе имелись пожарные ворота, в другом – дополнительная проходная, используемая для технических нужд. Когда-то эта проходная была основной, а переулок, по той же причине, оживлённым. Тогда и сберкасса в двухэтажном здании, к которому примыкал забор молочного комбината, была кстати. Со временем сберкассы переименовали в банки, образовались новые и стали строить себе современные здания. Банк в Каменном переулке оказался не рентабельным, и его переезд являлся делом времени, что по разным причинам тянулось уже не один год.

Выйдя из «Мерседеса», люди остановились, осмотрелись, и неспешно пошли к входным дверям сбербанка.

Разработанная операция представляла из себя последовательность этапов, состоящих из определённой очередности, которая должна было строго соблюдаться. Если хотя бы один этап, даже конечный, срывался, то грабители готовы были свернуть всю операцию.

Первый этап заключался в нейтрализации охраны, которая располагалась при входе в небольшом помещении, с окном из пуленепробиваемого стекла, выходящим в вестибюль. Планировалось через небольшую фрамугу это окна, угрожая оружием, заставить милиционера открыть двери к себе в комнату. В случае неповиновения, предполагалось даже его физическое устранение. Однако, ничего подобного не произошло, потому как охранник сидел за столом, распахнув свои двери настежь, и увлечённо разгадывал кроссворд.

Когда главный вход в банк был заблокирован специальным устройством, вывешена табличка - "Технический перерыв", милиционер разоружён и скован собственными наручниками, предполагалось согнать "куриц" с тревожных кнопок.

Этот этап состоял из двух частей: три человека занимались кассами, а Гудвин и Бахча должны были заблокировать чёрный ход, собрать людей из подсобных помещений и загнать их в зал.

Путь к чёрному ходу проходил через узкий коридорчик. Оказавшись там, Гудвин сразу обратил внимание - двери электроштитовой открыты.

Там работали два электрика: один распутывал провод, второй ковырялся в сигнализационном шкафу.

- А что это вы делаете? - удивленно спросил Гудвин.

- Пускатель на АВРе меняем - не оборачиваясь, проговорил мужчина в шкаф.

- Так получается, что вы два ввода на сигнализацию отключили? - продолжал удивляться Гудвин, осмотрев оборудование.

- Ну да - ответили ему.

- А аккумулятор, бесперебойник?

- И бесперебойник тоже.

- Так что... с райотделом связи нет?

- Ну, пока что, нет...

- А вы, хотя бы, с ними согласовали? - строго спросил Гудвин и, получив утвердительный ответ, какое-то время стоял с открытым ртом. Затем он тихо рассмеялся, переглянулся с Бахчой и, махая перед собой обрезом из охотничьего ружья, проговорил – Тогда идите в зал и ложитесь на пол. Это ограбление. Ну, давайте быстрее! Нам же некогда, мы торопимся.

В планах, на всю операцию с учётом "сбежавшего вызова", давалось пять минут. Максимум - десять, но это с большим риском. Стоял ещё свой "маяк", однако, после его сигнала, надо было без оглядки уносить ноги. Теперь же, надёжные пол часа, являлись для грабителей подарком судьбы.

Денежное хранилище представляло из себя глухую комнату с принудительной вентиляцией. Там находился стальной толстостенный сейф, тяжёлый как танк, надёжно защищающий своё содержимое от попыток взлома и огня.

Перед хранилищем имелось ещё одно помещение с двумя узкими зарешётчатыми снаружи окнами. Здесь стояли три письменных стола с разнообразными канцелярскими принадлежностями.

Самое трудное предстояло «провернуть» с ключами. Сейф закрывался на три разных замка и ключи от них находились у разных людей. Если не хватало одного ключа, то шансов открыть двери не было. Это прекрасно понимали грабители и даже просчитали такой вариант. Здесь самое главное - убедиться что ключа, здесь и сейчас, действительно нет. Для этого планировалось вложить в "просьбы" весь талант и актёрское мастерство. Но без фанатизма. "Макруху", кроме мента, они не планировали.

В комнате перед хранилищем, за столом, сидели три женщины, и спокойно пили кофе. При появлении грабителей одна из них так и застыла с чашечкой в руке.

Грабители не проронили ни слова, потому что сразу заметили открытую дверь, ведущую в хранилище, где находился сейф. Более того, отсюда было видно, что дверь сейфа также находилась в открытом состоянии, при чём - настезь.

Здесь дело в том, что у старшего кассира была аллергия на типографскую краску, и по просьбе женщины, вопреки инструкции, уже несколько дней подряд, таким образом, проветривалась наличка.

Всё что так удачно начиналось, не могло продолжаться долго. Когда уже сумка до отказа была набита купюрами, когда все работники и посетители были заперты в хранилище, когда уже грабители собрались уходить, случилось непредвиденное: оказалось, что снаружи, у входных дверей стояли три милиционера. Они, по-видимому, пришли сюда по каким-то личным делам, никуда не торопились и, при хорошей погоде, готовы были стоять здесь покуда закончиться перерыв.

- Надо было писать - "По техническим причинам банк не будет работать весь день" – сказал Шест – А что теперь, ждать покуда они слинянут, или «мочить»?

- Подожди ты - "мочить" – задумчиво произнёс Гудвин - Надо их впустить.

Немного поразмыслив, он вошёл в комнату, где находились заложники, и, вскоре, вывел оттуда молодую девушку, работницу этого банка.

- Будишь вести себя тихо и делать всё как я скажу – ничего с тобой не случится. Поняла? – говорил он ей и одновременно, как бы, между прочим, махал перед лицом охотничьим обрезом.

Это была высокая, стройная, красивая девушка, одетая в фирменный костюм, состоящий из коричневой юбки, голубого пиджака, ослепительно белой рубашки и тонкого чёрного галстука.

От страха девушку колотило. Она смотрела по сторонам большими перепуганными глазами, не понимая, чего от неё хотят.

- Ты сейчас подойдёшь к двери, откроешь её, впустишь милиционеров - спокойным, каким-то даже воркующим голосом, говорил Гудвин - Поняла?

Та несколько раз кивнул головой.

- Спокойно, никто не сделает тебе ничего плохого. Я обещаю. Но если не будешь меня слушать, и что-то сделаешь не так, мне придётся тебя застрелить. Я не хочу тебя убивать. И ты этого не хочешь. Так что успокойся, улыбнись. Надо же помочь бедным налётчикам.

Уговоры, действительно, подействовали на девушку: она успокоилась и послушно, лишь слегка подталкиваемая ладонью в спину, пошла в указанном направлении.

Гудвин спрятался за створкой двери и вошедшие милиционеры его не заметили.

Как только они оказались внутри помещения, грабители направили на них оружие.

- Руки! На пол! Лежать! - кричали им со всех сторон.

Милиционеры были явно обескуражены и, по этой же причине, никто из них не выполнял поданных команд. Они удивленно и растерянно смотрели по сторонам, принимая всё происходящее за шутку или розыгрыш.

Вдруг Пол, до этого ни проронивший ни слова, выстрелил в лицо, стоящему перед ним человеку. Пуля попала тому между глаз.

Парень резко дёрнул головой и стал пятиться назад. Сделав несколько шагов, он спиной наткнулся на девушку и, в падении, увлёк её за собой. Струя крови из пулевого отверстия небольшим фонтанчиком хлынула наружу и попала девушке на живот.

Милиционер, в предсмертных судорогах, задёргал ногами, а девушка в это время, заскользила каблуками по плиточному полу, пытаясь выбраться из-под навалившегося на её тела.

То ли от увиденной вблизи смерти, то ли от вида крови, с ней случилась истерика. Она истошно завопила, потом начала пронзительно пищать, махать перед собой руками, словно отталкивала от себя кого-то невидимого.

Пол сделал к ней шаг и, наставив в лицо пистолет, злобно пробасил - "Заткнись сука".

Гудвин подскочил к девушке сзади и зажал рот рукой.

- Тише... тише... тише... - шептал он, придвинув лицо к самому уху.

Со временем, он стал медленно опускать ладонь.

Девушка уже не кричала, её рот был открыт, глаза бессмысленно смотрели на Пола.

Милиционеры, после убийства товарища, сразу же выполнили все команды грабителей. Их обыскали, отобрали мобильники, связали, потом подняли и, вместе с девушкой, заперли в глухой комнате, с остальными работниками банка. Потом налётчички спокойно вышли из здания, сели в машину и уехали.

Обычный, серый «Мерседес» ничем не отличался в потоке машин, движущихся по улицам города. Правда, иногда он резко срывался с места, и тогда, человек по кличке «Ферзь», властно командовал – «Не гони... Там знак сорок».

Приблизительно через полчаса, этот «Мерседес», выехал за черту города, свернул в лесной массив и проехал ещё километров пять. Вышедшие из него люди, выглядели уже совершенно по-другому. Пятеро мужчин, в высоких резиновых сапогах, штормовках, защитного цвета, с капюшонами, головных уборах, в виде летних кепок, разных цветов и фасонов. Каждый из них держал в руке спиннинг и у каждого через плечо был перекинут вещмешок. Они спустились к реке, прошли вдоль берега, через густые заросли кустарника, и дальше, лесной тропинкой, вышли к станции.

Через пятнадцать минут сюда прибыла электричка, и они в неё сели.

А на станции «Тишкин Бор» также никто не обратил внимания на обычных рыбаков, которые появились на перроне, и дальше, не спеша проследовали в сторону дач.

По кругу шла уже пятая бутылка водки...

Пятеро человек стояли у передвижного мангала, представлявшего из себя паровозную топку на колёсах, и молча смотрели за бушующим в ней пламенем. Сжигались свёртки с одеждой, в которой совершалось преступление.

- Много пластмассы. Вониче будет на всю округу – сказал Шест.

Гудвин только махнул рукой – сколько здесь жгут этой пластмассы....

- Ребята, а почему вы не едите жареного карася? - засуетился он вдруг - Я специально купил, что бы всё выглядела естественно. Мы, всё же, приехали с рыбалки.

Действительно, в самом начале, как только они разожгли мангал, хозяин довольно быстро на двух решётчатых протвениях поджарил, заранее приготовленную, рыбу. Он поставил её на столе, в беседке, но к ней так никто и не притронулся.

- Потом, потом... - сказал Ферзь - Сначала основное.

- Так уже последний пакет - Гудвин повернул кочергой внутри мангала - Завтра выгребу золу, отнесу на речку и выброшу.

- Сегодня... - глухим, но твёрдым голосом пробасил Ферзь - Сегодня отнесём и выбросим.

Как только догорел последний пакет, пепелище залили водой, выгребли золу.

- Надо бабло закрыть в доме - произнёс Гудвин, указывая кивком головы на чёрную сумку с блестящей застёжкой.

- Нет! Бабло берём с собой! - грозно возразил Бахча.

Ферзь внимательно посмотрел на него, на мгновение задумался, и, с какой-то хитрецей, проговорил - "Ну, бери...".

- Я? - удивленно спросил Бахча - Вы доверяете мне все деньги?

- Конечно. Мы даже будем гордиться, что ты их несёшь.

Здесь уже явно проступала ирония, и Бахча, вскоре, понял почему - сумка была далеко не лёгкая.

Через какое-то время вся компания не спеша двинулась в сторону реки. Они вели себя так, словно не было никакого ограбления, никакого убийства. Говорили на совершенно посторонние темы, смеялись, шутили. По их внешнему виду и поведению, никто бы и не предположил, что это шайка дерзких бандитов. Обычные люди на отдыхе, которые после застолья вышли к реке проветриться, и вместе с тем, чтобы не терять нить удовольствия, взяли с собой целую сумку выпивки.

Потом, какое-то время, они все пятеро стояли на берегу и молча смотрели, как течение уносило тёмное пятно, не успевших ещё утонуть, пепельных остатков.

- Вот и концы в воду, в самом прямом смысле - с какой-то даже грустью в голосе произнёс Гудвин.

Они той же неторопливой походкой вернулись обратно, заперли ворота и вошли в дом.

Посреди большой комнаты стоял круглый стол и пять мягких кресел.

Гудвин высыпал содержимое сумки на клеёнчатую скатерть. Напротив него сел Ферзь и рядом - Шест. Пол расположился на диване, стоящим у стены. Раскинул руки в стороны, положил голову на спинку и вытянул ноги, он, таким образом, снимал напряжение в теле.

Бахча зашёл в дом последним, держа под мышкой бутылку водки и две в руке. В другой руке находились стаканы.

- Господа, мне только что позвонили и я хочу сообщить, что известного вам "Мерседеса" как автомобиля, уже не существует в природе. Он запчастями разъехался в разные стороны - гордо объявил он, и стал мотаться по комнате, с целью куда-нибудь пристроить ношу - А вот рыбу сожрали вороны. Я видел, как одна улепётывала с карасём в клюве.

- Куда ты ставишь на подоконник! - крикнул на него Гудвин - Возле телевизора ставь. И поправь шторы! Дырка светиться.

Бахча сел рядом с Полом, но усидеть на месте не мог. Он то откидывался на спинку дивана, то сдвигался к краю, то поворачивался боком. И всё это время непрерывно стучал по полу каблуком.

Наконец Гудвин облегчённо вздохнул, выпрямился и, сцепив пальцы в замок, вытянул руки ладони вперёд.

- Ну вот - сказал он - В общем-то, на брата вышла по пятьдесят восемь штук. Но... Но есть одно обстоятельство. Вот эту часть - он указал рукой на внушительную стопку денежных купюр, лежащих почти на самом краю стола - надо "отмывать". Это новые, "неезженные" банкноты. Мы на них в миг "спалимся". Даже после пяти лет "отстоя", им опасно давать ход. Вообще, "отстаивать

краплёное бабло", я считаю "гнилым" делом. Лучше "отмывать". Короче, теперь на брата "налом" - по десять штук.

- Что?! - возмутился Бахча - Я рисковал жизнью за десять штук?

И тут Пол взорвался.

Казалось, на какое-то время у него руки и ноги взлетели вверх. Потом всё это опустилось, и тело сложилось уже в совершенно другой позе. Теперь, сидя на диване, Пол левой рукой держал Бахчу за воротник, а правой, наставлял ему между глаз пистолет.

- Вот только вякни мне ещё что-нибудь... - сквозь зубы процедил он.

Все присутствующие повскакивали с мест. "Пол! Пол! Пол!... Пол остановись... Спокойно... Тихо... Опустить ствол..." – кричали они. Ферзь подошёл почти вплотную к нему и, занеся ладонь над оружием, медленно направил ствол в сторону.

Но в это время Пол сам всё прекратил: отпустил Бахчу, поставил пистолет на предохранитель и плавным движением спрятал его у себя за спиной.

Бахча, как обречённая жертва, по воле случая, вырвавшаяся из цепких лап хищника, начал метаться по комнате с криками - "Я ничего... я ничего... я ничего". Остановившись в самом дальнем углу, срывая голос, стал кричать - "Чего он ко мне?... Чего?... Что я такого сделал?".

- Ты ничего не сделал - отвечал ему Ферзь - Просто, если нас "заметут", то ты получишь "срок", а он - "вышку".

Шест подал Полу полный стакан водки.

- Выпей - сказал Ферзь - выпей и успокойся.

Пол залпом опустошил стакан, после чего, на какое-то время, крепко сжал зубы и закрыл глаза. От закуски отказался.

- Значит так - властно произнёс Ферзь, обращаясь ко всем присутствующим - каждый берёт свою "чистую" долю и сваливает. Но ходу ей не давать! Я скажу, когда можно будет. Краплёную часть, пока что, положим к общаку. Всё понятно?

Гудвин предложил Полу остаться ночевать, но Ферзь отказался за него.

- Я отвезу. Сейчас приедут мои люди.

Они сидели в мягких креслах на самом последнем ряду микроавтобуса и, чтобы не слышал водитель, разговаривали вполголоса.

Пол закрыл глаза, запрокинул голову на спинку сидения, а Ферзь говорил, задумчиво глядя в окно.

- Это было кажется, около двадцати лет назад, на северной окраине города Южар. Мы там устроили сходку, а менты на нас - облаву.

Мы через чердак выскочили на улицу и метнулись врассыпную.

Я махнул через канавы, буреломом... И вдруг, на пути у меня, буквально на расстоянии вытянутой руки, вырастает мент... Молоденький такой парнишка, лет двадцать, двадцать пять. Я ему тут же "пику" под ребро... Это вышло даже как-то машинально, неосознанно. Такая защитная реакция, что ли... Я никогда не забуду его удивлённый взгляд... Ни страх, ни боль, а вот именно удивление... И я, вдруг, понял все его мысли: он шёл в ментовку, представлял себя бравым чуваком, героем, блюстителем закона, щемящим нарушителей налево и направо. Он, наверно, никогда не думал, что может быть наоборот, что его могут убить. Ему ведь должны были сказать, да и говорили, я думаю, что поймать преступника, это не то же самое, что поймать бабочку, прихлопнув её ладошкой. Преступник, это хищник и если его загоняют в угол, то он очень опасен.

Ты знаешь, во мне до сих пор сидит что-то такое... как заноза в душе... А поначалу я даже спать не мог. Хотя, казалось бы - замочил мента... Что там такого? Это даже престижно в нашей среде... Но рубец на сердце остался.

Он какое-то время помолчал, потом заговорил снова.

- После института я работал в стройтресте прорабом. Ты представляешь, Пол, что такое прораб на стройке? Специфика этой работы такова - можно любого, не глядя, сажать за

хищение и растрату материала. Не знаю, как и где, а в этой отрасли, бардак был, наверно, всегда. Это знают все и даже ОБХСники.

Когда приехали с проверкой, я не испугался, и даже не удивился. Но потом, ко мне, вдруг, является один паренёк, где-то моего возраста, статный, симпатичный. Предложил, ознакомится с заключением комиссии. Потом, вдруг, намекает, мол, может сделать так, что они закроют глаза на хищения и растраты, если я окажусь одной услугой...

В институте я учился с Блохиным. Дружбы у нас особой не было, просто знакомство. Так вот, этот Блохин связался с наркотой. Наркота - дело опасное, там работают с большой осторожностью. Прямые контакты исключены, никто никого не знает, везде коды и пароли. Вскрыть такую систему, практически, невозможно, и горят там, в основном, на новых клиентах.

Мне этот паренёк, точнее - "следак", предложил засветить Блохина. В противном случае - моё дело о растратах, пойдёт в суд. А у меня семья. Я согласился.

Поначалу мне казалось, что затея не сработает. Однако, вижу - дело наклеивается, наживка проходит.

Этот Блохин, по натуре, был фраер, любил рисоваться. На "дуре" деньги приличные, он пальцы веером, про коттедж стал втирать, крутую тачку. В общем, повёлся на дозу, сговорились о стрелке.

Я откатил в последний момент. Нет, не то чтобы сдрейфил, а просто подумал, что менты, как только получают своё, меня крыть не будут и даже не вспомнят. Братва меня, в любом случае порешит, будь то на воле или на зоне. А тут ещё уязвимое место - семья... Никак не увернёшься.

И вот десять лет с конфискацией, мне накрутили десять лет... За растрату, в которой я, практически, не виноват, за хищения, в которых я не участвовал... Десять лет, Пол, понимаешь? На полную катушку, ещё и доточили. Нет, я, конечно, не святой. Мне тоже кое-что перепало. Но не до такой же степени, чтобы на червонец. А они всё раскопали, в каждую мелочь носом тыкали. Целый консилиум собрали: ходили по объектам, меряли объёмы, считали. Даже самосвал с раствором "подняли"... Тогда, утром, привезли машину, а после обеда - вторую. Я говорю, что вторую не заказывал. А водитель, мол, ничего не знаю, вот путёвка. Я звоню в управление. Они там между собой перетёрли и говорят - "У тебя стройка в начальной стадии, похорони его. Не везти же обратно". Я сначала упирался, но они вышли на начальника участка. Ну, и что я мог сделать? Раз начальство сказала, значит надо выполнять. Или когда проектировщики накосячили... Мы площадку забетонировали, а оказалось, что большая, надо меньше. Этот бетон подняли отбойниками и тоже в землю зарыли... Ну а документы: накладные, путёвки и прочее, я в землю не зарою. Следак спрашивает - где все эти материалы? Я говорю, как было, он не верит... А прокурор и судья, тем более не поверили. И ни одна сука из наших не заступилась... Все молча прикрывали свои задницы. Даже те, кто мне напрямую приказывал, умыли руки.

Откинулся я уже в солидном возрасте. В перспективе - всё по полям. Ни работы, ни семьи, ни дома. Единственное - авторитет среди "урок". Ты же знаешь - на зоне уважают тех, кто не повёлся у ментов. И решил я пойти по этой дорожке. Потом сочинил маляву, изобразил новые документы. Так я похоронил Коноплева, с его уголовным прошлым и стал Грачёвым Викторам Ильичом, с чистой биографией.

- Я знаю - глухо пробасил Пол.

- Ты не всё знаешь - продолжал Ферзь - А ты, к примеру, знаешь, что я женился на собственной жене? Это довольно интересная история. Можно было бы даже написать роман. Когда я сел, жена со мной развелась. Я настоял, так было лучше для детей. Она потом вторично вышла замуж, но там тоже не сложилось.

Я всегда интересовался судьбой семьи. Жена этого не знала. Она прекратила со мной все связи, думала, что я не прощу ей второго замужества. Она и понятия не имела, что там, на зоне, об этом человеке у меня было больше информации, чем у неё.

Когда я стал Грачёвым и обосновался здесь, у меня, как ни странно, пошёл карьерный рост. Да ты об этом знаешь. Я ведь тебе предлагал хорошую должность. Всего-то и надо было - вступить в партию.

- Я знаю - снова произнёс Пол не меняя позы, только на этот раз более твёрже.

После его слов Ферзь как-то стушевался, обмяк.

- Да, я помню, твою поддержку. Я об этом всегда буду помнить. И я благодарен тебе - проговорил он, наклонившись, глядя на свои колени и, немного помолчав, снова поднял голову - Ну, да ладно... Короче - я приехал к ним Грачёвым. Они меня узнали - и жена, и дети. Расчувствовались, расплакались... Даже у меня слёзы телки. Короче - всё кончилось тем, что я, со временем, женился на своей жене и усыновил собственных детей. Помнишь, было время, я носил бороду? Так это чтобы отличаться от сына. Он сильно похож на меня. Получалось абсурдная ситуация - пасынок похож на отчима. А потом я сбрил бороду, потому что сын отпустил.

Вдруг Пол поднял голову и, глядя Ферзю в глаза спросил - "А ты почему пошёл на этот скачок? Дело ведь - гниляк?".

- А ты? - вопросом на вопрос ответил тот.

- Я, на тебя глядя...

- А я, на тебя...

- Но у тебя же семья.

- Да, семья... - Ферзь тяжело вздохнул - Они ничего не знают, они думают, что я завязал. Они уверены - рецидива не будет, потому что я выдохся. Это, ты знаешь, даже как-то обидно... Но... пусть не теперь, а когда-нибудь, они будут правы... С моим знакомым, начальником главка, случился инсульт. Его парализовало. Как его "рвали" бывшие подчиненные... А до этого ведь - на "цырлах" ходили, каждый старался получше лизнуть его анальное отверстие... Да, старость вещь коварная: сегодня ты на коне, а завтра тебя уже топчут... А ведь Гудвин прав, благородная эпоха сходит нанет. Кто нас заменит? Вот эта шваль? Они же, при первой возможности, порвут нас, а потом и сами вцепятся друг другу в глотки. Пусть уж лучше тебя настигнет ментовская пуля, чем такой конец. Но на этот раз, вроде, обошлось...

Автомобиль остановился, они вышли.

Ферзь осмотрелся и, удивлённо глядя на Пола, спросил - "Ты здесь живёшь? Но ведь это, если не ошибаюсь, Сиреневая гряда?".

Пол молча кивнул.

- Но подожди, по-моему, у тебя была квартира в районе Лихачёвки?

- Она и есть. Просто я её сдаю.

- А здесь?

- А здесь снимаю.

- Оригинально... Хотя, для страховки - вариант неплохой.

Ферзя удивляло здесь всё: и само здание, похожее на средневековый замок, и подъезд, формой напоминающий средневековую башню, и лестница, по которой они поднимались, и сама квартира, в которую Пол предложил зайти.

Квартира состояла из двух комнат - зал, общей площадью около тридцати метров, и комната поменьше, где располагалась спальня. В зале имелся настоящий камин, массивный, объёмный, отделанный тёмным кафелем с изразцами.

- И что - работает? - спросил Ферзь, указывая на камин.

Пол, как бы в ответ на его вопрос, открыл две створки кованной железной дверки, расположенных внизу, слева от топки, где хранились дрова.

Две стены этой комнаты, от пола до потолка, были заставлены стеллажами с книгами. Причем книги, в основном, старинные, массивные, в жёстком переплёте, с тиснением золотыми буквами. В этом же углу находился старый, но хорошо сохранившийся, кожаный диван. Рядом с ним - лестница-стремянка, сложенная и прислонённая к стеллажу. Она, как, впрочем, и всё здесь,

кроме телевизора, была из "тех" времён: кованная, высокая, тяжёлая, но надёжная. Широкий письменный стол из красного дерева, на котором стояла очень древняя настольная лампа, с основанием из бронзы. Из того же металла восьмирожковая люстра, размашистая и угрожающе большая, висевшая на толстой цепи, второй конец которой крепился к потолочному крюку, в центре выступающего диска из лепнины. Окна, оставшиеся со старых времён и каким-то чудом сохранившиеся, имели в высоту два с половиной метра. Плотные, двойные шторы из тёмно-синего бархата свисали от потолка до пола. Дневной свет сквозь них практически не пробивался. Но когда их, особенно в солнечную погоду, полностью поднять и раздвинуть, то света было более чем достаточно, поскольку окна находились с южной стороны.

Ферзь сел в кресло возле камина, откинулся на спинку и словно утонул в его мягкости.

- Да, что берлога, то берлога, но довольно комфортно - сказал он, поворачивая голову то влево, то вправо.

По обе стороны от камина находились два буфета, изготовленных из сплошной древесины и обильно украшенных резьбой. На правом, между верхними шкафчиками со стеклянными дверцами, расписанными под золото, стоял телевизор. На левом - бронзовая статуя Фемиды.

Ферзь, не отрывая взгляда от статуи, спросил - "А кто хозяин квартиры?"

- Не знаю - ответил Пол - Судя по библиотеке, скорее всего, какой-то учёный. Говорят - уехал за границу. Мне её сосватал Мичман. Хозяева искали одинокого чистоплотного человека. Ведь это их вся обстановка. А я, так сказать, вытираю пыль, поливаю цветы.

- Всё верно... - вполголоса произнёс Ферзь, продолжая, словно под гипнозом, застывшим взглядом смотреть на статую.

Вдруг Пол подошёл к буфету, на котором находилась Фемида, открыл дверку верхнего шкафчика, достал бутылку коньяка и два хрустальных фужера.

- Нет-нет... Я пить не буду - резко подхватился Ферзь, словно освободившись от гипноза - У меня сегодня ещё дела.

Он направился к выходу, но вдруг остановился и, немного подумав, произнёс - "Ты не обижайся на Бахчу. Он, конечно, суетливый, падкий на деньги, но, в общем-то, мужик надёжный, проверенный".

Пол виновато опустил голову

- Не знаю. Не нравится он мне... Почему, не знаю.. - сказал он и, подняв глаза, добавил - Ты... никому не говори про эту "хату". Кроме тебя ведь, никто не знает.

- Могила! - ответил Ферзь.

После его ухода Пол налил себе коньяка, сел в кресло перед камином, и, отрешённым взглядом стал смотреть в чёрную, открытую пасть топки. Теперь она ему напоминала вход в преисподнюю.

Он сидел долго, хотя и не знал, сколько точно прошло времени, потому как часов поблизости не было, окна закрыты и зашторены. Ни света, ни звука. Чёрная пустота преисподней и такая же пустота в голове... Казалось, сама чернота, выползшая из камина, заполнила собой весь окружающий мир.

Наконец, поставив бокал, с нетронутым алкоголем, на журнальный столик, он снова подошёл к буфету и достал таблетки. Определил для себя дозу - две снотворного и одна успокоительного. Как-то, было время, он плохо спал и знакомый врач дал эти медикаменты.

"Не много ли?" - предостерегающе мелькнула мысль. Он даже представил себе фатальные последствия, но они не вызвали в нем страха. Такое безразличие к себе появилось впервые.

"Значит и правда - старею" - подумал он. Если раньше неизбежность возрастных изменений его сильно пугали, потому как физическая немощность и умственная отсталость делали его уязвимым, то теперь он вдруг пришёл к выводу, что старческого процесса можно избежать именно таким образом.

"Некоторые говорят, что самоубийство - признак слабости.... А вы попробуйте... Попробуйте лишиться жизни, переступить эту черту" - думал он, одновременно как бы заглядывая в себя и спрашивая себя - есть ли у него такие силы?

"Ни в коем случае не принимать вместе со спиртным..." неожиданно вспомнилось предупреждение врача.

Пол криво усмехнулся и вдруг, сам того не ожидая, запрокинул голову и бросил в рот все три таблетки. Затем запил их коньяком, сел в кресло и закурил.

Он всегда курил перед камином: пепел стряхивал в топку, дым пускал в дымоход. Здесь была хорошая тяга. Даже всего лишь при открытой форточке, помещение проветривалось полностью. Скорее всего, так делали и последние хозяева, и тот, кто здесь жил до них. Наверно, этот камин восстановили, или даже построили именно с такой целью.

После каждой затяжки, Пол наблюдал, как шлейф сизого дыма плывет в разинутую пасть камина, закручивается кверху и исчезает, словно в пустоте. Вдруг, ему стало казаться, что он сам очутился там, внутри дымохода, весь стал как будто воздушным и его потянула за собой полоска табачного дыма. По началу, в полной темноте, он плыл кверху. Сначала медленно, потом всё быстрее и, наконец, скорость возросла до головокружения и тошноты. Плотный ком подпирал горло и стоял у крепко, до боли, сжатых зубов. Казалось, стоит только немного расслабить мышцы челюстей, и приторная, рвотная масса вырвется наружу, заполнит собой всё и он потонет, захлебнётся в ней.

Пол ещё не проснулся, но уже почувствовал - ему плохо. Причём - не просто плохо, а очень плохо. Такого состояния у него ещё никогда не было. Оказалось, что он лежит в постели, как положено, раздетый и накрытый одеялом. И это стало открытием, потому что Пол не помнил, как раздевался и ложился. Но главным было всё же состояние: тело превратилось в сплошной комок воспалённых нервов. Боль вызывало всё: движение, прикосновение и даже мышление. Сердце билось, словно в истерике и от его ударов, казалось, тряслись все внутренние и наружные органы.

"Вчера было много водки... - проскользнула в сознании мысль, которую, как кирзовый сапог суетливого таракана, раздавил следующий вопрос - Что делать?"

Раньше Пол никогда так остро не страдал от похмелья. Он мог выпить много, но всегда контролировал себя. На следующий день ему было тяжело, но он справлялся. Теперь же, первыми тревожными симптомами стали видения. Он очень ясно представлял две картины, чередующиеся перед глазами. В одной он стрелял из пистолета себе в висок, в другой - совал голову в петлю. Дальше он ничего не видел. Начальный процесс суицида, бесконечно повторялся в воображении. И всё это на фоне страшной депрессии. И здесь он окончательно убедился, что сегодняшнее состояние так просто не переживёт.

В доме всегда имелся разнообразный запас спиртного. Если что-то заканчивалось, то сразу же и восполнялось. И если раньше Пол не поддерживал принцип - «клин-клином» - то теперь, без колебаний, решил воспользоваться им, уверенный что оправдание этому есть.

Пол достал вчерашний коньяк и собирался уже открыть бутылку, как вдруг заметил на журнальном столике три таблетки.

- Как? Разве я их не принял вчера?

Этот вопрос настолько обескуражила его, что даже вышибла из головы какую-то часть хмеля.

Он поставил обратно бутылку, взял таблетки, перевернул их на ладони, словно убеждаясь, что они настоящие, затем резким движением руки отправил в рот.

Конечно, спиртное действовало бы эффективнее и быстрее. Однако, Пол решил - если есть возможность обойтись без него, то лучше так и сделать. Он, вообще, хотел как можно скорее избавиться от последствий алкоголя.

После того как запил медикаменты небольшим количеством холодной воды, его начало сильно трясти, словно он вышел на улицу обнажённым в сорокаградусный мороз.

Мондраж продолжался и в постели, не смотря на то, что он, почти с головой, укрылся одеялом. По этой же причине мысли прыгали и тряслись в такт телу, создавая, тем самым, в голове хаос и сумбур.

Сон пришёл неожиданно и неприятно. Появилась ощущение, будто бы Пол вдруг оказался в огромной куче дерьма: липкой, зловонной, но тёплой. От этого тепла он согрелся и, в отсутствии сил и желания что-то делать, уснул, словно опустился на самый низ этой кучи.

Он проспал половину следующего дня. Проснулся вялый, разбитый и опустошённый, с отсутствием хотя бы какого-то интереса ко всему происходящему и жизни в целом. Немного радовало лишь то обстоятельство, что под воздействием медикаментов, муки и страдания остались где-то там, может быть даже в воображаемой куче дерьма. Дальше требовалось решать - либо снова воспользоваться снотворным, потому как предстоящая ночь сулила бессонницу, либо до такой степени уморить себя физическими нагрузками, что бы от усталости валиться с ног. И он, как всегда, выбрал второе.

Процесс был проработан до мелочей: холодный душ, упражнения с двумя пудовыми гирями, отжимания и качания пресса. Но сегодня это не работало: тело оказалось катастрофически слабым. А вот ходьба, долгая, изнурительная, которую смело можно было назвать бесцельным шатанием по городу, была кстати. Вспомнились слова знакомого врача - как можно дольше находиться на свежем воздухе.

Пол направился в старый город. Там, среди древних развесистых тополей, помнящих первых жильцов толстостенных двухэтажек с квадратным основанием, было тихо, спокойно, не суетливо.

День, как и настроение, выдался пасмурным, накрапывал дождик, поэтому пришлось надеть плащ и взять зонт. Но он его так и не раскрыл, потому что интенсивность дождя не превысила той нормы, когда следовало от него прятаться.

- Пол! - раздался вдруг откуда-то сверху голос.

Из окна второго этажа на него смотрела уже не молодая женщина, одетая во всё чёрное. Чёрными, к тому же, были её волосы, брови, ресницы, глаза. Только губы тёмно-красные и идеально белые, на этом фоне, зубы.

- Ты что здесь делаешь? - спросила женщина улыбаясь.

- Ничего... Гуляю - ответил Пол.

- Ну, так подгуляй ко мне - она затянулась сигаретой и игриво выпустила на улицу струю дыма.

Это была бывшая зечка по кличке Лиса. В молодости её звали Лисичка-сестричка за красивые, раскосые, миндалевидные глаза. Теперь эту кликуху помнили только старые урки. Для молодёжи она была Лиса. Для клиентов - Изабелла Звездинская, для налоговой - Евгения Тимофеевна Прут.

После окончания медицинского института, она работала в больнице анестезиологом. По работе ей пришлось бок о бок, в буквальном смысле, контактировать с одним из врачей, и у них сложилась обоюдная симпатия друг к другу. Она не переросла во что-то большее, потому что мужчина был уже занят, имел семью. Однако, криминальная история Лисы началась немного раньше, когда она только приступила к работе по специальности. Принимая дела, она вдруг заметила ошибку в отчётности, и у неё на руках оказалось небольшое количество неучтённого вещества. В концентрированном виде, оно считалось запрещённым, но разведённым в определённых пропорциях - обычным успокоительным. Почему она не доложила об этом руководству - сама не знала. Факт тот, что она хранила его у себя дома.

Где-то в это время врач стал оказывать ей знаки внимания, в виде ни к чему не обязывающего лёгкого флирта. Она отвечала тем же. Однажды он позвонил и сказал - "У моего знакомого "ломка". Бьётся в припадках, я боюсь, что "крыша" поедет. Жако. Не могу смотреть. Ты не поможешь?".

Если бы она тогда отказала, ничего бы не изменилась в их отношениях. Но где-то глубоко в подсознании промелькнула мысль - "А вдруг у них что-то сложится?". Тем более, что ходили слухи о напряжённых отношениях у него в семье...

В общем, как оказалось, менты уже "вели" этого знакомого.

Тот сдал врача, врач сдал её...

Ей дали восемь лет, она вышла через шесть.

Врач, за это время, уехал в Израиль.

Лиса не захотела возвращаться на родину и осела в Шатузле. Ей, конечно, помогли материально, но начала она с посудомойки и уборщицы. Потом устроилась на рынке реализатором. Там же и тогда же, стала лечить знакомых, не в прямом смысле, потому как медицинская деятельность в любом виде ей была запрещена, а в основном советами и народными средствами. Тем более, что она в этом разбиралась. Параллельно с лечением стала гадать на картах, предсказывать судьбу, по руке, на кофейной гуще и так далее. Со временем она заметила, что работа гадалки ей приносит дохода больше, чем работа на рынке. Так постепенно Лиса стала Изабеллой Звездинской.

Она жила и работала в своей трёхкомнатной квартире, на втором этаже. Но когда-то она её снимала. Хозяева, узнав, чем занимается квартирантка, были, мягко говоря, недовольны.

- В будущем мы собирались продавать эту квартиру. Но кто же её купит, если узнают, что здесь жила ведьма? - сокрушались они.

- И сколько вы за её просите? - спросила Лиса.

Она не хотела терять эту квартиру, потому что сама привыкла к ней, потому что район устраивал и самое главное - клиенты этот адрес разнесли уже по всему городу. Тогда она обратилась к Полу - нельзя ли ей, для приобретения жилплощади, какую-то сумму выделить из общака?

- Ты свои доходы декларировала? - поинтересовался Пол и, получив отрицательный ответ, посоветовал - Надо брать кредит. Иначе, как ты объяснишь источник появления денег?

Конечно, банк ей кредит врят ли бы выдал, но Пол задействовал связи, поручился, и Лиса получила деньги. За это она ему и была благодарна.

- А я смотрю, что за знакомая личность бредёт по улице в такую погоду - говорила она, радостно улыбаясь, встречая Пола в дверях.

У Лисы была идеальная фигура. Но в молодости. Сейчас всё её изгибы постепенно начали выравниваться. Но это ещё не являлось недостатком, и у неё не было необходимости скрывать свои формы под длинными, широкими одеждами. Но, по-видимому, такая внешность требовалась для работы, для создания своеобразного имиджа.

- Коньяк, водка, виски, ром, джин?... - спрашивала Лиса.

- Нет! - резко ответил Пол и, уже более спокойно, добавил - Спасибо... Ничего не надо.

- И что, даже чая не выпьешь?

- А вот от чая, пожалуй, не откажусь.

Лиса была не замужем, Пол был не женат. Это обстоятельство их роднило, но не более того.

Вообще-то, Лиса была личность неординарная и поступки её соответствующие. Как-то, уже после отсидки, она стала встречаться с женатым мужчиной. Факт, сам по себе, заурядный. Всё дело во внешности её избранника: на пол головы ниже, лет на двадцать старше, очкарик, с гнилыми зубами, убогой растительностью на голове. Всё тогда удивлялись: что у них могло быть общего? О её привязанности к нему говорил такой случай - как-то местная шпана довольно грубо стрельнула у него деньги. Лиса, узнав об этом, отыскала эту шоблу и устроила шухер. Угрожая всех порвать и кастрировать, вернула деньги обратно.

Здесь следует отметить одно обстоятельство: данная шпана состояла, в основном, из, так называемой, неаттестованной молодёжи. То есть - люди, не нюхавшие зоны. А по местным

воровским законам - любой, даже самый опущенный зек, по статусу, находился выше любого отчаюги. И обидеть зека, мог только ему равный.

Молодёжь интуитивно чувствовала человека побывавшего в местах лишения свободы, поэтому Лисе всё так легко сошло с рук. Но мало того - она потом заявила к Полу и держала такую речь - "Если твои пидоры недоношенные, ещё раз, хотя бы пальцем тронут моих людей, я подпишусь под вышкой, но так расчерчу им е...ки, что они до конца дней своих будут ходить косарылыми".

- И что ты в нём нашла? - спросил тогда Пол.

- Ты не поймёшь... - ответила она.

Этого никто не понимал. Не найдя ответа, урки, долго не думая, испохабили, может быть даже, романтические чувства - "А... наверно большая елда". Тогда на этом всё и закончилось.

Усадив гостя в кресло, Лиса отлучилась на кухню, но вскоре вернулась.

- Так какими судьбами ты, всё-таки, оказался в наших краях?

Она словно испепеляла его пронзительным взглядом чёрных глаз.

- Просто гулял - то же самое ответил Пол, только на этот раз в голосе уже звучали недовольные нотки.

- И ты хочешь, чтобы я в это поверила? - Лиса криво усмехнулась - Кстати - ходят слухи, что, не далее как вчера, какие-то отчаюги "подняли" банк на Каменном переулке? Это, случайно, не ты?

- Нет, конечно... - вместе с ответом Пол потупил взгляд.

- Я так и думала...

Он резко поднял голову, внимательно посмотрел в лицо женщине и спросил - "Почему это?".

- Не твой уровень - Лиса брезгливо скривила губы - Какой-то зачуханный банк... Что там за деньги? За эти копейки подставлять свою задницу? Хотя, с другой стороны, дерзнуть на банк, пусть даже и такой убогий... Здесь работала не шантрапа... Что ты об этом думаешь?

Пол сжал челюсти так, что было хорошо заметно, как заходили на щеках жевалки. Он повернул голову и, глядя в дальний угол комнаты, процедил сквозь зубы - "Разберёмся...". Вдруг он задал вопрос, который, по его расчетам, должен был отпугнуть Лису от "висевшей" темы - "А ты ещё встречаешься со своим?... Этим?..."

Расчёт был верным: взгляд у Лисы резко потух, и она, даже, сделала полшага назад.

- Да... - прозвучал короткий ответ.

Этого было достаточно. Пол не собирался дальше мусолить данную тему, но женщина сама стала рассказывать, хотя и с неохотой.

- Понимаешь, с ним я чувствую себя молодой и красивой...

"Ага - подумал он - Ну, а если бы на верблюде и возле пирамиды Хеопса, то эффект был бы намного значительнее".

- Есть такое понятие - родственные души - уже смелее продолжала хозяйка - Ты, конечно, слышал. Это когда ты понимаешь, и тебя понимают с полуслова, с короткого взгляда. Или когда тебе с этим человеком просто хорошо, и ты даже не знаешь почему...

На кухне засвистел чайник и женщина, как будто даже охотно, удалилась.

"Зря зашёл - подумал Пол в это время - Надо было сослаться на занятость. Говорить совершенно не о чём".

Лиса поставила на журнальный столик перед Полом чашечку с чёрным, ароматным чаем, сахарницу, с торчащим из-под крышки кончиком ложечки, и широкую стеклянную тарелку, имитацию под хрусталь, наполненную разнообразными печеньями и конфетами. По-видимому, это был её стандартный набор для встречи гостей. Сама же налила себе пол бокала красного вина. Вино было красным до черноты и настолько густым, что создавалось впечатление, будто бы бокал наполнен кровью.

- Это натуральное вино. Естественное брожение, ни капли спирта - словно разгадав подозрения Пола, оправдывалась Лиса - Алкоголя не более шести процентов. Хочешь?

Пол отказался. Он сделал несколько глотков из чашки и задумался над привкусом: сильно отдавало какими-то травами.

Вдруг у Лисы зазвонил телефон и, суетливо покопавшись в складках одежды, она достала аппарат, бросила вопросительный взгляд на экран, недовольно скривила губы, но ответила.

Пол был только рад этому звонку и, облегчённо вздохнув, сделал ещё несколько глотков из чашки.

- Что? Оргазм? Это в вашем-то возрасте? - почти крикнула Лиса - А вы его не перепутали с климаксом?

Затем она поставила бокал с вином на край стола, неподвижным взглядом уставилась на дверь, ведущую в коридор, и, молча слушала. Наконец, опомнившись, что она здесь не одна, сделала жест рукой, мол, извиняюсь, и оставила помещение, на ходу проговорив в трубку - "Так, вот отсюда, пожалуйста, поподробнее".

Эти пять минут разговора были для Пола как отдушина. Он перебирал в памяти темы, которыми можно было в дальнейшем поддержать беседу, но не находил их. Вернее - у него не было желания не только что-то обсуждать, а говорить вообще, по той простой причине, что его голова, на данный момент, не хотела ни о чём думать. Однако, ему этого и не потребовалось.

Лиса вернулась возбуждённой, загадочно улыбающейся и разговорчивой. Естественно, ей надо было перед кем-то выговориться.

- Ты представляешь, бабе... - она на мгновение задумалась - кажется, за сорок пять, а она ещё, в сексуальном плане, испытывает какие-то чувства. А я всегда говорила, чтобы довести женщину до оргазма, не нужен большой член. Я даже скажу больше - член не нужен вообще. Нужен язык. В смысле - слова.... Это психологическое состояние. Её надо выслушать, успокоить, поддержать. Или как вот этот... - Лиса указала рукой на телефон, лежащий на столике - он её рассмешил. Я тебе скажу, что рассмешить женщину в возрасте, не так-то просто, если она в здравом уме или не под кайфом. Женщину надо заставить забыть про возраст. Внушить, или, проще говоря - навесить лапшу на уши. Но это надо уметь. Эх, мне бы встретить этого мужика! У него наверняка есть какая-то изюминка, какой-то свой штришок. А для меня это живые деньги.

Лиса взяла со стола бокал с вином, почти залом выпила и откинулась в кресле.

- А всё начиналось довольно банально - продолжала она, заметно успокоившись - после двадцати лет совместной жизни муж завёл любовницу: молодую, длинноногую, смазливую. Он руководит строительной фирмой. Мужчина состоятельный, видный, не глупый. Ничего удивительного. Жена его прибегает ко мне и настоятельно просит навести порчу на соперницу. Ну, порчами я не занимаюсь. Сводничество, гадание, предсказания - куда ни шло. А проклятия - дело не благодарное. Конечно, есть люди заслуживающие его, но в этом надо быть твёрдо уверенным. Если проклясть не виновного человека, то оно может вернуться к тебе же. А мне это надо? Я её начала отговаривать, предложила обряд по возвращению мужа. Наконец та согласилась. Не знаю - то ли мои чары подействовали, то ли те просто поругались, но муж её, действительно, вернулся. Вот здесь, надо было его удержать, на что тоже есть своеобразный ритуал. Ну а она, я чувствую, посчитала себя победительницей, стала его "пилить" как прежде. Как и следовало ожидать, тот вскоре опять ушёл. Она снова ко мне, опять за своё... Бешенные деньги предлагала...

Вдруг Лиса задумчиво замолчала, теребя в руках носовой платок и покусывая губы.

- Она много злобы впустила в себя... В человеке должно уравниваться положительное с отрицательным... Я ей говорила - изменил он тебе, измени ты ему. Да, для этого надо хорошо выглядеть. Да, это требует усилий и не малых: диетологи, косметологи и прочие... Там жулья тоже хватает. И, тем не менее, всё это неплохо работает, были бы деньги. А они у неё есть: муж не слабо отстёгивает и сама со учредительница довольно преуспевающей фирмы... Но... Как и следовало

ожидать - один негатив притянул другой... Стали появляться болезни: желудок, суставы и прочее... Взяла путёвку в профильный санаторий и вот... Эх, жалко будет, если всё сорвётся... Такой шанс...

Вдруг опять зазвонил телефон и Лиса, прежде чем глянуть на дисплей, сказала - "Да что это сегодня?"

Какое-то время она сосредоточенно смотрела на отобразившийся номер и наконец, приложила аппарат к уху.

- Да, Доминик Феоктистович - произнесла она, каменея лицом.

Звонивший говорил непрерывно минуты три подряд.

- Ну, подождите... - наконец перебила его Лиса - Это нормальное явление. Вы уже не молоды... Я понимаю, но с возрастом тоже надо считаться... Нет, это не конец, просто нужен другой подход... Я вам скажу от чего возбуждается молодые девушки, но это не телефонный разговор. Нет, сегодня не могу... Я позвоню... Сколько?... О, конечно хватит. Это даже слишком щедро... Да, да, Доминик Феоктистович, я вам обязательно перезвоню... Не переживайте, всё будет хорошо... Досвидание.

Она глубоко вздохнула и посмотрела Полу в глаза.

- На зоне и подумать не могла, что буду заниматься чем-то подобным. Хорошо, что в медицинском, по специальности, немного преподавали психологию.

- Да, вижу, дела у тебя идут хорошо - сказал Пол.

- Грех жаловаться. Или ты имеешь в виду что-то другое? Я вобщак регулярно вношу...

- Нет-нет - замахал руками мужчина - Я не об этом. Я действительно искренне рад, что у тебя всё хорошо.

- Кто знает ... - задумчиво произнесла Лиса.

- Кто-то наезжает? - нахмурил брови Пол.

- Нет - тихо ответила женщина - Тут вот какой случай был: пришла как-то ко мне мамаша, с сынишкой лет пяти. У того, после испуга, стали выпадать волосы и усыхать правая ручка. Мать уже разочаровалась в докторам и обратилась ко мне. Наверно, больше от безысходности, чем с надеждой. В общем-то, это не мой профиль, но мне её стало жаль, и я решила, хотя бы для видимости, что-то предпринять. Ты знаешь, сама не верила... Я, по сути, взялась просто для того, чтобы те отстали, но никогда не думала, что это сработает. А мальчёнка, после трёх сеансов гипноза при зажжённых свечах и разнообразных манипуляций руками, вдруг пошёл на поправку: кожа на лице порозовела, волосики на голове стали отрастать, огонёк в глазах появился. Короче - человек ожил.

- Ну, так что же в этом плохого?

Лиса тяжело вздохнула.

- Не за своё я дело взялась... Я иногда жалею, что занялась этим бизнесом.

- Ну, почему же? Если это кому-то помогло, то...

- А если я вмешиваюсь в дела Бога? - перебила она Пола.

- Ты веришь в Бога?

- Понимаешь... - женщина помрачнела, задумалась - Раньше я удивлялась, что люди верят таким шарлатанам как я. Теперь я удивляюсь, что у меня почти всё получается. Гадания и предсказания в большинстве случаев сбываются. И дело ведь не во мне. Я ничего не придумываю, не передёргиваю, не подтасовываю. Я только озвучиваю то, на что указывают карты. А почему они так ложатся - понятие не имею - рассказчица вдруг, прикусив губу, на какое-то время замолчала - Однажды пришла ко мне девушка - молоденькая, красивенькая, новенькая, живущая исключительно по гороскопам. Она встречалась с парням, они собирались пожениться. Радостная была по этому поводу, довольная. Глаза горели, лицо сияло улыбкой. По большому счёту она пришла похвастаться, но, на всякий случай, попросила посмотреть, что по этому поводу говорят карты. Раскинула я колоду и вижу, что, судя по раскладу, ей грозит смертельная опасность, исходящая от мужчины, который рядом. Но я об этом промолчала, пожалела её. "Чушь всё это - думаю - Зачем

огорчать человека". Сказала лишь, чтобы та была осторожна. А где-то через месяц узнаю, что девушка повесилась в ванной. Никаких следов насилия, всё списали на самоубийство. Но самое главное произошло потом уже со мной: вскоре после этого я слегла со страшной пневмонией. Больше месяца лежала, еле выкарабкалась. До сих пор ума не приложу - где и как я её могла подхватить. Не наказание ли это было за мой обман? С тех пор я всем говорю то, что показывают карты. Хорошо ли, плохо ли, нравится кому-то, не нравится, но только правду. И судя по тому, что ко мне приходит всё больше людей, эти предсказания сбываются, обряды срабатывают. Мальчѐнка вот, пошёл на поправку. Мне, как человеку с медицинским образованием, трудно поверить в потусторонние силы. Да нас и учили, что всё дело в человеческой психике, но мне уже страшно. В последнее время, я всё больше убеждаюсь, что есть, всё-таки, какая-то связь с чем-то, или кем-то с той стороны, которую мы не видим. С этой стороны - человек с его психикой, душа... Ну а с той... Кто, если не Бог?

- Чѐрт - глухо произнёс Пол и криво усмехнулся.

Лиса, глядя ему в глаза, отвечала с такой же усмешкой.

- А это всё равно. Если ты веришь в чѐрта, значит, автоматически, веришь в Бога. И наоборот. Здесь дело в том, кому ты поклоняешься. Так сказать - на кого ты работаешь.

Женщина вдруг ответа взгляд в сторону и, скорее для себя, проговорил в полголоса - "А может и они работают в паре". После этого она так и осталась сидеть неподвижно, уставилась в дальний угол комнаты.

Пола тяготила эта тишина, и он возобновил разговор, пытаясь незаметно сменить тему.

- Погадай мне - неожиданно попросил он.

Лиса удивлённо посмотрела ему в глаза.

- Ты же не веришь.

- А тебе какая разница?

- Хм... Ну, ладно, давай посмотрим, что из этого получится.

Для работы, у Лисы, в её трёхкомнатной квартире имелась отдельная комната. Там где теперь находился Пол, была гостиная: помещение чистое, светлое, с современной обстановкой. Попадали сюда через дверь с коридора. Рабочий кабинет находился в соседнем помещении, куда можно было зайти как из коридора, так и с этой гостиной, через дверь в стене. Сама хозяйка жила в небольшой комнатухе, граничащей с кухней, куда также имелись два разных входа. В общем - квартира представляла из себя сплошной проходной двор. А если принять во внимание совмещѐнный санузел, то не удивительно, что вся эта жилплощадь на рынке имела бросовую цену.

Попав в рабочий кабинет, Пол даже опешил, настолько разнилась здесь обстановка. Это уже был, как бы, другой мир.

Окно напоминало выход из тѐмного тоннеля, где свет снаружи слепил глаза. И только присмотревшись можно было различить предметы. Посреди довольно большой комнаты находился круглый стол, покрытый чѐрной, суконной скатертью. Прямо над ним свисала люстра, в форме тюльпана, с чѐрными лепестками. К столу приставлены четыре кресла, с резными ножками и прямыми, высокими спинками. На стенах висели картины, амулеты, на полках находились вещи непонятного смысла и назначения, по-видимому, для каких-то ритуалов. Казалось, в этом помещении собрались все языческие божества мира, изгнанные с арены жизни современными религиями.

Хозяйка щѐлкнула выключателям при входе, и люстра лениво загорелась тусклым светом, падающим на середину стола. Одновременно включилась подсветка по углам и все оккультные предметы, находящиеся на стенах, полках, подставках, тумбочках, как бы ожили и сосредоточили внимание на вошедших.

Быстрым шагом женщина пересекла комнату, подошла к окну и дѐрнула за, висевшую на стене, ленту. Сразу с карниза свалилась плотная штора, резко и полностью затемнив всё помещение.

Тускло освещённый стол, с четырёх сторон окружённый стульями, теперь, казалось, одиноко висел в чёрном пространстве.

Пол, медленно ворочая головой, осмотрелся и недовольно наморщил лоб.

- А там нельзя было погадать?

- Нет. Там другая энергетика. Их нельзя смешивать.

Он сел на место, указанное хозяйкой. Та, на какое-то время скрылась в темноте, и появилась с колодой карт в руке, на ходу открывая упаковку.

- Ради меня распечатываешь? - удивился Пол.

- Чтобы ты знал - гадают только на новых картах.

После того как Пол с извлечённой колоды "снял шапку", женщина со знанием дела начала "метать" карты по столу.

Казалось, она раскладывает их совершенно беспорядочным, хаотичным образом. Но вдруг её рука остановилась, замерла, повторила предыдущие движения, словно женщина в уме что-то пересчитывала или вспоминала, и переложила местами две карты. Это говорило о том, что она, всё-таки, работаем по какой-то системе. Наконец колода была разложена.

Карты открывались, соблюдая определённую очередность: слева - направо. Дойдя до середины, хозяйка вдруг произнесла - "Ого...". И когда, наконец, весь расклад был поднят, женщина около минуты сидела в глубокой задумчивости.

- Вот это да! - наконец, то ли удивлённо, то ли восторженно произнесла она - Такого расклада я ещё ни разу не видела. Пол, карты говорят, что в будущем тебя ждёт счастливая жизнь. У тебя будет всё - деньги, слава, популярность, успех. И вот... - она взяла даму червей и протянула ему - любовь и страсть.

- А здесь что? - указал он на кучу карт, веером лежащих в стороне.

- Здесь весь негатив, который, со временем уйдёт. Болезнь, нищета, казённый дом... Тоже какая-то женщина... - гадалка указала на даму пик - Дело в том, что эти масти обычно чередуются. Ну, как в жизни - плохое и хорошее.. А у тебя легло всё очень контрастно...

- Ну... и где гарантия, что мне выпадет такая судьба, а не другая?

Лиса положила руку на две карты лежащие посередине.

- Это выбор - сказала она глядя Полу в глаза - Ты выбираешь. Если предложить - быть здоровым и богатым, или бедным и больным, то любой нормальный человек выберет первое. Ты же, Пол, нормальный...

Он молча кивнул и снова перевёл взгляд на карту, которую держал в руке. Ему показалось, что от лёгкого движения его тела, может быть от глубокого вдоха, падающий свет чуть по-другому лёг на плоскость картинки и от этого изображённая на ней дама червей, слегка ему подмигнула.

Потом эта дама долго стояла у него перед глазами. Он понимал, что всё предсказанное - полнейший абсурд, а любая дама - тем более. Если предположить, что кого-то он и выпустит в свою жизнь, то точно не женщину.

На следующий день, подъезжая к своему офису в здании автомастерской, он заметил у ворот неопрятного вида мужчину. Это был мелкий воришка и пьянчужка по кличке "Сранч". Тот, завидев автомобиль, сделал шаг назад, хотя, на самом деле, проезду не мешал.

В дверях ведущих в офис показался "Канцлер" и, после того как Пол вышел из машины, направился ему на встречу.

Года четыре назад, на рынке, к Полу подошёл грязный, вонючий, бродяга и попросил, всего лишь, его выслушать. Он рассказал, что в молодости не ценил жизнь и лучшие годы превратил в дерьмо. Когда опомнился, то оказалось, что у него нет ни семьи, ни жилья и статья в трудовой книжке. С такими данными, в приличные места на работу устроится сложно. Но нашлась одна оптовая база, которая его приняла грузчиком. На самом же деле, как потом оказалось, им нужен был козёл отпущения. Однажды, когда тот в рабочее время был на хорошем подпитии, что случилось

тоже неспроста, ему в шкафчик подкинули несколько вещей из недостающего товара, и вызвали охрану.

Сшили дело на три года...

Срок не украсил его биографию и в жизни не помог. А потом, уже на воле, как-то по пьяной лавочке "съездил" по зубам одному хмырю. Удар не рассчитал, тот головой о косяк и... труп. Рецидив, убийство тянули уже на "десятку". Он ударился в бега.

- Я не вытяну срок, здоровье не то - говорил он, опустив глаза - Лучше подохнуть на воле.

Он просто рассказывал свою историю и не о чём не просил. И Полу это понравилось.

Какое-то время он был на подхвате: принести, унести, подмести, помыть. Потом выяснилось, что он дипломированный токарь. Поработав на станке, вспомнив навыки, со временем стал отличным специалистом.

Пол заметил его способности, понял, что человек не глупый, честный и решил сделать из него полноценного гражданина: достал фальшивые документы, оформил к себе на работу. И человек преобразится. Если раньше он работал за еду и крышу, то теперь появились деньги. Он стал прилично одеваться, хорошо выглядеть и говорят даже сошёлся с какой-то женщиной. И всё благодаря Полу.

Добрые дела не забываются. Тот это понимал и, можно сказать, в прямом смысле молился на своего спасителя. Именно такая преданность Пола и подкупила: он сделал его своим заместителем почти по всем вопросам и дал кличку - "Канцлер".

В среде криминала, его так и звали. Для всех остальных он был Илья Романович Волков.

Так получилось, что все трое сейчас шли навстречу друг другу и вскоре встретились в одной точке.

- Симонов выгнал - сказал Канцлер, указывая рукой на Сранча - Ворует...

- Я не виноват! Этот пакет выпал при разгрузке. Я его подобрал и забыл положить на место - оправдываться тот - Зуб даю!

- Которого у тебя нет - саркастически произнёс Канцлер.

- Мамой клянусь...

- Которая уже на том свете.

Пол подошёл к Сранчу почти вплотную и лишь немного, но резко присел.

Удар в живот был незаметный, но сильный.

Сранч, сложив руки на груди крестом, с хриплым стоном начал опускаться.

Пол схватил его за воротник и приподнял.

- Ты знаешь, что делают на зоне с крысами? Тебе напомнить, что такое "качели"? - спрашивал он, наклонившись к уху Сранча.

После этого он поставил его на землю и тот, хватая ртом воздух, сел на корточки.

- Я тебя один раз помог, второй... И что? Отовсюду гонят как паршивую собаку. Ты думаешь, что всю жизнь будешь ныть и кланяться деньгами из общака? А ты, хотя бы, копейку туда вложил? - возмущался Пол.

- Я вор, а вор не может не воровать... - простонал Сранч и, в ожидании удара, опустил голову между колен, прикрывая её сверху руками.

- Вор, по отношению к тебе, слишком громко сказано - назидательно говорил Пол - У хорошего вора Симонов бы не заметил пропажи. А ты просто никчёмный воришка и настолько мелкий, что на тебя даже менты не станут шить дело: отобьют почки и выгонят нахер. И подохнешь ты на помойке. Ну и хрен с тобой. Я для тебя больше даже пальцем не пошевелю.

После этих слов он пнул его коленом в бок и пошёл прочь.

- Что ещё? - спрашивал он на ходу у Канцлера.

- Ваши квартиранты съезжают - отвечал тот - Подыскать других?

- Конечно... А чего съезжают?

- Квартиру себе купили.

- Ты посмотри, может там что-то подремонттировать надо. Ещё что?

- Афган хочет завязать.

Пол резко остановился и, глядя Канцлеру в глаза, спросил - "С чего бы это?".

- Ну, говорит... честно хочет жить.

- Ага... Значит, мы живём не честно... - задумчиво произнёс Пол - А что его, просто так послали под душманские пули, где он половину здоровья положил, это было честно... Правила ухода он знает?

- Правила знают все.

- Значит, пусть уходит по правилам.

- Это тебе решать.

- Я решил - твёрдо сказал Пол и двинулся дальше.

С самого начала, когда Канцлеру доверили всю канцелярию, он обращался к своему боссу по-разному. Если шли обычные, гражданские дела, он говорил ему "вы". Если же дело касалось криминала, то "ты".

- "Каза", что при входе торгует семечкам, жалуется - "байструки" у неё нагло воруют копейки.

- Наказать!

- Но это малолетки...

- Какая разница? Если их больше никто и нигде не учит, что красть не хорошо, то этому научим мы. У них есть мамы и папы, а Коза одинокая и больная женщина. К тому же - мозги пропала. Кто за ней заступится?

- Понятно... Там, на столе, я вам положил документы на подпись. Ну, вроде и всё...

Канцлер остановился, Пол, по инерции, сделал ещё два шага и обернулся.

- Всё? Хорошо... - тихо произнёс он себе под ноги и собирался уже уйти окончательно.

- Это... - в нерешительности произнёс Канцлер - Может поговорить с Симоновым, дать ему последний шанс? Пропадёт ведь...

Пол догадался, что тот имеет в виду Сранча.

- Я сказал - нет! А впрочем... как хочешь. В это дермо я больше не лезу - проговорил он в сторону, не оборачиваясь.

- Да, чуть не забыл - спохватился Канцлер - Тебя второй день какой-то бомж спрашивает.

- Что ему надо?

- Ничего не говорит. Пола надо видеть и всё. Позвать?

Пол в задумчивости кивнул головой.

Из-за угла, шаркающей походкой вышел человек, одетый в лохмотья.

- Бравый... - вырвалось у Пола и он быстрым шагом направился навстречу.

"Бравый" выглядел не браво: грязная, рваная одежда, исхудавшее, осунувшееся, чёрное от щетины лицо, красные глаза, слипшиеся жирные волосы.

- Что случилось? - спросил Пол, подойдя к нему вплотную.

- "Косач" умер... - хрипло пробасил тот, слёзы навернулись на глаза, он обнял Пола и заплакал у него на плече.

Было время, когда Пол, Косач, Ферзь и Маюс "держали" зону. "Откинувшись", они разбрелись и осели в разных местах, однако сохранили дружеские отношения, поддерживали связь и даже, иногда, ездили друг к другу в гости.

Потом, когда Бравого привели в божеский вид, Пол и Ферзь заказали отдельную кабину в дорогом ресторане и молча слушали историю своего товарища.

- Мы контролировали весь город - говорил он задумчиво-грустным тоном - Всё у нас было чинаром, всё на мази. Свои законы соблюдали, за порядком следили. Молодняк контролировали, обучали, рассказывали. И был у нас среди молодняка один пацанчик, по кличке "Нарзан". Толковый пацанчик, но хитрый. Как-то говорит он Косачу, мол, у нас тут кодла собралась, отпусти нас в

свободный полёт, мол, не интересно нам у тебя под крылышком. Побазарил Косач с братвой, да и дал добро. Место определили, не плохой район. А Нарзан, падла, решил хитростью всё прибрать к рукам. Братву завернул, не согласных замочил, ментов направил. В общем - обложил со всех сторон. Нам с Косачом чудом удалось слинять. Залегли на дно. Глубоко залегли. И тут у Косача случился рак желудка. Может он у него и раньше был, не знаю. Но проявился здесь. Боже, как он страдал, как он мучился... Медикаментов не достать, жрачка гнилая. На белый свет носа не сунешь, Нарзановцы пасут. С ним слинять - даже базара не было. Одному - в падлу.

- Бравый, братан... - просил Косач - Придуши меня, загони "пику" под ребро, полосни по горлу острием... Я больше не могу... и сам уйти не могу... Сцыкун я позорный.. Помоги мне, братан... Прекрати мои муки...

Не мог я порешить товарища, хотя на моей совести три жмурика.

Он умер у меня на руках... Последние сутки он уже ничего не соображал: тупым взглядом смотрел перед собой, выл и бился головой о стену... Если бы он протянул дольше - я бы "сел на коня"...

А до этого, когда был в сознании, постоянно твердил - "Доберись до Шатузола. Там братва укроет".

Бравый посмотрел в лица товарищей сидящих напротив.

- Всё верно - сказал Ферзь.

- Нет, пацаны. Я хочу мести.

Лицо рассказчика вдруг изменилось: челюсти сжались, скулы зашевелились, глаза сузились.

- Я должен восстановить справедливость - процедил он сквозь зубы - Мне у вас укрываться нет резона. Мне нужны стволы. Ведь не вся братва добровольно легла под Нарзана. Они меня поддержат. И тогда... Мы всех поставим на место!

- Ты извини... - не смело начал Ферзь - Но со стволами у нас самих напряжёнка. А вот финансово, я думаю, мы поможем.

После этих слов он вопросительно посмотрел Полу в лицо.

- Так бабло мне и надо! - оживился Бравый - Стволы я достану.

Пол сидел мрачный, уставившись на тарелку перед собой.

- Ему нужна ксива - наконец сказал он - Хотя бы дешёвая отмазка.

Спустя неделю, на перроне Шатузольского железнодорожного вокзала, перед отправлением поезда, стояли три представительного вида мужчины. Все они были одеты в строгие чёрные костюмы, двое под галстуками. Пол никогда не одевал галстук. Один из них держал в руке чёрный, металлический дипломат. Это был Бравый. Его теперешний вид не шёл ни в какое сравнение с тем, каким он прибыл сюда две недели назад. По сути это и был другой человек, о чём свидетельствовали его новые документы.

- Ты уж извини - говорил Ферзь - Помочь мы тебе не можем. Мы сами, по определённым обстоятельствам, лежим на дне.

- Ну, что вы, всё отлично. Я даже не ожидал такого приёма. А помощи мне не надо, сам разберусь. Сколько лет был правой рукой у Косача. Всё знаю и всех знаю: кто чем дышит, кто о чём думает. А долг я верну. Клянусь. Вы моё слово знаете.

Проводник объявил отправление.

Бравый обнял товарищей, похлопал каждого по плечу и, когда, после металлического точка, состав тронулся, вскочил на подножку вагона.

Они стояли на перроне и смотрели в хвост удаляющемуся составу. И только когда тот скрылся из виду, молча побрели к автостоянке.

- Да, Маюсу повезло - как-то не смело начал Ферзь - Он умер в собственном доме, в тишине и спокойствии. Похоронен с надлежащими почестями. А нам врятли такое светит.

Они несколько метров прошли молча, потом Ферзь заговорил снова

- Вот к примеру, не станет нас, кто потянет этот локомотив? Шест не глупый парень, но фразерится, воображает из себя. Он учиться на своих ошибках. Мне кажется, у него не хватит времени всё осознать и сориентироваться. Гудвин даже не возьмется, а Бахча... О Бахче и говорить нечего. Может у тебя есть подходящая кандидатура?

Пол долго молчал.

- Есть один парень, которому я доверяю. Не глупый, толковый, но "мягкий", его быстро "сомнут".

Ферзь не проронил ни слово, лишь тяжело вздохнул.

Как бы в ответ на этот вздох Пол произнёс - "Ты знаешь, а мне похер, что будет после меня".

- Тебе - да. А у меня семья! - повысив голос, сказал Ферзь.

"Нечего было заводить семью" - подумал Пол, глядя себе под ноги. На самом деле, у него было всё продумано и просчитано: в случае опасности, в надёжном месте имелся схрон, где лежали документы, оружие, деньги и даже одежда. Полу надо было всего лишь вырваться из западни и оторваться от преследования. Именно для этих целей он всегда носил с собой пистолет. А дальше, в течении суток он мог оказаться на другом конце планеты. Конечно, он прекрасно понимал, что так комфортно как здесь ему нигде не будет, но он хотя бы останется жив. А человеку обременённому семьёй, такое сделать сложно. Но у Пола почему-то было предчувствие, что Ферзь строит из себя наивного "лоха". У него, в случае серьёзного шухера, наверняка имелся путь отступления, о котором он также молчал. И правильно делал - в этом мире нельзя верить никому.

Их машины стояли не далеко друг от друга.

Они вместе выехали со стоянки и разъехались в разные стороны.

В действительности Пола мало волновал вопрос преемственности. Он знал, что если кто-то восстанет и объявит войну, то воевать будет он, потому что только он здесь настоящий боец. И он был готов к этому. Ещё он знал, что пока существует такая угроза, его здесь будут ценить и уважать.

Но теперь его беспокоило совсем другое: он вдруг начал чувствовать какую-то тупую, ноющую боль в животе. Мало того - эта боль всё время возрастала и усиливалась. Теперь вспомнились и более ранние приступы, на которые он не обращал внимание и списывал всё на острую пищу.

Слово "рак" у него ассоциировался со словом - ад, в плане мук и страданий. Но Пола пугало даже не это. Больше всего на свете он боялся быть уязвимым.

"Эта болезнь отнимет силы и сделает меня лёгкой добычей - думал он - И обязательно найдутся желающие вонзить нож в спину".

Чем больше он думал о боли, тем сильнее она становилась, вызывая одновременно чувство тревоги и тошноту. Он начал перебирать в памяти ближайшие аптеки, чтобы, для начала, купить обычного обезболивающего.

Остановившись на светофоре Пол, вдруг почувствовал на себе взгляд и повернул голову в ту сторону.

В ожидании стрелки налево, на одной линии с ним, остановился зелёный "жигулёнок". Там, на переднем пассажирском сидении, находилась девушка и через открытое окно смотрела на Пола любопытным взглядом.

Это была молодая, разукрашенная особа, с густой, низко опущенной на глаза чёлкой светлых волос. То ли кофта, то ли платье красного цвета, с глубоким декольте, почти полностью оголяло плечи. Высокая шея говорила о том, что у девушки, скорее всего, высокий рост и шикарная фигура.

Когда Пол повернулся к ней, она улыбнулась и слегка помахала рукой.

"Кто это? Откуда она меня знает?" - мысленно спросил он, но в это время загорелся зелёный сигнал светофора.

Жигули повернули по стрелке, а Пол поехал прямо.

Он ещё какое-то время напряжённо вспоминал, где же, всё-таки мог видеть девушку, но, в итоге, на ум ничего не пришло, и он решил - обозналась. Ещё был вариант - она просто заигрывала с незнакомым мужчиной. Последнего, впрочем, это ни к чему не обязывало.

Дня три Пол боролся с мыслью, что болен. Иногда воспринимал это с безразличием, иногда с паническим страхом. Но действий никаких не предпринимал. А на четвёртый день ему позвонил Шест.

- Ко мне случайно залетели птенчики. Я думаю, ты их знаешь. Надо срочно разобраться... - сказал он.

У них было заведено - даже если нет угрозы, безукоризненно соблюдать конспирацию. Всё, что хотя бы косвенно касалось криминала, никогда не обсуждалось по телефону. Обычно, только двусмысленно, определялось место встречи.

- В твоей норе? - уточнил Пол и, получив подтверждение, добавил - Хорошо. Может быть завтра.

- Нет, дело горячее. Надо срочно перетереть. Сейчас... - по-деловому настаивал Шест.

Пола это разозлило.

Шест владел рестораном. Конечно не высшей категории, но как прикрытие и средство к существованию - вполне приличный.

Он встречал Пола с сигаретой в зубах. Рядом с ним, держась под руку, стояла разукрашенная девица с красными глазами и осоловевшим взглядом. При появлении гостя, Шест, лёгким толчком ладони под зад, отправил её к себе в кабинет.

Уходя, она игриво бросила на Пола косой взгляд.

Такое поведение товарища, Пол считал дерзостью. Но прежде чем поставить "щегла" на место, решил разобраться.

Пройдя лабиринты коридоров, они, наконец, спустились по короткой лестнице в одно из подвальных помещений.

Это было тускло освещённое, сырое и холодное место, с почти полностью отвалившейся облицовочной плиткой на стенах. Внутри его находились металлические стеллажи, заставленные разнообразными вещами. К поручням нижних полок, наручниками, за обе руки, были прикованы три человека. При входе, слева, на полу, лежали двое, ещё один - справа.

- Твои? - спросил Шест, указывая кивком головы на лежащих людей.

Пол их узнал. Это, действительно, были его люди. Желторотый молодец, не опробованный и не испытанный, глупый и наивный, но вполне возможно, уже дерзкий и наглый.

Парень, который лежал особняком, имел кличку Парус. Она ему досталась от формы живота, который, не смотря на юный возраст хозяина, действительно напоминал наполненный ветром парус. Парень имел крупное телосложение и, скорее всего, главенствовал в этой тройке

- Они "щипали" Ежёвку. А Ежёвка, как ты знаешь - мой район - докладывал Шест.

Весь город, по сферам влияния, был разделён на два района. Один контролировал Шест, второй - Пол. Но это деление было условным. Фактически в городе действовала одна преступная группировка, и руководил ей один человек. Это был Ферзь. И не потому, что он был самый крутой. А потому, что имел обширные связи и во властных структурах в том числе. Он обо всех всё знал, всё видел и держал всё под контролем. Конечно, Ферзь был не глуп. Иначе не владел бы двумя преуспевающими компаниями. Именно этим он заработал свой авторитет как с одной стороны закона, так и с другой. Его полная настоящая биография никому не была известна, но то обстоятельство, что он отлично чувствовал себя среди уркаганов, говорило о бурном криминальном прошлом. Можно сказать, что Ферзь, среди преступности, являлся своеобразным законодателем, хотя все его решения обсуждались на сходках. Все остальные: Пол, Шест, Бахча и Гудвин, были исполнителями. Но и среди исполнителей существовала иерархия, в которой Шест и Пол находились на одной ступеньке. Они были как бы равными по статусу, но это равенство и раздражала Пола. Он видел, что авторитет Шеста, по какой-то причине, искусственно завышен

Ферзём, Ведь всю ответственную и грязную работу исполнял он, Пол. Его раздражал не столько дутый авторитет соперника, сколько его поведение, а именно - когда Шест, по отношению к Полу вёл себя довольно нагло. Однажды Полу понадобился "медвежатник". Это был его человек, просто жил в другом районе.

- А что это ты моих людей используешь, без моего ведома? - спросил при встрече Шест.

Пол никогда не ругался и не скандалил. Он сразу бил в морду. А мог и стрелять.

Шест, тогда, почувствовал на себе его тяжёлый взгляд и, по-быстрому, всё перевел в шутку. Это его и спасло.

Когда идёт вражда между районами, "щипать" противника считалось делом достойным. Но если вражды нет, тем более когда "паханы" состоят в дружбе, "щипачам", уже в любом случае, не "светило" ничего хорошего.

- Делай с ними что хочешь - сказал Пол - Можешь убить. Я разрешаю.

- Не-не-не... - замахал руками и головой Шест - Это твои люди, так что - тебе решать.

Пол брезгливо скривил губы, дёрнул головой и, засунув руки в карманы брюк, подошёл к пленникам.

- Ну, что, пидаруги, навались? Что вы суёте свои тупорылые морды в чужое корыто?".

Виновники тяжело дышали и испуганно смотрели на Пола.

Не получив ответа, он какое-то время стоял молча, потом вдруг резко наклонился над ближайшим к нему парнем.

- Ааа???!!!...

Этот был вопросительно-угрожающим крик, после которого, обычно, следовал удар.

- Он, он во всем виноват... - затараторил парень, над которым наклонился Пол, одновременно указывая ногой на Паруса - Я ему говорил: Ежёвка - чужой район. А он, не ссы, мол, мы его сделаем своим, когда будем самостоятельно летать...

Казалось, внутри Пола что-то взорвалось и горячая волна от этого взрыва, мгновенно распространилось по всему телу, затмевая сознание и заставляя тело производить какие-то механические, произвольные движения. Он выпрямился, одновременно достал из внутреннего кармана пиджака пистолет, и, не глядя в сторону Паруса, выстрелил в него три раза подряд.

Когда волна гнева откатилась, в сознании обнажилась последствия этого затмения: парень, возле которого стоял Пол, сучил ногами, словно хотел отодвинуться, но не мог. Парус лежал на боку вытаращив глаза и открытым ртом хрипло изрыгал звук - а -. Его правая нога конвульсивно дёргалась.

- Пол! Ты... ты что делаешь?...

Шест смотрел на него удивлённо-растерянным взглядом, выставив перед собой правую руку с растопыренными пальцами.

Пол глубоко вздохнул и закрыл глаза.

- Кто ещё хочет свободного полёта? - спросил он спустя какое-то время и посмотрел на лежащих людей.

От этого взгляда, один из них задышал по-собачьи и даже заскулил.

- Пол, прекрати! - закричал Шест и, сделав к нему шаг, остановился - Почему здесь? Не надо здесь... Ну, что теперь делать? Скорую вызвать что ли?...

Последние слова он произнёс совсем уж потерянно.

Пол повёл плечами, словно разминал спину после тяжёлой, длительной ноши, затем приставил пистолет к голове Паруса и выстрелил.

- Не надо скорую - сказал он и повернулся к Шесту - Нужен большой кусок полиэтилена. Желательно не дырявый. Ну, в крайнем случае - большие мешки для мусора. Штук пять, как минимум.

- Ничего у меня нет - застонал Шест.

- Ну, так найди! - повышая голос, проговорил Пол, разводя в стороны руки - И отстегни этих - добавил он, указывая пистолетом на лежащих людей.

Пол заехал во двор ресторана, задом подогнал машину вплотную к невзрачным дверям, находящимся за рампой.

Дружки Паруса вывезли его тело, закатанное в полиэтилен и перевязанное скотчем, на низкой тележке, с широкой площадкой, на которой, скорее всего, доставляли на кухню продукты. Его закинули в багажник чёрного BMW, затем сели в машину и выехали со двора.

Проводив их взглядом, Шест ещё долго ходил возле рампы, нервно выкуривая одну сигарету за другой.

Пол вёл себя спокойно, и так же управлял автомобилем. Они выехали за город и около двух часов двигались в северо-западном направлении. Потом свернули с трассы и через несколько километров подъехали к небольшой деревушке. Оставив машину на обочине, возле раскидистого куста лозы, Пол направился в сторону дома на отшибе, с несколькими полуразвалившимися сарайчиками.

Он вернулся через минут пять вместе с мужиком: не стриженным, не бритым, одетым в костюм сварщика, почти полностью перепачканный сажей. Под мышкой мужчина нёс объемный матерчатый свёрток, а в другой руке - ведро с мятыми боками. Всю эту ношу он бросил в багажник, поверх труп. Пол закрыл дверцу, сел в машину и поехал дальше. За стелой с надписью "Бокалинский государственный заповедник" машина свернута направо и часа полтора двигалась по лесной, узкой, но асфальтированной дороге. Потом они съехали на просёлочную и спустя километра полтора, остановилась.

Пол долго ходил вокруг машины, осматривался и прислушивался. Наконец открыл багажник и приказал пассажирам вылезать. Он взял свёрток и ведро, а его спутники упакованный труп.

Они шли довольно долго и, наконец, остановились на краю небольшой поляны.

- Здесь - сказал Пол, осматриваясь по сторонам.

Матерчатый свёрток состоял из двух больших кусков брезента и двух совковых лопат.

- Аккуратно снимаете дерн, ложите на брезент. Землю высыпаете отдельно, на другой кусок брезента. Капать здесь - Пол топнул ногой и указал пальцем, где им следовало копать - Яма должна быть, два метра на полтора и два вглубь.

Грунт был песчаный, капалось легко. Они управились в течении двух часов.

Когда тело Паруса глухо шлёпнулось о дно ямы, процесс пошёл в обратном порядке.

Оставшеюся землю снесли и выбросили в реку, протекавшую в метрах ста отсюда. В общем, снаружи ничего не говорило о том, что здесь, под двухметровым слоем земли, покоится тело человека, бывшего хулигана и задиры, ставшего ещё в юном возрасте на путь криминала и павшего от его же.

В город они прибыли, когда уже начало смеркаться.

Пол остановился при въезде, недалеко от новостройки, где жило ещё мало людей, но общественный транспорт уже ходил. Он заглушил мотор, облокотился на руль и стал говорить, глядя вперёд.

- Вы живёте, пока молчите. Если кто-то из вас, под кайфом, под наркозом, под пытками обмолвится хотя бы словом - вам конец. Вас тогда уже ничто и никто не спасёт: ни бега, ни глушь беспросветная, ни камера одиночка. Это уже дело времени. От меня ещё никто не ушёл.

Он говорил спокойно, монотонно, даже тихо, словно давал какие-то дружеские советы или рекомендации. Но именно в этом спокойствии угрозы было больше, чем в истошных криках и ругательстве.

- Вместе сочините правдоподобную легенду, обсудите мельчайшие детали, чтобы базар был одинаковым, куда он мог исчезнуть, когда и где вы его последний раз видели.

- Он собирался со своей тёлкой в Турцию махнуть. Помнишь, говорил - шибану бабла и в Анталию - сказал один из парней глядя в лицо товарищу.

- Да... - ответил тот, утвердительно кивнув головой.

Это были первые слова произнесённые ими с того времени как с них сняли наручники.

- Сидите спокойно, не дергайтесь, не рисуйтесь. Одежду, которая теперь на вас, снять и сжечь.. Всю, вплоть до трусов. Хорошенько помыться, привести себя в божеский вид. Успокоиться и не паниковать. Понятно? Если вы мне понадобится, я вас найду. Всё.

"Надо помыть салон. Потам провонял" - подумал Пол, после того как его пассажиры оставили машину.

Когда он, поставив автомобиль на стоянку, подходил к своему дому, включились уличные фонари.

Возле самого подъезда его окликнул по имени голос из темноты. Присмотревшись, Пол заметил знакомый "Мерседес".

- Иди сюда! - властно позвал его Ферзь через открытое окно.

Пол подходил медленно, лениво переступая ногами и остановился в двух метрах от автомобиля.

- Садись... - скорее прорычал, чем произнёс Ферзь, указывая кивком коротко стриженной головы на место рядом с собой.

Пол поднял к небу глаза, медленно посмотрел по сторонам, вздохнул полной грудью.

- Душно у тебя там... - сказал он на выдохе.

- Вася, сядь... - уже просящим тоном повторил Ферзь, после чего Пол выполнил эту просьбу.

- Пол, что ты творишь? Что, ты, творишь? - вполголоса спрашивал Ферзь, легонько стуча обеими руками по рулю - Мы теперь должны сидеть как мышь под веником. А ты махаешь стволом налево и направо. На самом деле, от него надо избавляться, а ты, мало того, что везде таскаешь с собой, так ещё и следишь им. Это меченый ствол. Понимаешь? Ну, вот что тебе сделал тот парень? Тебе, лично тебе? За что ты его пристрелил? Он же ещё пацан, жизни не видел. Нам надо работать с такими, воспитывать. Если мы этого не сделаем, это сделают другие. Но они настроят их против нас. Понимаешь? И потом мы мучаемся проблемой - кто займёт наше место? В любой семье должна быть преемственность, чтобы сохранить и передать накопленный опыт, иначе, мы будем постоянно наступать на одни и те же грабли, и ходить с расшибленными лбами.

Пол тяжело вздохнул, потом достал из кармана пачку сигарет, ловким движением пальцев выбил вверх одну из них и, поднеся ко рту, захватил губами. Затем, щёлкнув зажигалкой, прикурил, затянулся, выпустил на лобовое стекло густую струю синего дыма.

Пол знал, что Ферзь, как впрочем, и он сам, не курит в машине. Но теперь, таким образом, он, как бы, бросал ему вызов. Это действие красноречивей всяких слов говорило о том, что он живёт по своим правилам и готов отвечать за свои поступки.

Ферзь всё это время удивленно смотрел на его профиль.

- Пол, ты в порядке? - наконец спросил он.

- Ты знаешь, как появляется болезни, и, в частности - рак? - Пол словно не слышал его вопроса и отрешённо говорил сам с собой - Это ведь, в сущности, ты сам, твоя плоть, клетки твоего собственного организма. Ведь у каждой твоей клетки, на каком-то уровне, подробно прописано: как она должна жить, чем заниматься в этой жизни, какие у неё обязанности. А у неё есть обязанности. Посмотри на себя, на своё тело. Каждая клетка, каждая точка для чего-то служит. Но вдруг эта клетка, по каким-то причинам перестаёт исполнять возложенные на неё обязанности. Она, как и раньше, получает всё те же питательные вещества, но не выполняет положенных действия: не расщепляет белок, не очищает кровь, не борется с вирусами и так далее. Она живёт какой-то своей, особенной клеточной жизнью, которая тебе не нужна. Но она при этом регулярно питается и размножается. В конце концов, она захватывает весь орган и тогда уже он не выполняет свою функцию. А без органа, особенно который жизненно важен, человек погибает. Но началось то всё с маленькой, микроскопической клетки. Кстати, в организме присутствуют такие клетки, которые контролируют правильную работу себе подобных и, обнаружив нарушение, уничтожают их.

Однако, по каким-то причинам, может быть под влияние каких-то своих демократических принципов, существующих на клеточном уровне, из-за какого-то своего благородства или гуманности, они их не трогают. Те растут, крепнут и, образно говоря, захватывают власть.

- Ага, ползучий переворот - съязвил Ферзь, но Пол его не услышал.

- Всё зависит от дисциплины - продолжал он тем же тоном - чем крепче дисциплина, тем здоровее организм. Если положено тебе убирать мусор, значит, убирай и не рассуждай. Если положено тебе мочиться, значит мочись и молчи. Все великие империи - Римская, Османская и так далее - погибли от собственного разгильдяйства, от того, что ослабили дисциплину внутри себя. Они либо начали гнить изнутри и развалились, либо, по этой же причине, ослабли настолько, что их уничтожили внешние враги. Есть закон, который следует всем исполнять и по которому следует жить. Если кто-то по каким-то причинам его нарушает, или пытается изменить, тех без колебаний под нож. Общество должно требовательно относиться к своим гражданам, а человек - к себе. Только так можно избежать опасной болезни. Если человек попадает в зависимость от собственных пагубных привычек, не может совладать с соблазнами, то он уже не владеет собой. Может человеческое слабование и является причиной его же болезней?

- Хм, да ты, Пол, философ... - произнёс Ферзь и вдруг, резко повернувшись к собеседнику, зататорил, как швейная машинка, запущенная на полную мощь - А тебе никогда не приходило в голову, что раковой опухолью больше являешься ты, чем тот парнишка? Это, может быть, тебя надо под нож! Ведь ты... точнее - мы, в сущности, живём за чужой счёт. Мы ворует, грабим, обманываем. И если ради этого надо убить - убиваем. Но что бы у кого-то, что-то отнять, надо, чтобы у кого-то, это что-то появилось. Мы ведь, это "что-то" не производим, а существуем за счёт "сирой массы", простого работяги, который пашет с утра до вечера. Какая ему от нас польза? Если он склеит лапы, мы сделаем то же самое. Мы что-то производим только на зоне, а в гражданском обществе мы паразиты, живущие за его счёт. Да, у нас теперь легальный бизнес, но он основан на деньгах заработанных нелегальным путём. И я скажу больше - он замешен на кровавых деньгах. Понимаешь?

Они какое-то время молча смотрели друг другу в глаза.

Наконец Пол медленно отвёл взгляд.

- Может быть и меня - согласился он.

Ферзь тяжело вздохнул и, откинувшись назад, положил голову на подголовник сиденья.

- В общем, так - будем надеется на лучшее. Будем надеется, что ты, как обычно, всё сделал аккуратно и что твои пацаны будут молчать. Иначе...

- Первый раз что ли... - небрежно брошенная Полом фраза осталась без внимания.

- Иначе у нас будут большие проблемы. И в первую очередь - у тебя.

Ферзь отвернулся и долго смотрел в открытое окно.

- И, кстати... - произнёс он на улицу, но закончил фразу, обращаясь к человеку, сидящему в салоне - Рак, чаще всего, бывает от курения. Клеткам твоего организма нужен кислород, а не эта дрянь. Мы сами себе создаём проблемы и в итоге от них же и погибаем. Вот так. Ладно... Всё, иди...

Проводив взглядом отъезжающий "Мерседес", Пол резко швырнул в сторону фильтр от сгоревшей сигареты.

- Всё. Я больше не курю - произнёс он вполголоса, но твёрдо и решительно.

Это были не просто слова, не объявление о намерениях, не пожелания самому себе. Сказав это Пол был уверен, что больше никогда в жизни не возьмётся за сигарету. И не потому, что он испугался болезни. А просто потому, что это был его жизненный принцип: сказал, значит сделал. Он жёстко относился, в первую очередь, к самому себе.

Открытую пачку сигарет он положил на самом видном месте и потом, всегда натываясь на её взглядом, вспоминал данную себе установку - "Я, бросил, курить". Нельзя сказать, что он особенно остро испытывал физическую потребность в никотине. По сравнению с карцером в тюрьме, она не значила ничего. Однако были моменты, когда неосознанно рука опускалась в

карман, в поиске сигарет. Тогда снова в сознании всплывал устный запрет. Раньше, обдумывая какие-то вопросы, Пол, даже неосознанно, закуривал, но при этом не терял хода мыслей. Теперь же, данное обещание, несколько сбивало и отвлекало. Ему приходилось, иногда даже вслух, повторять - "Я бросил курить. Я бросил курить". И это был единственный недостаток, связанный с отказом от вредной привычки. Правда, со временем, появилось ещё одно явление, которое никак нельзя было воспринимать серьёзно: он начал видеть сны, в которых курил. Самое интересное - начинались они с того момента, когда сигарета уже докуривалась. То есть - не было колебаний, закурить или нет, не было искушений, а был уже свершившийся факт. И здесь же, во сне, он не на шутку пугался проявленной слабости. Пугался настолько, что просыпаться в холодном поту, до крайности злой на самого себя.

Потом, когда сознание сливалось с реальностью, он облегчённо вздыхал, расслаблялся и снова засыпал.

Однажды ему приснилось, что он курит, управляя автомобилем. В жизни он никогда так не делал. Казалось, во снах он прятался от самого себя, что бы втихаря, как школьник, выкурить сигарету.

Трасса была пуста, автомобиль двигался медленно. Пол выпускал дым в открытое окно, проклиная, на чём свет стоит себя за слабохарактерность, но при этом докуривая сигарету до последнего. И в это время его обогнал зелёный "Жигулёнок".

Пол суетливыми движениями сделал подряд три затяжки, выпустил плотную струю дыма, выбросил окурочек и, ухватившись руками за руль, нажал на газ.

BMW взвыл и, бесцеремонно пересекая две сплошные разделительные полосы, рванул вперёд.

Для мощной, восьмицилиндровой машины ни составляло труда нагнать "Жигули" первой модели. Поравнявшись с ней, Пол сбросил скорость, чтобы увидеть - кто же дерзнул его обогнать.

За рулём сидел молодой парень. Почувствовав на себе взгляд, он медленно повернул голову в сторону опережающего автомобиля.

Казалось, у Пола всё оборвалось внутри. Сердце затрепетало как раненная птица в предсмертной агонии - посередине лба у парня находилось тёмное пятно, от которого кровавая струя, отпускаясь через переносицу на правую щёку и дальше стекала вниз по лицу.

"Это же... мент" - промелькнувшая мысль была подобна молнии, пронзившей его тело.

В это время, громадная фура, неизвестно откуда появившаяся на встречной полосе, с бешеной скоростью неслась на Пола. Он успел её заметить только в последнее мгновение...

Пол сидел на кровати и тяжело дышал. Трубный, протяжный звук клаксона, искажённый суммой скоростей двух автомобилей, стоял в ушах. Мокрые от пота волосы слиплись на лбу. Первый раз в жизни он почувствовал, что такое кошмарный сон, в котором не было шансов выжить.

Он долго лежал на спине, сбросив с себя одеяло и раскинув в стороны руки.

"А мертвецы мне раньше не снились..."

Явившаяся мысль не вызвала эмоций. Она уже даже покоилась на волнах сладостной дремоты, постепенно уносившей его в тихие объятия короткого сна.

Но вдруг Пол снова подхватился, словно его тело окатили ледяной водой, и с глубоким вдохом сел на кровати.

"Та девушка, из банка, которая нам открывала двери, чтобы впустить ментов... Это же она тогда сидела в зелёных "Жигулях"... Она меня узнала... И это был не сон".

Пол достал из пачки сигарету, остановился в тревожной задумчивости и, глядя в пустоту, растёр её между пальцев.

Он не мог поверить, но сопоставляя в воображении лица, всё больше убеждался, что это, всё-таки она.

Ферзь выслушал его очень внимательно.

- Но ведь ты был в маске - сказал он - Или ты снимал маску?

- Нет.

- Тогда как она тебя узнала? Ты, наверно, всё-таки, что-то перепутал. Или она обозналась. Понимаешь, по своим каналам я контролирую ситуацию. А ситуация на девяносто пять процентов складывается в нашу пользу. Ведь в действительности никто не верит, что всё получилось случайно: отключенная, для ремонта, сигнализация и видеонаблюдение, открытые двери комнат и сейфа. Следы быют на то, что это ограбление организовали сами работники банка. Вот, кстати, твой мент, это и есть пять процентов сомнения, которые всё портит. Зачем ты стрелял в него? Мог бы, проста, дать в лоб, и тот бы отрубился. Макруха их сильно смущает. Я, конечно, поинтересуюсь, какие там новости, но мне кажется твои беспокойства напрасны.

Ферзь позвонил на следующий день и, без встреч, в открытую, выложил всё - "Я говорил тебе - твой мандраж дутый. Эту девку зовут Ирина Дигалевская. После того случая, у неё "поехала крыша" и она теперь находится в "Сорочиной роще", в дурдоме, в стационаре. У тебя глюки, Пол".

В Сорочиной роще действительно жили сороки. Но эта птица к названию местности не имела никого отношения. Просто когда-то помещик Сорокин, на свои средства, построил здесь приют для душевнобольных и, поскольку, сам был врач, специализировавшимся на нервных расстройствах, то здесь жил и работал.

Растущий, в период индустриализации, город, хищнической походкой подобрался к Сорочиной роще и, словно в нерешительности, остановился на опушке. Отсюда, лесом, к лечебнице, было километра два.

Весь комплекс зданий: стационар, хозяйственные постройки, общежитие, были обнесены высоким каменным забором.

Во все времена, во всех обществах, появлялись люди с неустойчивой психикой. И если росла численность населения, то росло и количество душевнобольных.

Если вначале здесь преобладали одноэтажные здания, то со временем появились многоэтажные корпуса, соединенные между собой закрытыми переходами. Единственное, что осталось нетронутым со дня основания - дворовая территория, являющейся зоной отдыха и прогулок для пациентов стационара. Теперь, как и раньше, половина её находилась под сенью высоченных сосен и елей, а половина являла из себя почти открытую местность, где среди цветочных клумб и стриженных кустов извивались асфальтированные дорожки с окрашенными скамейками по бокам.

Центральный вход был расположен в современном пятиэтажном здании со светлым, просторным холлом. Здесь также находились гардероб, справочная, буфет и пост охраны. Вдоль стен и окон стояли фанерные стулья, по пять штук в каждой сборке, с откидными сиденьями.

В справочной Полу сказали, что Ирина Дигалевская действительно находится здесь. На вопрос, можно ли её увидеть, ответили, что это решает только заведующий отделением, врач по фамилии Могур, кабинет которого находится на третьем этаже административного здания.

Могур был мужчина лет сорока. Черноволосый, с глубокими лобными залысинами, выпирающим вперёд острым подбородком и тонкими губами.

- Без изменений... - ответил он, выслушав вопрос Пола о состоянии здоровья пациентки - Лечение, пока, не дало результатов. Мы бы вам сообщили, если бы наметился какой-то прогресс.

- Кому это - вам? - спросил Пол.

- А вы разве не из милиции? - удивился врач.

- Нет.

- Тогда, кто же вы?

- Я... я её знакомый... Можно сказать - дальний родственник...

- А... ну, понятно... - ехидная улыбка на лице врача говорила о том, что тот всё понял по своему - Конечно, девушка красивая. Почему бы дальним родственникам не поинтересоваться... Вы в курсе что произошло? От сильного стресса она впала в гипокINETический, реактивный ступор с внезапно возникающим кратковременным патологическим аффектом, сопровождающимся

агрессивными и разрушительными действиями. Проще говоря - сознания нет, реакции на раздражители тоже. Себя не контролирует, испражняется там, где стоит. Но во время вспышки гнева опасна для окружающих. Мы её изолировали. Недавно у меня был похожий случай, совершенно банальная история: перегорела лампочка в ночнике и мужчина закрутил новую. Но когда закручивал, закоротил в цоколе. Вилку в розетку сунул, а оттуда - бах! В общем - два дня находился в таком состоянии. В себя пришёл и, что, где - ничего не помнит. С девушкой, я чувствую, будет сложнее...

- Увидеть её можно? - поинтересовался Пол.

Врач пристально посмотрел ему в глаза и спросил - "А вы уверены, что хотите это видеть?".

После положительного ответа он поднял трубку телефона и сказал - "Милочка, зайди ко мне".

По этим словам, можно было предположить, что врач так обращается ко всем женщинам. Но когда "милочка" вошла в кабинет, возникло подозрение, что это, скорее всего, её собственное имя.

Первое что бросалось в глаза - молодая, длинноногая девушка, с точёной фигурой, в коротком, ослепительно белом, халате. Лицо симпатичное, контрастное: ярко красные губы, белая кожа, брови и волосы чёрные.

- Вот, дальний родственник хочет увидеть эээ... - врач открыл папку и посмотрел на запись - Дигалевскую Ирину, из четвёртой палаты. Проводи его.

"Милочка" с той же улыбочкой, как и Могур, посмотрела на Пола.

- Я на него халат не найду - сказала она и скривила накрашенные губы.

- Пусть любой просто накинет на плечи - посоветовал врач.

Они шли путями похожими на лабиринт, спустились лифтом и снова стали петлять по коридорам. Пройдя через просторный холл, где за столом сидел полный мужчина в белом халате, они снова вошли в коридор и остановились у нужной двери.

Пол склонился к решётчатому окошку, на которое взглядом указала провожатая.

В палате, кроме железной кровати, не было ничего. На кровати, прикрытый одеялом, лежал человек.

- Внутри можно войти? - спросил Пол.

Девушка тяжело вздохнула и слегка изобразила недовольную гримасу на лице.

- Только предупреждаю - там ещё не убрали - сказала она и крикнула в сторону поста - Андреевич, откройте четвёртую палату!

Судя по запаху здесь вообще никогда не убрали. "Аромат" свежих человеческих экскрементов витал в воздухе, хотя их и не было видно. На жёлтой стене проявлялось множество затёртых бурых пятен и полос, о происхождении которых не трудно было догадаться. Казалось, вся скудная обстановка данного помещения пропиталась запахам застоявшихся испражнений.

Девушка лежала на спине, повернув голову к стене. Её длинные, светлые волосы закрывали лицо. Чтобы его увидеть, Полу пришлось отодвинуть прядь.

На данный момент она, скорее всего, находилась под действием успокоительных препаратов. Из её полукрытого рта вытекала слюна, на подушке в этом месте образовалось тёмное пятно. Правая рука и нога пациентки были привязаны ремнями к кровати.

Пол хотел, чтобы она была похожа на девушку из банка и не похожа на девушку из "Жигулей". Лицо первой он помнил довольно смутно, лицо второй - отчётливо и ясно. Теперь, всматриваясь в её профиль, он не замечал похожих черт с последней. Или, попросту, может быть, не хотел их замечать.

"Конечно, если любой женщине, сделать такую же причёску, так же одеть и накрастить, она будет на её похожа" - мелькнула мысль.

За всё время нахождения в палате, он, сам того не замечая, затаил дыхание и старался не смотреть по сторонам. Ему казалось, что дыша и глядя, он, таким образом, наполняется зловоньем и пачкается в нечистоты.

Полной грудью он вздохнул только в холе, возле поста.

- Она всегда привязана? - спросил он у "милочки".

- Да. Если во сне свалится с кровати, то дальше уже спит на полу. Поэтому нам приходится её фиксировать.

- Скажите, она с самого начала была в таком состоянии? Ей не становилось лучше?

- Нет.

- А не могли её, к примеру, посетители, вывезти за пределы этого заведения, ну, скажем, в виде прогулки?

- У неё, кроме следователя, не было посетителей. Вы первый. К тому же, без нашего разрешения, не то, что за пределы этого здания, из палаты никто никого из пациентов не выведет.

Пол внимательно осмотрел холл, задержался взглядом на зарешётчатых окнах, потом на двух мужиках, внушительной комплекции, в белых халатах.

- Сбежать отсюда можно?

- Исключено! - твёрдо ответила "милочка" Милочка - А вот нападения пациентов на медработников - были. И довольно часто.

- Она? - Пол кивнул в сторону палаты.

- Ну, она так в открытую не нападала, но признаки агрессии, временами, проявлялись. Так что при возможности, вполне могла это сделать

Находясь на стоянке у своей машины, Пол окинул придирчивым взглядом весь комплекс зданий психиатрической лечебницы.

"Сверху забора, я бы ещё натянул колючую проволоку и пустил ток" - подумал он.

На радостях, в этот же день, он позвонил Ферзю и прямо по телефону, почти открытым текстом рассказал о своих похождениях. Тот в ответ долго молчал, потом, занудно-ноющим тоном начал читать нотацию.

- Ну, зачем ты гонишь волну? Ты мне не доверяешь? Зачем ты туда пошёл? Зачем ты лишний раз рисуешься? Твой приход отмечали? Пропуск выписывали? Прошёл без пропуска? Всё равно, видеокамеры тебя зафиксировали. Хотя, с другой стороны - ты принёс ценную информацию: эту Диголевскую, по-видимому, не считают важным свидетелем, иначе, возле палаты установили бы милицкий пост. Пол, расслабься, успокойся, отдохни. Съезди куда-нибудь, развейся. Кстати, в эту субботу мы собираемся на дачу. Давай с нами. А? Шашлыки изобразим. Моя жена готовит мясо не хуже Гудвина.

- Нет, в субботу не могу. В эту субботу иду к "Мичману" на именины.

У директора рынка, где Пол держал две торговые точки, кличка была "Мичман", а фамилия - Мишман. Разницы в произношение почти не улавливалась, поэтому если кто-то хотел выделить его кличку, произносил букву -ч- мягко и растянуто.

В самом начале, когда Пол взял этот район, здесь, на рынке, как, впрочем, и по всему городу, царили "разброд и шатание". Мелкие группировки хулиганов дрались между собой, создавая, тем самым, дискомфорт в общественной жизни города. Казалось - все, в том числе и властные структуры, где тоже происходила своя неразбериха, жаждали какого-то порядка.

Пол быстро разобрался с криминалитетом, установил иерархию и общий воровской закон, и, поскольку оказал такую же услугу Шесту, то с полным правом мог считать, что навёл порядок во всём городе.

Как ни странно, но после этого и во властных структурах тоже всё более-менее организовалось и стабилизировалось.

Директорам рынка, на то время, был человек предпенсионного возраста. Он особо не вникал в суть происходящего, не лез не в своё дело и доработал до пенсии. На его место назначили человека с фамилией Бодай. По характеру он был упрямый, своенравный, бескомпромиссный. Ему, конечно, сразу дали понять, что "братва здесь имеет вес". Но об этом он даже слушать не хотел.

Что в городе Шатузол существует организованная преступность, власть знала. Но раскрыть и ликвидировать её не получалось в силу хорошей организованности последней. Открытого противостояния власти и криминала не было. Здесь как бы, каждая структура жила своей жизнью. Хулиганы - хулиганили, воры - воровали, грабители - грабили и так далее. В свою очередь, менты их ловили, прокуроры давали срока, судьи сажали. Следователи, однако же, в некоторых случаях, замечали, что есть преступления, за которыми стоит кто-то ещё. Но это вычислялось только теоретически. Прямых улик не было, никто никого не сдавал, уличённые в преступлении, как бы даже охотно брали всё на себя. И это всех устраивало. Руководство следов за "глухари" не поощряло. Да и зачем им лишние проблемы, если всё хорошо сходится: преступник сознаётся в содеянном, факты это подтверждают. Криминал, в свою очередь, тоже не наглел. Если, к примеру, власть издавала закон, который где-то, в чём-то перекрывал им кислород, то криминал старался его обойти или подстроиться. Войны как таковой, с подрывами автомобилей, кровавыми перестрелками, погонями, поножовщиной, мордобоем не было. Но совсем другое дело, если отдельный чиновник, в силу своей принципиальности, амбициозности или неприязни к кому-то или чему-то, сам нарушал закон. Вот тогда криминал старался урвать себе кусок побольше. Так было и с Бодаем.

Контингент, работающий на рынке, на добрую треть состоял из бывших зеков. Кто-то был в "деле", кто-то в "завязке". Толковые и проворные держали свой бизнес, "конченные" побирались и стояли на подхвате. Существовало негласное общество торговцев, в котором регулировался ассортимент реализуемого товара, чтобы не погореть на конкуренции. Мало того, что Бодай игнорировал братву, так он ещё подмял под себя лучшие торговые точки, посадил туда своих людей, где законно, где незаконно, дал им всевозможные льготы. От этого цена на определённые виды товара на рынке упала.

И вот как-то раз, в кабинет к Бодаю, с просьбой открыть на рынке торговую точку, зашла эффектного вида девушка, внешность которой, казалось, кричала - "Возьми меня!". Директор без колебаний воспользовался её не гласным призывом прямо на рабочем месте. Но он не мог даже предположить, что уже где-то через час после его грехопадения, в районное отделение милиции ляжет заявление о изнасиловании. Правда, как потом выяснилось, заявление писала совсем не та особа, которая искусила Бодая. И хотя он её видел первый раз в жизни, та предоставила полный комплект доказательств: медицинское заключение, синяки, царапины на теле, изорванная одежда и бельё, на котором насильник оставил свои следы. Особенно Бодай возмущался тем, что его секретарша из приёмной и охранник, что при входе в здание, подтвердили приход этой дамы, как раз в то время, когда он вкушал прелести смазливой красотишки. Потом, через какое-то время к нему явился интеллигентного вида мужчина и, зачитав 131 статью Уголовного Кодекса, стал подробно расписывать, что случается с теми, кто попадает с ней на зону. В конце он прямо так и сказал, что за определённую сумму заявление могут забрать. В общем, до суда дело не дошло, но Бодай лишился очень крупной суммы денег. Как только всё наладилось, он уволился с работы и уехал из города. На его место назначили Мишмана. Тот сразу определил, откуда "дует ветер" и интуитивно вышел на Пола.

Пол не нуждался в этой дружбе, но и отвергать не стал.

Торжество отмечалось в ресторане под названием "Цветок папоротника".

В просторном зале, на первом этаже, собралось много людей.

Мишман с женой, разодетые и улыбающиеся, встречали гостей и принимали подарки.

Пол хотел быть незаметным и у него это получалось: неожиданно появился из-за спины какой-то супружеской пары, вручил подарок имениннику. В ответ получил благодарность и лучезарную улыбку.

Он только повернулся, чтобы отойти в сторону и снова слиться с толпой, как вдруг, почти в прямом смысле, наткнулся на молодую, красивую девушку.

Последний раз дочку Мишмана, Ису, он видел года три назад. Это была худенькая, рыжеволосая, конопатая девчушка, с редкими зубами. Пол тогда, проходя мимо, шутки ради, легонько щёлкнул её по курносому носику и она в ответ засмеялась. Теперь же перед ним стояла высокая, пышногрудая красавица и, глядя в глаза, мило улыбалась.

Мишман и его жена, внешне не блистали красотой. Дочь же, казалось, взяла от них только самые лучшие черты. Но Пола поразило совсем другое...

На ней было одето длинное зелёное платье, плотно облегающее изящную фигуру и подчёркивающее все изгибы и выпуклости. С левой стороны, чуть выше груди, где-то на уровне подбородка, к платью крепилась ярко-красная роза. Объёмную копну рыжих волос, она зачесала назад и сверху покрыла лёгкой голубой шалью. Теперь, внешне, она была очень похожа на изображённую на карте даму червей, которую когда-то, находясь у Лисы, Пол держал в руке.

Это сходство настолько поразило его, что он долгое время стоял как вкопанный, вытаращив на девушку глаза и открыв рот. А она, игриво прищурившись, тоже смотрела на него и улыбалась.

"Этого не может быть - первая мысль, которая появилась в сознании Пола после психологического суппорта, длившегося несколько минут - Она же несовершеннолетняя. Ей нет восемнадцати. Нет, все эти гадания и предсказания - чепуха... Всё чушь, случайное стечение обстоятельств, совпадение, обобщённые фразы и не более того".

За столом девушка сидела почти напротив, всего лишь через нескольких человек влево и он постоянно чувствовал на себе её взгляд.

Может быть от этого взгляда, может от сорта спиртного, может от обилия закуски, но хмель его не брал.

Пол никогда не любил "рисоваться". Он, обычно, молча наблюдал за всем со стороны. Из собравшихся мало кого знал, поэтому теперь с гостями почти не общался.

План "слинять", появился в первом перерыве, когда гости встали из-за стола покурить, размяться, потанцевать. Свой уход Пол решил осуществить тихо и незаметно.

На одном уровне с залом располагалась светлая, просторная, застеклённая лоджия, уставленная разнообразными декоративными растениями, обилие коих превращало это место в подобие тропического леса. Сюда, обычно, приходили отдохнуть от шума застолий, поговорить по душам. Молодые подвыпившие парочки шушукались и без стеснения целовались. А вот курить здесь запрещалось, за этим строго следила администрация.

Пол проскользнул сюда незаметно и сразу же затерялся среди растений. Конечно, он мог бы смешаться с толпой и, улучшив момент, покинуть ресторан через главный вход. Но ему казалось, что если он так поступит, то обязательно где-нибудь по дороге встретиться с Мишманом. Тот, скорее всего, сочтёт его уход признаком какого-то недовольства и, по меньшей мере, расстроится. К тому же, кому-нибудь из знакомых или не знакомых Полу людей на подпитии, обязательно захочется "почесать" с ним языком на какую-нибудь пустую тему.

Пол рассчитывал выждать время, пока основная масса людей, облегчившись и накурившись, вернётся в зал и бросится в танцы, к чему уже во всю призывала громкая музыка. Тогда он незаметно покинул бы своё убежище, спустился по широкой лестнице на первый этаж и ушёл незамеченным. И на его отсутствие, скорее всего, никто не обратил бы внимание.

Свежий поток воздуха, через настежь открытую раму, проникал на веранду и заигрывал с листьями растений. Пол стал на его пути и несколько раз вдохнул полной грудью.

- Скучаете? - вдруг услышал он голос за спиной и резко повернулся.

Чуть присев на краю высокой кадки, в которой произрастал широколистный развесистый фикус, на него смотрела Иса.

- Ты... - растерянно произнёс Пол и, бросив короткий взгляд на двери, ведущие в зал, добавил - почему не танцуешь?

- А меня никто не приглашает - с обидой ответила она и, чуть наклонившись, стала рассматривать носки своих туфелек.

Пол чувствовал себя неловко. Его тело, казалось, окаменело и сердце, как пойманная птица, обезумевшая от панического страха, трепетало и билось о стенки могучей груди. Он понимал, надо что-то сказать, но слова не находились а горло сдавило внезапно нахлынувшим спазмом.

- Ты уже совсем большая - наконец хрипло выдавил он из себя, после чего слегка прокашлялся.

- Да, я уже вступила в детородный период - произнесла она и, как бы в подтверждение сказанного, выставила в разрез платья обнажённую до половины бедра, изящную ножку и несколько раз согнула её в колене.

Воцарившееся молчание тянулось около минуты.

- Наверно... наверно мальчик есть? - наконец, всё так же растерянно, поинтересовался Пол.

Иса подняла голову и пристально посмотрела ему в глаза.

Пол никогда не задумывался над определением красоты. Он мог понять - нравиться, не нравиться. Красиво или не красиво - он не осознавал. Но глядя на эти рыжие волосы, на круглое личико, на курносый нос с канапушками, на эти розовые полные губы и чёрные, пусть и подведённые брови, он, вдруг, поймал себя на мысли, что она, оказывается, красивая. Взгляд её ясных, голубых как небо, глаз, словно рентгеновские лучи проникал в его окаменевшую душу и беспрепятственно хозяйничал там, возбуждая тем самым, непонятные и до селе неизведанные чувства.

- А мальчик мне зачем? - удивлённо спросила Иса - У меня с ровесниками очень мало общих интересов. У мальчишек теперь период гиперсексуальности и все их разговоры, в общем-то, сводятся к одной теме, в то время как в этом возрасте надо думать о учёбе, образовании, карьере. К тому же мальчик, точнее мужчина, нужен для создания семьи, для продолжения рода. А я, лично, не вижу с кем из своих сверстников можно продолжить род. Ведь, в сущности, продолжение рода, это передача будущему поколению наследственных качеств. А какие качества может передать моё поколение?

Иса подошла и стала рядом с Полом. Она какое-то время молча смотрела в окно, потом скрестила руки на груди и с грустью продолжала.

- Численность населения на планете неуклонно растёт и человечество, везде и всюду, стремится создать для себя материальные блага. Но при этом, в процессе производства и жизнедеятельности, образуются отходы, многие из которых токсичны и вредны для всего живого. Токсины попадают в окружающую среду и отравляют её. Мы дышим отравленным воздухом, едим отравленную пищу, пьём отравленную воду. Всё это негативно отражается на здоровье людей, и этот негатив передаётся по наследству. Самое страшное, что приобретённые таким образом болезни, записываются на генетическом уровне. Мои ровесники не блещут здоровьем хотя бы потому, что их родители, и матери в первую очередь, даже во время беременности курили. Вдобавок, почти вся современная молодёжь употребляет спиртное и наркотики. Так кому рожать и от кого? К тому же, я считаю, что жизненные навыки также записываются на генетическом уровне и передаются по наследству. Если ты чего-то добился в жизни, что-то приобрёл, что-то пережил, то это тоже зафиксировано и эти качества передадутся детям. А мои ровесники? Что они видели? Что они пережили? Что они приобрели? Теперь, в наше время, если от кого и следует рожать, так это от зрелого мужчины, человека с большим жизненным опытом, чего-то добившегося в жизни. Вот вы, к примеру, преуспевающий бизнесмен, грамотный, образованный. Родились во времена, когда технической прогресс был, не настолько развит и ещё не успел до такой степени испоганить окружающую среду. Вы не курите...

- Я курил... Я недавно бросил - перебил её Пол.

- Сами бросили?

- Да.

- Вот видите - у вас железная сила воли. Волевых людей по жизни мало, а среди моих сверстников их просто нет. Во всяком случае - я таких не знаю. К тому же, физически, вы здоровый,

крепкий мужчина - после этих слов Иса сжала пальцами его руку выше локтя - Какой у вас бицепс - почти шёпотом, восхищённо проговорила она и, в следующее мгновение, повернулась, положила вторую руку ему на грудь и медленно стала опускать вниз, к солнечному сплетению и дальше, к животу - Я чувствую силу ваших мышц, чувствую, как пульсирует кровь в ваших жилах, как бьётся ваше сердце...

Казалось, от этих слов Пола парализовало. Он стоял словно загипнотизированный, не в силах сопротивляться.

- Ах, вот вы где!

Голос Мишмана был подобен разорвавшейся бомбе.

Пол и Иса отскочили друг от друга, испуганно глядя, на стоявшего перед ними, хозяина торжества. Тот вдруг подошёл к Полу, взял его под руку и повёл за собой.

Пол, семеня ногами, как провинившийся школьник, послушно последовал за ним.

- Есть дело... - коротко бросил на ходу Мишман, направляясь в зал, где гремела музыка, призывая разгорячённую публику сбросить лишние калории, чтобы в дальнейшем загрузить их снова. Конечно, не бесплатно.

Они сели бок о бок на краю стола.

- Давай выпьем...

Мишман суетливыми движениями подставил чистую посуду, налил рюмки.

- Я знаешь, что думаю?... Я думаю на рынке перенести туалеты ближе к Северным воротам, а на их место поставить торговые ряды. Да, ходить будет далековато... Зато вьетнамцы, из кафе, не будут жаловаться на запах. А то им, видите ли "парасей несёт". К торговым точкам, с этого края пойдёт больше покупателей. Мусор забирать будет проще, машина свободно подъедет.

Пол пил, слушал, но соображал очень туго. Казалось, что теперь внутри его тела бушевал ураган, терзая и будоража своей мощью все органы. Особенно доставалось сердцу, которое трепетало как плакат на ветру. И слова Мишмана, словно бумажные листы, были разбросаны этим же ветром и теперь кружились в сознании, перепутываясь и перемешиваясь между собой.

Полу с трудом удалось собрать их вместе и сложить в более-менее осмысленную цепочку.

- А под заборами, не станут мочиться? - наконец спросил он.

- Ни в коем случае - Мишман снова налил полные рюмки - Их будут гонять сами хозяева торговых точек. Ну, давай, выпьем...

Закусывали салатом.

Вдруг Мишман, громко чавкая и сопя, начал шептать Полу на самое ухо.

- Один мой знакомый, как-то, не двусмысленно намекнул, что может достать "дурь". Он спрашивает - можно ли у нас запустить дело?

Пол начал говорить не дожевывая, поэтому слова произносились не совсем правильно.

- Никакой "дури"! Слышишь, чтобы и близко не было! Так и передай - он прожевал, проглотил и продолжал - "Дурь", стопудова потянет за собой ментов. Они будут здесь шастать безвылазно. Тебе это надо? Да, конечно, на "дури" можно иметь хорошие бабки, но и последствия, обязательно, будут. Нет ничего страшнее ломки у наркомана. Он ничего не видит дальше сиюминутного состояния. Ему тогда всё пофиг и он сдаёт всех подряд. Мы потеряем клиентов, мы засветимся у ментов. В итоге эта "дурь" обойдётся нам во сто крат дороже...

Вдруг Пол заметил за собой странную вещь: слово "дурь" он произносил так, словно язык за что-то цеплялся, хотя во рту ничего не было. Он, вполголоса, трижды, повторил это слово и каждый раз у него получалось - "турь". Он стал прислушиваться к своему состоянию и обнаружил, что все звуки вокруг доходят до его слуха приглушённо.

Пол обернулся к Мишману - тот спал сидя за столом, подперев голову рукой.

"Он мне что-то подсыпал... - промелькнула у Пола мысль - Конечно. Он подумал, что я пристаю к его малолетней дочке и что-то подсыпал в водку. Клофелин, например... А чтобы было незаметно, сам пил рюмка в рюмку. Ну, сволочь... Дурак... Нужна мне его макрошелка..."

У Пола было очень странное состояние. Ему казалось, что он находится внутри какого-то невидимого шара и этот шар мешает всем его действиям. Он всё помнил, всё понимал и удивлялся происходящим вокруг событиям. В частности - когда он встал из-за стола, рядом, почему-то, опрокинулись два стула. Он хотел пройти возле колонны, но воображаемая оболочка задела её, от чего Пола развернуло и он наткнулся на людей, сидящих за ближайшим столом.

Может быть, он бы и упал, но эти же люди его поддержали и посадили на стул.

- Вызовите такси - услышал он чей-то далёкий голос.

- Ну, ты как? Нормально? - спрашивал какой-то мужчина и, похлопав его по плечу, добавил - Держись, ты же мужик, держись....

В общем-то, подобное поведение клиентов, в этом заведении было обычным явлением и на Пола, естественно, никто особо не обратил внимания. Официантки как обычно носились между столов, играла музыка и ей в такт, толпа танцующих, в центре зала, обстреливалась разноцветными вспышками огней цветомузыки.

И вдруг, среди всей этой толпы, Пол заметил девушку в красном платье. Это была Ирина Диголевская.

Ошибки быть не могло - банк, психиатрическая лечебница, ресторан. Всё сходилось в одну точку. И теперь, не смотря на своё состояние, Пол не сомневался, что это одно и то же лицо.

Ирина выглядела довольной и радостной: она танцевала, улыбалась, отстукивала каблуками в такт музыке, хлопала в ладоши, вскидывала руки, периодически кружилась на месте, от чего её расклешённое платье поднималось веером, обнажая шикарные бёдра. Её распущенные волосы путались на лице, и она движением головы скидывала их назад. Колебание её пышной груди напоминало бурное кипение воды, когда до предела нагретая жидкость стремится выплеснуться за край сосуда, роль которого, на данный момент, выполняло глубокое декольте её платья.

Конечно, такая девушка не могла не привлечь внимания мужчин. Человек пять, точнее - пять крупных самцов человеческих особей, уже не молодых, но, по-видимому, денежных, взяли её в круг и изображали какое-то подобие танца. Они, с идиотскими улыбками, двигали перед собой руками, амортизировали коленями в такт музыке и махали дряблыми животами.

Когда музыка закончилась и танцы прекратились, кавалеры поочередно стали целовать девушке руки, увлекая за собой к столу. Но прежде чем последовать за ними, Ирина остановилась и, вдруг, резко обернулась. Она посмотрела Полу в глаза, улыбнулась, приподняла руку и, в знак приветствия, слегка пошевелила пальцами.

Именно тогда у Пола уже появилась цель, и сложился план.

Утро следующего дня внешне ничем не отличалось от остальных - зарядка, холодный душ, чистое бельё, завтрак. И всё-таки, в этот день, даже сам того не замечая, Пол всё делал с особой скрупулёзностью: двери шкафов и тумбочек - закрывал плотно, всевозможные ящики - задвигал до конца, безупречно вымыл посуду, вещи аккуратно разложил по своим местам и так далее. Идеальный порядок вокруг себя, являлся следствием такого же порядка в себе, когда все мысли были направлены только на одну цель - устранить свидетеля.

Пол был уверен - девушка выходит в "свет" под вечер, но уже после полудня находился на автостоянке, перед центральным входом в лечебницу. Перед этим он тщательнейшим образом проверил оружие, сменил номера на машине, подготовил соответствующие документы. План дальнейших действий подлежал корректировке по месту и по ходу. Все возможные варианты и непредвиденные обстоятельства - продуманы и просчитаны.

Напротив центрального входа в здание психиатрической лечебницы располагалась автомобильная стоянка. За ней, вглубь леса - разворотное кольцо автобуса. Конечная остановка, где производилась посадка пассажиров, находилось в пятидесяти метрах от центрального входа.

Пол был уверен, что девушка каким-то образом незаметно покидала это заведение. Подробности его не интересовали. Но что она добиралась до города маршрутным автобусом, не сомневался.

Он выбрал такую позицию, что бы сидя в машине одновременно следить за проходной и автобусной остановкой. В случае появления "объекта" - действовать по обстоятельствам. Если на остановке никого не будет, можно подъехать и сделать несколько выстрелов из окна автомобиля. Можно даже выйти, подойти и стрелять в упор. Если на остановке будут люди, значит надо самому садиться в автобус, "вести" эту даму по городу и ждать подходящего момента.

Пол неподвижно сидел в машине уже больше трёх часов и смотрел, практически, в одну точку. За это время стоянка почти опустела, больше десятка маршрутных автобусов приехало и уехало. Но ни одного человека, даже внешне похожего на Ирину, не вышло через проходную.

Пол не собирался отступать. Он намерен был ждать до последнего. У него не возникло сомнений в правильности выбора, он просто начал рассуждать.

"На центральном входе, два поста милиции и, как минимум, две камеры видеонаблюдения. "Рисоваться" здесь - не логично, хотя слово "логика" не подходит к пациентам данного заведения. Но если девушка в здравом уме (а вчера она явно находилась в здравом уме) то она может, к примеру, где-нибудь перелезть через забор. Но как ни крути, садиться в автобус, она будет здесь и только здесь".

Вдруг Пол обратил внимание на второстепенную, асфальтированную дорогу, которая тянулась вдоль забора и поворачивала вместе с ним.

Игнорируя "кирпич", он медленно поехал по ней.

За поворотом, метрах в трёхстах, находилась ещё одна проходная, а напротив - "карман" для стоянки автомобилей. Всё это: и проходная, и стоянка, по размерам были раза в два меньше предыдущих и явно предназначались для служебного пользования.

"Вот здесь ей появится намного логичнее - подумал Пол - Но ждать возле остановки, будет, всё-таки, надёжнее".

Он уже взялся за рычаг коробки передач, но в это время дверь на проходной открылась и из неё вышла девушка в красном платье...

Она не спеша пошла вдоль забора, легко и свободно размахивая руками в так шагам. Её длинные, распущенные волосы время от времени чуть приподнимались по бокам и снова ложились на плечи.

Где-то в глубине души у Пола был совсем другой сценарий. Он рассчитывал появляться здесь дня три подряд, ждать, когда уедет последний автобус и возвращаться ни с чем. А на четвёртый день он бы решил, что ничего не было, что ему всё показалось, почудилось, приснилось.

Это красное платье, как внезапно вспыхнувшее пламя, окончательно уничтожило эту призрачную надежду. И, тем не менее, спустя мгновение Пол действовал уверенно и чётко.

Автомобиль обогнал девушку и остановился метрах в тридцати перед ней. Затем, водитель вышел из машины, настежь распахнул заднюю правую дверь и наполовину влез в салон.

По его расчётам девушка должна была подумать, что водитель, к примеру, просто копается в салоне. На самом же деле, он достал пистолет, снял с предохранителя и, зажав дыхание, слушал приближающиеся шаги.

План был таков - как только объект поравняется с автомобилем, Пол приставит ей к животу пистолет, и выстрелит. Выстрел прозвучит глухо и на расстоянии пяти метров его уже не будет слышно. Затем, он затащит её в салон, положит на сиденье и увезёт. Постороннему наблюдателю (если такой окажется) должно показаться, что девушке внезапно стало плохо.

Приближающийся стук каблучков по асфальту слышался громко и отчётливо. Но, вдруг, всё стихло.

Пол насторожился: девушка остановилась в нескольких метрах от него. Может, к примеру, она просто решила достать камушек, который попал в туфель, или по какому-то другому поводу. А может она почувствовала опасность? И вдруг...

- Вы не подвезёте меня до города? - услышал он голос у себя за спиной.

Пол вылез из салона и выпрямился, одновременно и незаметно пряча пистолет в карман брюк.

Девушка стояла напротив и смотрела ему в глаза. У неё был до безразличия спокойный взгляд.

- Да, конечно - ответил Пол и указал рукой на заднее сиденье.

Прежде чем закрыть дверь, он посмотрел по сторонам. Никого...

"Не надо было сразу соглашаться. Надо было сначала говорить о цене" - подумал он, садясь на водительское место и незаметно переложил пистолет из кармана брюк под сиденье.

Он мысленно успокаивал себя, потому что автомобиль резко рванул с места.

Автобусная остановка была пуста, на стоянке и вдоль забора - безлюдно.

Небольшой участок дороги проходил через лес, под плотными кронами высоких сосен, от чего в салоне резко потемнело.

Впереди виднелись два дорожных знака - указатель главной дороги, направление вперёд, и указатель поворота направо, на просёлочную дорогу.

Пол свернул направо и неосознанно, сильно надавил на педаль газа.

Когда машина рванула он снова стал мысленно себя успокаивать. Но, несмотря на это, спустя какое-то время затормозил всё же резко.

Мельком бросив короткие взгляды по сторонам, он достал пистолет, повернулся и направил его девушке в лоб.

Обычно, если Пол хотел кого-то убить, он стрелял не раздумывая. Теперь же впервые изменил своему принципу.

Слишком много накопилось странностей. Первая - девушка отправилась в город с пустыми руками. Ни сумочки, ни пакета. Уже странно... Вторая - она без колебаний села в машину к незнакомому мужчине. И, наконец, третья, самая очевидная - когда свернул с дороги в лес, она не запаниковала. Даже теперь, глядя в дуло пистолета, вела себя неестественно спокойно.

- Круп... - наконец произнесла она и, склонив голову, чтобы получше рассмотреть оружие с боку, добавила - Мастер Круп. Уникальная конструкция. Пистолет револьверного типа, с барабанным магазином на семь патронов, под мелкий калибр. Отдачи, при выстреле, почти нет, но, тем не менее, на расстоянии десяти метров мозги вышибает только так. Самое интересное - если повернуть низ рукоятки против часовой стрелки, то пистолет превращается в обычную зажигалку.

Круп сделал всего два таких "ствола". Один уже навечно покоится на дне Каспийского моря, а другой, как я вижу, ещё в рабочем состоянии. Пол, этому экземпляру, по своей оригинальности, нет цены... Но сейчас ты тупишь. Если выстрелишь, то здесь будет много кровищи... Как ты потом отмоешься? Тебе придётся менять весь салон. Раньше ты своих жертв выводил на улицу. Хотя... теперь не случится ничего подобного. И знаешь почему? А потому, что патроны ты достаёшь через Ермошу. Так? А Ермоша - у прапорщика Золовика. А прапорщик Золовик смешивает хорошие патроны с некандидией. И вот теперь, у тебя в стволе, сидит некондиция. Можешь проверить. Ну, давай...

Он нажал на спусковой крючок не потому что хотел проверить достоверность сказанного, а затем, чтобы скрыть мелкое дрожание руки, появившиеся по неизвестной даже причине.

Казалось, звук осечки был чересчур громким. Может быть, от этого у Пола потемнело в глазах. Потемнело настолько, что он, какое-то время, кроме черноты ничего не видел. Когда же, наконец, зрение восстановилось, девушки перед ним уже не было.

Он выскочил из машины и начал лихорадочно осматриваться. Она не могла далеко уйти, она спряталась где-то здесь: за деревом, за кустом, за машиной.

Пол, постоянно оглядываясь, обошёл вокруг автомобиля, держа наготове оружие. Его сердце бешено колотилось, дыхание стало тяжёлым, пульс участился. Вдруг он почувствовал, что кто-то находится у него за спиной и резко обернулся...

Он даже не успел ничего сообразить...

Ещё при развороте его рука с пистолетом, попала в захват её пальцев, в районе кистевого сустава. В следующее мгновение девушка сильно, словно клещами, сжала её и резким движением ударила о своё приподнятое колено, выбив оружие из рук. Сразу же после этого Пол получил сильный удар кулаком в солнечное сплетение. Это был его коренной удар: молниеносный, точный, как бросок кобры, от которого нельзя увернуться. Но перед этим, на короткое время их взгляды встретились...

Пол не заметил в глазах девушки ни злобы, ни страха, ни паники. Лишь спокойствие и уверенность. Уверенность в своих силах, порождённая холодным и трезвым расчётом.

Если бы ему когда-нибудь сказали, что его, вот так просто, избьёт обычная женщина, он бы воспринял это как оскорбление. Последний раз что-то подобное было сорок лет назад, когда он занимался в школьной секции бокса и старшекласник, Юра Гуцин, отрабатывал на нём удары.

"Такого не может быть - думал Пол, лёжа на земле и хватая ртом воздух - Откуда она знает мою кличку? Откуда она знает Крупа?"

Выстрелы из пистолета, как знакомый голос, узнавались на слух. Именно услышав их, Пол стал приходить в себя.

Девушка стреляла по деревьям: после каждого выстрела слышался хруст ломающихся веток.

Холостой удар байка, свидетельствовал о том, что патроны в барабане закончились.

- Хватит лежать. Поехали - после грубо произнесённого приказа, через какое-то время, послышался звук закрывающейся двери машины.

Пол встал медленно и так же медленно, даже шатаясь, подошёл к автомобилю.

Девушка сидела за рулём, и ему ничего не оставалось, как покорно отправиться на пассажирское сиденье рядом.

Она действовала чётко и уверенно: включив заднюю передачу, на полном газу выехала на главную дорогу, где развернулась резко, с визгом затормозив. Машина рванула вперёд с истощным воем двигателя и пробуксовкой колёс.

- Классная тачка! - восхищённо произнесла девушка, умело переключая передачи.

Таких скоростей не знала улица Щедрина. Прохожие оборачивались и удивлённо смотрели им вслед. Водители недоумённо качали головой, иные крутили пальцем у виска.

- Здесь менты - с каким-то безразличием, как обречённая жертва, смилившиеся со своей гибелью, проговорил Пол.

- Не сцы. У тебя же фальшивые номера - ответила Ирина.

"Тем более..." - мысленно добавил он, прислоняясь головой к боковому стеклу.

Чёрное BMW модели "X5" то дико завывала двигателем, то яростно скулила тормозами. Она на бешеной скорости неслась по улице, искусно лавируя между транспорта, чудом избегая столкновения, в последнее мгновение проскакивая на красный свет светофоров.

И действительно, вскоре им на хвост села патрульная машина ГАИ. Расчищая себе дорогу мигалками и сиреной, она намеревалась догнать лихача.

На прямой трассе у ГАИшников не было бы шансов. Впрочем - шансов у них не было и в городе.

Ирина, почти не сбавляя скорость, свернула в арку ближайшего дома. Там она юзом развернула машину и, с хирургической точностью, припарковалась между двух автомобилей, стоящих у бордюра. Вскоре сюда заехала и милицейская машина.

В это время двор был полностью заставлен автомобилями. Они располагались везде: где можно парковаться, где нельзя, оставляя лишь узкую полоску проезжей части.

Двор был проходной и милиционеры, чуть приостановившись в начале, двинулись на противоположный конец. Они даже не посмотрели на сидящую за рулём девушку, хотя та, скривив губы в саркастической улыбке, кивнула им головой.

После того как ГАИ скрылась из виду, Ирина поехала дальше. На этот раз она вела BMW соблюдая правила дорожного движения и скоростной режим.

Пол тупо смотрел перед собой, не осознавая где они сейчас находятся и куда направляются. И только на стоянке, когда припарковались и вылезли из автомобиля, обратил внимания на сверкающую разноцветными огнями вывеску, расположенную на стене здания - ресторан "Белая башня".

- Ну, что, гульнём? Надо это дело обмыть - сказала Ирина, решительно подошла к Полу и взяла его под руку - Пошли...

Это был ресторан высокого класса: богатый интерьер, разноцветная подсветка, белоснежные скатерти, мягкие кресла, сверкающие хромом приборы. Естественно, он был не дешёвый. Отчасти по этой причине здесь оказалось много свободных столиков.

Официант появился сразу, как только они опустились в кресла. Это был молодой человек, модельной внешности, безупречно одет, с прилизанными, до блеска, волосами. Предоставив даме меню, он застыл в ожидании, держа в одной руке блокнот, в другой ручку.

- Значит так - по-деловому начала Ирина - Водки. Бутылку. "Абсолют" - она вдруг подняла голову и, глядя официанту в лицо, продолжала - И скажи этому педерасту Махрову, что если он в графин добавит хоть каплю той гадости с нефтеперегонного завода, то я завяжу узлом его тараканы усы на его жирной заднице. Понятно? Дальше. Стейк... Мясо должно быть со средней полки холодильника. Оно там ещё свежее... - девушка снова посмотрела официанту в лицо - Не то что теперь лежит на разделочном столе, двухнедельной заморозки, а свежее. В противном случае я этим тупым ножом распишусь на лысом черепе вашего поварёшки. Гарнир - картофельное пюре. Салат - ассорти из свежих овощей - она постучала пальцем по странице меню и, снова глядя на официанта, добавила - Свежих, понимаешь, а не вялых и сморщенных, как твой член после употребления спайса.

Официант, с побледневшим лицом, внимательно выслушав заказ, сразу же направился его выполнять.

- А ты? - спросила Ирина у Пола.

Официант резко остановился, вернулся на прежнее место и, извинившись, протянул Полу меню.

Пол от всего отказался.

- Ну, как хочешь - произнесла девушка, откинулась на спинку кресла и закинула ногу за ногу.

- В дурдоме кормят отвратительное - спустя минуту продолжала она - Эта овсянка, с личинками моли... Про чай и компот, я уже молчу. Но, по-моему, у тебя ко мне есть вопросы? - обратилась она к Полу - Чтобы не нарезать круги вокруг этой темы, я буду говорить прямо. Тебя, конечно, интересует - кто я? Так вот, я - дьявол. Бес, чёрт, сатана, демон и всё такое прочие. Одним словом - нечистая сила. Я вселился в это тело, чтобы вкусить земных наслаждений: вкусно поесть, выпить, покурить, поговорить с умным человеком. Сегодня ты, Пол, будешь у меня умным человеком, хотя с утра не собирался им быть. Но, ничего... Говорят, что если человек хотя бы раз в сутки не побудет дураком, сойдет с ума. Теперь давай разберёмся в деталях: смотри - дьявол, это противоположность бога. Верно? Что такое или кто такой Бог? Вопрос до сих пор открытый. Единственное, что можно утверждать с большой долей вероятности - он не материален, хотя мир материальный и создан им. Вполне возможно, нет - я в этом уверен, что Богу знакомы земные наслаждения, потому как он их сотворил и имеет полное право их вкушать. Иначе, откуда бы земные существа знали, что им есть, и что им пить? А человек и подавно. Бог создал мёд и сказал - "Это вкусно". А чтобы его создание, я имею в виду человека, не скучало, изобрёл вино. И, конечно же, в первую очередь сам попробовал. Я же, как и он, создание духовное, не материальное, и не могу пользоваться прелестями земных радостей, потому как, не имею на это ни морального право, ни физических возможностей. Я ничего не создал. Вот мне и приходится вселяться в человеческие тела, дабы иметь возможность вкушать. Вот это - Ирина положила руку себе на грудь - молодое, здоровое тело. К тому же, её душа, мягко говоря, в неопределённом состоянии. Между прочим - по

твоей милости. Ну, ты сам всё знаешь. Но не всё так просто. На самом деле это большая редкость - одновременно найти здоровое тело и свободно туда вселиться. Больные люди мне ничему. Какое удовольствие от еды, если, к примеру, болят зубы, или человек страдает язвой желудка? Мне иногда кажется, что Бог специально насылает на людей болезни, дабы я не мог вселиться в их тела. С последним, кстати, тоже не всё просто. И душевная болезнь вовсе не способствует данному процессу. Я бы даже сказал, что мне работать с людьми в здравом уме гораздо проще...

- Я не верю в Бога - неожиданно перебил её Пол.

- Так тебе не выгодно. Ты грешник. Здесь всё понятно: ты, и тебе подобные, наивно считают, что если не будут верить в Бога, то не попадут в ад. Но, как говорится - незнание закона, не освобождает от ответственности. В Уголовный кодекс, надеюсь, ты веришь? Но придёт время и ты во всё согласишься: и в рай, и в ад, и в Бога, и в Дьявола. А ты знаешь, что делают души таких как ты после смерти? Скажу тебе по-секрету, они сразу же просятся в ад, потому как интуитивно чувствуют - не побывав там, они не очистятся от грехов и не попадут в рай. Вот так вот - человек всю жизнь был атеистом, а получил пулю в лоб, и сразу же напролом в ад. Поверь мне, пока что, на слово. Это, конечно, у тебя всё ещё впереди. Будешь меня потом вспомнить.

В это время принесли заказ и Ирина, хлопнув от радости в ладоши, придвинулась к столу.

Она налила из графина в пузатую рюмку водки, поднесла к лицу, вдохнула её аромат, и, резко запрокинув голову, вылила содержимое в рот.

Застыв взглядом, она, в воображении, следила, как жидкость движется от гортани к желудку. Когда та оказалась на месте, Ирина выдохнула.

- Хорошо! - воскликнула она и придвинула к себе блюдо.

Какое-то время девушка ела молча.

Пол с безразличием смотрел на процесс поглощения пищи и ждал продолжения разговора.

И действительно...

- Ты считаешь, что Бога нет?

- Да...

Это короткое слово было похоже на плевок в её сторону.

Вдруг Ирина замерла с застывшим взглядом, уставившись в пустоту перед собой.

- А тебе не кажется, что здесь существует противоречие - задумчиво проговорила она - не верить в то, чего нет. Ведь если чего-то нет и не было, так никто даже и понятие не имеет, чего нет и что это такое. Здесь нечему доходить до уровня "верить-не верить". Или если Бог был когда-то, запустил весь этот процесс под названием "жизнь", и куда-то исчез, то, в таком случае, надо доказать, а не утверждать, что его теперь нет. Это во-первых. Во-вторых - фраза "Я не верю в Бога" не правильная в корне. И я сейчас объясню почему. Вот смотри - в окружающий мир ты, конечно же, веришь, потому как, видишь его, обоняешь и осязаешь. Ты веришь в существование этого стола, накрытого скатертью, посуды на нём, графина, вазы с цветами, потому что можешь их потрогать, понюхать, порвать, разбить и так далее. А возьмём, к примеру, радиоволны. Ты их не видишь, не слышишь и не чувствуешь, но ты в них веришь, потому что смотришь телевизор, слушаешь радиоприёмник, пользуешься сотовым телефоном. То есть - ты осознаешь видимые последствия невидимого явления и свято веришь в них. Более того - ты также свято веришь в то, что их создаёт, то есть в ретранслятор, хотя ни разу в жизни его не видел. Но принцип работы ретранслятора ты представляешь и при желании можешь его увидеть. А вот Бога ты даже не представляешь. Вернее - его представляет каждый по-своему. Религии лишь обобщают эти представления. Люди, которые утверждают, что Бога нет, основываются на том, что не видят его так, как ты видишь эти предметы, находящиеся здесь. Значит, чтобы искать ответ, надо и смотреть на эти предметы, и исходить от них. Чтобы понять, почему радио говорит, а телевизор показывает, надо хотя бы поверхностно изучить их устройства. А откуда взялась на планете жизнь, которая постоянно развивается и совершенствуется? Я не говорю, что здесь всё просто, это уравнение с двумя неизвестными. Но вполне возможно, что в этом и есть весь замысел Бога. Человек живёт, покуда что-то ищет, пока

есть к чему-то, какой-то интерес. В глубокой древности люди не понимали этих процессов, но вера лежала в основе всех общественных устоев. На сегодняшний день, как ни странно, наука находится ближе к Богу, чем все религии вместе взятые, потому что именно она объяснила механизмы, пусть и не зарождения, а всего лишь становления и развития жизни, которые основываются на ДНК. В мировоззрениях науки и религии, в общем-то, большой разницы и нет. Это взгляд на одну и ту же проблему с разных сторон. Просто религии считают, что Бог был, есть, и будет, всегда. А наука говорит, что не знает, что было до определённого момента. Сложнейший по своей сущности генетический код существовал уже у первых простейших организмов. Откуда? Не сам же организм его сочинил. Где-то, кто-то, на каком-то уровне его придумал. Дарвин, своей теорией эволюции, вовсе не опроверг существование Бога. Он лишь указал направление на молекулярную биологию и наука, со временем, пришла к ней. Атеизм придумали не учёные, атеизм придумали грешники. А их теория случайного возникновения жизни не выдерживает никакой критики. Так что выражения "Я не верю в Бога" или "Бога нет", мягко говоря, не совсем корректны. Здесь надо говорить - "Я не ЗНАЮ, кто такой Бог, или что такое Бог". НЕ ЗНАЮ, НЕТ и НЕ ВЕРЮ - совершенно разные понятия. Я, кстати, этого тоже не знаю. И здесь ещё вот что - радиоприёмник, телевизор, телефон созданы человеком и для человека. Тогда вполне вероятно, что жизнь созданная Богами, ему же в первую очередь и нужна. Однако, я уже залез в философию...

Ирина снова налила в рюмку водки, приподняла её, кивнула Полу - "Твоё здоровье" - и выпила.

- Теперь, для убедительности, я тебе расскажу то, о чём больше никто не знает - говорила она, одновременно орудуя ножом и вилок - Вот например - почему тебя зовут Пол? Откуда пошла эта кличка? Ведь Пол Маккартни, Пол Верховен или какой-то другой Пол, а также пол, как покрытие, здесь совершенно не причём. Всё корнями уходит в твою первую "ходку". Тогда, ты, в сущности, вчерашний школьник, ничего не смыслящий в жизни вообще и в уголовной в частности, проигрался в карты на интерес. А интерес был таков - либо ты съедаешь пол стакан дерьма, либо ставишь на "кон" свою жизнь. Ты дерьмо есть не стал и при этом остался жив, но всё равно звать тебя стали - "Пол Стакана". Но теперь уже об этом никто не знает. Потом, когда ты заработал авторитет, "стакан" в твоей кличке, отпал сам по себе, как хвост у головастика. Ты стал просто Пол. Верно? Так было? А откуда об этом знает простая двадцатисемилетняя девушка, которая тебя в жизни никогда видела?

Твоё здоровье...

Если тебя это не убедило, я могу рассказать, как ты попал на "зону". Ты хорошо окончил школу, поступил в институт и там у тебя произошла стычка с четверокурсником Иосифом Ждановым. Ты его избил: сломал челюсть и несколько рёбер. Фактически, зачинщиком этой драки, был Жданов, а ты, защищая себя, его просто победил. Но ты переборщил с ударом. У Жданова оказались влиятельные родители, и они сделали всё, чтобы твоё наказание было максимальным. Так ты получил "червонец" и отмотал его от звонка до звонка. Второй срок был за кражу, точнее - имитацию кражи. Освободился по амнистии и вышел из зоны уже законным авторитетом. За это время ты в совершенстве изучил порядки уголовного мира и тебе ничего не оставалось, как следовать этой тропой, только уже почти на самой высокой иерархической ступеньке.

Потом ты заботился, и до сих пор заботаешься, только о своём статусе.

Если в моем рассказе что-то не так, можешь поправить.

Впервые в жизни Пол ощущал своё бессилие. Он знал и раньше, даже представлял, что когда-нибудь, появится кто-то более сильный, умный, способный, который покорит его и может даже уничтожит. Но он никогда не думал, что испытает такое унижение, когда им, так вот запросто, будет манипулировать, в сущности, обычная женщина. Здесь ему, действительно, было выгоднее поверить в Бога и, как следствие, в дьявола. Но тогда этого и следовало ожидать.

Он, находясь в какой-то прострации, с безразличием наблюдал, как Ирина пьёт и ест. Наконец, покончив с едой и выпивкой, она удовлетворённо откинулась на спинку кресла.

- Пол, иди купи мне хороших сигарет - промурлыкала она, расплываясь в блаженной улыбке.

Он купил в баре пачку "Собрание" и, вернувшись, сказал - "Вообще-то, здесь нельзя курить".

- Ах, да... Директива президента... - задумчиво проговорила Ирина, потом махнула рукой и добавила - Ну и хрен на неё. Если что - пушу дым в глаза.

Официант подошёл после того как она сделала всего лишь две затяжки.

- Здесь нельзя курить - строго произнёс он.

Девушка медленно подняла голову и выпустила струю синего дыма ему прямо в лицо.

- А я и не курю - спокойно ответила она.

Официант, с серьёзным выражением на лице, начал осматривать зал.

- Здесь кто-то курит... - растерянно проговорил он.

- А кто здесь курит? - с наигранным удивлением повторила Ирина, также осматривая зал.

- Здесь явно кто-то курит... - продолжал официант.

- Какая сволочь здесь курит? - поддерживала игру девушка и вдруг деловым тоном высказала предположение - А это, наверно, с курилки тянет.

Официант отправился в сторону курилки, по дороге к нему присоединились ещё два работника ресторана.

Ирина продолжала курить, наблюдая за действиями официантов.

- Придурки - наконец произнесла она, ехидно улыбаясь.

- Не стыдно? - вдруг спросил Пол, сурово глядя на девушку.

- Что? - не поняла та.

- Я говорю - не стыдно издеваться над людьми?

- Я издеваюсь? - удивлённо переспросила Ирина - И это говорит человек, который час назад хотел меня застрелить. Ну, да ладно... Я не обижаюсь. А вот ты никогда не задумывался - почему везде и всюду, причём - на государственном уровне, говорится о вреде алкоголя и курения, и одновременно, на каждом углу свободно продаётся табак и алкоголь? Получается, что людей одной рукой искушают, а другой - наказывают? Разве это не издевательство? И кому-нибудь за это стыдно? Тогда почему мне должно быть стыдно? Я же просто пошутила.

Ирина потушила о тарелку сигарету и сказала - "Мне надо в туалет. Такова конструкция человеческого тела. Ничего не поделаешь. Раз я в нём, приходится подчиняться". Она поднялась и быстро ушла.

Оставшись один Пол, вдруг, подумал - "А что, если сейчас позвонить в психиатрическую лечебницу и спросить, на месте ли пациентка из четвёртой палаты, Ирина Диголевская?".

Он достал телефон, посмотрел на него и положил обратно, решив, что не стоит "светиться" с личного номера. Затем встал и направился к бармену.

В ответ на просьбу, тот протянул трубку радиотелефона.

- Нет, мне нужен стационарный телефон-автомат - уточнил Пол.

- Внизу, в фойе, кажется направо от лестницы - сказал бармен и, выдержав небольшую паузу, добавил - Если он, конечно, работает.

Если кто-то из братвы чувствовал, что его "ведут" и появлялось подозрение на прослушивание личного номера, он пользовался городскими телефонами-автоматами. Через них, обычно, назначались встречи, используя при этом своеобразный блатной лексикон. "Тошиловка на базаре под вождем. Хрен - с первого круга на резиденцию". Это следовало понимать так: встретимся в ресторане подземного торгового центра, который находится под памятником Ленину, в десять часов.

Пол не знал ни одного номера телефона психиатрической лечебницы, поэтому, для начала, позвонил в справочную. Ему не успели ответить...

Внезапно сильная рука сжала его шею изгибом локтевого сустава.

- А вот ещё одна история, о которой знают только ты и я - знакомый голос звучал в левом ухе. Дыхание Ирины было настолько горячим, что, казалось, обжигало кожу и именно от этого дыхания Пола бросило в жар - Помнишь Буранова? Заключенного по кличке "Буран"? Ты точно также схватил его за горло в узком проходе между столярным цехом и складом. Сначала он происходящее принял за шутку: не кричал и почти не сопротивлялся. Когда же бедняга наконец, понял, что всё серьёзно, было уже слишком поздно. Это твоя первая жертва, как "макрушника". Верно, Пол?

Она тянула Пола назад, но тот не видел куда, потому что горло было сжато очень сильно, и от этого потемнело в глазах.

Ирина ослабила хватку только в туалете, резким движением отшвырнув от себя мужчину. Тот еле удержался на ногах. Затем она стала медленно приближаться к нему, а он, также медленно отступать.

- Ты думаешь, мне легко залезть в чужое тело? - шипя и, скаля зубы, спрашивала она, вцепившись в Пола злобным взглядом - Нифига! Я не имею никакого права на эту вашу вонючую плоть. Это не моя территория. Это то же самое, что безоружному человеку попасть в вольер ко львам. Надо всё делать аккуратно, осторожно, вести себя тихо. Иной раз шепчешь - "Выпей водочки... Да, нельзя... Но одну только рюмочку... Можно. Ничего страшного не случится. Или - закури. Ну, последнюю сигарету и всё... Больше не будешь. Всего одну затяжку, один косячок, один укольчик... Или съешь пирожное, это же так вкусно". Вот и всё моё искушение. А эти ваши паршивенькие души мне и нафик не нужны. Проблема в том, что если он, ваш отец и создатель, меня замечает в вашем теле, то блокирует и пытается уничтожить. Я освобождаюсь только когда тело умирает. Всё бы ничего, но я, при этом, испытываю все чувства вместе с человеком. Так что, с адскими муками и страданиями, я знаком не понаслышке. А оно мне надо? Однако, тебя это не касается. У тебя железная воля. Если ты сказал нет, значит, так оно и будет. Ни пить, ни курить, ни трахаться... А жить тогда зачем? У тебя, ведь, нет ни веры, ни высоких идеалов. Но теперь меня интересует вот что - почему же ты хочешь мне всё испортить? Ведь в коим веке мне подвернулся случай, на какое-то время, свободно воспользоваться телом, а ты мне мешаешь? Я ведь не сделал тебе ничего плохого. И это тело тебе ничем не угрожает. Ирина Диголевская не видела твоего лица и в любом состоянии тебя не узнает. А меня убить таким образом, тем более, не возможно. Ты мне всё ещё не веришь? Но разве тебе не достаточно фактов, которые я привёл в доказательство? Ты хочешь чего-то сверхъестественного? Хорошо, получай.

Ирина сделала шаг назад и подняла правую руку, наставив на Пола ладонь.

В это время резко, с громким хлопком, закрылась дверь, ведущая в соседнее помещение, где находились умывальники и рукосушители.

Из середины поднятой ладони, с треском рассекая воздух, в Пола ударил кривой зигзаг молнии. Сразу же после этого в туалете потухло освещение.

Неведомая сила, похожая на ударную волну от взрыва, в крошечной тьме, подняла Пола в воздух и бросила назад.

Он сильно ударился спиной о стену и отскочил от неё как мячик.

Лампы уже зажглись, когда Пол начал приходить в себя.

Мышцы по всему телу крутила судорога, причиняя, тем самым, страшную боль.

Он катался по полу, конвульсивно извиваясь, рывками хватая воздух открытым ртом. Мозг не работал, сознание было заполнено только болью.

Боль прекратилась внезапно, словно отравленную иглу резко вырвали из его тела. Он ещё тяжело дышал и слегка постанывал.

В это время дверь, ближайшей к нему кабинки, открылась и из неё вышла молодая женщина, одетая в короткое чёрное платье. Она недоумённо переводила взгляд с Пола на Ирину и обратно.

- Коззёл - произнесла Ирина, указывая рукой на лежащего мужчину.

- Правильно - согласилась женщина, демонстративно переступая через Пола.

Она дошла до двери, открыла её, и, задержавшись, бросила через плечо - "Только так с ними и надо".

Пол ещё тяжело дышал, устремив застывший взгляд в потолок. Казалось, внезапно отхлынувшая боль, унесла с собой все мысли, обнажив острое состояние страха. Боковым зрением он видел стоящую возле него девушку.

Ирина тяжело вздохнула, погладила ладонью низ своего живота.

- Кажется, у меня скоро начнётся менструация. Я чувствую себя не комфортно. Вези-ка ты меня обратно - сказала она и, наклонив голову, добавила - Ну и поднимайся уже... На полу женского туалета, ты совершенно не смотришься. Я буду ждать на улице.

Задержавшись на выходе, как и предыдущая дама, она также бросила через плечо - "И не забудь рассчитаться с официантом. А то... некрасиво как-то".

Пол поднимался медленно, любые движения давались с трудом.

Зашедшие в туалет женщины чуть не сбили его с ног, когда он был уже у дверей.

- Дядя, тебе не кажется, что ты перепутал? - строго спросила первая вошедшая.

- Перебрал дядя.. - добавила вторая.

- Пусть остаётся - предложила третья - Сейчас, прямо здесь устроим здесь гуповуху...

Дальнейший разговор происходил уже у Пола за спиной.

- Толку от него? Ты думаешь, у него стоит?

- Языком...

- А ты уверена, что у него язык есть? Молчит всё время...

- Ну, тогда руками.

- Руками я и сама могу...

Видно официант уже начал беспокоиться, потому что подбежал к столику раньше, чем до него дошёл Пол.

Заметив, что у клиента есть деньги, и их будет достаточно, чтобы оплатить заказ, в надежде на чаевые, он стал подхалимничать.

- У вас чертовски красивая дама!

Пол замер и внимательно посмотрел официанту в лицо.

Тот не ожидал такой реакции и растерянно моргал глазами.

- Если бы ты знал, как ты сейчас прав - со злостью проговорил Пол, положил на стол две крупные купюры и, не дожидаясь сдачи, быстрым шагом, направился к выходу.

Он подошёл к своей машине, однако, по дороге так и не встретил Ирину. У него даже зародилась слабая надежда, что девушка, каким-то образом, исчезла сама по себе. Но стоило только ему поднести ключ зажигания к замку, как знакомое красное платье замелькала на первой ступеньке лестницы, ведущей к центральному входу в ресторан.

Пол подогнал машину так, что передняя пассажирская дверь оказалась напротив Ирины. Однако девушка не спешила её открывать.

"Может, заклинило" - подумал Пол и дёрнул за ручку изнутри, одновременно тонкая от себя.

Замок щёлкнул, дверь приоткрылась.

Девушка распахнула её и, склонив на бок голову, заглянула в салон.

- Подними свою задницу, выйди из машины и, как положено, открой даме дверь - строго произнесла она.

Пол послушно стал выполнять указание.

Завалившись на сиденье, она высоко подняла колени, задрав платье почти до живота.

Пол, в это время, бросил короткие взгляды по сторонам и быстро захлопнул дверь.

- В дурдом - торжественно произнесла Ирина, указывая направление сигаретой, зажатой между пальцев.

По дороге, нечистая сила, в облике пьяной бабы, вела себя безобразно: включила на полную мощность приёмник, орала песни, которые транслировались, стараясь перекричать динамики. А ещё

она курила, плевалась через открытое окно и, с диким хохотом, показывала "факи" редким прохожим.

Они остановились на красный сигнал светофора, слева от автомобиля, в котором находились четыре молодых парня. Те, увидев красивую девушку, стали ей подмигивать. Ирина, в ответ, расстегнула платье и выставила в окно обнажённую грудь.

Парни были в восторге.

Пол брезгливо фыркнул и стал смотреть в противоположную сторону, наблюдая краем глаза за светофором.

Вдруг, у самого уха, он услышал горячее дыхание и, повернувшись, увидел прямо над головой раскрасневшееся лицо Ирины.

- Куда ты лезешь? - возмущённо спросил он.

- Это я им жопу показываю - произнесла девушка, дышнула Полу в лицо перегаром и запахом табака, после чего истерически засмеялась.

В это время загорелся зелёный свет, и Пол до конца нажал на медаль газа.

Машина резко рванул с места, оставив соседей позади.

Центробежная сила прижало девушку к спинке сиденья.

- Вот это мне нравится! - сказала она, постепенно принимая нормальное положение в кресле - Только чего ты вдруг так помчался? Может ты меня к ним приревновал? А? Пол? Признайся, приревновал? Да, ладно... Они тебя не стоят. Ну их об стол...

Чем больше они приближались к больнице, тем спокойнее вела себя пациентка.

Пол остановился возле второй проходной.

Ирина вздохнула и с грустью произнесла - "Ну, вот и погуляли..."

- Спасибо за компанию - повернув голову в сторону водителя добавила она, открыла дверь и начала вылезать из машины. Но вдруг "отвалилась" обратно на сиденье и протянула Полу пистолет, держа его за ствол.

- На свою пушку. И чтобы не стрелял в меня больше...

С этими словами она подняла оружие и легонько ударила Пола рукояткой по голове.

Удар был не сильный, но, наверно, от того, что пришёлся в область виска, у Пола потемнело в глазах.

Кажется, на какое-то время он потерял сознание, потому что не помнил о произошедшем далее. Сравнивая события прошлого и настоящего, получалось несоответствие. Например - он не помнил, как припарковался лицом к проходной, как заглушил мотор, как Ирина прошла проходную. Да и время не совпадало: сюда они приехали до полуночи, а теперь... Теперь было утро. Красивое летнее утро... Безоблачное и тихое, ярко освещённое остывшим за ночь солнцем, обещающим зной после полудня.

Пол сидел в машине, навалившись плечом на левую дверь и прислонившись головой к стеклу. Он застывшим взглядом, не меняя позы, смотрел перед собой. Наконец слегка пошевелился и, выпрямив спину, прижался к сиденью. Тупая боль волной прошла по всему телу.

"Сучка, ударила в меня молнией" - мысленно произнёс он, вылезая из машины. Распрямившееся спина и плечи доставили телу облегчение. Ходьба возле автомобиля разогнала застоявшуюся в ногах кровь.

"А почему молния? - вдруг спросил он самого себя - Если я уснул и ночь просидел в машине, то мышцы будут болеть точно также. Может молния и всё остальное, мне просто приснилось?"

Вдруг он резким движением достал из внутреннего кармана пиджака пистолет и открыл барабан. Все капсулы в патронах были пробиты.

- Значит не сон ...

Он закрыл лицо руками и мрачные мысли от воспоминаний о прошедшей ночи, сформировали неутешительные выводы.

- Мне пятьдесят два года. Я ещё крепкий, здоровый мужик. У меня свои, не леченные зубы, отличное зрение и слух, нормальное артериальное давление. Я одинаково точно стреляю как с левой, так и с правой руки. На турнике могу подтянуться сто раз подряд, столько же отжаться от пола. Две пудовые гири подниму пятьдесят раз. Но мне пятьдесят два года... В этом возрасте уже что-то должно дать сбой, тем более что у меня была нервная работа. Ведь убивать людей, это нервная работа... А если всё началось с головы? Сколько их, болезней ума? Шизофрения, паранойя, неврозы, психозы, раздвоение личности... Мне с самого начала всё показалось, почудилось... Я больной человек... Моё место здесь.

Он взглянул на проходную, на здания за забором и несколько раз отрешённо кивнул головой.

"Об этом никто не должен знать" - мысленно произнёс Пол.

- Хотя... конец неизбежен, в любом случае - добавил он вслух, сел в машину и медленно поехал.

Дорога, ведущая вглубь леса, на которую они вчера свернули, как магнит притягивала к себе и теперь, его руки, подчиняясь внутреннему зову, как бы сами по себе, совершали нужные действия.

Пол узнал то место по веткам, лежащим на земле. И вдруг, выйдя из машины, он со всей ясностью представил картину, как он один, именно один, стоит здесь, посреди небольшой поляны и стреляет по деревьям.

- Не было никакой девушки в красном платье - беззвучно, шевеля губами, проговорил Пол, осматривая местность.

Метрах в двадцати от него, за редким кустарником, находится лощина.

Это был заброшенный пруд: болотистый, вонючий, заросший по берегам лозой и камышом, затянутый тиной в центре. Изначально водоём задумывался как украшение местности, был создан рукотворно, но со временем содержать его стало накладно и он пришёл в запустение,

Пол достал из барабана отстреленные гильзы и швырнул их на середину пруда. Его действия носили скорее машинальный характер: для надёжности он всегда выбрасывал стрелянные гильзы в воду: реку, озеро, болото или, на худой конец, в канализацию.

В этот ранний час трасса была пустой. Однако Пол ехал медленно, отрешённо глядя перед собой. Мысли в голове отсутствовали, кроме, разве что одной - он болен. И, скорее всего - необратимо и неизлечимо. Сильная усталость давила на плечи, не давая отвлечься от страшной темы.

Несколько километров дорога шла через поле. Обычное поле, в черте города, которое ещё обрабатывалось, засеивалось и давало урожай. Казалось, по каким-то причинам, пусть и ненадолго, город пощадил в этом месте кормилицу-землю.

Пол ещё издали заметил непонятное скопление техники на трассе и решил, что идут дорожные работы.

"Ну, и правильно - подумал он - А то взяли моду: полдороги перекроют среди бела дня".

Длинный трейлер разворачивался, загородив проезжую часть.

Рабочий, заметив подъезжающую машину, вышел навстречу и жестом приказал остановиться.

Автокран медленно поднял бетонный столб, потом начал опускать его на площадку трейлера.

Столб у основания был раздроблен и кривая арматура, торчащая из него, напоминала переломанные кости человеческой ноги.

- Конструкция не выдержала? - спросил Пол через открытое окно, у стоящего рядом мужчины.

- Ночное лихачество - тяжело вздохнув, ответил тот - Четыре человека в лепёшку. Полный фарш. Жуткое зрелище. Спасателей, которые здесь работали, врачи из "скорой" приводили в чувства.

"Их тоже было четверо..." - вспомнилась вдруг Полу остановка на светофоре и парни из машины.

Освободился край полосы и рабочий дал добро на продолжение движения, указав рукой направление объезда.

"Ну их об стол... Ну их об стол..." - слова Ирины, как удары молотка, стучали в голове.

"А может она сказано - Да ну их об столб?" - предположил он и резко дал по тормозам.

- Она сказала - об столб... Точно, она так сказала... - тихо, но твёрдо проговорил он вслух - Это мне показалось - об стол...

Неизвестно сколько времени он находился в оцепенении, пока из этого состояния его не вывел звуковой сигнал работающей позади техники.

Дальше, всю дорогу, проезжая мимо опор линии электропередач или фонарей, у него в голове звучало - "об столб... об столб... об столб...". И тогда ему казалось, что он находится под огромным вентилятором, лопасти которого с глухим свистом вращаются над головой, и, что бы избежать удара, который вдребезги разнесёт череп, приходилось всё ниже и ниже опускать голову.

К дому он уже подъехал совсем сгорбившись, глядя на дорогу из-за руля.

Пол устало опустился на диван, находящийся в зале, и подумал, что за всё время, сколько здесь живёт, никогда на него не ложился. Он постоянно пользовался одним из двух кресел у камина, даже когда последний не зажигал. А между тем, кресла и диван были одним комплектом: имели одинаковую форму, состояли из одного материала. И если кресла, от частого "употребления", уже несколько поизносились, то диван в полной мере передавал телу те ощущения, которые изготовитель заложил в него изначально: своей мягкостью снимал усталость. Садясь в такое кресло или на диван, тело оказывалось, словно в невесомости. Со временем, конечно, пружины давали о себе знать. И если в креслах они уже скрипели, то на диване, всего лишь, нежно мурлыкали в такт человеческому дыханию. Под эти звуки Пол распрямился, положил голову на мягкий подлокотник, не уступающий своими свойствами подушке и, спустя какое-то время, уснул.

Он почти сутки проспал крепким сном. В памяти остались моменты коротких перерывов, когда он шевелился, переворачивался на другой бок, снимал обувь и пиджак, как этим же пиджаком укрыл ноги. Но даже во время таких перерывов он ощущал спокойствие и умиротворение от осознания того что спит, что ему ещё хочется спать, и что он будет спать.

Проснувшись, Пол прокрутил в памяти все события, произошедшие с ним накануне. Как ни странно, но они не вызвали никаких эмоций. Не было ни апатии, ни депрессии лишь какое-то нейтральное спокойствие и безразличие ко всему.

"Всё это сон. Ничего не было... У меня галлюцинации... И если теперь поехать в тот ресторан, то там найдутся люди, которые это подтвердят. Только что мне у них спрашивать? Видел ли кто меня в женском туалете? Нет, тогда точно загремлю в психушку..."

Пол зашёл в ванну, открыл краны, подставил руку под струю воды, добавил горячей. Он не стал дожидаться пока ванна наполнится, залез заранее.

В этом доме были установлены ванны старого образца, чугунные, тяжёлые, длинные и глубокие. Пол мог свободно лечь и вытянуться в полный рост. Вообще-то он редко принимал ванну. Обычно по утрам, омылся холодным душем и теперь, даже сам несколько удивился, что решил просто полежать и отмокнуть.

Струя из крана монотонно журчала и действовала успокаивающе, тепло расслабляло тело.

"Если сейчас перерезать вены и опустить руки в воду, то кровь не будет сворачиваться - думал Пол - Смерть будет похожа на сон, наступит постепенно, без мук и страданий. Если, конечно, организм не запаникует от недостатка кислорода и против моей воли не заставит тело спасаться. Инстинкт самосохранения, в большинстве случаев, оказывается сильнее любых волевых решений.

Нет, лучше уже стреляться, так надёжнее. Ствол к виску, или к подбородку и всё зависит от лёгкого движения пальца. Кстати, надо пистолет зарядить..."

Вдруг Пола всего передёрнуло, словно он схватился за оголённые провода под напряжением.

- Однако, надо кое в чём разобраться... - произнёс он и решительно вылез из ванны.

Пол достал весь запас патронов и стал внимательно их рассматривать при ярком, дневном свете, для чего пришлось раздвинуть шторы. Из всего арсенала три единицы оказались подозрительным. Их нижняя плоскость, там, где находился капсюль, была немного смещена в сторону, относительно центра. А если патрон поставить вертикально, то даже в глаза бросалось отклонение от центральной оси.

Пол зарядил пистолет одним из подозрительных патронов и, целясь в жерло камина, нажал на курок.

Знакомый звук осечки заставил его криво усмехнуться.

Ермоша считал себя "крутым зеком" лишь потому, что настоящие крутые зеки ему это позволяли...

В уголовном мире, да и не только, существует закон - для того чтобы стать настоящим авторитетом, необходимо обладать тремя основными качествами: физической силой, отчаянной смелостью и сообразительностью. Если отсутствуют два последних, или хотя бы один из них, то чисто теоретически, когда-нибудь, на какое-то время, существует возможность достичь высокого ранга. Но если ты физически слаб, то в паханы тебе дорога заказана. И если на воле, за деньги, ещё как-то можно приобрести подобие авторитета, то на зоне это не катит вообще.

Ермоша был невысокий, худощавый, быстрый и юркий. Отсутствие физической мощи, он, как бы, компенсировал татуировками на теле: оно было синим от надписей, символов, изображений. Говорили, что даже на члене он умудрился наколоть какие-то знаки. Но как-то так сложилось изначально, что у Ермоши образовалась связь с торговцами оружием и боеприпасами. Многие годы она оставалась стабильной и именно за эту связь его уважали и ценили в уголовном мире.

У Пола был прямой выход на Ермошу и он назначил встречу в своём офисе.

Ермоша, в белой кепке, выглядел как дерзкий подросток. Лишь золотая фикса, вместо второго верхнего зуба слева, хотя бы, таким образом, говорила о не соответствии его возраста и внешности.

- Как дела? - спросил Пол после приветствия.

- Всё путём - бодро ответил Ермоша и сразу перешёл к делу - "Макароны" нужны?

- Секёшь... Но сначала я тебе хочу кое-что показать...

Они зашли в подсобное помещение, почти полностью заваленное отработанными автомобильными покрышками.

- Классное кепи - произнёс Пол, снял с Ермоши головной убор, подошёл к стене и повесил на торчащий из неё гвоздь. Потом, под удивлённым взглядом товарища, вернулся назад, достал пистолет, взвёл курок, слегка прицелился и нажал на спуск.

- Осечка... - ещё не вникнув в суть происходящего, растерянно проговорил Ермоша, после чего неожиданно получил сильный удар локтём в грудь.

Тем временем Пол снова взвёл курок и снова нажал на спуск.

Боёк сработал в холостую, а Ермоше достался увесистый подзатыльник.

Третья попытка окончилась выстрелом, больно резанувшим по ушам.

Кепка подпрыгнула и свалилась на пол.

- Что ты об этом думаешь? - спросил Пол, доставая из барабана бракованные патроны и протягивая их Ермоше.

- Йййа не виноват... Мне такие поставили... Я здесь не причём...

- Кто?

- Ну... Я его не знаю... Мы никогда не встречались.

- Я сейчас кому-то яйца отстрелю.

В подтверждение своих слов Пол направил ствол Ермоше в пах.

- Да, бля буду, у нас конспиративная связь! Только курьерами и все разные! - закричал тот, прикрывая ладонями промежность и поворачиваясь боком.

Вдруг Пол поставил оружие на предохранитель и спрятал в карман.

- Прапорщик Золовик? - строго спросил он.

- Ну...

Ермоша запнулся и, удивлённо посмотрел Полу в лицо.

- Откуда ты знаешь? Я никому не говорил... Я и сам совсем недавно узнал его фамилию.

Случайно...

- Поехали...

- Куда? К нему? Надо сначала звонить.

- Ну, так звони.

У Пола не было желания знать подробности механизма поставок товара. Поэтому он с безразличием смотрел, как Ермоша кому-то названивал, при этом ходил из угла в угол и что-то невнятное бормотал в трубку. Наконец он остановился и сказал - "Только поедем на моей машине".

Ермоша всю дорогу проклинал "вонючего куска", но через сорок минут пути, остановившись возле ворот военного городка, вдруг спросил - "А что если он тоже не виноват? Что если и ему кто-то поставляет такой товар?".

- Разберёмся - ответил Пол.

Они долго шли по территории военного городка, постоянно петляя каким-то закоулками.

Ермоша был явно чем-то недоволен. Он кому-то звонил из телефона-автомата и ему не ответили. Потом они оказались на территории каких-то гаражей. Оставив коллегу ожидать, он подходил к каким-то людям, что-то спрашивал и вскоре возвращался хмурый и злой.

Полу уже начинали надоедать такие мытарства, потому как всё это сильно смахивало на обыкновенный бардак, а не конспирацию. Но он, пока что, ещё молчал.

Пролезши через дыру в заборе, они оказались на какой-то свалке больших металлических контейнеров. Подойдя к одному из них Ермоша несколько раз стукнул кулаком в стену и прислушался. И здесь ему никто не ответил, и они снова пошли дальше.

За этой свалкой оказалась другая свалка, представляющая из себя ржавую, полуразобранную технику. Обойдя её, они упёрлись в старую, перекошенную бытовку.

После третьего удара, дверь открылась и из неё выглянуло раскрасневшееся лицо уже не молодого мужчины с оловянным взглядом.

- Талян, это к тебе - произнёс тот и снова скрылся внутри помещения.

Сразу же на его месте появился другой человек.

В молодости прапорщик Золовик был красивым мужчиной: симпатичное лицо, выразительные глаза, высокий рост. Но со временем, неправильный образ жизни, который заключался в злоупотреблении алкоголем, переедании и отсутствием физических нагрузок, сделал своё чёрное дело: его бёдра, ягодицы и живот начали стремиться к объединению, отчего тела стало приобретать грушевидную форму.

- А, это ты... - брезгливо скривив губы, произнёс Золовик и бросил через плечо - Сейчас...

Прапорщик шёл быстро, он был явно на "взводе". Ермоше и Полу приходилось поддерживать этот темп ходьбы.

Деревянная будка невзрачного вида, возле которой они, наконец, остановились, напоминала строительный вагончик. Массивные двери были закрыты на два замка, ржавая решётка, в мелкую клетку, прикрывала небольшое узенькое окошко.

Прапорщик быстро справился с висячим замком и долго возился с внутренним.

Открыв, наконец, двери, он повернулся и осмотрел Пола с головы до ног.

- Я тебе говорил, чтобы ты не водил сюда всякую шваль? - недовольно сказал он Ермоше, вошёл внутрь и крикнул наружу - Ждать там!

Они простояли около трёх минут.

Наконец дверь распахнулась и прапорщик, с тем же недовольным видом, спросил - "Сколько?".

- Одну упаковку? - тихо спросил Ермоша у Пола и, после его согласия, подтвердил - Одну!

- Твою мать. Из-за этого надо было сюда переться? - недовольно пробормотал Золовик и кивнул - Заходи.

Пол зашёл следом.

Это было небольшое помещение, почти полностью заставленное пустыми деревянными ящиками разных размеров, окрашенными в тёмно-зелёный цвет. Ещё одна дверь, которая маскировалась такими же ящиками, сложенными в стопку и на данный момент, сдвинутыми в сторону, имела врезной замок, но не имела ручки и, по-видимому, открывалась только ключами, торчащими из замка.

- Семнадцать - бросил Золовик в сторону.

- Как семнадцать? - удивился Ермоша - Прошлый раз было пятнадцать...

Он вдруг осёкся и испуганно посмотрел на Пола, вспомнив, что ему продавал за двадцать.

- Цены растут. К тому же, если бы ты у меня брал упаковок десять, то я бы подумал - злился прапорщик.

Ермоша снова обратился взглядом к Полу и, после того как тот утвердительно кивнул головой, достал кошелек.

Когда деньги оказались у продавца, тот пересчитал их и передал товар покупателю.

Что упаковка вскрыта, было заметно сразу. Пол взял её из рук Ермоши, подошёл к окну и стал внимательно рассматривать.

- Э... Ты куда? - грубым басом окликнул его Золовик - Дома будешь глазеть. Нехер здесь торчать! Валите отсюда!

То, что человек, к которому он обратился, никак не среагировал на сказанное, вывело прапорщика из себя. Со словами - "Уё...те отсюда я сказал!" - он подскочил к Полу, схватил за плечо, и резко дёрнул на себя.

В этот момент Пол развернулся через плечо, за которое его одёрнули, и с разворота, со всей силы, ударил Золовика кулаком в челюсть. Удар был настолько сильный, что прапорщик, шаркая ногами, быстро попятился назад, стукнулся спиной о стену и сполз вниз.

Этим ударом, наверно, выбило весь хмель из его головы, и мозги начали трезво оценивать происходящее. Именно в этот момент ему в голову пришла здравая мысль: он "влип конкретно".

- Здесь нельзя... Не положено... - машинально бубнил военный, поднимаясь и делая шаг к выходу.

Звук выстрела был похож на сильный щелчок хлыста.

Пуля просвистела у самого носа Золовика, отколов щепку из деревянной стены вагончика.

Прапорщик замер и медленно повернул голову в сторону стрелявшего.

Пол направил ствол пистолета на ящик, лежащий возле его ног, указывая тем самым место, куда следовало сесть не состоявшемуся беглецу.

Из упаковки пять патронов оказались подозрительными. Пол зарядил ими барабан, взвёл курок и приставил оружие к голове Золовика.

- Эй, ребята, вы кончайте так шутить...

Сухой щелчок говорил о том, что ребята здесь и не собирались шутить.

- Раз - произнёс Пол, извлекая бракованный патрон.

Когда курок взвёлся вторично, прапорщик запаниковал.

- Перестаньте! Вы что, в самом деле? Это же опасно...

- Два...

- Это не я! Я сейчас всё объясню! - Золовик начал трястись всем телом.

Третья по счёту некондиция тоже спасла ему жизнь.

Перед четвёртой попыткой его лоб покрытая крупными каплями пота. Он задержал дыхание и выдохнул только после того, как всё закончилось.

- А вот в пятом я сомневаюсь - спокойно сказал Пол - Он вроде бы нормальный. Но мы сейчас проверим.

Золовик закрыл глаза, жалобно всхлипывал и всё время повторял - "Не надо... Не надо... Не надо...".

Но ему повезло и на пятый раз - выстрела не прозвучало.

- Ну, вот. Из упаковки пять штук брака - вынес вердикт Пол, один за другим ставя патроны вертикально на поверхность ящика, служившего столом - Ты кого наё...ешь? - пробасил он и вдруг резким движением, ещё сильнее, чем прошлый раз, ударил прапорщика кулаком в челюсть.

Золовик с грохотом упал на спину и по инерции перевернулся на бок. Он был в нокауте.

Пол несколько раз тряхнул кистью правой руки, на которой также сказались последствия удара, и подошёл к боковой двери.

За ними было помещение поменьше, тоже снизу доверху заставленное ящиками. У окна - небольшой столик, а дальше, в тёмном углу, за сдвинутой тумбочкой, заваленный сверху разным барахлом, находился сейф.

Пол достал из замка ключи, нашёл нужный и открыл металлическую дверцу. В сейфе была спрятана вся преступная деятельность прапорщика Золовика: вскрытый цинковый ящик с запечатанными упаковками, в целлофановом пакете - некондиция россыпью и перемешанные партии в открытых упаковках.

- Иди, посмотри. Ты ещё сомневался - сказал он Ермоше и, для пушей убедительности, стал доставать содержимое наружу.

- Вот сука! - возмутился Ермоша - Ты посмотри, какая сука!

Пол положил себе в карман три запечатанные упаковки.

Золовик, тем временем, стал приходить в себя: шевелиться, кашлять, стонать. Он слегка дотронулся рукой до щеки, губ. По-видимому, этот удар лишил его нескольких зубов. Теперешний вид, не так давно, заносчивого и горделивого человека, мог вызвать лишь сострадания. Но здесь ему сострадать было некому.

Стволом пистолета Пол указал ему на прежнее место, а сам, стал напротив.

Когда Золовик, с трудом поднявшись, снова сел на ящик, Ермоша подскочил и со словами - "Что ж ты делаешь, сука?" - пнул его ногой в бедро. Но эта выходка прапорщика мало беспокоила. Он понимал от кого исходит истинная угроза и не сводит с его глаз.

- Ешь - сказал Пол, указывая взглядом на ряд патронов, вертикально стоящих на столе.

Первое время Золовик, словно в оцепенении, тупо смотрел на них, но звук взводимого курка сразу побудил к действию. Он сгрёб пятернёй все патроны и понёс ко рту.

- Ну, зачем же все сразу? Я думаю, поштучно, тебе легче будет проглотить - спокойно посоветовал Пол.

Со стороны казалось, что человеку насыпали в ладонь таблетки, и он берёт по одной, лежит в рот и глотает. Последнее, скорее всего, давалось ему легко, потому как, из разбитого носа, постоянно текла кровь, попадала в рот, где её также было не мало, и, тем самым, способствовала процессу поглощения.

Когда Золовик одолел последний патрон, Пол пододвинул один из ящиков, сел напротив военного и положил на стол пистолет.

- А теперь скажи мне - зачем ты обманываешь? - спокойно спросил он - Обманываешь вообще? Ведь, я уверен - ты так поступаешь и с другими. Но, зачем? Ведь это порочно, безнравственно и грешно. Ты веришь в Бога?

Прапорщик молча кивнул головой несколько раз подряд.

- Это хорошо - продолжал Пол - Может ты нуждаешься в деньгах? Нищенствуешь? Голодаешь? Болееешь? Ты, ведь, работаешь на Министерство Обороны, а оно платит деньги, и не малые, потому как заинтересовано в тебе. И это правильно: военные ведомства, это сила и мощь государства. Оно создано им для его защиты. Государство может чего-то не дать преподавателю, врачу, дворнику, сантехнику, но солдата оно должно обеспечивать всегда и всем. Это наподобие того, как я забочусь о своём оружии: чищу, смазываю, проверяю. От этого зависит моя жизнь. Между прочем - из-за тебя я рисковал своей жизнью, поэтому теперь имею полное право на твою жизнь. Но я, всё-таки, хочу знать - почему ты обманываешь? Из жадности или безнаказанности? Ты считаешь себя умнее других? Может оно так и есть, но теперь ты обманул не того человека. Система, к которой я отношусь, не прощает обмана. И если я тебя ещё не убил, то... - он посмотрел на Ермошу, задумался - Слушай, я сам не понимаю, почему он до сих пор жив? Наверно просто потому, что это создаст нам определённые неудобства. У тебя есть другие связи?

Ермоша неопределённо пожал плечами.

Вдруг Пол глубоко вздохнул и застывшим взглядом стал смотреть на свои колени.

- А вообще-то, я, скорее всего, старею. А когда организм стареет, он становится слабым. Вся эта жалость, сентиментальность, розовые сопли - признак слабости - Пол поднял голову и уставился на Золовика строгим взглядом - Но имей в виду, для тебя, это единственный и последний раз. Если подобное повторится, хотя бы намёком, ты не просто умрёшь, ты умрёшь в страшных муках.

Золовик, жадно вцепившись глазами в собеседника, всем своим видом выражал полное согласие.

Пол встал, выпрямился, придирчиво осмотрел помещение.

- И, вашу мать... - он обратился сначала к Ермоше, потом к прапорщику - Вот это называется конспирация? - Пол жестом руки указал вокруг себя - Вы же взрослые люди, занимаетесь опасным делом. Вас легко вскрыет любой зелёный "следак". И тогда не рассчитывайте на жалость ни здесь, ни на зоне. Да вы и не доживёте до зоны. При малейшем "шухере" мы рубим все концы. Ты то это должен понимать.

Последние слова были обращены к Ермоше.

- Так я... - начал тот, но шум отодвигающегося ящика оборвал его на полуслове.

- Слушай, по-моему, он тебе какие-то деньги должен? - поднявшись, спросил Пол Ермошу.

- Да - немного подумав, подтвердил тот.

Золовик достал кошелек и вернул деньги, взятые за товар.

- А по-моему, в этом кошельке вообще было пусто - сказал Пол, глядя на суетливые движения прапорщика.

- Да - согласился Ермоша.

Золовик тут же высыпал на стол всё содержимое кошелька, и, в доказательство того что тот пуст, потряс им в воздухе.

На выходе Пол остановился и, немного подумав, обернулся.

- Кстати, я не знаю, как себя поведут патроны с пробитым капсюлем. От них можно всего ожидать. Смотри, может не стоит делать резких движений.

На обратном пути Ермоша съязвил по этому поводу - "Теперь он будет сутки сидеть на "очке".

Возле вагончика, в котором совсем недавно компания "соображала" на троих, стояли и курили два человека. Под воздействием спиртного их лица были раскрасневшиеся и чем-то не

довольные. По-видимому, организм требовал "добавки". Заметив проходящих мимо людей, один из них спросил - "А где Анатолий?".

- Обосрался - бросил на ходу Ермоша.

- Э, я не понял? - грубо пробасил тот же голос.

Вдруг Пол резко остановился и медленно повернулся.

На него смотрел высокий, коротко стриженный человек, атлетического телосложения, с густыми рыжими усами. Тельняшка, плотно облегающая его тело, подчёркивала хорошо развитую мускулатуру: бугристые бицепсы, плечи, широкую грудь, плоский живот. Скорее всего, по этой причине, он и вёл себя так смело с незнакомыми людьми.

- А я могу объяснить - твёрдо произнёс Пол, вызываясь глядя ему в глаза.

- Ну, объясни - принял вызов тот.

Пол решительно подошёл к мужчине почти вплотную, достал пистолет и приставил ствол к голове.

Когда Пол хотел кого-то припугнуть, он сначала направлял на него оружие и спустя пару секунд, медленно взводил курок. Но здесь произошло неожиданное: мужчина, одновременно ударив одной рукой по запястью, а другой под рукоятку пистолета, ловко выбил оружие из рук.

Пистолет ещё не успел упасть на землю, как "тельняшка" схватил его хозяина за локоть, придвинулся вплотную к правому боку, пытаясь завести руку за спину и заломить. Однако, после резкого разворота Пола влево и удара левым локтём противника в бок, тот на долю секунды замешкался. Этого времени хватило, чтобы освободиться и отскочить в сторону.

Мужчины, как два петуха перед боем, стояли друг против друга, на расстоянии полутора метров, готовые в любой момент снова сойтись в смертельной схватке.

В стороне, где-то в двух шагах от них, лежал пистолет.

Вдруг Пол демонстративно повернулся к сопернику боком, затем сделал шаг и наклонился, чтобы поднять оружие.

"Тельняшка" изо всех сил намеревался ударить его ногой в лицо. Однако Пол ждал именно этого удара: резко отскочил в сторону, схватил противника за ногу и опрокинул на спину. Демонстрируя хорошие физические данные и, несомненно, специализированную подготовку, мужчина сделал кувырок через спину и тут же стал на ноги. Однако, время было упущено - Пол стоял уже с оружием в руках.

- Стреляй, сука! Ну, чего ты ждёшь? Ты думаешь, я боюсь? На х...ю я тебя видел! Понял? Стреляй, падла! - кричал он и, выставив грудь вперёд, стал быстро приближаться к Полу, вцепившись в него обезумевшим взглядом.

На этот раз Пол не угрожал пистолетом: он просто держал его в опущенной правой руке и нанёс удар в солнечное сплетение левой рукой, после того как мужчина подошёл почти вплотную.

Тот закричал, схватился за живот и опустился на землю.

- Не надо ко мне подходить так близко - спокойно произнёс Пол.

Вдруг, собутыльник "тельняшки", сделал несколько шагов в сторону и оказался у Пола за спиной. Цель этого манёвра была не совсем понятной: то ли под воздействием алкоголя его просто повело в сторону, то ли он хотел сбежать, потому как помочь товарищу в данной ситуации, учитывая свою комплекцию и состояние, являлось делом нереальным.

- Назад! - гаркнул Пол через плечо и тот послушно занял прежнее место.

Пол спрятал пистолет в карман и присел на корточки возле поверженного противника.

- Чечня? - спросил он.

Тот закашлялся, но не дал никакого ответа.

- Покойники снятся?

На этот раз мужчина слегка кивнул головой.

- И что ты с этим делаешь?

- Ничего... Разговариваю - хрипло ответил тот.

- О чём?
- Так... Ни о чём... Это ведь мои сослуживцы, однополчане.
- А те, которых ты убил?
- Я убивал в бою - твёрдо произнёс мужчина, глядя Полу в лицо.
- А глаза? Ты видел их глаза? - прошептал Пол, наклонившись почти к самому уху "тельняшки".

Тот отрицательно помотал головой.

Пол тяжело вздохнул, поднялся и сказал - "Тебе легче..."

- А ты где был? - мужчина, уже с нескрываемым любопытством, глядел на него снизу вверх.
- Я? - переспросил Пол и, немного подумав, ответил - Да, я был... Я был на другом конце жизни... - вдруг он наклонился к сидящему перед ним человеку и совсем шёпотом добавил - А теперь я мечтаю умереть в бою... В драке, схватке, поединке... Понимаешь? Но не получается...

Все эти разборки отвлекли Пола от мысли об Ирине.

"В конце концов - думал он - ведь это не она, или кто там в ней сидит, меня преследовала. Она просто отреагировала на мои действия. А не обрати я на неё внимания, ничего бы и не произошло".

Ему не хотелось верить в свою болезнь. И если болезнь долгое время не напоминает о себе, то человеку легко начинает казаться, что её и нет. Виденья начинают забываться, как быстро заживающая телесная рана. Если, конечно, её не ворошить.

Как-то само собой получилось, что Пол стал меньше появляться в общественных местах. Работа - дом, дом - работа. Если заходил в магазин, то старался не смотреть по сторонам и, особенно - в лица людей. Он сделался ещё более угрюмым, нелюдимым, и замкнутым, не замечая того, что эти качества стали прогрессировать. Апогеем данного явления стало то, что он взялся сам, на дому, делать квартальный отчёт, хотя давно этим не занимался. У него был штатный бухгалтер, но Пол решил составить отчёт не вместо него, а одновременно, мотивируя это решение желанием попробовать самому.

Целую неделю, почти безвылазно, как затворник, он сидел в своей квартире, вникая в цифры документов, умножая и вычитая, плюсуя и минусуя, извлекая проценты. Надо сказать, что это занятие полностью поглотило его: он больше ни о чём не думал, никого не вспоминал. Наконец, позвонив бухгалтеру и узнав, что конечный результат у них одинаковый, остался весьма доволен собой.

"Ну, какой же я сумасшедший? - рассуждал он, улыбаясь - Мысль работает... Память хорошая... Могу ещё, могу..".

В дверь позвонили, когда он пребывал на радостной волне и смело, с той же довольной улыбкой на лице, пошёл открывать.

Дверь в подъезде нуждалась в замене. Но она была не стандартной: шире тех, которые выпускались предприятием. По этому поводу в ЖЭСе не могли определиться - то ли дверь подстраивать под проём, то ли проём под дверь. И уж конечно, установку они хотели произвести если не за счёт жильцов, то, по крайней мере, рассчитывали хотя бы на какую-то денежную компенсацию. Что касалось Пола, то он соглашался на любые условия и даже готов был всё сделать за свой счёт. Требовалось только согласование с ЖЭСом. Однако и это вязло в каких-то бюрократических сетях, тянулось долгое время и конца не было видно.

Подойдя почти вплотную к двери, когда уже оставалось только протянуть руку к замку, она, вдруг, сама резко распахнулась, словно от сильного удара с той стороны.

"Красное платье" ворвалось в квартиру как огненный столб. Пол даже отскочил в сторону, и его, казалось, обдало жаром, словно от настоящего огня.

"Не закрой!" - как молния мелькнула в сознании мысль.

- Где туалет? - крикнула Ирина и, не дождавшись ответа, помчалась по коридору в нужном направлении.

Пол, какое-то время, растерянно смотрел ей вслед, потом медленно вышел на площадку, бросил короткие взгляды по сторонам и закрыл дверь. Для убедительности дернул за ручку, после чего пошёл в зал и скромненько примостился на краю дивана, опустив руки между колен.

Ирина оставила открытой дверь туалета, поэтому все звуки от происходящих процессов, разносились по квартире.

- Ооо... как хорошо... - простонала девушка, сразу же после того, как прозвучал громкий трубный звук, низкой тональности.

Пол, в это время, ещё ниже опустил голову.

- Вот интересная вещь получается... - голос из туалета сопровождался негромким эхом - основные жизненные принципы можно сформулировать тремя пунктами - питаться, испражняться и размножаться. Проще говоря - жрать, срать и, простите, совокупляться. И всё это связано с наслаждением. Из этого следует вывод, что вся жизнь на планете Земля, это сплошное наслаждение. Ну, может быть, за некоторым исключением: корове, чтобы достичь такого состояния, надо весь день стоять на четырёх "костях" и щипать траву. А волку, чтобы догнать и сожрать ту же корову, надо за ней побегать. А вот человек обошел эти правила. Вот ты, к примеру - чтобы получить наслаждение от приёма пищи, всего лишь сходил в магазин. Ах, да... Перед этим составлял квартальный отчёт. И, между прочим, остался доволен своей работой, то есть, получил наслаждение. А что такое рай? Это ведь, по идее, сплошное наслаждение. Люди, оказывается, живут в раю. И они ещё чем-то недовольны.

После этих слов послышался шум стекающей воды из сливного бочка и вскоре Ирина вошла в комнату, на ходу обтирая подол платья.

- Я понимаю Бога - продолжала она - Чтобы избежать крайностей, он уравнивает систему, насылая на людей болезни. Любишь жрать "ни в себя" - кариес, трахаться - сифилис. Иначе, откуда всё взялось? Животные не страдают зубной болью и венерическими заболеваниями. Потому что животные не бросаются в крайность.

Пол отвел взгляд от девушки и, задумчиво глядя в окно, произнёс - "Если приём пищи это наслаждение, то корова испытывает его весь день".

- Да, ты прав - согласилась Ирина, немного подумав - А вот с волком, пожалуй, будет сложнее: попробуй догнать резвую тёлочку. Хотя... охота, это тоже инстинкт. А всё что завязано на инстинктах, приносит наслаждение. Даже просто жить: дышать, смотреть, слушать, ходить, спать и так далее, это наслаждение. Просто человек, по каким-то непонятным причинам, превращает жизнь в ад, зачем-то причиняя боль и страдания другим. Установился даже своеобразный принцип - счастье, это не когда тебе хорошо, а когда другому плохо. Или анекдот - у Одессита спрашивают - "Как дела?". Он отвечает - "Не хочу вас расстраивать, но у меня всё хорошо".

- Тогда что такое ад? - задумчиво спросил Пол.

Девушка вдруг резко повернулась и села рядом с ним на диван. Она заложила руки з голову и, глядя в потолок, продолжала - "Да, это серьёзный вопрос. Если рай - наслаждение, то ад - страдания. Страдания, это противоположность наслаждениям: то есть когда тебе не дают есть, пить, дышать. Или когда ты замерзаешь от холода или изнываешь от жары. Короче - когда ты чувствуешь себя, в лучшем случае, не комфортно.

- В тюрьме ад - всё также задумчиво произнёс Пол.

- Это почему же? - удивилась Ирина - Кормят, поят, спать укладывают. Никаких забот. Вот ты, находясь там, когда-нибудь думал о завтрашнем дне? Думал, как тебе жить, что тебе есть, куда пойти? Разве тебе там не разрешали питаться или испражняться? Или кто-то запрещал дышать? Чистый, лесной воздух... Ничего кроме пользы. Ну а что всякую гадость пили и курили - так уж простите... Ещё раз повторяю - люди сами делают свою жизнь адом. Что на зоне, что на гражданке.

В большинстве случаев они даже наглеют: к примеру, если в доме нет горячей воды, для них это уже ад. Но здесь, скорее всего, вопрос стоит так: рай, это если ты кого-то ешь, ад - если тебя кто-то ест. Но у людей ад, понятие загробное. А загробная жизнь, в материальном смысле, представляет из себя, во всяком случае, на начальном этапе, процесс разложения плоти на составные части - водород, углерод, кислород, кальций и так далее. А вот душа, это потёмки, как изрекла одна известная личность. Никто не знает, что в человеческом теле отвечает за душу - частица, молекула, клетка или скопление всего этого? Допустим - атом водорода... Как он может страдать или наслаждаться? Хотя, может, и там происходят какие-то неведомые процессы, связанные с эмоциями. То же самое и с молекулой. А вот живая клетка, точно может испытывать чувства. Допустим, она страдает, если кровоток, вместо кислорода, доставляет ей никотин или алкоголь. Или наслаждается, когда получает нужные питательные вещества. Здесь очень хорошо просматриваются уровни. Например - на клеточном уровне, для обычной клетки, человек, это бог. Благодаря его милости ей доставляются белки, жиры, углеводы. И ей безразлично, какая у человека внешность, какой характер, что он исповедует. На человеческом уровне, бог это Солнце. А Солнце, в свою очередь подчиняется каким-то галактическим законам и так далее. И кто знает, может быть, на всех этих уровнях, присутствует душа? Но мы ничего не знаем и не видим дальше своего уровня. А вот интересно, деление на клеточном уровне, это наслаждение или страдания? Как ты думаешь, Пол? Ведь с одной стороны - тело клетки разрывается пополам. Это должно быть больно, как при родах. Но с другой стороны, если этот процесс измерять иными человеческими мерками, то он похож на разделение в семье, которое у людей, обычно, бурно отмечается. Сын или дочь выросли, созрели и отделились от родителей, для создания новой семьи. А свадьба, даже в цивилизованном обществе, это пьянка "до усрачки", танцы до "упаду" и "траханье" до потери пульса. Да, несомненно, это наслаждение. Или, если взять обычное растение, то период цветения, по сути, является, для него, половым актом. Каждый цветок - совокупление. Тогда обычный куст черёмухи, за это время, испытает столько наслаждения а, может быть и страсти, что человек здесь, даже рядом не стоял. В сущности - смерть для одних, является наслаждением для других. Пол, сколько ты весить?

- Девяносто семь килограмм.

- Вот! Представь, что испытает трупный червь, обнаружив тебя мёртвым? Для него же это настоящий рай. Девяносто семь килограмм рая, пусть и "брутто". Здесь всё - и свадьба, с танцами и мордобоем, и совокупление, может быть даже в извращённом виде, и продолжение рода, естественно.

Пол недовольно хмыкнул и, посмотрев в сторону коридора, спросил - "Как ты меня нашла?".

- Оочень просто - певуче ответила Ирина - Как говорится - только покажи чёрту дорогу и он от тебя не отстанет.

- Зачем?...

- Ну, ты же знаешь... У тебя не плохой ресторан поблизости. "Каменная роза" кажется, называется... Выпить, пожрать - вот и всё что мне надо. А ты мне составишь компанию. Сегодня в дурдом не повезёшь, на такси заеду. Ведь посуди сам - симпатичная девушка, одиноко сидящая в кабаке... Как-то даже и не смотрится.

- Почему я?

- Потому что ты свободный: холостой, не женатый.

- Я стар для тебя...

- Это ты кому говоришь? Если мне, то сказанное не соответствует действительности: я ровесник Каина. А Диголевская... Я вот что тебе скажу по этому поводу - старых мужчин не бывает, чтоб ты знал. Мужчина, или он есть, или его нет. Давай, собирался...

Ирина резко поднялась и вдруг замерла на месте.

- Слушай, у тебя же есть горячая вода? - спросила она - Давай-ка я у тебя помоюсь. Хотя бы душ приму. В дурдоме нас моют ужасно: просто поливают из шланга обгаженные места. И заметить - вода не всегда даже тёплая. Дай мне чистое полотенце.

Когда Пол снова вернулся в комнату, Ирина уже сняла с себя платье и, наклонившись, что-то рассматривала на ноге.

- Эта сука, Рая Павлюченко, наша уборщица, ударила меня шваброй - произнесла она, указывая на чёрное пятно в верхней части бедра - Вот скажи - совесть есть у неё? Бить душевно больного человека... Это... это то же самое, что бить маленького, ещё не смышлёного ребёнка или животное за то, что он не понимает смысла твоих слов. Эх, люди... Люди - звери.

- Я надеюсь, ты её убил - сказал Пол, глядя Ирине в глаза и протягивая полотенце.

- Да, я легко мог бы это сделать - девушка помолчала в задумчивости - Но, ты не согласишься, мне жалко людей. Сам посуди - она "тянет" почти два участка. И вот представь - завтра её нет. Кто будет убирать? Буквально за день всё заплывёт дерьмом. Ты же помнишь запах в четвёртой палате. Так это после уборки. А если не будет убираться неделю? Две? Это ведь не то место, куда стоит очередь устроиться на работу. Мне людей жалко... Они-то в чём виноваты? Но я ей отомстил! - Ирина махнула перед собой кулаком - Я сделал так, что она ударилась ногой о сухожар. У неё теперь, чуть выше колена, синяк больше чем у меня.

Пола сильно смущала нагота девушки. Он либо отворачивался, либо старался смотреть ей только в глаза, чего нельзя было сказать о самой девушке. Она вела себя непринуждённо и даже, в каком-то смысле, "давила" на него своей обнажённостью. И уж, конечно, она не стеснялась его.

Дверь в ванну оставалась открытой, и по шуму воды можно было догадаться, что шторка тоже не задёрнута.

Пол поднялся и посмотрел на "схрон", узкую щель между книжным шкафом и стенкой, где лежал пистолет.

"Может попробовать сейчас?..." - промелькнула мысль. Он даже представил, как достаёт оружие, взводит курок, как медленно идёт по коридору, заглядывая в открытую дверь ванной. Однако пришлось тут же отказаться от этого плана из-за бесперспективности, потому как, Пол был уверен, обстоятельства сложится так, что всё снова сорвётся.

- Спишь? - вдруг совсем рядом послышался голос Ирины.

Девушка стояла перед ним, одной рукой прижимая к груди большое махровое полотенце, а другой, распрямляла мокрые волосы, используя пальцы как гребешок. Её распаренное, чистое тело дышало жаром, кожа была розовой, лицо помолодевшим. Но Пола теперь поразило совсем другое: он обратил внимание на произошедший с ним провал в памяти, или во времени. Ему казалось, что Ирина только что зашла в ванну, включила воду, но не прошло и минуты, как она уже вымытая стояла перед ним. За минуту невозможно было даже нормально намочнуть...

"Ну, вот, а я хотел попробовать" - подумал он.

Девушка наклонилась вперёд и долго вытирала полотенцем волосы, потом резко выпрямилась, закинув назад мокрые пряди.

- Пол, а ты не хочешь меня трахнуть? - вдруг спросила она, стягивая с плеча полотенце и поворачиваясь передом к собеседнику.

По правде говоря, Пол давно ждал этого вопроса, но до сих пор так и не придумал ответ. Поэтому теперь лишь молча отвернулся и крепко, до скрипа в зубах, сжал челюсти.

- Ну, и чего ты рыло воротишь? Что тебе не нравится? - тем временем донимала его Ирина - Молодая девушка, красивое, здоровое тело... - она оперлась рукой о спинку кресла, а другой рукой провела себя по животу - Обычно мужчины без ума от него. Хотя... Да, я помню, у тебя был печальный опыт в сексуальных отношениях. Помнишь, как-то завернули к тебе на хату "Патах", "Фигус" и "Шуша". Просто так, отметить встречу. Ты был не в восторге от не званых гостей, но, соблюдая воровской кодекс чести, принял их и составил компанию. Изрядно подвыпив, Шуша начала себя предлагать. Девушка была, так сказать, в самом соку и Патах с Фигусом её с удовольствием отымали. Ты, конечно, отказался. Потом Шуша, перебрав спиртного, отрубилась. Дама всё-таки. Патах и Фигус по городу её тянуть не захотели и решили, что она у тебя проспится и уйдёт сама. А что случилось потом? Помнишь? Потом, оставшись один на один, ты стянул с её

одеяло, задрал юбку, и, поскольку та была без нижнего белья, начал рассматривать её тайные прелести. В какой-то момент в тебе что-то зашевелилось, и ты решил, так сказать, вкушать запретного плода. Ты перевернул её на спину, раздвинул ноги, спустил штаны и начал пристраиваться. И в это время Шуша блеванула. С тех пор секс у тебя ассоциируется с блевотиной. Но это не страшно, это лечится. И у тебя ещё будут дети.

Пол сидел отвернувшись, тяжело дышал, и, чего раньше никогда не было, у него стала нервно подёргиваться левая щека.

- А так? Может так лучше? Посмотри?

Он из чистого любопытства повернулся на голос...

Теперь перед ним стояла обнажённая Иса Мишман.

Казалось, в кресле, где сидел Пол, была вмонтирована мощная, заведённая катапульта, которая сработала именно в этот момент. Он прыгнул в сторону Ирины и сделал шаг ей навстречу.

- Заткнись! Уйди, сука! Уйди, я сказал! - скорее громко прорычал, чем крикнул он.

Иса тут же превратилась в Ирину и испуганно спряталась за спинку кресла.

- Тихо, тихо... Пол, что с тобой? Боже... Дыхание тяжёлое, пульс участился, давление поднялось... Это явные признаки возбуждения! Пол, да ты, оказывается, влюблён... Твою мать, Пол, это точно любовь! Одиноким волк влюбился!

Он вернулся на прежнее место, не в силах скрыть волнение, за которое ему уже было стыдно.

- Но ты не волнуйся - продолжала Ирина - я в этом ничего не понимаю. Это не моё. Возможно, здесь существует какая-то тайна, может быть даже что-то Божественное. Я воплощался и в мужчин, и в женщин. Я совал пенис - в меня совали пенис. Но никогда, нигде, ни разу я ничего не почувствовал. Люди от удовольствия лезли на стену, а мне пофиг. Так что о любви я знаю только из рассказов людей. Но, по-моему, они сами ничего не знают. Одни говорят - это нежность, другие - полёт души, третьи - когда "хрен" стоит. Последние, кстати, более всего близки к истине, потому как обычно у людей, в большинстве своём, в сознании сформировалось устойчивое понятие - любовь, есть секс. Скорее всего, то же самое и у животных, но намного проще. Если у быка включилась программа на совокупление, то он не остановится, пока не доведёт процесс до конца. И ему безразлично - корова без рог, без ушей, толстая, худая или у неё ноги волосатые. Люди же, своим развитием, только усложнили всё. Вот смотри... - Ирина вышла из-за кресла - Да, цвет волос другой, черты лица другие. Но кожа такая же, форма тела та же - девушка провела рукой внизу живота - эта штука одинаковая, что у меня, что у неё. Как снаружи, так и внутри. Так почему же на Ису Мишман ты бурно реагируешь, а на Ирину Диголевскую нет? В чём разница, Пол? Разве только в голосе, чертах лица и цвете глаз?

Пол лишь сопел, глядя себе под ноги.

- Да, ты явно не бык - глубоко вздохнув, произнесла девушка, села в кресло и накрылась полотенцем - Здесь ещё вот какой нюанс: мужики, обычно, реагируют на женскую грудь, ноги, промежность. Но это всё только внешние признаки, так сказать - наружная оболочка. А если бы они видели стенки влагалища, шейку матки, саму матку, то врядли бы у них возникла эрекция. А это ведь всё то же самое, только вид изнутри. И главные процессы происходят именно там, внутри. Наружная поверхность имеет весьма ограниченные функции. Но люди поклоняются именно ей. А что если и сама жизнь имеет такую же ограниченную функцию? Люди видят только то, что им надо видеть и поступают так, потому что кому-то это надо. Однако главные процессы происходят где-то в глубине. Возможно, они даже на виду, но люди этого не осознают. Или пока что не осознают. Как ты думаешь, а?

Пол мысленно искал ответ на эти вопросы, но Ирина, кажется, его и не ждала. Она какое-то время молча взбивала руками волосы, потом, не прекращая этого занятия, спокойно продолжала - "Мне кажется, подобные страсти иррациональны. Совокупляющихся мух можно легко прихлопнуть, травоядные животные, во время гона, теряют бдительность и становятся более

уязвимы для хищников, не говоря уже о том, что в конкурентной борьбе за самку, они даже убивают себе подобных. Но животных понять можно: им надо передать свои лучшие качества будущему поколению. Ну а человеку, зачем использовать такие методы? Зачем ревность, душевные страдания вплоть до самоубийства? Такие страсти ради нескольких граммов жидкости, название которой сперма? Это не только не логично, но и ущербно. Однако мне кажется, это угасающее явление. В будущем накал любовных страстей будет сведён до минимума, или, по крайней мере, появится разграничение между страстью и социальными отношениями. Страсть будет обеспечиваться техническими средствами, а продолжение рода - деловым процессом. Надо повысить численность населения? Соответствующая служба подберёт подходящие кандидатуры, которые, в свою очередь, дадут согласие на эту сделку. Всё предварительно обсудив, просчитав, взвесив, и, достигнув обоюдного согласия, зафиксировав всё документально, приступят к производственной стороне вопроса. К примеру, на той же свадьбе, после обмена кольцами, жених, в специальном контейнере, торжественно вручит невесте свой репродуктивный материал, который до этого хранился в жидком азоте. А невеста, в свою очередь, в благоприятный день, поместит его себе в нужное место. Вот и всё, зачем здесь страсть? Размножение - дело серьёзное, можно сказать, вопрос государственной важности. Страсть, в большинстве случаев, не всегда этому способствует. Да и сама любовь, как чувство от этого только выиграет. Нет, конечно, никто не будет запрещать прямого контакта или подавлять эмоции. Короче - деторождения, любовь, нежность - отдельно, а оргазм, визг, стон и мычание - отдельно. Так если посмотреть - всё к этому и идёт. Покуда учёные колдуют над геномом человека, люди повсюду пользуются фалоимитаторами и искусственными вагинами. А если резиновую бабу, или мужика, подключить к компьютеру, то с ним уже можно поговорить как с интеллигентным человеком. Кстати - ты знаешь, от чего возбуждается женщина глядя на мужчину? Это не вид полового органа и не размеры его. Нет, конечно, внешность имеет значение. Но больше всего женщина возбуждается, когда видит, как мужчина работает. Если она видит, крепкого, здорового мужика, у которого высокий рост и крупный бицепс, колющим дрова, то может, сама того не желая, испытать оргазм даже без совокупления. Это у неё заложено на уровне инстинкта. Теперь, правда, всё поменялось. Если раньше физическая мощь являлась гарантией выживания, то теперь, какой-нибудь чахоточный айтишник срубит бабла больше чем грузчик, тягающий на себе тяжести. А какая работа у айтишника? Жопу в кресло и весь день перед экраном? Бог создал человека из обезьяны. И её тело, чтобы добыть себе пропитание, постоянно находилось в движении. А сидение в кресле, как пить даёт атрофирует организм. Не знаю о чём там думает ваш бог, но здесь надо что-то менять. Пол, у тебя есть фен?

Обращённый к нему вопрос Пол осознал не сразу и когда поднял голову, недоумённо глядя на Ирину, та уже махнула рукой.

- Молчи, сама знаю, что нет. А вот расчёской, пожалуй, я воспользуюсь. У тебя, надеюсь, нет педикюлёза?

У Пола по жизни всегда имелись три расчёски: одну он постоянно носил с собой, одна находилась в прихожей, в угловом шкафчике, который располагался рядом с большим зеркалом, а третья - в ванной, на полке, за прозрачным стаканчиком с зубными щётками и пастой. Когда он одну терял, а это постоянно была та, которую носил с собой, то её место занимала расчёска из прихожей. А в прихожую перемещался аналогичный предмет из ванны. Новая же, ложилась на свободное место за прозрачным стаканчиком. И теперь, не смотря на то, что прихожая, по расстоянию находилась ближе, Пол принёс расчёску из ванны.

За время его короткого отсутствия, Ирина надела платье и теперь обтягивала низ по бокам. Затем она взяла трусы, подержала их в вытянутых руках, опустила к низу, наклонилась и уже даже приподняла ногу, чтобы одеть. Но вдруг замерла всем телом и, спустя пару секунд, выпрямилась. Она поднесла к лицу предмет, который держала в руках и несколько раз потянула носом воздух.

- Нет, эти трусы носить уже нельзя - произнесла она, смяла их и швырнула в сторону. Потом она взяла из рук Пола расчёску, пошла в прихожую, стала перед зеркалом и принялась

расчёсываться. Наконец, закончив эту процедуру, Ирина, какое-то время, просто любовалась собой, поворачиваясь то одним, то другим боком, то улыбаясь, то хмуря брови.

- Пол, сейчас пойдём покупать мне трусы! - наконец громко заявила она, глядя на своё отражение. Вдруг, задрав и тут же опустив спереди подол платья, добавила - Потому как, такой умненькой и красивенькой девочке, ходить без трусов неприлично.

Они хорошо смотрелись в паре: высокие, стройные. Даже его седина, подчёркивающая разницу в возрасте, не портила этого вида. Глядя со стороны их можно было принять за супругов, любовников или близких родственников, состоящих в хороших отношениях. В современном мире ни одно из данных обстоятельств уже не вызывало удивления.

Ирина взяла Пола под руку, шла легко и свободно, бросая смелые взгляды по сторонам. Этого нельзя было сказать о её спутнике. Пол вообще никогда в жизни не ходил с женщиной под руку и теперь, по меньшей мере, это ему было непривычно. А ещё его сильно смущало то обстоятельство, что спутница была без нижнего белья. И ему казалось, что весь мир об этом знает.

Как раз между его домом и рестораном располагался промтоварный магазин, в котором имелась секция женской одежды.

Пол не пошёл за Ириной в отдел нижнего белья. Он ждал её при входе. Но вскоре об этом пришлось пожалеть.

- Пол, иди, заплати за трусы!

Знакомый голос звучал настолько громко, что его, наверно, слышали на другом конце магазина, в секции товаров для охоты и рыбалки.

Он рассчитывался, пряча от кассира взгляд и ушёл быстро, с явной нервозностью в походке.

Ирина на ходу открыла упаковку и развернула приобретённый товар.

- Я купила красные, под цвет платья - сказала она, и, вдруг, остановившись, начала их одевать.

- Что ты делаешь? Здесь же люди - прошипел Пол, быстро оглядываясь по сторонам.

- Ну и что... - с явным безразличием ответила девушка - Они увидели что-то такое, чего раньше никогда не видели?

Надо сказать, что эту процедуру она проделала достаточно быстро и этого, действительно, почти никто не видел. Почти, кроме двух человек.

Недалеко от входа в секцию, у стены, стоял обычный канцелярский стол, за которым сидели два молодых парня. Один был одет в тёмно-синюю униформу, с надписью "охрана" на левой груди, а второй, в светло-серый костюм и белую рубашку, под галстуком. На голубой тесёмке, перекинутой через шею, в центре груди болтался бейджик, с надписью Карпушко Д. С. Парни смотрели на Ирину и хитро улыбались, тем самым свидетельствуя, что её интимный процесс был ими подсмотрен.

Девушка, заметив их улыбки, быстрым шагом подошла к столу и какое-то время моча "сверлила" взглядом парня в костюме.

- Ну, что, хочешь меня "чпокнуть"? - наконец спросила она.

Тот откинулся на спинку стула, заложил ногу за ногу, и, вытянув правую руку в сторону, положил её на спинку соседнего стула.

- Да, не отказался бы - ответил он, одарив девушку кривой ухмылкой и наглым взглядом.

Вдруг, Ирина, резко подняла правую ногу и поставила её на стол, тем самым, сбросив на пол табличку с надписью "Администратор", которая стояла на краю.

- Да, я знаю, ты уже представляешь, как гладишь эти ляжки, как раздвигаешь их... - свои слова она сопровождала движением руки: провела ладонью по внутренней стороне бедра, стала медленно массажировать промежность - ... как тыкаешь головкой своего члена в эту мохнатую поверхность, приближаясь всё ближе и ближе к желанной "пропасти", как вставляешь туда свою "штуку" и двигаешь её всё глубже, и глубже, и глубже... При этом ты испытываешь наслаждение, от которого горячая волна сладострастия подкатывает к твоей тупой морде и она становится красной,

как задница у макаки. Твой взгляд в это время соловьет, небольшое количество извилин в мозгу распрямляется, слюни текут по бороде, ладони потеют, становятся липкими, скользкими... Фу, какая гадость...

Внезапно девушка резко убрала со стола ногу, зло и надменно посмотрела на парня.

- А ты знаешь, что эта штука, в первую очередь, создана для того, чтобы рожать детей? А ты представляешь девять месяцев беременности, когда при виде любой вязкой жидкости желудок выворачивает наизнанку? - жестко произнесла она, с особой твердостью выделяя последнее слово - А схватки, а роды? Ты представляешь? Когда плод человеческий, толкаемый сокращением мышц, движется по проходу и рвет по живому всё на своём пути? Это же больно! А потом - пелёнки, распашонки, бессонные ночи... Ты это представляешь? Носочки, колготки, платица, штанишки, подгузники... И всё это помечено следами детской неожиданности... Но тебе этого не надо. Тебе надо только почесать свой никчёмный член и единолично испытать от этого наслаждение... А вот, видел?...

Ирина сложила кукиш и поднесла его администратору под самый нос.

Карпушко по-прежнему был непробиваемый: продолжал сидеть, нагло улыбаясь, и ни одна мышца на его лице не шевельнулась.

- Да, конечно - продолжала между тем девушка - моя задница смотрится лучше, чем целлюлитная жопа твоей Светланы Плешкиной.

Услышав это имя, парень резко изменился в лице. Теперь, в предчувствии неизвестной опасности, на нём отражалось настороженное, вперемежку со страхом. А Ирина, между тем, шла в наступление - "Но когда сперма подпирает твои сушёные мозги и жажда совокупления затмевает глаза, ты, как голодный пёс, заискивающе заглядываешь в лицо своей Светочке, называешь её кошечкой, зайчиком, лапочкой, чтобы поскорее затащить в постель. Но добившись своего, сразу же - "дура бестолковая". А какая она дура? Она вовсе и не дура. В молодости, пока ты, со своей "стоячей елдой", волочился за её голыми коленками, она умудрилась затащить тебя в ЗАГС и поставить штамп. Это тоже надо уметь.

- Да она пьяная - произнёс охранник и оба парня медленно поднялись со стульев.

- Кто пьяная? - перевела на его взгляд Ирина - Прикуси язык! Хотя ты тоже хорош. Как припрёт животная похоть, так сразу бежишь к дворовой бляди, чтобы вставить ей между ног...

Охранник шагнул к Ирине и, грозно сдвинув брови, басом произнёс - "Так..."

- А ну... - собирался продолжить он в том же духе, но вдруг оборвался на полуслове, громко застонал и прикрыл ладонью рот.

- Кстати - никакая она и не блядь - спокойно продолжала Ирина - Да, она даёт многим. Но она просто ещё надеется выйти замуж. В её возрасте если совсем не давать, то уже точно останешься одинокой. А так, хоть на что-то можно надеяться. Ну а на тебя она никогда и не рассчитывала: слишком большая разница в возрасте. Она, конечно, дамочка наивная, как и женщины в большинстве своём, но не до такой же степени. А что отдаётся за деньги - так почему бы и нет? У неё двое малолетних детей. Зарплата кладовщицы - чуть больше минималки. Здесь её тоже не в чем упрекнуть. Подставляться твоей похотливой прихоти, закрывшись в ванной или в вонючей подвальной кладовке, пока дети играют в компьютер, радости мало. А ты как последняя сволочь, шастаешь к ней под покровом темноты, что бы никто ни видел и не узнал. Особенно твоя "кряля", Евгения Садожильская, на которую ты имеешь виды, но которая тебя к своему телу и близко не подпускает. Она старомодная и принципиальная. Секс - только после свадьбы. А свадьба - когда закончит институт. А институт она закончит только через два года. Она же думает, что ты благородный, что ты страдаешь из-за неё, и, если узнает про эту связь, то сразу же "обрубит концы". Да, она умная и красивая. И цену себе знает. А тебя она терпит только из-за твоей смазливой рожи, потому как прекрасно понимает, что твой уровень интеллекта, чуть выше, чем у дятла.

На шум к ним подошла женщина лет сорока, в строгом костюме, состоящем из чёрной юбки, пиджака и белой блузки. Приблизившись, она сразу же заинтересовалась причиной

конфликта, строго оглядывая присутствующих. И хотя спереди у неё не было бейджика, но по поведению можно было определить, что она имеет непосредственное отношение к руководству магазина.

Ирина обернулась и как бы даже обрадовалась её появлению.

- Анна Патаповна! - радостно вскрикнула она - Я вам сейчас всё расскажу. Вот вы никак не можете понять, куда девались десять пар мужских носков из обувного отдела? Так вот он - девушка ткнула пальцем в грудь охраннику - три пары отнёс домой, а две, ещё лежат в шкафчике для переодевания, на верхней полке, в картонной коробке. Пять пар прибрал себе Дичкин, который у вас сидит на мониторах. Они в сговоре между собой: этот ворует - девушка снова кивнула головой в сторону охранника - а тот удаляет запись. Потом делятся добычей.

В своё оправдание охранник смог только замычать.

А на девушку, казалось, нашло вдохновение. Она продолжала бойко говорить, жестикулируя руками и приблизившись к женщине почти вплотную.

- Вот эта камера, с высоким разрешением, выписывалась в отдел галантереи. Но Дичкин специально прикрепил её здесь и направил на секцию женской обуви, чтобы заглядывать женщинам под юбки, когда те наклоняются или, сидя, примеряют туфли. Потом он зовёт этих охламонов и хвастается, что ему удалось заснять за смену.

Женщина слушала девушку внимательно глядя ей в лицо, потом обвела строгим взглядом своих подчинённых и снова вернулась к Ирине.

- А вы, собственно говоря, кто такая? - наконец спросила она.

- Я? Просто человек. Женщина. Точнее - симпатичная девушка. Ваши работники на меня даже только что онанировали - Ирина кивком головы указала на парней.

- Мыыы?... - замычал один из них.

Если бы второй не прикусил язык, то они произнесли бы это слово одновременно. Однако Анна Патаповна на них даже не взглянула.

- А откуда вы всё это знаете? - спросила она у девушки.

- Знаю и всё. Точнее - я знаю всё. Я знаю, что сейчас у товароведки Бубровой, начались месячные и по этой причине она, ходит злая как мегера. Что продавщица Табунова прошлой ночью забеременела. Что грузчики Миша и Саша уже купили бутылку водки и через пятнадцать минут сядут пить в тарном складе. Что через час, дворник Тимуров бросит горящий окурок, который подхватит ветром и закатит под стопку прессованной макулатуры. Кстати, не советую вызывать пожарных, потому как они выпишут вам приличный штраф за дырявый рукав в пожарном гидранте. И про вас, Анна Патаповна, я знаю всё. Знаю что Черкизовский товар, вы продаёте как Гонкоговский, а выручку делите с заведующей, Тамарой Карловной Шипур.

Женщина вдруг изменилась в лице: на какое-то время побледнела и плотно сжала губы.

- Так, девушка, покиньте помещение - возмущённо произнести она и, уводя взгляд в сторону, уже более спокойно добавила - Уходите. Это приличное заведение.

- Это приличное заведение? - громко повторила Ирина и, повернувшись лицом к залу, крикнула - Свилярник!

Анна Патаповна набрала в лёгкие воздуха, открыла рот и собиралась уже вести дальнейший разговор на повышенных тонах. Но в это время, где-то из глубины зала донёсся душераздирающий женский визг.

Все присутствующие обернулись на этот крик.

Представшая их взору картина была настолько невероятной, что вызвала всеобщий шок: кассирша, молодая симпатичная девушка, одетая в короткую юбку, взобралась на кассовый аппарат и что есть силы истошно пищала. Ну и было от чего - самая настоящая свинья, ставши передними ногами на кресло, на котором только что сидела девушка, упорно тянула к ней своё рыло. А на зале, в это время, вообще творилось что-то невообразимое: всюду шныряли свиньи, которые хрюкали, визжали, чавкали и испражнялись. Самые обыкновенные, неведь откуда взявшиеся, но и по всем

признакам - самые настоящие. При чём, судя по поведению, чувствовали они себя здесь вполне комфортно.

Две молоденькие хрюшки не могли поделить между собой кружевную комбинашку розового цвета. Они вцепились в неё зубами и тянули каждая в свою сторону. Изделие от Кутюр, не предназначенное к такому обращению, естественно, приказало долго жить.

А в это время, через перегородку, здоровенный хряк, с чёрной длинной шерстью на спине, оказавшись в секции женской обуви, чесал задницу о стеллаж, отчего тот ходил ходуном, а выложенный на нём товар разлетался в разные стороны и падал, как перезревшие яблоки от сильного порыва ветра.

Чуть дальше парочка рябых, запутавшись в оторванной от примерочной кабины шторке, беспардонно совокуплялась перед зеркалом.

Судя по возгласам и крикам, а также визгу, то ли человеческому, то ли свиному, что-то подобное происходило в секциях женского платья и верхней одежды.

- Что вы стоите! - вдруг завопила Анна Потаповна на своих подчиненных - Идите!... Ловите!... Гоните!...

Вскоре, во всём магазине воцарилась страшная суета. Со стороны было непонятно: или люди гоняются за свиньями, или свинья за людьми. Анна Потаповна выделялась из всей этой суматохи: она каким-то образом умудрилась оказаться на спине у лохматого хряка, сидя задом наперед. Тот с визгом носился по кругу, ничего не видя перед собой, потому как на глазах у него лежала юбка Анны Потаповны, неизвестно каким образом снятая с неё. Женщина обеими руками ухватила за шерсть животного, обезумевшим взглядом уставилась на его извивающийся хвост и хрипела через звериный оскал - "Выгоню... Всех уволю...".

Вот под этот шумок Пол и Ирина покинули "приличное заведение".

По улице они шли молча. Пол даже был под впечатлением от увиденного, хотя и знал, что от своей спутницы можно ожидать чего угодно. Однако, тем не менее, через какое-то время, спросил - "Это же был гипноз? Ты их загипнотизировала? Не могли же, на самом деле, здесь появиться настоящие свиньи?".

По каким-то причинам Ирина ему не ответила.

- Теперь я понимаю, как ты покидаешь психиатрическую лечебницу - спустя минуту снова произнёс он.

- Ну, не всегда я там применяю гипноз. Например - чтобы пройти через внешние ворота, я подхожу к окну проходной и стучу в раму. Герман Семёнович сначала припадает лицом к стеклу, потом выходят на улицу, и начинает осматриваться вокруг. Я в это время, спрятавшись за дверью, через верх бросаю катушек в сторону ворот, который ударяется о металлический кожух электропривода. Охранник идёт на звук, а я, в это время, спокойно прохожу через проходную. В отделении, всё несколько иначе...

Вдруг Ирина замолчала и остановилась.

Пол ещё сделал несколько шагов и обернулся.

Это была уже не Ирина. Точнее это была не та Ирина, которую он знал: наглая, дерзкая, отчаянная. Теперь перед ним стоял человек с пустым, бессмысленным взглядом, тупым выражением на лице и открытым ртом. Её фигура была похожа на полуспущенный воздушный шар: сторбленные плечи, безвольно болтающиеся вдоль тела руки, подкашивающиеся, от попытки удержать равновесие на высоких каблуках, ноги. Вдруг её стало водить из стороны в сторону, она спиной прислонилась к стене дома и медленно опустилась на землю. Девушку начало тошнить, рвотные позывы спровоцировали обильное выделение слюны, которая потекла по бороде и тонкой струйкой повисла над грудью.

Пол непроизвольно стал медленно пятиться назад, постепенно удалась от девушки. Коснувшись спиной фонарного столба, он зашёл за него и оттуда наблюдал за Ириной.

Несколько прохожих прошли мимо и даже не посмотрели в её сторону. Пару человек обернулась на ходу. И только спустя несколько минут возле неё остановилась полная женщина, лет пятидесяти. Потом к ней присоединился полный мужчина, потом молодая пара, потом две девушки.

Пол вдруг развернулся и побежал прочь. Перейдя на другую сторону улицы, он остановился, потом резко изменил направление и быстрым шагом пошёл в сторону своего дома, искоса наблюдая за собравшейся возле Ирины толпой.

Возвратившись в квартиру, закрыв на замок дверь и убедившись, что она на этот раз, действительно заперта, облегчённо вздохнул, прислонившись спиной к косяку. Простояв так около минуты, он медленно прошёл через прихожую в зал.

Ирина, в это время, уже сидела на диване, закинув ногу за ногу и подпиливала ногти на правой руке.

- Вот этого от тебя я никак не ожидал - сказала она, поднимая голову и поворачиваясь в сторону Пола - Бросить душевнобольного человека, посреди улицы, в большом городе... Это же, по меньшей мере, подло... Он же беззащитный, как ребёнок... Всё-таки я ошибся - нет в этом доме мужчины...

Взрыв безумия снёс у Пола "крышу". Не помня себя, он выхватил пистолет и выстрелил в девушку три раза подряд, хотя уже с самого начала понял - стреляет в пустоту.

- А это уже совсем... - голос прозвучал откуда-то сверху. Девушка теперь находилась на последней ступеньке стремянки, которая стояла у книжного стеллажа.

Очередной выстрел не заставил себя долго ждать.

- Не попал... - игриво ответила девушка, сидя на люстре и болтая ногами.

Пуля вдребезги разнесла плафон и лампочку, осколки стекла градом разлетелись по комнате.

- Опять мимо...

Теперь голос слышался слева от него.

Пол выстрелил с разворота, но девушки в том направлении тоже не оказалось.

- Да тут я, тут...

Эти слова прозвучали у самого уха Пола, но уже с правой стороны.

Ещё раз повернувшись, он краем глаза заметил какое-то движение у себя на правом плече.

Ирина, уменьшившись до размера ладони, похожая на Дюймовочку в красном платьице, стояла на его плече, и, заложив руки за спину, показывала язык.

Пол согнул руку в локте, пытаясь направить оружие на этот сказочный персонаж и даже успел осознать, что непроизвольно нажал на спуск, когда дуло пистолета находилось у его виска...

Звук выстрела походил на сильный удар огромных музыкальных тарелок над головой, с той лишь разницей, что вибрирующие волны не распространились в пространство, а внезапно прекратились, резко и окончательно, словно наткнулись на невидимый барьер, как, к примеру, тяжёлый и острый топор, со всего маха вонзается и застревает в большой колоде из плотной древесины.

Пол смотрел на застывшие языки пламени и, поначалу не мог понять: то ли это время остановилось, то ли он, наподобие сказочного Буратино, оказался перед огромным холстом, с изображением камина и огня. Но неожиданно огонь ожил, его жёлто-красные языки метнулись в стороны, послышался характерный треск горящих поленьев.

Пол медленно приходил в себя. Сначала "ощупал" глазами камин, сервант, телевизор. Всё та же привычная обстановка его квартиры... Сзади находились два кресла и журнальный столик. И вдруг он понял, что стоит на полусогнутых ногах между креслом и камином. Его руки отведены в стороны и назад, как у лыжника перед прыжком с трамплина.

Скорее всего, он просто уснул в кресле, что случалось довольно часто, а проснувшись от кошмара, резко вскочил и замер в такой позе.

Пол выпрямился, расслабился, осмотрелся. Наткнувшись взглядом на люстру, отметил, что там все плафоны целы. Потом достал пистолет, открыл барабан. Капсюли не пробиты, значит, не стрелял. После этого он развернулся и, одновременно с выдохом облегчения, сделал шаг к креслу и упал в него спиной.

Паленья в камине горели спокойно. Пламя, на стенах комнаты и потолку, оставляло дрожащие блики, тепло приятной волной гладило лицо. Пол, иногда, зажигал камин не для тепла, а так, под настроение: огонь расслаблял и успокаивал.

- А когда я разжёл камин? - спросил он себя, лениво копаясь в памяти.

- Это я зажёл камин.

Мужской голос исходил от человека в кресле, стоящего рядом. Он прозвучал настолько неожиданно, что Пол вздрогнул и направил пистолет в ту сторону.

- Ой, ну не надо... - взмолился мужчина и замахал на него руками - Пол, ты же взрослый человек, а занимаешься, прости меня, какой-то хернёй. Зачем стрелять в то, чего нет? Убери эту железяку. Мебель только испортишь.

- Ты кто? - сорвавшимся голосом спросил Пол.

- А вот с этого надо было и начинать - спокойно ответил мужчина, поудобнее устраиваясь в кресле - Я, это ты... Да-да, ты. Если не веришь - посмотри в зеркало. На мне вся твоя внешность: чёрточка к чёрточке, точка к точке.

Полу не верилось, что сидящий перед ним пожилой, седоволосый мужчина, с двумя глубокими морщинами, опускающимися наклонными линиями от крупного носа к уголкам рта и снопообразными бровями, это он сам. И только взглянув на руки с широкими ладонями, вздутыми прожилками и сильно выступающими костяшками у основания больших пальцев, сравнив их со своими, постепенно стал признавать в собеседнике другие свои черты.

- Ну и от чего у тебя теперь такая кислая рожа? - спросил непонятный субъект, вытянув ноги - Когда я являлся в образе красивой девушки, ты рыло воротил. А теперь всё - я в её тело больше ни нагой.

- Она выздоровела? - Пол вопросительно вскинул брови.

- Нет... Но дело и не в этом. Между прочим - мне, в тело душевно больного человека, воплотиться намного сложнее. Люди с нарушенной психикой для меня ещё более опасны. К примеру, в твоё тело я могу вселиться, и Бог этого не заметит, потому как, будет видеть только тебя. А у душевнобольных людей неизвестно, что происходит в сознании, но я в их теле, как на ладони. Это сравнимо с пребыванием на открытой местности. Конечно, если ты в теле один, ощущения намного сильнее, однако и риск быть замеченным, значительно больше. Ну не моё это, не моё... Да я и сам виноват: слишком много выпендривался, сильно было заметно. Что касается нынешних обстоятельств, то я, конечно, мог бы явиться тебе в любом образе, только истинное моё лицо, это, всё-таки, ты. Сейчас объясню почему. Вот как ты думаешь, кто такие вся эта нечисть: чёрт, бес, сатана, дьявол? Существует множество определений, но сводятся они, в общем-то, к одному - это падший ангел. Но не представляется ли тебе, что это заключение абсурдно? Почему Бог, глава всего и хозяин всему, потому как он всё и всех создал, почему допустил это падение? Почему он до сих пор не может справиться с ним? Ведь нечистая сила противостоит его творению, а значит, и ему самому. Ты, к примеру, "пришил" Паруса только за то, и это даже с чужих слов, что тот, всего лишь, намеревался покуситься на твою власть. А здесь ведь не намерения, здесь явные поступки. Так вот, слушай меня - всё это выдумка, сказка, полёт людской необузданной фантазии. На самом деле, меня создал не Бог, меня создал человек. Для Бога я остаюсь невидимым, абстрактным и неопределённым, потому как всегда нахожусь за спиной у человека, в его тени. Бог, взирая на греховные поступки своего творения, предполагает моё существование, теоретически вычисляет его, но определить не может. А если я веду себя тихо, он даже и мысли не допускает о моём присутствии. Но для каких целей меня создал человек? А всё дело в том, что человек подвержен порочному влиянию. Он слаб перед искушениями. Но он не хочет это признавать и создал меня, что

бы, хотя бы, таким образом, избавляться от своих слабостей. Как люди, стихийно или преднамеренно, создают определённое место для ненужных вещей и называют это мусорной свалкой, так и меня создали для избавления от ненужных качеств - пороков. Мало того - меня ещё и наделили такими способностями как сила и могущество. "Он силен в испытании - говорят они - Как же я мог противостоять ему? Я слаб и ничтожен". И Бог верит в этот обман, потому, что ему дорого его создания. Он вложил в него душу и хочет видеть в нём величество и благородство. И он прощает человека, не замечая, с какой лёгкостью тот грешит и кается, несколько не сомневаясь в искренности этого покаяния. Благодаря этому я и существую. Я живу в людях, потому что в их душах есть место для меня. Я просто вынужден быть. Пусть ни открыто, не на виду, а где-то в глубине, в самых потаённых уголках сознания. Но я ведь, на самом деле, не такой. В процессе бытия, я сформировался как личность духовная, культурная, интеллигентная. К ворам, грабителям, насильникам, убийцам, алкошам, наркоманам и прочему сброду, никакого отношения не имею. В том, что они пали, виноват тот, кто их сотворил или, по крайней мере - допустил их падение. А я люблю человека, сострадаю ему, радуюсь вместе с ним, потому как, человек меня создал. По сути - он мой родитель. Я люблю и Бога - потому что он родитель моего родителя, проще говоря - мой дедушка... Однако... Дедушка... Да, чёрт возьми - дедушка! Гениально! Как это я раньше об этом не подумал... Пол, а ты ведь, мне отец родной... Мы, оказывается, близкие родственники. Папа, твою мать, ты зачем в меня стрелял? Это в собственного сына... Ну, да ладно... Но мне, всё-таки, обидно, когда люди изображают меня жестоким, циничным и кровожадным, с отвратительной внешностью: рогатая козья морда, свиное рыло, копыта, хвост и так далее. Глупцы... Что бы узреть чёрта, не надо обладать буйной фантазией - достаточно посмотреть на себя в зеркало. Правда, в последнее время, как-то после Николая Васильевича, меня стали видеть в более-менее лучшем свете и даже уважать. Александр Иванович, Фёдор Михайлович... А как я люблю Михаила Афанасьевича! Хотя, на самом деле - каждому своё. Для тебя - я вот такой. И, поскольку, я, всё-таки личность самостоятельная, и имею право на свой вкус и выбор, то позволь мне кое-что исправить в твоей внешности...

Сказав это, человек, которого следовало бы обозначить Пол номер два, раздвоился, тем самым создав третий номер, который внешне ничем не отличался от предыдущих и который, поднявшись с кресла, стал лицом к сидящим. Он с безразличием смотрел в одну точку перед собой и стоял неподвижно, как изваяние.

- Вот это не немецкий костюм - произнёс Пол номер два, небрежно указывая лёгким движением руки в сторону третьего номера - Это левый товар Гомельской швейной фабрики "Лакрес". Нет, пошит он достаточно добротно: якобы фирменные бирки, лейбы выглядят как настоящие. Даже пуговицы с теснённым названием фирмы. Однако, до немецкого "Hugo Boos" ему далеко. Но немецкий стиль не по мне. Я предпочитаю английские костюмы: чёрны пиджак и брюки. Жилет такого же цвета, с двумя внутренними карманами внизу. В правый, элегантным полукругом, опускается серебряная цепочка с золотыми часами на конце. Рубашка, исключительно чёрного цвета, а не эта клетчатая муть. Кроваво-красный галстук, в классическом стиле. Хотя нет, галстук, лучше, бабочка.

Одновременно с произносимыми словами, Пол номер три на глазах "переодевался". Движений он никаких не производил, одежда на нём сама менялась сразу же после сказанного.

- Чёрные, лакированные ботинки, с острыми носами. Каблуки, из прессованной кожи, с металлическими набойками - дирижируя пальцем правой руки, говорил "заказчик" - Твой чёрный, длинный плащ, с высоким воротом, это я одобряю. Но к нему надо чёрная, широкополая шляпа. Вот так. Этот плебейский подбородок, с ямочкой посередине, мне не нравится. Я бы его закрыл аккуратненькой бородкой, треугольной формы. Волосы длинные, до плеч, собранные на затылке в пучок. И никакой седины! Всё исключительно чёрного цвета. Глаза... Хотя нет, глаза я, пожалуй, оставлю твои. Эти большие белки контрастируют с чернотой и придают взгляду эмоциональность. Ну, вот как-то так...

Вдруг второй номер поднялся с кресла, подошёл к третьему, осмотрел его придирчиво и, приблизившись вплотную, "влился" в него.

- Ну, как? - спросил оживший третий номер, поворачиваясь к первому то левым, то правым боком.

Пол номер один внимательно осмотрел стоящего перед ним себя. Нельзя было не отметить, что в этом образе, его усы, брови и борода идеально подходили друг к другу. В совокупности с взглядом, здесь действительно просматривалось что-то демоническое. И по сравнению со вторым номером, а значит и с первым, этот выглядел моложе.

Не дождавшись оценки своей новой внешности, третий номер продолжал - "Ну, ладно. Теперь надо определиться с именем. Твоего Павла Ивановича Зайцева я терпеть не могу, хотя бы потому, что это "фуфло". Кстати, ты знаешь, что твои автослесаря называют тебя "Пизайцев"? Всё из-за подписи на документах и приказах - П. И. Зайцев. А помнишь, когда ты обратился к фальшивомонетчикам, "Кирилу" и "Мефодию", чтобы "изобразили" документы? Они предложили на выбор две фамилии - Зайцев и Тарасов. Ты выбрал "Зайцев", потому что она была дешевле. Представляешь, как бы это теперь звучало, если бы ты выбрал Тарасов? Хе-хе-хе...

Третий номер засмеялся, обнажив здоровые, крепкие зубы, идеально белого цвета.

"А вот теперь не похож... Совсем не похож" - подумал Пол номер один.

Вдруг его собеседник стал мрачным и серьёзным.

- Ты, хотя бы, помнишь свою, так сказать, "девичью" фамилию? А? Качай Василий Адамович? Вот будешь меня так и звать - Качай. Фамилия не такая эффектная, зато настоящая. Тем более что Зайцевых в России, как самих зайцев. А Качай - единственный и неповторимый.

Качай повернулся к горящему камину и долго, задумчиво смотрел на огонь.

- Довольно интересна история происхождения этой фамилии - наконец произнёс он, снова повернулся лицом к собеседнику и сел на пол, опершись спиной о стенку камина. Выпрямив правую ногу, согнув левую в колене и положив на него руку, Качай, глядя через плечо на пламя в камине, продолжал - Когда-то, около трёх веков назад, под Москвой было имение помещика Гаврилова. Крестьяне ближайшей деревни, в большинстве своём, также носили фамилии Гавриловы. И деревня та называлась Гавриловкой. И вот однажды, одна молодая девка, некая Агафья Гаврилова, нагуляла живот от здешнего хлопца, Михаила, и тоже Гаврилова. Замуж он её не взял, родители воспротивились, а отец девушки, узнав о её интересном положении, выгнал из дома. Старшая сестра Агафьи работала при поместье и замолвила хозяину словечко о несчастной. Тот пожалел её и принял. Там она и разродилась. Спустя четыре года помещик решил переписать всех своих людей, старого и малого.

- Кто такой Дмитрий Гаврилов? - спросил он у приказчика, когда тот подал ему бумаги.

- Да это ж Митяйка, сынок Агафьи, которого "Качай" кличут...

Надо сказать, Митяйка был шустрый, резвый, весёлый малый. В поместье все его любили, баловали, играли с ним. Конюх Никанор, меж двух тополей, соорудил качели из конопляных веревок. Митёк их так полюбил, что готов был целый день болтаться на них, забыв про еду и сон. Особенно ему нравилось, когда его кто-нибудь раскачивал. Он заливался звонким, заразительным смехом и кричал на весь двор - "Качай! Качай!". Вот за это его и наградили такой кличкой.

- Ну, вот пусть и остаётся Качай - сказал барин - Мне эти Гавриловы уже поперёк горла стоят. Восемь Дмитриев Гавриловых! С ума сойти...

Так и записали с его слов, так пошла твоя фамилия. Правда, грамотеи при советской власти исправили её на Кочай. Они посчитали, что в корне лежит слова "кочка" а не "качка". Ну, я то возьму оригинал. Надеюсь, ты не возражаешь?

Качай посмотрел Полу в глаза и тот, не выдержав взгляда, опустил голову.

- Ну, а у Золовика, ты меня, вообще, сразил - вдруг произнёс Качай и встал на ноги - Ни с того ни с сего, такую речь "ляпнуть"... Она даже для меня была неожиданностью. Это же настоящая проповедь. Я ещё удивился - кто это говорит: праведник, священник, Папа Римский?

Меня в аду даже передёрнуло. Оказывается это Пол, матёрый уголовник и макрушник. А, между прочим, в драке с десантником, я тебе хорошо помог. Я шепнул тому на ухо - "Врежь, врежь ему ногой по рылу".

- Это ты мне так помог? - удивлённо спросил Пол, подняв голову и глядя собеседнику в глаза.

- А как же... - ответил Качай - Если бы он меня не слушал, то поступил бы по-своему. И кто знает, чем всё могло кончиться. Когда-то, в полку, он был одним из лучших по рукопашному бою и если бы во время вашей стычки, завладел оружием... Ты ведь не стал бы ему подчиняться? Верно? А у него бы рука не дрогнула. Убивать людей ему не впервой. Ну, а так... Ты же ждал именно такого удара?

Пол снова опустил голову.

- А ведь вопрос очень серьёзный - продолжал Качай, задумчиво уставившись на стену - Почему современные люди становятся на путь криминала? Это ведь не тёмные века, когда только "Слово Божье" являлось рамками закона. Если ты втихаря согрешил и тут же не последовало возмездие, потому как всевидящее око не могло не заметить твоего деяния, то значит, есть повод где-то, в чём-то усомниться. В современном же мире об этих рамках твердят везде и всюду. От средств массовой информации, так или иначе распространяющих нравственные законы общества, укрыться, практически, невозможно. При чём - возмездие они обещают в утвердительной и обязательной форме. И тем не менее... Вот, к примеру, ты, Пол, как докатился до такой жизни? А ведь всё начиналось вполне безобидно...

Полу вдруг показалось, что источник голоса изменил своё местоположение. Он поднял голову и, действительно, не увидел перед собой Качая. Оказывается, тот, довольно своеобразно, расположился на кресле: сел на спинку, ноги поставил на подлокотник, наклонился вперёд, уперев локти в согнутые колени, а сцепленными пальцами сложенных вместе ладоней, поддерживал подбородок. Он какое-то время молча наблюдал с высоты за неспешно горящими дровами, потом начал говорить спокойно и рассудительно - "Забегая наперёд, хочу сказать, что виной всему - власть. Первоисточник власти, это грубая физическая сила. В человеческом обществе она принимает самые разнообразные формы и самая распространённая из них - деньги. Изначально, власть была нужна для поддержания порядка в том же человеческом обществе. Однако, в этом же обществе она стала использоваться для унижения и оскорбления себе подобных. Желание индивида любой ценой подчинить себе другого, возвыситься над ним, зачастую беспричинно унизив оппонента, иной раз всего лишь, чтобы обозначить слабость последнего и вознести своё доминирование, превратилась в самоцель. А бескорыстие, сострадание, взаимопомощь - остались уделом слабых, ничтожных личностей. Правильно, Пол?

В детстве ты ничем не отличался от сверстников: был сентиментален, послушен и даже где-то труслив. Твоя застенчивость была замечена в семье и, по настоянию отца, Адама Качая, ты записался в школьную секцию бокса. Там же занимался и Юрий Гущин...

Вот не знаю, это простая случайность или запланированное событие? Как бы сложились ваши судьбы, не встретить вы друг друга?

Юра был старше тебя на два года, крепче физически. Он с первого класса занимался боксом и к тому времени имел уже достижения и награды. Естественно, среди сверстников, и даже более старших ребят, он пользовался непререкаемым авторитетом. А среди вас его авторитет был вообще заоблачным. Характер же Юра Гущин имел далеко не положительный. Он был двуличен: дерзкий, заносчивый, самоуверенный, циничный - с теми, кто слабее его, и изворотливый, услужливый, подхалимистый - с теми, кто сильнее.

Инструктор как-то попросил его - "Посматривай за младшими. Может кто-то подаёт надежды".

"Посматривал" он довольно специфически: в отсутствие преподавателей, ставил всех в шеренгу, по очереди подходил к каждому, принимал боксёрскую стойку и говорил - "Защищайся".

Бил в грудь со всей силы. Если кто пропускал удар и падал - слабак. Если не падал - уже лучше. Тренируйся. Ну а отвести его удар было, практически, не возможно. Редко кому удавалось увернуться. Но самое обидное унижение для всех - стоять в шеренге и покорно ждать своей очереди, ждать, когда тебя ударят. И не дай бог кому-нибудь ослушаться.

Ты, Пол, всегда падал.

Но время шло. Твоё пятнадцатое по счёту лето, а значит и школьные каникулы, можно было разделить на две части. Первую ты провёл в Туабсе, куда с родителями поехал отдыхать, а вторую - у тётки в деревне. Ничего необычного, никаких потрясений или важных событий в твоей жизни за это время не произошло. Просто, когда ты, в конце августа, приехал домой, все твои знакомые, при встрече, стали говорить одно и то же - "Как ты вымахал...".

Спустя неделю в секции бокса продолжились занятия...

Гущин, с одетыми на руки боксёрскими перчатками, в сопровождении двух своих друзей, зашёл в вашу раздевалку.

- Становись! - заревел он с порога - Ну, что "шантрапа"? Отрастили себе за лето свинные задницы? Сейчас будете тренироваться до посинения, пока не сбросите весь жир.

Вдруг он остановился напротив тебя и ты, даже к своему удивлению, отметил, что вы, оказывается, уже одного роста. А ведь ещё в конце учебного года ты смотрел на него снизу вверх.

- А это кто такой? - внимательно вглядываясь тебе в лицо, спросил Гущин.

- Вася Кочай - ответил кто-то из шеренги.

- Вася Кочай! - произнёс Юрий, изучая тебя с ног до головы, и, в следующее мгновение, чтобы скрыть удивления, добавил - Ну и дылда! Хорошая палка говно мешать.

Дружки, чтобы угодить кумиру, услужливо засмеялись.

- Защищайся! - вдруг сказал Юрий, нахмутив брови и наставив перчатки".

Качай вдруг замолчал, задумчиво глядя в жерло камина. В неподвижной позе, с застывшим взглядом, он просидел несколько минут.

- Вот тогда что-то случилось - наконец медленно произнёс он - Именно тогда, Пол, в то мгновение. Я помню это, но даже я не знаю что и как. В тебя словно беззвучно ударила невидимая молния и остановилась в тебе, сконцентрировав в твоём теле всю свою силу и мощь. Ты тоже не помнишь этого, потому что твоё сознание на тот момент, а также способность воспринимать и анализировать, каким-то образом отключилось.

Дальше, последовал твой удар правой рукой снизу вверх, прямо в челюсть. Удар сильный, резкий, неожиданный. Сам Гущин, с его отличной реакцией и великолепной техникой боя, пропустил его.

И это то мгновение, которого ты не помнишь. Ты помнишь, как тот уже кубарем катился к шкафам на противоположной стенке.

Мгновением раньше в раздевалку зашли завуч и руководитель секции. Они видели момент твоего удара и его последствия.

У Гущина оказались выбиты два зуба и сломана челюсть в двух местах.

Дело замяли, но тебя исключили из секции.

И вот здесь начинается самое главное - после этого тебя все стали уважать: и ровесники, и одноклассники и дворовые ребята. Все те, кто поклонялся Гущину, стали поклоняться тебе, хотя ты не требовал и даже не хотел этого. Ты продолжал жить прежней жизнью: тихий, скромный, застенчивый, послушный. Но хищница-власть уже запустила в тебя свои корни. Тихо, безболезненно, как раковые метастазы.

Как-то играя в настольный теннис, вы запутались в счёте.

- Почему я должен слушать тебя и подчиняться? - возмущённо спрашивал твой соперник Корикин, когда ты категорически отказался с ним соглашаться.

- Потому, что я сильнее - прошептал ты ему на ухо и крепко сжал руку выше локтя.

- Это не справедливо... - удаляющимся эхом послышался тебе его голосок откуда-то из безнадежной глубины и исчез в пустоте твоего сознания.

- Я тогда пошутил... - подняв глаза на Качая, стал оправдываться Пол.

- Нет, это уже была не шутка. Это было серьезно. Ты даже не обратил внимание. Первые признаки тщеславия не заметны, как раковая опухоль. А дальше ты уже сам стал отмечать перемены в себе: спортивный снаряд, с которым раньше не справлялся, теперь с легкостью одолевал. Удары по "груше" (а ты продолжал боксировать дома) стали увереннее, сильнее. Ты стал выносливее, смелее, по жизни начал вести себя свободнее. Возле тебя стали появляться подхалимы и доброжелатели. Но у тебя еще не было такой черты характера, которую можно назвать отчаянная смелость. В простонаречии таких людей называют отчаюги, потому что они способны на любой неординарный и неадекватный поступок: пройти без страховки по карнизу высотного здания, залезть на опору высоковольтной линии электропередач, снять брюки во время Первомайской демонстрации, испражниться на ступеньках Дома Правительства. И делать это в здравом уме. На это ты не решался, еще работали нравственные барьеры. Ты еще наивно верил во вселенское добро, победу коммунизма и беспрекословно подчинялся законам общества. Ты хорошо окончил школу, поступил в институт и почти окончил первый курс...

- Я не знаю, насколько всё случайно... - после очередной длительной паузы продолжал Качай, по-прежнему сидя на спинке кресла - Иосиф Жданов, который всем представлялся как Георгий и которого все так и звали, учился на четвертом курсе того же института. Это был высокий, спортивного телосложения, красивый парень. Его родители работали во властных структурах, везде и всюду имели обширные связи. Семья жила в хорошем достатке. Нельзя сказать, что они слишком уж баловали сына. Та доля сумасбродства, присутствующая в нем, скорее всего, появилась естественным образом в процессе постоянного пребывания в определенном кругу людей и ей следовало отнести к возрастным изменениям. Все чем-то грешат в молодости. На то она и молодость, чтобы грешить. Самолюбие, самоуверенность, в некоторой степени вседозволенность, эгоистичность, цинизм - вот те черты, которые присутствовали в его характере.

Жданов, попутно с учёбой, нелегально занимался фарцовкой, поскольку имел возможность доставать дефицитные товары. Отчасти из-за этого в институте его уважали студенты. А дамский пол, его, вообще, обожал.

Раньше ваши жизненные пути никогда не пересекались. Вы учились в одном институте и даже не знали о существовании друг друга. Всё произошло случайно...

Случайно ты приехал в институт на полчаса раньше. Лаборатория была занята другой группой. Чтобы убить время ты зашёл в Ленинскую комнату. Она была пуста. Ты взял подшивку "Комсомольской Правды" и, без особого интереса стал просматривать.

В это же время, за стеной, в коридоре, Жданов встретился с двумя девушками. Одна из них имела желание и возможность купить у него настоящие джинсы американской фирмы "Wrangler".

На то время эти джинсы стоили не малых денег и покупать их без примерки было опрометчиво.

Девушки предложили пойти к ним в общежитие, но Жданов, кивнув головой на дверь Ленинской комнаты, сказал - "А давайте здесь, по-быстрому...".

- А ну, парниша, погуляйка по коридору - обратился он к тебе с порога - Нам тут одно интимное дельце надо произвести.

Ты сидел и молча смотрел ему в глаза.

Если бы он ещё раз спокойно повторил просьбу, ты бы беспрекословно выполнил её.

Присутствие девушек только обострило у Жданова чувство самоуверенности.

- Ты глухой? - вызывающе спросил он и, подойдя к столу, грубо вырвал у тебя из рук газету - Или ты не понимаешь русского языка?

Ты только встал, но не сдвинулся с места...

Вы были одинакового роста...

- Я ведь могу объяснить по-другому. Но тогда мне придётся несколько испортить тебе "фейс" - с этими словами он легонько коснулся ладонью твоей щеки...

Потом, следовательно, Жданов скажет, что они зашли в Ленкомнату чтобы найти статью о стройотрядах и попросили у тебя газету. Ты встал и, ничего не говоря, ударил его по лицу... А руку он поднял, чтобы поправить волосы у себя на затылке... Девушки подтвердили его слова...

Твой хук справа вывихнул Жданову челюсть и, падая, сначала на стол, а потом, со столом вместе, на пол, он сломал себе два ребра. К тому же, когда ты уходил, два раза пнул его ногой в живот. Это девушки подтвердили тоже.

Родители Жданова посодействовали, чтобы тебе дали максимальный срок.

Пол всё это время смотрел на огонь и, под впечатлением услышанного, представлял картинки из прошлой жизни. Когда голос рассказчика смолк, воображаемое изображение тоже остановилось, будто в видеомэгнитофоне нажали на кнопку "пауза". Он ждал продолжение рассказа, словно не хотел запускать свои воспоминания без озвучивания. Это уже стало единым целым.

Рассказчика не было на прежнем месте. Пол стал осматриваться и даже, для этой цели, привстал с кресла.

Качай, сунув руки в карманы брюк, рассматривал статую Фемиды, стоящую на серванте. Полу её не было видно за его широкополой шляпой, плечами и поднятым высоким воротником плаща. Но он знал, что она находится там.

- Зона... - глухо произнёс Качай, по-прежнему глядя на статуэтку - Зона! - ещё раз повторил он и обернулся - Срок тюремного заключения представлялся тебе чёрной пропастью. Ты не видел и не представлял жизнь на том берегу, после заключения, хотя на время освобождения тебе ещё не было бы и тридцатника. Но врятли кто-то в девятнадцать может представить себя тридцатилетним.

Именно тогда, обесценив свою собственную жизнь, ты созрел для отчаянного поступка. Тебе ещё были неизвестны подробности тюремного быта, но ты уже решил - "Какой смысл дорожить частью, когда целое обречено?".

Ты зашёл в зону не с той стороны. Первая твоя ошибка - нагрубил смотрящему. Нет, я тебя понимаю: ты был подавлен, тебе не хотелось разговаривать вообще и уж тем более рассказывать о себе.

Ответ на твою грубость не заставил себя долго ждать: через какое-то время к тебе шумно подкатил верзила. Форма его черепа напоминала колоду, а нижняя челюсть выпирала вперёд как ковш бульдозера.

- Ты чо, бурый первоход, братвой брезгуешь? Хату не уважаешь? Так я тебя сейчас в "петушиный угол" опущу.

Ты его вырубил одним ударом. Сразу же после этого подскочили ещё двое, и завязалась потасовка.

На шум явилась охрана. Тебя помяли дубинками, хотя ты против власти не возбуждал, и посадили в "стакан".

Качай подошёл к камину, прислонился к нему плечом, скрестил на груди руки.

- Я не знаю, может я где-то, что-то пропустил? Может какое-то мгновение от меня ускознуло? - спросил он, задумчивым, неподвижным взглядом уставившись в пустоту - Пол, всё-таки, может быть, когда-нибудь ты, всё же, просил помощи? Пусть не Бога, а какие-то другие силы. Пусть не вслух, пусть даже не мысленно, а где-то в глубине души. Например, перед тем как ударить Гущина? Иначе ничего не сходится: не было у тебя в роду ни по отцовской, ни по материнской линии людей, с такими физическими данными. В конце-концов, что такое сила в данном контексте? Это просто хорошо развитая мышечная масса тела. При чём, внешне, ты совсем не выглядел атлетом. Да, высокий, да, широкоплечий. Ну, и всё... Мало ли таких на свете? Это, наверно, сродни тому, как в обществе появляются гении или люди с незаурядными способностями. Все они выглядят как обычно, в чём-то, может быть даже ущербны, просто, по той или иной причине,

обладают какой-то сверхъестественной или незаурядной способностью, выделяющей их из общей массы. Божий дар - говорят... Может быть. Может быть, он и нужен Богу.

В общем, как бы там ни было, но это твоя особенность завела тебя в тюрьму и уже там начала формировать твою личность.

После карцера о тебе словно забыли. Но ты подозревал, что всё это неспроста. Так оно и вышло.

Вы копали яму под фундамент для новой бани - продолжал Качай после минутной паузы - Одни молча орудовали лопатами, другие - также молча шли с носилками. Ты, вместе с остальными, работал лопатой. Вдруг, кто-то сзади кинулся тебе под ноги и схватил их в охапку. Кто-то, в это время, и скорее всего, не один, сильно толкнул в спину. Ты упал лицом в грязь. Сверху на тебя навалились, как минимум, человек пять. Они прижали тело к земле, не давая пошевелить ни рукой, ни ногой. Одновременно на тебя посыпались удары. Что-то острое вонзилось в шею.

Когда ты хрипел от невозможности вдохнуть, в ушах шумело, а в голове уже слышался звон, всё вдруг резко закончилось.

Ты сидел и удивлённо смотрел по сторонам. Вокруг ничего не изменилось, всё было, как и минуту назад: кто-то спокойно капал землю, не глядя в твою сторону, кто-то грузил её на носилки, кто-то уносил. словно не эти люди, а какое-то громадное, невидимое чудовище, как коршун, бросилось камнем вниз, неслышно напало на тебя сверху, покромсало тело и мгновенно растворилось в воздухе.

Ты встал на ноги, ощущая тепло на правом плече и острое жжение в области шеи. И только дотронувшись до неё рукой, и, почувствовав резкую боль, заметил, что истекаешь кровью.

Сделать шаг не получилось - нога зацепилась за ногу, ты упал на колено.

- Э, начальник, помочь нужна... - крикнул надзирателям ближайший к тебе зек. Те, в это время, отвернувшись, разговаривали между собой и, скорее всего, даже не заметили произошедшего.

Два человека подхватили тебя под руки и потащили наверх.

"Может быть, даже те, которые меня били - подумал ты.

Надзиратель от увиденного грязно выругался и спросил - "Что случилось?"

- Упал - произнёс поддерживающий тебя зек и тут же добавил - и об лопату...

- Я упал... Я упал... - повторял ты, одновременно выплёвывая изо рта остатки земли.

Ты не спал всю ночь. Одна мысль постоянно кружилась в голове - что это было? Тебя хотели напугать или убить? Если напугать - это получилось, если убить... Значит попытки будут ещё. Проработанный сценарий, как нельзя лучше подходил к убийству: случайное падение и, если бы, воображаемая лопата вошла глубже в тело, то всё бы уже закончилось. И никто бы этому не придавал значения - обычный несчастный случай при выполнении работ. Никаких сомнений, расследований, просто потому, что эта версия устраивала всех.

Ты и раньше противостоял себя зоне, только зону ты видел как множество обособленных личностей. Теперь же понял - эта организация. При чём - сплочённая.

Хочу сказать, как всё было на самом деле. На самом деле тебя не хотели убивать. Неужели ты думаешь, что в зоне не знают, как убить человека? Тебя просто хотели объездить, как дикого норовистого коня. Показать кто есть кто на самом деле.

В дальнейшем всё шло тихо и спокойно. Можно сказать, тебя не замечали. Или делали вид.

Однажды вечером, в бараке, к тебе "подкатил" зек и предложил перекинуться в картишки.

- Я не умею - ответил ты.

- Не страшно. Научишься.

"Заманят в укромное место и порешат" - промелькнула тогда у тебя в голове.

- Боишься... Сцыкун... - брезгливо произнёс тот и, с безразличием, добавил - Ну, ладно.

Он уже собирался уходить, но ты в это время поднялся. Движимый самолюбием, по принципу - "Погибать, так с музыкой" - направился за ним.

"Не ходи..."

Глухой и тихий голос, но так чтобы ты слышал, донёсшийся от соседних нар, остался без внимания.

Азарт... Это своего рода дурман. Он, на какое-то время, затмевает страх.

По жизни ты был не азартным человеком. Ты всегда придерживался здравого смысла, но здесь... Здесь тебя... я бы сказал - отвлекли настолько, что ты начисто лишился этого здравого смысла. Первая в твоей жизни и последняя игра в карты.

В общем - тебя научили играть, дали выиграть и потом всё отыграли, повесив на шею карточный долг. "Обманули!" - подумал ты о последнем проигрыше. Но ты не знал, что тебя уже обманули, когда ты выиграл. Обычное дело, практикуемое на зоне, да и не только - загнать человека в кабалу.

- Всё дермо - произнёс старый, авторитетный зек, которому ты проигрался - жизнь дермо, игра дермо, деньги дермо. Давай, напоследок, сыграем на дермо.

Впоследствии у тебя появился выбор - либо выплатить карточный долг, либо сожрать пол стакана дерма. Иначе - на кон ложилась твоя жизнь.

По большому счёту, всё это были "понты". Скорее всего, тебя бы не стали убивать, а предложили "отработать" в счёт этого долга, к примеру - совершить какой-нибудь поступок, выполнить поручение. Довольно обычная практика в уголовном мире. Но у тебя денег не было, а просить чтобы выслали из дома - не хотел. Поэтому долг висел и тебе об этом, от случая к случаю, напоминали, обращаясь в пренебрежительной форме - "Эй, ты, фуфлыжник..." или - "Эй, ты, пол стакана...". Впоследствии последнее переросло в "погоняло".

Каждый раз, слыша оскорбительную кличку, в тебе рождалась частица злобы, которая присоединялась к общей массе зла и концентрировалась в душе. Эта масса уже стала подобна огромной снежной шапке, свисающей с высокой, крутой горы и готовой в любую минуту сорваться вниз, круша и ломая всё на своём пути. И тогда, последствия могли быть непредсказуемы, по принципу - "Я за себя не отвечаю".

Однажды, во время перекура, возле тебя остановился зек, рыжеволосый, с конопатым носом и хитрым взглядом тёмно-зелёных глаз. Он глухо произнёс, отвернувшись в сторону - "Вчера бугры кинули на масть, кому тебя пришить. Туз выпал "Бурану". Говорят за забором у него два мокрых "глухаря". Держи в уме. Я думаю лучше сыграть на опережение. "Буран" хитёр. Можешь не успеть".

Выбросив окурки, зек сплюнул сквозь гнилые зубы и пошёл прочь.

"Ну, пусть попробует" - в полном спокойствии решил ты.

С этого момента ты постоянно держал Бурана в поле зрения и всегда был наготове.

Как-то раз, два тягача не смогли разехаться на узкой дороге: сцепились колёсами, повредили шасси. Водители устроили потасовку, их стали разнимать. Это событие привлекло внимания всех: охранников, надсмотрщиков, других зеков и даже караульных собак.

Ты выглядывал из-за сложенных штабелями пиломатериалов, сделал шаг в сторону, оступился и, обернувшись, заметил: Буран, по-видимому, направляющийся ближе к эпицентру скандала, по дороге зашёл помочиться в узкий проход между инструментальной и складом готовой продукции.

План созрел молниеносно. Ты проскользнул за аккуратно сложенные в стопки поддоны из-под кирпича, обогнул высокую гору древесной стружки, незаметно подкрался к складу и спрятался между стеной и открытой створкой дверей.

Буран уже вышел, подтягивая брюки, медленно направился в сторону собравшейся толпы.

В это время ты появился из укрытия, бесшумно нагнал его, и, зажав шею изгибом локтя, потащил обратно.

Ты его так и задушил, в изгибе локтя. Потом твой взгляд зацепился за торчащий из стены гвоздь, духотку, вбитый где-то на уровне двух метров от земли. Случайно, или не случайно, но

здесь же, на земле валялся кусок ржавого троса, толщиной пять миллиметров. Завязав на одном конце петлю и одев её на шею Бурану, ты повесил его тело на этом торчащем гвозде.

Никто не заметил твоего отсутствия. Все наблюдали за ссорой у тягачей.

Лишь только спустя полтора часа обнаружили тело Бурана.

Самоубийство на зоне не являлось чем-то сверхъестественным, но было головной болью администрации: полагалось проводить проверку, воспитательную работу, усиливать контроль. Но паханы почувствовали неладное. Обычно, счёты с жизнью сводил контингент из опущенных. Буран же принадлежал к высшему сословию, так сказать - к элите уголовного мира: матёрый зек с третьей ходкой, мужчина за сорок, не обременённый семейным положением, на здоровье никогда не жалующийся. Они нелегально вели расследование в параллель с операми, но ни те, ни другие ничего не нарыли.

Первое убийство в твоей жизни... - Качай задумался и замолчал, словно вспоминал те далёкие события - После этого ты какое-то время чувствовал жжение по всей коже, легкое покалывание, зуд. Высыпала крапивница на нервной почве. Однако было ещё одно последствие от совершённого поступка: оно уменьшило злобу, накопившуюся в тебе за последнее время. Так сказать - выпустило пар, сняло напряжение. Ты даже не знал, что в основе этого явления лежит чувство удовлетворённости от совершённой мести, потому как именно Буран чаще других использовал обидное погоняло. Но и в то же время, ты приготовился к расплате. Но все "шныряли" мимо и ты даже не попал под подозрение. Впоследствии, всё окончательно было списано на самоубийство.

Спустя три недели тот же рыжеволосый зек снова втихаря "втёр" тебе наводку: "Папа Карло" на тебя точит пику".

Ты также принял эту информацию к сведению, но где-то в глубине души уже закралось частица сомнения - "Кто я такой, что бы за мной так охотились?".

Через несколько дней, когда ты был на деревообработке, знакомая личность снова явилась перед тобой.

- Папа Карло там, один... - сказал "доброжелатель", сверкая зелеными глазами и, одновременно, указывая пальцем вверх.

Заклученный по кличке "Папа Карло" удалял опилки из накопителей, находящихся на чердаке производственного помещения.

- Иди! Другого шанса не будет - настаивал рыжий.

Ты шёл, но без намерения убить. Для начала, тебе интересовало, как будет себя вести Папа Карло при встрече, так сказать - с глазу на глаз. Если испугается, занервничает - значит, рыжий прав. Если будет спокоен - значит "маляву втирает". Здесь уже возникал вопрос - зачем?

Папа Карло спускался по приставной лестнице. Левой рукой он прижимал к телу кочергу, совок и метлу, а правой держался за ступеньки. Он не видел тебя, потому как располагался к тебе спиной.

Вдруг, ты обратил внимание на увесистый кусок кирпича, лежащий на полу, прямо у твоих ног. Потом снова посмотрел на спину приближающегося человека...

"Последний шанс..." - промелькнула в голове.

Ты решился на это убийство, всего лишь потому, что была возможность его совершить.

Удар в область затылка, был сильный и точный. Сомневаться в смерти человека, получившего его, не стоило. Тебе даже не пришлось создавать обстановку несчастного случая: брошенный кусок кирпича лёг у изголовья Папы Карло, в багровой луже крови, появившейся буквально на глазах. Все сложилось, как нельзя лучше - оступился, упал, ударился.

Рыжий носил погоняло - "Ос". Он околачивался возле блатных, но в сходках не участвовал и решений не принимал. И ты не мог понять - зачем он тебе помогает? Где-то в глубине подсознании появилось предчувствие, что кто-то с этого, что-то имеет. Предчувствие переросло в уверенность после третьего убийства, хотя ты здесь принимал участие лишь наполовину.

В шинной пилораме толстое бревно движется медленно.

Два человека с приёмки ушли на перекур, один остался на подаче. Здесь особых сложностей не было: при необходимости, подталкивать вагонетку с закреплённым материалом, потому как прижимные зубчатые валики, находящиеся перед режущими полотнами, массивное бревно не тянули.

- Он тебя замочит - сказал Ос, одновременно указывая рукой на человека возле бревна и внимательно глядя тебе в лицо.

Ты не поверил, потому что даже беглым взглядом можно было определить: Папа Карло и Буран имели внушительные комплекции, а этот производил впечатление доходяги. Поэтому ты не сдвинулся с места, продолжая недоверчиво смотреть в зелёные глаза стоящего перед тобой заключённого.

Вдруг Ос резко развернулся, быстро подошёл к человеку возле бревна и со всего маха ударил его ребром ладони по шее. Тот подошедшего не видел, потому как находился к нему спиной, и не слышал, из-за шума пилорамы. Затем Ос поднял бессознательное тело и положил поперёк движущегося бревна.

В сущности, это бы ничего не дало, потому как, тело, в лучшем случае, могло пройти только до прижимных валиков.

И вдруг ты заметил на бревне сук. Самый обыкновенный сук сосновой ветки, сухой и острый, выступающий из ствола сантиметров на десять. Он располагался сбоку и не попадал под ножи.

Вообще-то было чудом, что этот сучок сохранился, что ускользнул от глаз сучкорубов, не обломался при погрузке, остался незамеченным на подаче. Он находился в правой верхней части бревна, по ходу его движения и угрозы людям, практически, не представлял. Да, за него можно было легко зацепиться одеждой. Но поскольку бревно двигалось медленно, то не заметить этого, было невозможно.

Ты снял тело с бревна и перенёс за прижимные валики, где зверски орудовали острые зубчатые полотна. А потом стал ждать, когда сюда подойдёт сук, и когда тот оказался в нужном месте, зацепил за него левый карман телогрейки обречённой жертвы.

Вы вдвоём держали человека с двух сторон, вдвоём толкали его к двигающиеся лезвиям пилы...

Вы отскочили, когда ножи начали резать плоть...

Звук работающей пилорамы напоминал ревущий водопад. Но в тот момент ты его не слышал. Ты, в полной тишине, видел только дёргающееся тело, словно мощная пасть невидимого, свирепого и голодного хищника терзало его.

Ос приподнял жертве голову и, упираясь ладонью в лоб, надавил затылком на крайнее лезвие. Когда полетели кровавые брызги, резко опустил руку.

И здесь всё сошло за несчастный случай, потому как рабочие, обычно, те, кто находился на подаче, всегда очищали ножи от скопившихся опилок, выталкивая их палкой, а то и просто рукой, именно таким образом - залезая в опасную зону.

Качай подошёл к камину, сел возле него на корточки и протянул руки к огню.

Его кисти теперь были почти белого цвета, пальцы длинные, с заостренными ногтями.

"А вот это уже руки не мои - сразу промелькнула у Пола - Они никогда не были на лесоповале, они не деревенели от холода в мокрых рукавицах, не чувствовали острого, "обжигающего" кожу северного ветра".

- А теперь я расскажу то, чего ты не знаешь - произнёс Качай, не отрывая взгляда от пламени - Ты не знаешь, что когда-то, там, на зоне, столкнулись два уголовных авторитета - Шархан и Грон. Войны не было: Шархан признал лидерство Грона и на этом всё закончилось. Но не зря у него было погоняло взятое у Киплинга. Он, как тот тигр, был хитёр и коварен. Шархан, наблюдая за происходящим, сразу просёк обстановку и пользу, которую из этого можно извлечь.

На тебя никто не возлагал надежд и на Бурана "натравили" проста так, скорее шутки ради. А когда дело выгорела, те кто всё это затеял, даже удивились.

Папа Карло уже был запланирован и третья жертва тоже. Расчёт заключался в том, что бы создать видимость войны или покушения на авторитет Грона. Администрация зоны так и решила, но не знала, кто за этим стоит. Такое положение вещей их не устраивало, потому что даже настоящие несчастные случаи, которые происходят с периодичностью, вызывают подозрения. Долго не думая, они пошли по пути наименьшего сопротивления: решили убрать Грона.

Его этапировал в "Белый лебедь". К слову сказать - по дороге он подхватил пневмонию и через месяц умер в больнице. А на зоне его место занял Шархан.

Он был такой же, как и Грон. Ни хуже, ни лучше и в зоне, практически, ничего не изменилось. Изменилась только твоя жизнь.

Ты блатным не стал, хотя и приблизился к ним. "Мужики", "суки", "фраера", "петухи", "дорожники" и прочие, тебя уважали. Воры держали за "бойца", но ни разу и не использовали в этом качестве. Во-первых - не было необходимости: конфликтные ситуации разруливались мирно. Во-вторых - тебя берегли как особо ценный инструмент. Это обстоятельство польстило бы твоему самолюбию, знай ты про это тогда. Но ты был доволен тем, что всего лишь получил "блатную" работу в кочегарке.

Интересный момент - как у тебя появилось новое "погоняло". "Дорожник" из пятнадцатого барака, спрашивал у одного из ваших про тебя, мол, кто ты, как тебя зовут.

- Пол... - произнёс тот, и в это время в дверях появился ты. Тот так и замер с открытым ртом, не решаясь озвучить вторую часть клички.

- Пол, ага, Пол... Понятно... - несколько раз повторил дорожник, с тем и ушёл.

Вот, практически, с того момента у тебя и появилось такое "погоняло".

Ос зачастил к тебе в кочегарку, ему позволялось, потому как его статус, с приходом к власти Шархана, повысился. Он любил смотреть, как ты работаешь, курил, дремал. Однажды, набросав в топку угля, ты долго смотрел на бушующее пламя, потом подошёл к Осу, сидящему на железном ящике.

- Вот я думаю, если человека бросить в горящую топку, то через два часа от него ничего не останется? Верно? - спросил ты и положил руку Осу на плечо. Тот вздрогнул, поднял на тебя удивлённые глаза.

- Ты ведь знаешь всё... Ты меня не заложить? Не настучишь? - как бы допрашивал ты, вцепившись в него жёстким взглядом.

Ос хотел подняться, но ты сильно надавил рукой на плечо и осадил обратно.

- Ты... ты чего, Пол? Как же я на тебя донесу? Ведь я же сообщник, я же во всём принимал участие. Мне это не выгодно - испуганно зататорил тот.

То ли от того что он впервые назвал тебя Полом, то ли от того, что в испуге начисто позабыл "феню", но это тебя рассмешило.

Ос больше не заходил в кочегарку и вообще, начал тебя сторониться.

Вдруг Качай поднялся и стал перед Полом, сунув руки в карманы и покачиваясь на носках.

- Ты мог спокойно дотянуть срок до конца и, может быть, даже, попасть под амнистию - продолжал он глядя на собеседника сверху вниз - Но семена власти, посеянные в твоей душе, уже начали прорасти и давать всходы.

Авторитетные зеки, нигде и никогда не изменявшие своим принципам и имеющие за плечами не одну ходку, в зоне не работали. Не положено им, по их воровскому закону. Так сказать - впадлу. Но это так просто не даётся, это надо заслужить. А точнее - выстрадать. Администрация лагеря смотрела на существующих "отказников" сквозь пальцы. Если в зоне порядок, то и им спокойнее. Но новых отказников они не воспринимали и любые попытки жёстко пресекали. Если все пойдут в отказ, то кто же будет работать?

Но тебе хотелось власти.

Блатные были не против, но предупредили, что с единственным, при том не вытянутым сроком, добиться этого будет сложно, даже не реально.. И если тебя на этом этапе обломают, то настоящим авторитетом ты уже никогда не станешь. Но если ты выдержишь, то это будет "весомый аргумент".

Для начала тебе дали пять суток штрафного изолятора.

- Будешь работать? - спросили в конце срока.

- Нет...

- Тогда получай пятнадцать суток.

- Будешь работать? - снова спросили в конце второго срока.

- Нет...

На этот раз к тебе явился сам "кум", капитан Дукочевский.

- Через мой труп! - сказал он.

Тебя пристегнули наручниками к решётке и стали бить резиновыми дубинками.

Когда, после потери сознания, тебя привели в чувства, банально окотив холодной водой, капитан, глядя в твои полуоткрытые глаза, снова повторил - "Только через мой труп". Потом он присел рядом и, пренебрежительно скривив рот, продолжал - "Сначала тебя будут кормить через сутки, потом через двое, потом через трое и, в конце концов, вообще, жрать не дадут. Посмотрим, что ты запоёшь. Если всё ваше вшивое братство готово тебе лизать задницу, за какие-то там заслуги, то мне всё это похер. Я не таких фразеров ломал. И мне насрать на "беспредел". Кому ты что докажешь? Через мой труп".

Качай подошёл к соседнему креслу, сел в него, заложил ногу за ногу и подпёр голову кулаком.

Он долго молчал, словно в передышке, устав между своими речами, теперь банально, задремал.

- Ты пробыл в "стакане" шесть суток - наконец снова продолжал он монотонным грудным басом, как будто громко бормотал во сне - На седьмые сутки тебя нашли лежащим на полу, посреди камеры. Ты лежал на спине, неподвижным взглядом уставился в потолок и ни на что не реагировал: крики, пинки, холодную воду.

- Спит - сказал "лепила" (тюремный врач) - Просто спит.

Ты проспал шесть суток, а на седьмые, как ни в чём не бывало, встал и пошёл в туалет. За это время произошло одно важное событие, а второе не очень. За это время твоя голова стала полностью седой. Не сразу, постепенно, в течении шести суток. Но данное событие относится к разряду - "не очень". А важное событие, это то, что капитан Дукочевский, действительно умер. Обычный инсульт, спровоцированный высоким артериальным давлением, причин для коего, имелось множество. Но меня интересует только один вопрос - это случайность, или закономерность?

Качай повернул голову в сторону Пола: тот удивлённо смотрел на него широко открытыми глазами.

- Я ничего этого не помню.

- Я знаю - согласился Качай - Ну, а что ты помнишь?

Пол начал глазами шарить по комнате.

- Мне хотелось спать. Я спал, во сне осознавал, что я сплю, и мне от этого было хорошо. Сквозь сон я слышал звуки, голоса людей, но они были далеко и совсем не беспокоили меня.

- Ага. А потом ты просто проснулся, просто встал и пошёл.

- Да...

Качай повернулся, вытянул ноги, откинулся на спинку кресла и, надвинув на глаза шляпу.. Казалось, он снова уснул, потому, как долгое время молчал и не шевелился.

Пол не сводил с него взгляда, ожидая продолжения разговора.

- Здесь ключевой момент - наконец произнёс Качай, не меняя положения тела - Если до этого, всё происходящее с тобой, было случайностью, то здесь, ты уже пошёл на страдания осознанно, ради собственных интересов. А точнее - ради власти. И ведь по логике вещей, тебя должны были сломать, Дуковичский, действительно, не таких ломал, но случилось наоборот - ты победил в этом противостоянии: тебя, в дальнейшем, никто не трогал, а на отказничество администрация никак не отреагировала. Но меня интересует всё тот же вопрос - ты победил сам, или тебе кто-то помог? Эта случайность или план? Ведь твоему состоянию есть законное оправдания, как и смерти "кума", но все - и администрация, и зеки, где-то в глубине души восприняли это как что-то неведомое, сверхъестественное.

Ты до конца срока больше не работал.

Когда ты "откинулся", можно сказать у ворот лагеря тебя встретил странный тип на джипе. Совершенно лысый ото лба до макушки, с длинными, почти до плеч, чёрными волосами на затылке, низкорослый, с большими очками на носу. Он производил впечатление не далёкого, в смысле умственного развития, хлипкого, никчёмного человека, которому, по понятием зоны, никогда не видать "первого ряда". Но в самом начале разговора, стало понятно, что этот человек не тот за кого себя выдаёт.

Он привёз тебя в город Канаюк, где, наверно, каждый пятый житель, в прошлом бывший зек и остановился у единственной, паршивенькой по всем понятием, гостиницы.

Вы закурили и разговаривали в салоне автомобиля, чуть опустив боковые стёкла.

- Вот деньги - незнакомец протянул тебе пачку купюр, но ты не торопился их брать и он, после непродолжительной паузы, положил её возле рычага переключения автоматической коробки передач - Это одноразовая, безвозмездная помощь: прибахлиться, развлечься. Можешь их взять или отказаться, можешь делать с ними что угодно, никто тебе ничего не скажет. Дальше ты также свободен в выборе - можешь возвращаться домой, если тебя там ждут. Жить где угодно, с кем угодно, делать всё что угодно или ничего не делать. А можешь и вообще не жить. Но есть человек, не спрашивай кто, я сам не знаю, который может предложить тебе хорошую работу.

- Кого-то убить? - неуверенно предположил ты.

- Я думаю - кого-то и не одного - ответил незнакомец, выпуская густую струю сизого дыма и, стряхнув пепел в приоткрытое окно, добавил - В этом мире всегда было много сволочей, а в последнее время, их стало очень много. Так что, за свою совесть, тебе не стоит беспокоиться. В общем, если надумаешь, приходи в одиннадцать часов в кафе "Розовый сон". Это здесь, за углом. Просто приходи, садись за свободный столик, закажи выпивку, или ничего не заказывай и жди. Если в течение месяца, начиная с сегодняшнего дня, ты не придёшь, значит, твой ответ отрицательный. Такие вот дела.

- Почему я? - глухо выдавив из груди вопрос, ты посмотрел в лицо незнакомцу.

- Не знаю, честное слово не знаю. Кто за этим стоит - тоже не знаю. В одном лишь я уверен: за эту работу тебе очень хорошо заплатят. И ещё - ты в любое время можешь отказаться. Тебя никто, ни к чему не будет принуждать.

После длительного раздумья, ты посмотрел на деньги и спросил - "Безвозмездно?"

- Абсолютно.

Положив пачку в карман, ты вышел из машины.

"Срок" давал о себе знать. Явившиеся свобода стала настолько непривычной, что ты растерялся. Всё надо было делать самому - думать, планировать, принимать решения. Любой, даже самый "опущенный" зек, увидев тебя теперь, нагло бы рассмеялся в лицо: человек сидит перед кучей "бабла" и не знает что делать.

"А действительно - что делать?" - думал ты.

"Возвращайся домой, если там тебя ждут..." - всплыло в сознании.

Вспомнился момент, когда ты впервые получил письмо из дома.

"Дорогой Васечка... - ты резко прижал лист к животу и огляделся по сторонам - Васечка... Не дай Бог кто увидит".

Вначале мать "сыпала" вопросами, интересуясь твоей жизнью, потом рассказывала о себе. Писала, что устала работать, что хочет на пенсию. Что Миша, твой старший брат, купил дачу, что Оля, старшая сестра вышла замуж и ждёт ребёнка, что отцу сделали операцию. Что снесли три последних барака, по Мокрому переулку и теперь, фактически, как такового уже не существует.

От прочитанных строк повеяло родным и близким: вспомнился дом, обстановка, до боли знакомые отношения. Ностальгия, чувство до этого не испытанное тобой, заворочалась в глубине души, встала в полный рост, причиняя тем самым душевную боль.

Ты тогда ответил коротко и сухо - "У меня всё хорошо. Не пиши мне, здесь письма проверяют. Я, потом, напишу сам".

Ты писал редко, по письму в год. А последние два года - вообще ничего. Письма были короткие, сухие. Родные решили, что сам процесс написания причиняет тебе страдания. Оно так и было.

"Ехать домой - думал ты и в воображении вырисовывалась сцена встречи с родными: как тебя все обнимают, жалеют, сострадают - А дальше? - Оля, как и раньше, тебя будет кормить. Она всегда тебя кормила. Разница в возрасте у вас - пять лет. В детстве она играла с тобой как с куклой: одевала, носила на руках, ухаживала и кормила. Когда ты вырос, пошёл в школу, она продолжала о тебе заботиться - готовила, подавала, убирала. Игра превратилась в жизнь. Брат был старше сестры на два года. У вас не было общих интересов, хотя ты тянулся к брату. Он уходил от тебя под любым предлогом. Ну, не интересно ему было с тобой".

"Я явлюсь домой и, фактически, сяду родственникам на шею, потому что за плечами нет ни образования, ни специальности. Что я умею, кроме как работать лопатой? Начинать всё сначала, идти учиться, садиться за парту?..."

Ты представил себя среди студентов, практически - вчерашних школьников. Уголовник среди детей...

"Нет, уголовнику место среди уголовников" - решил ты и на следующий день пошёл в кафе с этим педерастическим названием "Розовый сон".

Казалось, мужчина с лысой макушкой караулил тебя там, спрятавшись поблизости, потому что появился неожиданно, сразу как ты сел за столик.

- Вот деньги, купишь билет до Бивака, это небольшой городишко. Снимешь квартиру по этому адресу. Как устроишься, позвонишь по одному из этих трёх номеров. Спросишь Казимира Константиновича - он протянул лист бумаги сложенный вчетверо - Уничтожишь потом. Всю информацию держи в уме. Ну, и, пока всё.

Коротко, без вступлений и намёков, начал и закончил он, после чего ушел.

Бивак был старый, тихий, спокойный городок, с одноэтажными постройками, на девяносто пять процентов деревянными. Кое-где, укрытые зеленью развесистых клёнов, лип и тополей, попадались двухэтажные кирпичные строения. И только в южной части, как-то даже нагло возвышались три семизатки.

Мебельная фабрика располагалась в восточной части города и дым из котельной был очень хорошо виден его жителям в лучах восходящего солнца. И, тем не менее - местоположение предприятия являлось чьим-то продуманным решением, потому как здесь, в основном, преобладали ветра западного направления и тот же "дым отечества" несло не в город, а на восток, в бескрайние леса, на много сотен километров уходящие за горизонт.

Тебя не покидало чувство, что кто-то всё время прокладывает путь.

Хозяин квартиры, мужчина лет пятидесяти, с виду хмурый и злой, разговаривал с тобой чересчур учтиво, даже заискивающе, что совершенно не соответствовало его внешности. Он не задавал лишних вопросов, молча показал комнату и только потом, теребя свои грязные ногти на руках, спросил - "Платить будешь в начале или в конце месяца?".

- Как скажете - ответил ты.

- В начале - выговорил он глядя тебе в лицо, но потом, резко опустив голову, глухо пробубнил себе в грудь - Но можно и в конце.

Ты отдал деньги и тот сразу же удалился.

Комната тебе досталась чистой, светлой, уютной, с отдельным входом. Печка была выложенной красным кирпичом в форме прямоугольного столбика. Рядом с ней, за отдельной дверью имелась даже душевая. А вот отхожее место было на улице. Веранда выполняла функции кухни - с умывальником, электроплитой, холодильником.

- Кем вы хотите к нам устроиться? - спросил строгий мужчина в отделе кадров мебельной фабрики.

- Кочегаром - ответил ты.

Женщина, сидевшая за столом у противоположной стены, сосредоточено заполнявшая какие-то бланки, вдруг подняла голову и окинула тебя с головы до ног придирчивым взглядом.

- Хорошо - сказал мужчина, после чего, тут же принялся за оформление.

Увидев своё рабочее место, ты сразу понял, почему должность кочегара была здесь в дефиците: уголь, в помещение кочегарки, необходимо было возить на тачке с улицы. Это значит, что приходилось много работать физически. Но тебя не пугала физическая работа. А как обрадовался мужчина, который временно и по принуждению, закрывал эту должность.

Ты привозил необходимую норму угля в начале смены, и, половину её - в конце. Сменщик тебя за это молча боготворил, хотя сам так не поступал. Не поступал так и тот, которого ты менял, чаще всего по причине невменяемости состояния. Но на это ты не обращал внимания.

Начальнику охраны фабрики было дано указание - в ночное время контролировать кочегаров. Он делал это очень просто: в дежурном помещении открывал кран горячей воды, подсовывал под струю палец и, по температуре струи, определял состояние работника. Если она была чуть теплой, он сразу же шёл в кочегарку и пытался привести работника в рабочее состояние.

На твоей первой смене он сделал то же самое.

Кипяток, идущий из крана, сильно удивил начальника, потому что, на его памяти, здесь такого никогда не происходило. Он прибежал в кочегарку, долго осматривался по сторонам и вглядывался в твоё лицо.

- Зачем ты так кочегаришь? - наконец спросил он, бросив взгляд на манометры и температурные датчики - Ночью так не надо. Это только зимой, а сейчас не надо.

После смены, смыв с себя пыль и пот, ты приходил домой, ложился в чистую и мягкую постель. Уставшие мышцы расслаблялись, чувство покоя нежно окутывало твоё тело сладостной паутиной дремоты и медленно увлекало в глубокие, тихие воды блаженства. Свежий воздух, вперемишку с весёлым щебетанием птиц и сладостным запахом цветущей липы, свободно заплывал в комнату через открытое окно и убаюкивающе гладил тебе лицо.

Тогда, после первой смены ты проспал целые сутки и на следующее утро, по-настоящему, почувствовал себя отдохнувшим. Последний раз что-то подобное случалось только в детстве.

Сладко, до хруста в суставах, ты потянулся в постели и подумал - "Десять лет жизни выброшено на парашу. Стёрлись, бесследно исчезли, канули в никуда, в какую-то чёрную, безвозвратную пустоту бытия. А дальше что?". А дальше тебе вдруг захотелось, чтобы такая жизнь осталась навсегда: кочегарка, уголь, тачка, эта комната, кровать, постель...

Казимир Константинович спустя неделю появился внезапно. Дверь открыл решительно, без стука. Вошёл, по-хозяйски оглядел комнату и, даже не здороваясь, спросил - "Ну, как - освоился?". Своим визитом он, как бы, напомнил кто здесь хозяин.

- Завтра пойдёшь и запишешься на курсы по вождению автомобиля - сказал он, бросая на стол пачку денег.

Именно в тот момент, как никогда раньше, ты почувствовал себя зависимым. Такого чувства у тебя не возникло даже в лагере. Там ты, в некотором смысле, был свободен, даже когда сидел в карцере. А теперь эти подачки сильно ущемляли твоё самолюбие, вплоть до унижения.

- Безвозмездно? - снова, как и тогда, в машине, спросил ты.

- Абсолютно - как и тогда ответил он.

- Я не хочу безвозмездно...

Он поднял на тебя удивлённые глаза.

- Ну, так можешь заплатить.

- Вот заработаю и заплачу.

- В кочегарке? В кочегарке ты не скоро заработаешь. А без автомобиля, те деньги, о которых мы говорили, ты вообще не увидишь. Если уж ты такой щепетильный, то вернёшь потом.

Однажды, возвращаясь с занятий, тебя окликнули - "Товарищ курсант". Голос был знакомый и, ещё не поворачиваясь, ты уже знал кто у тебя за спиной.

- Завтра, в четыре часа дня, будь дома. Я заеду.

Когда на следующий день, возле твоей калитки остановился чёрный "Опель", ты вышел ему на встречу. Тебе не хотелось, чтобы Казимир Константинович заходил в дом. Впрочем - он и не собирался.

Долгое время вы ехали молча. Наконец ты поинтересовался - куда и зачем?

Владимир Константинович ответил не сразу.

- Вообще-то, я тебя должен возить с повязкой на глазах, так что будь добр, хотя бы не задавай лишних вопросов.

"Ну, кажется, уже началось" - со вздохом подумал ты.

Здание, располагавшиеся на окраине леса и служившее, в прошлом, военным складом, напоминало заброшенный барак: дырявая, проломленная в нескольких местах, крыша, полуразрушенные кирпичные стены. Вы вошли в ржавый металлический вагон, находящийся внутри здания, с пустыми окнами и, чудом сохранившимися, целыми дверями. Посреди помещения стояли складной стол и табурет.

Казимир Константинович протянул тебе целлофановый пакетик, внутри которого лежал небольшой кусок чёрной материи. Это оказалась маска-чулок с прорезями для глаз и рта.

На твой вопросительный взгляд - "Одевать?" - Казимир Константинович молча кивнул головой.

- Красавец - сказал он, расплываясь в довольной улыбке, после того как ты одел маску - Иди, садись за стол - добавил он и с той же улыбкой удалился.

Вскоре в вагон зашёл высокий мужчина в военной полевой форме, только без погон, с такой же маской на лице. Он быстрым шагом приблизился к тебе, держа в руке большой прямоугольный чемодан, сделанный из фанеры и окрашенный в тёмно-зелёный цвет, открыл его и извлёк оружие: винтовку, автомат, пистолет и несколько закрытых картонных коробок. Так у тебя начались ещё одни курсы.

Пятнадцать дней одно и то же - разборка оружия, сборка, зарядка, стрельба по мишеням, которые располагались на противоположной стороне барака и чистка. А ещё - ознакомление с взрывчатыми веществами: запалы, таймеры, дистанционное управление, а так же подготовка, транспортировка, маскировка взрывчатки.

Тебе сильно понравилась винтовка с оптическим прицелом: цель виделась чётко, пуля ложилась точно. Но ты, впоследствии, ей воспользовался только один раз. В той ситуации альтернативы не было - очень уж непоседливый оказался клиент.

Геннадий Курчавин, молодой, энергичный мужчина, владел сетью казино в городе Прихватовске и на одном месте, практически, не находился: всё время с кем-то встречался, куда-то спешил, на ходу разговаривая по телефону.

Найдя подходящее место, ты три дня караулил его у входа в игорный клуб "Зигзаг удачи", спрятавшись в куче мусора, состоящей из ломаных ящиков бывшего приёмного пункта стеклотары. Он располагался на пустыре, на расстоянии двухсот метров от цели. Наконец, долгие часы ожидания, увенчались успехом.

Ты прекрасно видел, как Курчавин подъехал к входу, как вышел из машины. В это время у него зазвонил телефон и он, отвечая на звонок, остановился, замер и повернулся к тебе лицом.

"Если целиться в бороду, то попадёшь между глаз" - вспомнились слова инструктора.

В оптический прицел ты хорошо видел, как после выстрела пуля вынесла из затылка мозга твоей жертвы. Кровавый шлейф был похож на короткий взмах ярко-красной косынки.

Ты потом ещё раз заказывал винтовку с оптическим прицелом, но не воспользовался ей. Клиент оказался заядлым рыбаком. По выходным он вставал с рассветом, ехал за пятьдесят километров от дома, на речку со странным названием Улица и, примостившись на кустистом берегу, в полном уединении, неподвижно сидел часами, застывшим взглядом уставившись на поплавок.

Находясь на противоположном берегу, спрятавшись за стволом старой ольхи, ты уже держал клиента на прицеле. Вдруг, явившиеся мысль, что можно ведь обойтись без огнестрельного оружия (зачем лишний раз оставлять одинаковый след?) заставила тебя поступить по-другому: ты пришёл и просто утопил жертву. Несчастный случай выглядел более правдоподобно - оступился, упал в воду, зацепился одеждой за корягу. Но это было твоё третье задание. А первое ты вообще принял как пробное, настолько оно было безобидным и даже не серьёзным. Но всё по порядку...

Хозяин дома, в котором ты снимал комнату, имел двоих взрослых сыновей. Они занимались скупкой старых автомобилей, в основном, отечественного производства, придавали им более-менее товарный вид и продавали, имея на этом не такие уже и малые деньги. При чём, само производство находилось прямо во дворе дома, и весь процесс тебе был виден из окна веранды. Обучаясь на курсах, ты стал интересоваться автомобилями и захаивать во двор. А потом, когда получил права, арендовал у хозяина старый "Москвич" и совершенствовал своё мастерство по вождению. Казимир Константинович дал тебе несколько уроков на иномарке.

Первое твоё задание было следующее - взять отпуск (он тебе полагался спустя полгода работы) прибыть в город Замеюльск. Поселиться в гостинице, отыскать человека по фамилии Сопяткин, похитить его и доставить живым в другой город.

Сопяткин был простой мужик, обычный работяга. Жил один, любил выпить. Тебе не составила большого труда встретить его ночью, в гордом одиночестве, мелким зигзагом бороздящим пустую улицу.

"Кому-то же он не угодил?" - потом думал ты.

За его живого тебе заплатили как за покойника.

Качай подобрал ноги и сел в кресле почти вертикально, сдвинув на макушку широкополую шляпу.

- Деньги... - задумчиво произнёс он, неподвижным взглядом уставившись на верхнюю часть камина - Когда ты их взял в руки, то преобразился духовно и физически. Чувство свободы, схожее с ощущением невесомости, овладело тобой и даже вызвало лёгкое головокружение. Ты вернул долги за курсы, за жильё и в дальнейшем платил за него сам, продолжая работать в кочегарке, хотя в деньгах уже не нуждался. Тебе просто нравилось эта работа, этот образ жизни.

Через три дня, поздней ночью, во время дежурства, тебе неожиданно доставили окоченевший труп Сопяткина и, отстегнув такую же сумму денег, велели избавиться от тела. Ты его сжёг в топке, так сказать без отрыва от производства, расчленив перед этим.

Спустя полтора месяца, снова неожиданно, появился Казимир Константинович.

- Вот деньги и документы. Увольняйся с этой работы, перебирайся в город Липеевск, снимай квартиру и жди.

Там ты получил второе задание и после его выполнения снова перебрался в другой город.

Для полной конспирации тебе, на выбор, предложили профессии - автослесарь или электрик? Ты выбрал автослесаря, потому что уже, хотя и поверхностно, разбирался в устройстве автомобиля. После того как тебе вручили диплом, подтверждающий твою специальность, ты устроился на работу.

Так у тебя началась новая жизнь. В ней ты видел даже какую-то романтику: менять города, места работы, выслеживать жертву, подстраиваться под обстановку и обстоятельства. Надо отдать должное - ты всё делал аккуратно. У тебя хватало силы воли и терпения. Как-то, спрятавшись в густом кустарнике на окраине леса, ты следил за дачей бывшего полковника милиции Трусова. Однажды, на подходе к месту наблюдения, откуда хорошо просматривался его дачный домик, ты обнаружил, что наблюдательный пункт заняла влюбленная парочка. Это были половозрелые подростки. Парень тискал девушку и пытался раскрутить её на секс. Так продолжалось часа два и всё это время ты терпеливо ждал, когда закончится их возня. А однажды, возле магазина, к тебе пристали пьяные барыги, и наглым образом стали требовать деньги. Ты, ни слова не говоря, достал кошелек и дал то, чего они хотели, хотя мог бы размазать просящих по стенке. Но это было бы заметно, что тебе совсем не устраивало. И в то же время, вместе с педантизмом, в твоей работе присутствовала оригинальность. Например - в городе Фарузан тебе предстояло убрать зарвавшегося депутата местного совета.

Это был сорокавосемилетний мужчина, пораженный "кризисом среднего возраста". Он тайно содержал молоденькую любовницу, снимая для неё небольшой коттедж. И вот однажды, после очередных плотских утех, девушка пошла в душ, смывать с себя следы бурной страсти, а когда вернулась, нашла своего возлюбленного лежащим в кровати с дыркой во лбу и собственным членом во рту.

Качай вдруг, замолчал, какое-то время сидел неподвижно, потом резко повернулся к Полу, долго и внимательно смотрел на него широко открытыми глазами.

- Здесь ты косвенно причастен к ещё одной смерти - произнёс он, вцепившись взглядом в собеседника - Та девушка, время от времени, баловалась наркотой, а после этого случая - зачатила. Она не могла спать: стоило закрыть глаза, как воображение рисовала одну и ту же картину - любовник, с членом во рту. Ну, где тут уснёшь? Через месяц она умерла от передозировки.

Качай встал с кресла, распрямил плечи, потянулся. Затем, заложив руки за спину, стал медленно прохаживаться перед Полом.

- А вот убийство полковника мне даже очень понравилось - весело произнёс он - Подложить взрывчатку в туалете на даче, это очень оригинально. Знаешь, вспоминается анекдот, как Петя с Василием Ивановичем выпили ракетного топлива. Есть такое выражение - пить всё что горит. На следующее утро у Василия Ивановича зазвонил телефон.

- Ты в туалет ходил? - спрашивает Петкин голос из трубки.

- Нет.

- Ну и не ходи! Я тебе из Лондана звоню.

Трусов вставал рано. В тот день всё было как обычно: сделал зарядку, пробежался по улице из конца в конец, позавтракал, взял правительственную газету и пошёл в туалет. И вдруг как бабахнет... Следовательно, потом, втихаря иронизировал по этому поводу: мужик в сортире пёрнул и жопу, вместе со строением, разнесло в клочья. Короче говоря - ты, в прямом смысле, смешал полковника с дерьмом.

Качай остановился, повернулся спиной к камину и молча смотрел себе под ноги.

- Тебе понравилась такая жизнь, и убийство стало составной её частью. Ты даже скучал, когда не было заказов. При чём - ни потребности в деньгах, ни потребности в убийстве, у тебя не возникло. Ты находил удовольствие в самом процессе: проработка, подготовка, осуществление. Но вдруг явился Казимир Константинович и сказал - "Всё! Рубим концы и ложимся на дно". Дальше он объяснил, что схорониться лучше всего, на зоне.

- По "макрухе"? - спросил ты.

- Ну, по "макрухе" тебе может светить и вышка. А вот банальная мелкая кража, потянет годков этак на пять. Идеальный вариант.

Качай снова задумался, разглядывая носок своего ботинка.

- Пол, а ведь ты, за всю жизнь, ни у кого ничего не украл, никого не ограбил. Ты считал эти поступки недостойными тебя. А вот убить человека - запросто. Даже за доллар ты мог убить. И не важно кого и за что, лишь бы это был заказ. В общем - ты не представлял, каким образом совершишь кражу или грабёж. Но здесь тебя снова выручили инструкции: ехать в город Стреб и устроиться на хлебозавод номер два.

Качай поднял голову и снова стал прохаживаться перед Полом.

- Там, прямо у проходной, тебя окликнул начальник охраны, громко назвав твоё лагерное "погоняло".

- Это был Ферзь - как бы опережая рассказчика, произнёс Пол.

- Да - подтвердил Качай - И фамилия его была - Каноплёв. Но по зоне ты его не помнил. Это и не удивительно - он откинулся на шесть лет раньше. Зато он тебя прекрасно запомнил.

Вы отметили встречу, отлично посидев в кабаке, где предавались воспоминаниям, перебрали в памяти общих знакомых. И, конечно же, там же, он клятвенно пообещал взять тебя к себе на работу, в охрану. Что, впоследствии, и сделал.

Спустя два месяца, Коноплев, во время ночного дежурства, подошёл к тебе и, говоря почти шепотом, предложил подзаработать. Тебе всего лишь надо было выпустить через проходную грузовик с мукой. Доверившись ему, ты так и сделал, а уже на следующее утро ваши руки были в "браслетах".

- А ты знаешь, что и Коноплев, была не настоящая его фамилия? - вдруг спросил Качай, снова остановившись перед Полом - Настоящая его фамилия - Альбович. И на зоне он был как Альбович. Но уголовное прошлое очень плохая площадка для построения карьеры. Поэтому, он сделал себе чистую биографию, потому как имел такую возможность. За кражу муки он получил три года, а отсидел два, а ты, как рецидивист, пять и отсидел четыре. Но эта ходка для тебя была курортам.

Времена изменились, взрастив даже на зоне поколение халявщиков. Они плевали на обычаи, традиции, законы. Деньги и грубая физическая сила - вот их основной принцип.

Зонай, куда вы попали, на то время управляла кучка отморозков, во главе с Вовой Люберецким. К Люберецким, как таковым, он никакого отношения не имел. Он просто присвоил это погоняло. Но у него всё было схвачено и куплено. Настоящие паханы и воры в законе, такие как Касач, затёрлись среди общей массы "мужиков" и, стиснув зубы, в бессильной злобе, взирали, как вчерашние фраера глумились над традициями и порядками.

Вы с Ферзём быстро во всём разобрались и восстановили справедливость. Тебе это обошлось в пять минут работы кулаками и двое суток карцера.

Лидерам, захватившим власть силой, приходится удерживать её с помощью силы. Тех, кто им не подчинялся, бесцеремонно опускали или уничтожали. Но какой бы ни была на зоне власть авторитетов, истинной и безграничной властью обладала, всё же, администрация. В сущности, ей была безразлична тюремная иерархия. Но если ходка проплачена, то тогда уже и у администрации появлялись определённые обязанности перед заказчиком. И если ей надо было нужного человека сделать авторитетом, она это делала. Но подавляющее большинство зеков относилось к такому авторитету без уважения. Его власть держалось только на грубой физической силе. И если этого авторитета низвергали посредством той же физической силы, тут уже вмешивалась администрация и восстанавливала прежние отношения. Ей это было выгодно. Если в былые времена смена криминальной власти на зоне сопровождалась войной, то теперь это могло ограничиться обычным мордобоем. Администрации жилось спокойнее, бабло текло в карман. И ничто не могло нарушить этот баланс кроме одного - перекрыть проплаченную ходку. То есть - заплатить ещё больше.

Качай задумался и замолчал.

- Слушай, а тебе тогда не показалась всё странным? - спросил он после небольшой паузы - Например, хотя бы тот факт, что после приговора вас вместе отправили в один лагерь? Да и лёгкий захват власти должен был вызвать, по крайней мере, некоторое удивление. Администрация вам не препятствовала, а даже, как бы, способствовала. Ведь здесь всё было куплено и оплачено. И, кстати, у тебя никогда не возникал вопрос - кто же тебе заказывал и оплачивал все твои убийства? Казимир Константинович был всего лишь посредником и ты это прекрасно понимал.

Пол, глядя в глаза стоящего перед ним человека, молча покачал головой. Однако Качай не торопился раскрывать карты.

- Альбовича, по первой ходке, ты не помнишь? - спросил он - А помнишь ли ты зека из вашего барака с погонялом "Шахматист"?

- Да, я слышал это имя.

- А теперь тебе ничего не напоминает о шахматах?

- Ферзь... - не смело произнёс Пол.

- Да, Ферзь. Ферзь - это самая главная шахматная фигура. Он ходит куда хочет и как хочет. Откинувшись, Альбович сразу изобразил себе новую биографию. Нет, не Коноплев. До Коноплева он был Морозовым, Демьяновым и Семёновым. Эти три человека, поочередно, каждый в своё время, создали крупные финансовые пирамиды и также поочередно, при странных стечениях обстоятельств, исчезли вместе с деньгами. Морозов, якобы утонул в Турции, яхта Демьянова потерпела крушение в Гибралтаре, Семёнов попал под снежную лавину в Альпах. Тел ни одного из них так и не нашли. Зато как-то вдруг, в городе Таленске появился некто по фамилии Лямушко.

Когда он кому-нибудь предоставлялся, то делал ударение на букве "у". Знакомые, иногда даже в глаза, произносили его фамилию с ударением на "я". На что тот только хитро улыбался. И имел на это право, потому как "лям" на блатном жаргоне и есть миллион. Да, он был и есть подпольным миллионером. Это на него ты работал. Это благодаря тебе он увеличил своё состояние на несколько десятков лямов. Там, на зоне, при твоей первой ходке, он видел приход к власти Шархана. Именно тогда он тебя заметил и оценил твои способности. И в последующем, уже после отсидки, держал тебя при себе, как нужного и ценного работника.

Альбович был умен и, как говорится - всегда держал нос по ветру. Он не впадал в крайности, знал всему меру и предчувствовал, где и когда надо остановиться или свернуть. Так, через определённое время, исчез Лямушко и появился Коноплев. Когда ты откинулся второй раз, тебя встретил тот же Ферзь, но уже по фамилии Грачёв. Он "окапался" в Шатузле, сколотил себе компанию - Бахча, Гудвин, Шест - и приготовил местечко для тебя. Это он настоял на твоей новой биографии и создал тебя как Зайцева. Помнишь, таёжный посёлок Верхний Утёй, куда ты прибыл после второй ходки, чтобы исчез Качай и появился Зайцев? Там, довольно часто, даже опытные охотники уходили в тайгу и не возвращались. Ты должен был стать одним из них. Но судьба подыграла тебе: в тайге случился пожар и половина посёлка сгорела. Один из трупов, обгоревших до неузнаваемости, приписали тебе. Кстати - твоя мать, так и не поверила в твою гибель. Она до сих пор считает, что ты жив. Хочешь верь, хочешь не верь, но материнское чутьё всё-таки что-то значит. Ну, это я так, между прочим...

- Подожди... - перебил Пол рассказчика - ты говоришь Ферзь подпольный миллионер... И он со своими миллионами сидит в этой дыре?

- Да... - ответил Качай - Потому что те, кого он кинул, а это влиятельные люди, ищут его именно там, за границей. Швейцария, Греция, Гибралтар, Мальдивы, Гавайи, Сейшелы и так далее. Да, он сидит в этой дыре. Но зато живой... Но я, кажется, отвлекся. Мы же говорим о тебе. Так вот дальше, Пол, идёт очень неприглядная картина. Дальше, ты продолжал убивать людей, но делал это не за деньги. Ты это делал для установления своего авторитета, своей власти. И если ты когда-нибудь будешь гореть в аду, а ты обязательно там будешь гореть, то именно за эти вот дела. Здесь тебя никакой суд не оправдает. Ферзь, между прочим, не одобрял твои похождения. Он никогда не любил шума. Он хотел жить тихо и спокойно, а "шоблу", в виде вас, держал для прикрытия, если

кто-то из недругов что-то пронюхает и явится за ним. Нет, он, конечно, был не против поддержания, так сказать, "физической формы", но не таким способом. А ты упорно лез к власти, оставляя за собой кровавый шлейф и успокоился лишь, когда всё признали твой авторитет. И Ферзь - тоже. Хотя это он здесь всё организовал, за свои деньги. И тебя создал в том числе. Конечно, ему "в падлу" было делиться властью. Но половину, он, всё-таки, отдал. Однако следует признать, и Ферзь это признал, что твои кровавые деяния, имели и положительную сторону. Вы, фактически, восстановили воровские законы в трёх ближайших зонах. Самое главное - вы создали воровской общак и это сильно поспособствовало укреплению вашей власти. Любой откинувшийся зек, или доведённый до крайности на воле, мог рассчитывать на вашу поддержку. Вы восстановили связь с зонами и получили возможность влиять на них. Дело Хасимова - яркий тому пример.

Полковник Хасимов был начальником закрытой зоны на Восточной Кассее. Там творился полный беспредел. Нельзя сказать, что Хасимов поощрял его, но он и не препятствовал. Жизнь зека, в самом прямом смысле, там не стоила ломаного гроша. Человека могли сгноить, убить, похоронить заживо. И всё это сходило с рук.

Полковник заезжал во двор своего дома, а два пьяные мужика брели по проезжей части. Вдруг один из них упал, а второй начал его поднимать. Это у него не очень хорошо получалось: в итоге падали оба.

Хасимов несколько раз посигналил, потом открыл окно и стал требовать, чтобы те быстрее освобождали проезд. В это время ты подошёл к машине и выстрелил в окно из охотничьего обреза. Сначала из одного ствола, потом из другого...

Стрелял дробью, поэтому лицо жертвы превратилось в кровавое месиво, а салон автомобиля покрылся сплошными кровавыми пятнами.

Полчаса машина стояла на дороге, у всех на виду.

У большинства людей не выдерживали нервы видеть такое.

Надо сказать, что после этого беспредел на зоне, действительно, прекратился. Конечно, перед урками никто не стелился, но издевательств, со стороны администрации, уже не было.

Шестёрка и стукач, по кличке "председатель" после отсидки думал укрыться в глухом посёлке Каменный. Обласканный руководством зоны, выйдя на свободу, он предчувствовал месть криминала. И не ошибся. Ты перерезал ему горло и повесил за ногу на фонарном столбе центральной улицы посёлка.

Мелкий воришка, начинающий домушник, чисто случайно обшмонал хату одного из авторитетов, который в это время тянул срок. За это ты ему отрубил руку. Вот так вот, просто взял топор, поднял и со всего маха опустил на почти ещё детское, запястье, лежащее на колоде. Потом, глядя в обезумевшие от боли и ужаса глаза жертвы, произнёс - "Если кому-нибудь вякнешь, точно также полетит твоя башка". Но это всё было излишним. Можно было обойтись угрозами: просто настучать по заднице. Он уже сам понял, что шмонал не ту хату.

Но намного больше не повезло главарю шайки Октябрьского района, который сдуру дерзнул бросить тебе вызов. Ты отрезал ему голову, насадил на палку и воткнул её в центральную клумбу, напротив памятника Дзержинскому. А обезглавленное тело посадил на скамейку, также напротив памятника.

Ферзь тебя ни о чём не просил. Он с ужасом смотрел на твои похождения, но всё-таки молчал. В конце концов, таким образом, укреплялся и общий авторитет. Однажды, Ферзь имел неосторожность, высказаться о том, что некий Панфилов, заведующий сектором культуры при горисполкоме, ставит ему палки в колёса.

Панфилов был убит среди белого дня, прямо в здании горисполкома.

Вы шли по коридору навстречу друг другу и когда поравнялись, ты приставил к его груди ствол и нажал на курок.

Выстрела никто не слышал.

Ты пошёл дальше, а человек, с которым разминулся, держась за сердце, рухнул на пол.

Ферзь ругался по этому поводу, кричал, что таким образом ты его подставляешь, но со временем всё было тихо и он успокоился.

Именно тогда власти города окончательно убедились в существовании организованной преступности, силы, с которой приходилось считаться. Хотя нельзя сказать, что своим существованием она сильно уж беспокоила власть. Даже наоборот - последнюю она, в каком-то смысле даже устраивала, потому как держала под контролем своих. Иной раз обнаруженные трупы оказывались опасными преступниками в розыске. А поскольку разыскивать уже было некого, то "виски" закрывались автоматически.

С перестройкой криминал, вообще, устремился во властные структуры. Помнишь тот курьёзный случай с Ножиковым и Шеймоновым? Они одновременно баллотировались на пост губернатора и заказали друг друга. Заказывали в разное время, пользуясь разными каналами, но так получилось, что замочили их в один день, хотя и разные киллеры. Но вы тогда оказались в пролёте, потому как аванс взяли, а остальную часть денег, платить уже было некому. А следы стали капать под действующего губернатора, который тоже баллотировался на второй срок.

Качай повернулся спиной к Полу и стал смотреть на пламя в камине, которое по-прежнему оставалось таким же, как и в начале, хотя дрова туда никто не подбрасывал.

- А хочешь, скажу, почему ты никогда в жизни не имел женщин, почему ты до сих пор девственник? - спустя какое-то время бросил он через плечо - Потому, что ты боялся и боишься интимной близости. Боялся, что у тебя ничего не получится с женщиной и в этом видел свою уязвимость. А ты не хотел иметь уязвимые места. Но природный инстинкт, сидящий в твоём теле, который ты подавлял усилием воли, иногда вызывал в тебе приступ ярости. Правда, ты его, в основном, контролировал. Со стороны это было даже не заметно, как например, с тем депутатом. Ты тогда вошёл, в беспечно оставленную не запертой любовниками входную дверь, и спрятался в спальне, за шторой. Ты прослушал всю любовную сцену и, хотя её не видел, но явственно представил. Осознание того, что ты никогда не испытывал подобных чувств, в общем-то, по причине собственной трусости, возбудило в тебе злобу на самого себя, которую ты, в последствии, направил на любовников. С одной стороны, ты боролся с желанием выйти из укрытия и застрелить обоих, и с другой стороны, с боязнью увидеть их обнажённые, совокупляющиеся тела.

Страсть продолжалась чуть больше пяти минут.

Вскоре девушка ушла в душ.

Облегчённо вздохнув, ты оставил укрытия и не слышно, но решительно, подошёл к широкой кровати.

Мужчина находился в состоянии блаженства: лежал на спине, закрыв глаза и заложив руки за голову. Он ещё глубоко дышал, испытывая сладостную усталость и не заметил подошедшего человека.

Ствол пистолета ты направил на середину лба, приставив так близко, что глушитель почти касался кожи.

Глухой хлопок... приглушённый вскрик... хруст кости и кровавый след, на белой наволочке, в виде высокой короны, увенчал макушку лежащей на ней головы.

Ноги жертвы ещё судорожно подёргивались, когда ты отрезал ему член, держа орган через одеяло, чтобы меньше испачкаться кровью. Затем, ты спокойно спустился на первый этаж, зашёл в кухню, следя в воображении за девушкой, которая теперь, по твоим расчётам направляла струю дождика себе в промежность и, в том же воображении, рассчитывал время, уходящее на эту процедуру, чтобы ориентироваться в своих действиях. Ты, не спеша, тщательно вымыл под краном нож и руки. Когда, в том же твоём воображении, девушка вытирала своё красивое тело большим махровым полотенцем, спокойно и незаметно покинул дом.

Качай резко повернулся, и, задумчиво глядя в дальний угол комнаты, поднял вверх указательный палец.

- А ведь твоя нелюбовь к сексу имеет и положительную сторону. Помнишь, ты запретил насилловать шестнадцатилетнюю дочку "опера", которую вы похитили из-за несговорчивости её отца. Вы неделю держали девушку взаперти, но не один волос не упал с её головы. Она вас даже считала благородными разбойниками, такими - Робин Гудами. Правда, на то время у неё уже были половые связи с мужчинами. Так что даже группавуха вряд ли нанесла бы ей какую-то травму. А потом, перед подружками она вообще хвасталась, что во время похищения её каждый день насиловали пять человек.

Качай посмотрел Полу в глаза и тот отвёл взгляд в сторону.

- А ведь это не правда, что ты не веришь в Бога...

Голос доносился уже откуда-то со стороны и Пол, подняв голову, нашёл собеседника стоявшим перед телевизором. Тот внимательно рассматривал полку с кассетами и дисками. С появлением интернета Пол ими уже не пользовался. Он даже не знал - работает ли видеомэгнитофон?

- Хищники... - не оборачиваясь сказал Качай - Пять научно-популярных фильмов, записанных с канала "Дискавери", которые ты когда-то смотрел ежедневно. Львы, тигры, волки, медведи, пантеры, леопарды... Охота, повадки, отношения в сообществе... Тебе, Пол, надо было дать кличку "Хищник", кем ты, собственно говоря, себя и считаешь. Воспитанный на коммунистических взглядах и атеистической морали, в детстве и юности, ты не замалчивался вопросами религии: говорили, что Бога нет, значить нет. На зоне тоже было не до этого. Первые мысли, касающиеся веры появились сами по себе, когда ты начал задумываться о смысле жизни. И вот тогда ты заметил нестыковку.

"Откуда, в принципе, взялись хищники? - думал ты - Если их сотворил не Бог, то ничего и не сходитьсь. Если по научному, жизнь на Земле появилась из одной точки, потому как если одновременно везде и всюду, то это уже какая-то организованность. Появившись, она стала распространяться, производить себе подобных. И на то время всё живое было однообразным. Потом изменения окружающей среды вызвали усложнение организмов, разнообразие форм, но пищевая цепочка оставалась прежней, по той простой причине, что выбора та не было."

Мне нравятся дальнейшие твои рассуждения. Они, хотя и наливные, но именно это меня и умиляет.

"Если свинья питается желудями, а другого ничего и нет, то она не сможет питаться падалью и уж тем более живой плотью себе подобных. Её желудок способен перерабатывать желуды, и только жёлуди. От падали её начнёт тошнить, проберёт поносом и так далее. В конце концов - свинка просто сдохнет. И если случился этот переход, значит он кому-то нужен. Да - эволюция. Да - мутации. Но всё это процесс осознанный, направленный в нужное русло. Значит хищников, кто-то, для каких-то целей, сознательно создал. Наделил зубами, когтями, ядами. И причина понятна - контроль популяций. А без падальщиков - вообще не обойтись. Если не сказать больше - всякое живое существо на Земле фактически является падальщиком и убийцей. Ну а поскольку этот процесс подчиняется научным законам, значит, его создал разум".

Я тебе не научный трактат цитирую, это твои собственные мысли. И именно благодаря им ты обрёл веру, пусть и своеобразную. Точнее - ты просто соединил Разум и Бога, что, в общем-то, не противоречит логике. Дальше, ты стал размышлять о добре и зле, о грехе и праведности, и пришёл к интересному выводу. "Хищников, ведь, тоже создал Бог - рассуждал ты - И хищник совсем не виноват, что он таким родился. А человек, вообще, венец хищнического творения. Ну и, конечно же, у хищников есть своя иерархия, свои порядки, хотя принцип везде один - выживает сильнейший. И именно он, это сильнейший, должен следить за соблюдением закона в стае, корректировать процессы и восстанавливать, пусть и свою, хищническую, справедливость". Вот так ты нашёл оправдания содеянным грехам.

Произнося эту речь, Качай повернулся и медленно приближался к Полу. Последние слова он говорил стоя возле него почти вплотную.

Пол медленно поднял голову и посмотрел в лицо подошедшему.

- Покажи ад... - прошептал он после длительного молчания.

- Зачем? - удивился Качай - Сам всё увидишь, не так уж долго ждать осталось. А впрочем...

По коридору первая дверь налево - последние слова он произнёс медленно садясь в кресло.

Пол в задумчивости нахмурил брови.

- Но ведь там - туалет...

- Ты уверен? - спросил Качай, закрывая глаза, словно собирался вздремнуть.

Пол долго и внимательно смотрел на профиль сидящего в кресле человека, потом перевёл взгляд в сторону коридора, затем снова на Качая. После чего поднялся и направился к туалету.

- Прежде чем открыть дверь, хорошенько подумай, хочешь ли ты это видеть - сказал Качай.

Услышав его слова, Пол лишь на секунду остановился.

Окинув беглым взглядом знакомую дверь, осторожно взялся за ручку и медленно потянул на себя.

Когда он открыл дверь настежь, то не сразу понял, что уже нет ни этой двери, ни туалета, ни его квартиры. Он ещё машинально потянулся к выключателю, но там была пустота и темень.

"А как же свет из коридора?" - ещё мелькнула в голове мысль, после чего он ощутил, что его тело, каким-то образом висит в этой темноте. Даже не тело, а какая-то невесомая субстанция с осознанием личности.

Вдруг он внутренним чутьём определил медленное движение. Причем, двигался не он, а окружающая темнота. Одновременно из неё начали вырисовываться очертания непонятных предметов. Впоследствии они приобрели форму скалистых гор, с острыми пиками, напоминающими зловещий оскал. У Пола сразу же сложилось впечатление, что он находится в пасти гигантского животного, среди кривых и острых зубов, где горячий утробный воздух наполнен запахом разлагающейся плоти. Тусклая и блёклая горизонтальная полоска света, появившаяся за далёкими скалами, напоминала края этой пасти, ещё не сомкнутые до конца. Свет с каждым мгновением становился всё ярче и вскоре стал напоминать приближающийся восход солнца за линией горизонта.

Вдруг, неподалёку, на острые пика Пол заметил человека. Тот стоял, наклонив голову и смотрел вниз, где чернела глубокая бездонная пропасть. Его одежда напоминала длинную, доходящую до пят, овечью бурку белого цвета, какие ещё совсем недавно носили мужчины в горах Кавказа.

Черты лица человека Полу показались знакомыми. Он стал напряжённо вспоминать - где и когда мог его видеть. И вдруг...

- Пуря - непроизвольно сорвалось с губ Пола.

- Да, Пургин Антон Фёдорович - услышал он голос позади и резко обернулся - рядом стоял Качай.

- А что, разве он уже... того? - робко спросил Пол.

- Да, умер - грустно ответил Качай и тяжело вздохнул - Как жил, так и умер. Первую ходку он получил за то, что с пьяной компанией грабанул сельский магазин. Украли ящик обычного креплёного вина, отошли только на полкилометра и начали употреблять. Ну, для снятия стресса, для успокоения. Потом увлеклись и поотрубались. Там, в сквере, их и накрыла милиция. Вторая ходка была аналогичной: вмазал, хотел добавить, загнал две трубки рубероида со стройки, где работал и погорел. И умер также - стащил в магазине бутылку вина и кусок колбасы. Зашёл в подвал дома, потому как у себя в квартире он бы не успел выпить это вино, менты шли буквально по пятам, тоже вмазал, закусил колбасой, лёг на трубы теплотрассы и умер. Умер в блаженном состоянии, без мук и страданий. Не от болезни, а просто потому, что осточертела такая жизнь.

Пуря вдруг поднял голову, распрямился. Бурка на его плечах разошлась в стороны, и превратились в огромные крылья, состоящие из плотного белого пера, длинные и широкие. Он

резко взмахнул ими, сорвался со скалы, взмыл ввысь, направляясь к светлой полосе далёкого горизонта. Откуда-то появились ещё такие же птицы-люди, и тоже устремились к свету.

- Куда они? - спросил Пол, после того как его знакомый потерялся из виду.

- Наверно в рай... - без особой уверенности произнёс Качай и тут же добавил - Хотя, могут быть варианты...

- Какой же рай? - Пол недоумённо посмотрел на собеседника - ведь он вор, грешник.

- А какой у него грех, кроме пристрастия к алкоголю? Нет силы воли, слабый физически. А вот кое-кому, по этому поводу, следует серьёзно задуматься. Помнишь в зоне "Филини" срежесировал бордель? "Глюк" там изображал бабу: ему напялили парик, лицо намазали пудрой, накрасили глаза, побрили ноги и положили на специальную кровать, которую сконструировал тот же "Филини". Особенность кровати заключалась в том, что Пуря находился под ней и руками должен был изображать влагалище. Паханы были в восторге, но Пуря это делал далеко не по своей воле.

Пол сжал губы, громко засопел и отвернулся.

- Я не посещал бордель - процедил он сквозь зубы.

- Да, ты не посещал. Но, так сказать, с высоты нынешнего времени, у тебя следует спросить - ты никогда не задумывался, что Пурю создал тот же Бог? Тогда почему же, оказавшись в одном месте, у вас были разные условия жизни? Ведь он такой человек, как и ты, созданный из плоти и крови. Неужели вся разница только в том, что ты физически сильнее? Нет, как хищник, ты, конечно, прав. Ну, а совесть? Обычная человеческая совесть? Последний случай, вообще, не вкладывается ни в какие рамки: вы его, только шутки ради, босиком выгнали на мороз.

- Это "режимники" науськивали на его братву - произнёс Пол в сторону.

- А "режимники" тоже там - сказал Качай, указывая пальцем в пропасть - В земной жизни хорошо жилось сильным. А вот здесь выигрывают слабые. Точнее - униженные и оскорблённые. Правда возникает довольно интересный вопрос - откуда вялились в принципе такие вот униженные и оскорблённые? Если людей создал Бог, то почему он допустил это расслоение? Оно противоречит его же теории - "Перед Богом все равны". А вот наука даёт чёткий ответ: организму не хватало пищи, воды, воздуха, света и так далее. Хотя тоже можно спросить - "А почему?". Ведь Создатель, я думаю, был в состоянии не допустить подобного. Нет, здесь явно прослеживается какая-то цель. Может он, таким образом, изобретал чувство сострадания? "И милость к падшим призывал"... Люблю поэтов.

Качай повернулся, сделал шаг с обрыва и исчез в темноте.

Пол, долго не думая, как-то машинально, последовал за ним.

Вообще-то, он рассчитывал на головокружительное падение. Но ничего подобного не произошло: просто, сделав шаг, он оказался в другом месте.

Здесь стоял полумрак и всё выглядело чёрными.

Местность была более-менее ровной и представляла собой открытое пространство. То там, то здесь виднелись неясные очертания голых чёрных ветвей каких-то кустарников и отдельных валунов.

Пламя горящего костра, единственная светящаяся точка, притягивала внимание, и толпа людей собралась возле него. Их количество нельзя было определить даже приблизительно, потому что костёр высвечивал окрестность не более десяти метров в диаметре, а люди находились ещё дальше, за границей света. Они располагались друг от друга на расстоянии вытянутой руки, стояли неподвижно, молча уставившись на пламя.

Лица мужчин и женщин были неотличимы. Внешность - тоже: одного роста, одной комплекции, в одинаковых одеждах, похожих на длинные и широкие туники чёрного цвета. Люди среднего рода. В томительном ожидании, они напряжённо всматривались в пламя костра, возле которого сидел мальчик, лет пяти. Его круглое личико и курносый носик были испачканы сажей, чёрные волосы взъерошены. Он сидел, скрестив босые ноги, ломал тонкие сухие ветки и бросал в

костёр. За спиной у мальчика имелись большие чёрные крылья, сложенные так, что полностью укрывали его тело.

Вдруг, откуда-то послышался мощный, стремительно нарастающий гул, словно огромный табун лошадей, мчался во весь опор.

Люди забеспокоились, зашевелились, стали оглядываться по сторонам.

Мальчик встал на ноги, поднял с земли ровную палку, длиною в метр и конец её сунул в огонь. Дерево тут же вспыхнуло. Мальчик, держа в руке разгоревшийся факел, распрямил крылья, замахал ими и поднялся в воздух.

Он сделал три круга над костром и улетел в сторону.

Толпа людей, не спуская с него глаз, двинулась следом. Они бежали, поднимая головы, не выпуская из виду мальчика. Вскоре он растворился в темноте, и лишь мерцающая точка от трепещущего пламени свидетельствовала о его местонахождении.

- Тёмный ангел указывает путь к свету... объяснил Качай, провожая взглядом удаляющуюся толпу - Но начало ли это, конец ли это? Я не знаю.

А гул, тем временем, становился всё громче и громче, земля под ногами вибрировала всё сильнее и сильнее. Наконец раздался оглушительный взрыв. Из разверзнувшихся глубин вырвался огромный огненный шар. Он поднялся вверх на несколько метров, на короткое время завис в воздухе и рухнул вниз. Огонь мгновенно растекся по земле и превратился в сплошную стену бушующего пламени. Из него стали выскакивать странные звери, внешне похожие на собак, только размером с взрослую лошадь. Их тёмно-рыжая, густая и длинная шерсть местами искрилась как догорающая бенгальская свеча, а из открытых, зубастых пастей вырывались короткие языки пламени. Сверкнув огненными зрачками, звери тут же бросались в погоню за людьми. Они настигали их, хватали огненной пастью, несли обратно, и, вместе с ношей, впрыгивали в бушующее пламя.

Некоторые люди бежали быстро и огненным псам приходилось приложить усилия. У некоторых бегущих, по каким-то причинам, за спиной появлялись крылья и тогда они поднимались в воздух. Но звери настигали их в прыжке, впиваясь острыми зубами в плоть и тащили в своё огненное логово. Очень немногим удалось подняться настолько, что пылающие пасти щёлкали зубами лишь в нескольких сантиметрах от тела, до боли обдавая его жаром. Этим немногим удалось спастись. Они улетали за светящейся точкой, горящим факелом, который держал в своих маленьких ручонках тёмный ангел.

А огненные псы, тем временем, возвращались обратно, крепко держа в зубах истерзанную добычу. Они все вместе были похожи на сплошной огненный поток, впадающий в огненное море - вопящий, стонущий, кричащий, рыдающий и глухо рычащий. Дойдя до стены из пламени звери, вместе с ношей, прыгали в неё и исчезали.

- Грехи... - сказал Качай - Грехи не пускают... Ни убежать, ни улететь.

Но не все звери возвращались с добычей. Некоторые шли налегке. Измотанные, уставшие и злые, они держались немного в стороне от общего потока.

Один из таких псов прошёл недалеко от Пола. Вдруг он остановился, резко повернул голову и посмотрел Полу прямо в глаза. От этого взгляда у последнего замерло сердце. Когда зверь внезапно прыгнул на него, Пол шарахнулся в сторону.

- Не бойся, они нас не видят - сказал Качай.

Действительно, пёс перескочил через них, и ещё через два прыжка, оказался у ближайшего валуна. Он стал грозно рычать, присел на передние лапы, опустил голову к земле и вдруг вытащил из-под камня человека. Тот кричал, цеплялся руками за землю, сдирая до костей кожу на пальцах, но всё было тщетно.

- И не спрятаться... - добавил Качай, наблюдая за происходящим - Они чувствуют грехи...

Звериный поток ещё продолжался, когда кивком головы Качай предложил Полу заглянуть за огненную стену.

Как ни странно, но там не было ни жара, ни пламени. Здесь всё пространство состояло из ячеек, похожих на пчелиные соты. Они были разделённые полупрозрачной, напоминающей морозящий дождь, пеленой. И в каждой ячейке присутствовала своя обстановка, где происходило какое-то действие, связанное, в основном, с убийством человека. Люди убивали друг друга самыми разнообразными способами: от примитивного удара дубиной, до выстрела из винтовки с лазерным прицелом.

Пол мог наблюдать за происходящим в ячейках, но люди, находящиеся внутри, видели только то, что происходило с ними.

Иногда ячейки размывались, текли, как гуашь с картины, попавшей под сильный дождь и исчезали. На их месте сразу же появлялись другие, с другим сюжетом, другим действием.

- Ну вот, всё занято. Я не удивлюсь, если в ад образовалась очередь. Ад ведь тоже не резиновый - произнёс Качай и направился сквозь ячейки, беспрепятственно проходя границы.

Пол последовал за ним.

Вокруг люди друг друга резали, стреляли, вешали, душили, топили, четвертовали, жгли и так далее. Невозможно было даже представить, сколько существует способов умерщвления человека.

Пол ещё издали заметил что-то знакомое в одной из ячеек: нечто похожее на жерло топки в кочегарке, где он когда-то он работал. Но вблизи всё оказалась немного другим: всю сторону ячейки занимала стена из бурого кирпича. В стене, где-то на уровне метра от земли, находилась двухстворчатая металлическая дверь с множеством круглых отверстий внизу. За ней бушевало пламя. К двери подходили рельсы, поднятые над полом на такую же высоту. По рельсам двигалась ровная металлическая площадка.

Мужчина, в серой накидке из мешковины, стоял, опустив голову и отрешённо смотрел на эту площадку. Он был худой, измождённый, бледный. Прямой нос казался чересчур длинным и у основания плавно переходил в узкое лицо. Из-за короткой нижней челюсти, его профиль выглядел несколько карикатурно.

Молодая черноволосая женщина с девочкой на руках и, стоящим сбоку мальчиком постарше, медленно появились из пустоты у мужчины за спиной. Он почувствовал их появление: выпрямился, поднял голову и обернулся.

Женщина молча отвела взгляд.

Мужчина начал что-то говорить, судя по выражению лица - просил, потом упал на колени и стал целовать её ноги. Его плечи при этом сотрясались, по-видимому, он плакал.

Женщина и дети оставались ко всему равнодушные.

Наконец мужчина поднялся с колен, тяжело вздохнул и снова повернулся лицом к площадке. Спустя минуту, он слегка передёрнул плечами, и одеяние свободно упало к ногам, обнажая страшную худобу тела. Перешагнув через лежалую одежду, мужчина сделал шаг вперёд, сел на площадку и, закинув поочерёдно ноги, лёг на спину.

Женщина взялась за край площадки и, не прилагая больших усилий, покатила её по рельсам к топке.

Створки дверей распахнулись, человеческое тело медленно въехало внутрь горячей печи. После этого двери снова закрылись.

Мать с детьми какое-то время стояли на том же месте, словно сквозь стену наблюдали за происходящим внутри. Потом они, также как и появились, медленно раствориться в пространстве. После этого исчезла вся обстановка и ячейка заполнилась темнотой. Однако, спустя несколько минут, та же печь и площадка на рельсах появились снова. Мужчины на этот раз не было, только на полу, укрытое серой материей, лежало что-то, внешне напоминающее кучку песка или золы. Но когда снова появилась та же женщина с детьми, кучка зашевелилась и вскоре перед ними предстал тот же человек. На это раз, ни слово не говоря, он разделся и лёг на площадку. Весь процесс повторился в точности, как и предыдущий.

"А меня ещё и на куски порубят - подумал Пол - Но на колени я, всё-таки, не стану".

Словно услышав эту мысль, а может оно так и было, Качай произнёс - "Здесь уже нет индивидуальных признаков характера. Боль, только боль и ничего кроме боли".

Процесс сжигания с теми же персонажами повторился три раза. На четвёртый, вместо женщины с детьми в ячейке появился старик.

Полу уже не хотелось на это смотреть и он отвернулся. Но в ячейке напротив происходили не менее драматичные события.

Человек, связанный по рукам и ногам, лежал на земле. Он тяжело дышал и с ужасом смотрел на другого человека, который стоял перед ним и демонстративно точил длинное лезвие ножа, сверкающее при движении. Затем тот подошёл к лежащему, повернул на живот и, упёршись коленом в плечи, прижал его грудь к земле. Левой рукой он взялся за волосы, запрокинул голову назад, а правую, с ножом, поднёс к шее.

Жертва билась в истерика, но палач только злорадно улыбался волчьим оскалом. Наконец его правое плечо резко дернулось кверху и кровь фонтаном хлынула из резаной раны обречённого.

"Вот как надо было..." - пронеслось в голове у Пола.

Они тогда "Председателю" заломили руки, связали за спиной, посадили на стул и держали за плечи с двух сторон. Пол, с ножом в руке, зашёл сзади, также схватил сидящего за волосы и, также запрокинув голову, приставил лезвие к левому уху. Затем он точно также полоснул им по шее. Хлынувшая кровь забрызгала державших, и те резко отпрянули назад. Освободившееся тело в предсмертных судорогах, стало бить ногами о пол, вместе со стулом, рухнуло на землю и продолжало конвульсивно дёргаться, постепенно успокаиваясь и затихая.

Пол обычно работал "чисто" и терпеть не мог режущего и колющего оружия. Но здесь он "играл на публику". Он хотел шокировать, навести ужас, сделать то, что не каждый способен выдержать глядя со стороны. И это у него получалось.

Криминальный авторитет по кличке "Мотор" промышлял на крупных трассах, с дальнобойщиками. Его "бизнес" не пересекался с Полом. Но почему и зачем тот оказался на его территории и наглым образом предъявил претензии на его район?

Мотор пребывал в злобе. Он не мог смириться с поражением и даже связанный вёл себя вызывающе. С ним "работать" было легче, но не так интересно.

- Я тебя убью, отрежу голову и поставлю в огороде, как пугало - сказал Пол, глядя ему в глаза.

- Да пошёл ты...

Пол хладнокровно два раза выстрелил в висок. Спустя пять минут, сделал надрез на шее, и, спустя ещё какое-то время, когда кровь уже не била фонтаном, резанул дальше и глубже. Затем тело подвесили за ноги, чтобы быстрее стекала оставшаяся кровь.

Когда, в присутствии сообщников, Пол работал ножом, одному из них стало хреново.

Мужчина из ячейки делал теперь то же самое своей жертве, но, как показалось Полу - слишком долго и неуклюже. Затем он поднял за волосы отрезанную голову и повернул к себе лицом.

Невероятно, но голова была жива. Гримаса боли отражалась на её лице, из глаз текли слёзы, а из носа и рта - кровь.

Палач наслаждался человеческими страданиями: злорадствовал, ухмылялся, поворачивая голову то одним, то другим бокам, любясь результатами причинённой боли. Затем он поднёс острый конец ножа к глазу и, на мгновение задержавшись, резко вонзил его внутрь.

Пол крепко сжал зубы и отвернулся.

- Да, это ад... - глухо произнёс он в сторону.

- Может быть... - сначала как-то неопределённо ответил Качай и, немного подумав, добавил - Может быть это ад, но может быть и рай.

Пол удивлённо посмотрел ему в лицо.

- Нет, конечно - пояснил Качай - Для того кому отрезают голову, без сомнения, ад. Ну а кто отрезает, явно испытывает удовольствие. Так что... - он снова на мгновение задумался - Здесь, я полагаю, присутствует какой-то отражённый мир, какая-то противоположность материального. Скорее всего, в материальном мире всё происходило наоборот: этот мученик, поступил точно также со своим мучителем, и, тем самым, согрешил. А здесь он, таким образом, расплачивается за свои грехи. Только здесь разница уже в том, что в материальном мире, человека можно убить один раз. Здесь же смерти нет, и процесс отмщения может повторяться бесконечно. Но поскольку эти образы имеют, всё-таки, человеческое происхождение, а человеческой натуре, со временем, свойственно всё надоедать, даже удовольствия, то и здесь с ними происходит то же самое. И когда палач просто отпускает жертву, она избавляется от страданий. А ещё её могут простить. Я думаю, этот благородный поступок где-нибудь, кем-нибудь замечается и зачитывается. Ведь, скорее всего, чёткой границы между раем и адом не существует, а есть плавный, постепенный, может быть поэтапный, переход, со своими нюансами. Но кто это всё создал, и кто решает, кого и куда отправить, я не знаю. Вполне возможно, что мы видим мир из человеческого воображения. Ну, вообразил же Данте "Семь кругов ада" и они где-то здесь существуют, я видел. Гиена огненная, болото, черти рогатые, смола - всё есть. Но возникло всё это с появлением на Земле человека. До него не было ничего подобного. И вот, кстати, в тему".

Качай указал на ячейку, обстановку которой Пол узнал сразу - это была его квартира.

Он лежал на полу ничком. Одет был в тёмно-синий махровый халат, обут в тапочки на босу ногу. Голова повернута вправо, полуоткрытый рот, застывший взгляд... Именно этот взгляд говорил о безжизненности тела. На затылке чётко виднелось большое, тёмно-красное пятно запёкшейся крови.

"След от выстрела" - сразу же определил Пол.

- Ну, вот, что это такое? - спросил у него Качай - Или вот это? - он указал рукой на другую ячейку.

Ванная комната была освещена ярким, до рези в глазах, светом, единственное помещение, где Пол установил мощные лампы. Поперёк большой чугунной ванны, с потемневшей от старости эмалью, лежал он. Босые ноги свесились на проход, под ними валялись тапочки. Сложенное пополам тело повторяло форму углубления ванны. С дождика, расположенного на длинной металлической трубе, изогнутой в конце, продолговатыми каплями, с частыми разрывами, время от времени переходящими в сплошную струю, текла вода. На дне ванны она смешивалась с кровью, вытекающей из-под тела Пола. Дальше кровавый ручеек спокойно огибал правую руку, лежащую ладонью кверху, с растопыренными, слегка согнутыми пальцами, пистолет, направленный дулом к его хозяину и уходил в сливное отверстие.

Подбородок Пола упирался в грудь, голова чуть наклонена вправо, из полуоткрытого рта текла кровь. Она же, каплями, брызгами и бесформенными пятнами, застыла на стене, облицованной плиткой.

Пол вспомнил: когда Ирина мылась в душе, у него возникла мысль - достать пистолет и застрелить её. Он даже представил, как подкрадывался к ней по коридору, с оружием в вытянутой руке. Тогда, в воображении, он дошёл только до дверей. Теперь же, мысленно продолжил неоконченный ранее, воображаемый путь.

"Он медленно заглядывает в ванную, одновременно направляя туда ствол пистолета... Девушки там нет, дождик льёт вхолостую... Он проходит дальше, смотрит влево, вдоль стены, чтобы проверить - не спряталась ли она за стиральной машиной? В это время Ирина неслышно появляется сзади, делает шаг вправо, хватает его руку с пистолетом и медленно, но уверенно направляет ствол ему в лицо. Он сопротивляется, но безрезультатно. Она сильная, в ней сидит дьявол..."

- Ты об этом когда-нибудь думал? Воображал что-нибудь подобное? - внимательно всматриваясь в его лицо, спросил Качай.

"Только что вообразил..." - подумал Пол и, сильно сжав челюсти, отрицательно помотал головой.

- В общем - я понятия не имею что это... - сделал заключения Качай и пошёл прочь.

Внимание Пола привлекла странная ячейка: в самой её середине полыхал огненный шар, а вокруг, беспорядочно и быстро двигались ярко светящиеся точки. Их количество не поддавалось даже приблизительному подсчёту, и они всё время перемещались.

- Я думаю, это души... - задумчиво произнёс Качай - Они ищут друг друга, чтобы простить и быть прощёнными. Ты прощаешь того, кто согрешил против тебя, тебя прощает тот, против кого согрешил ты. Равноценные поступки компенсируются и грехи списываются. Что-то вроде нравственной аннигиляции... Ну, или - "Не судите, да не судимы будьте..."

Качай вдруг снова посмотрел Полу в лицо и спросил - "Ты нуждаешься в прощении у многих, но кого простишь ты?"

Пол молчал. Должников у него не было.

- Как видишь, находиться на самом верху - не всегда благо...

После этих слов Качай повернулся и стал смотреть в другую сторону.

В ячейке напротив находился молодой, красивый парень, одетый в длинную, белую рубаху из-под которой виднелись босые ноги. Он сидел на зелёной траве, под большой развесистой яблоней. На её ветвях висели созревшие плоды - сочные, большие, румяные. Вдруг парень вскочил на ноги и стал внимательно всматриваться вдаль. В его взгляде была мольба, просьба, волнительная надежда. Спустя минуту напряженного ожидания, он тяжело вздохнул, обречённо опустил голову и сел на прежнее место. Возле него, на земле, лежало пять яблок. Он взял один, внимательно осмотрел его, краешком рубахи протёр румяный бок и снова положил до кучи. Затем парень обхватил руками колени и, положив на них голову, стал с грустью смотреть на плоды.

- Ты ещё здесь?... - глядя на парнишку тихо спросил Качай, затем резко повернулся к Полу - Не подумай что это рай - указывая пальцем на сидящего человека, жёстко произнёс он - Да, парень хорошо выглядит, но это наказание и далеко не лёгкое. Где же это было?

Качай стал шарить глазами в пространстве.

Вдруг все ячейки, будто сухие, опавшие листья гонимые сильным порывом ветра, стали быстро и беззвучно двигаться им навстречу.

Полу показалось, что он на огромной скорости влетел в одну из них и резко остановился.

Находясь за спиной у Качая, он не сразу заметил, что происходило в центре.

На широкой кровати, лёжа друг на друге, мужчина и женщина занимались любовью. Женщина находилась внизу и в порыве страсти гладила руками обнажённое тело мужчины. Он с тем же чувством, целовал её шею, грудь, плечи. Оба тяжело дышали, слегка постанывая от удовольствия.

- Бог в помощь - громко произнёс Качай, подойдя вплотную.

В то же мгновение вся обстановка изменилась. Теперь это уже была обычная комната с обычной обстановкой: шторы, секция, посуда, книги, телевизор, старый комод у окна.

На разложенном диване, до половины накрытый шерстяным одеялом, лежал уже не молодой мужчина. Рядом никого не было.

От голоса Качая он вздрогнул, подхватился, спустил ноги на пол.

- Ты кто? - громко спросил он, удивлённо глядя на незваного гостя.

- Тише - сказал тот, указывая рукой на стенку - жену разбудишь.

- Ты кто? - на этот раз вопрос был задан почти шёпотом.

Качай сунул руки в карманы брюк, наклонил голову и не спеша подошёл к комоду. Он присел на его краешек и посмотрел мужчине в глаза.

- Я, твой сон... Конечно, не такой как предыдущий, но, тем не менее... Я хочу, чтобы ты вспомнил кое-что. В частности - случай из детства: тебе шесть лет, ты играешь в саду. Конец лета, поспели ранние яблоки. Рома и Толя, ребята старше тебя на год, едут на велосипедах по улице. Они

замечают тебя в саду и просят угостить яблоками. Ты снимаешь рубашку, кладёшь на её яблоки, не жалея, их много, так чтобы можно было лишь кончики рубахи связать в узелок и несёшь друзьям. Вы идёте к пруду. Мальчишки съедают по три штуки и начинают играть: бросают оставшиеся яблоки в валун. Сочные плоды легко разбиваются, мелкие куски, как осколки разорвавшейся гранаты, разлетаются в стороны. Это вас забавляет. Но вдруг Рома придумывает другую игру - он ставит тебя возле валуна, разворачивает к себе спиной, отходит на несколько шагов и бросает яблоки тебе в затылок. Они не разбиваются, всего лишь трескаются, но ему это тоже интересно. Толя присоединяется. Ты выдерживаешь пять ударов и убегаешь.

Качай вдруг замолчал, задумался, закусил губу.

- Знаешь, это, конечно, детская шалость, но она, оказывается, там, квалифицируется как издевательство над человеком - сказал он глядя мужчине в глаза.

Пауза длилась около минуты. Они, не шелохнувшись, смотрели друг на друга.

- Ты знаешь, что Рома умер? - первым нарушил молчание Качай.

- Да - подтвердил мужчина - он умер давно... Совсем молодой...

- Этот грех не пускает его душу в рай - Качай посмотрел на потолок и тяжело вздохнул - Ты бы простил его что ли... Неизвестно, как долго ты ещё будешь жить, а там время течёт совсем по-другому. К тому же ты ничего не теряешь. Вспомни "Отче наш" - "... и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему...". Может и тебя простят Саша Кравцов, Антонина Магоро и ещё кто-нибудь. Ведь есть же за что, правда?

- Конечно, конечно я его прощаю... Я этот случай давно уже забыл...

Мужчина виновато опустил голову и стал тереть ногти.

В это время с наружной стороны окна раздался какой-то странный скребущийся звук. Все посмотрели в ту сторону.

На жестяном отливе сидел белый голубь и, резким подёргиванием головы, заглядывал в комнату то одним, то другим глазам, словно просился на ночлег. Отлив был сильно наклонён, птица всё время съезжала и скребла когтями по жести.

- Странно... - растягивая слово, произнёс мужчина - Ночью голуби, обычно, спят...

В это время Качай смотрел на птицу через плечо, затем повернулся и, хитро улыбаясь, спросил - "Ты, наверно, его подкармливаешь?".

- Никогда я не кормил голубей - категорически опроверг предположение мужчина.

- Ну, вот и славно. Всё хорошо. Спокойной ночи.

Качай направился к выходу, но вдруг остановился, искоса посмотрел на мужчину и произнёс - "И вот что я тебе скажу...". В следующий момент он сделал шаг к дивану и сел рядом.

Какое-то время Качай задумчиво всматривался в его лицо, словно сомневался - стоит ли говорить?

- Я понимаю - наконец начал он - Дина Литманова женщина красивая во всех отношениях: как с лица, так и фигурой. Я понимаю твоё желание развестись с женой и жениться на ней, но крайне не советую это делать. Причина проста - у тебя для этого нет средств. Да, чтобы завести новую семью, нужны деньги. Это великие мира сего могут позволить себе бесконечные разводы и неравные браки. И даже если у них чувства настоящие, то они скреплены деньгами. Ты такой же человек, как и они, в смысле состоящий из плоти и крови, нравственно может даже лучше всех их вместе взятых, но без денег. Вот представь - выпрыгнешь ты с насиженного гнезда, перелетишь в чужое... Но сможешь ли ты там жить? А если тебя оттуда выгонят? Обратной дороги уже не будет, своего жилья у тебя нет. Ты знаешь, о чём думает женщина, когда встречает свободного мужчину? Нет, ни как его покорить, завладеть его сердцем. Это уже потом. А первая, инстинктивная мысль - как ему подрезать крылья, чтобы не улетел. При чём этот процесс не требует от неё больших затрат - глаза, фигура, ноги. Собственно говоря - на это ты у Литмановой и клюнул. Но учти, что у неё за спиной куча проблем - ипотечный кредит, к примеру, двое детей.

- У неё один ребёнок - возразил мужчина.

- У неё двое детей. Старший сын находится в специализированном детском доме. У него врождённое психическое заболевание. В общем-то, по этой причине, и появился разлад в отношениях с её первым мужем. А вспыльчивый, взрывной характер довёл всё до развода. Ты об этом, пока что, не знаешь. Конечно, ей одной тяжело. Ей нужна поддержка, по большей части материальная. И в том, что она ищет эту поддержку, её нельзя упрекнуть. Ты же видишь в ваших отношениях только романтику. Но, посуди сам, какая романтика? Тебе сколько лет, ей сколько? Но даже дело не в возрасте. Конечно, по сравнению с ней, твоя жена выглядит старой бабой. Но именно со своей женой ты идеально смотришься. Хорошо сохранившаяся внешность Литмановой только усиливает, подчёркивает вашу возрастную разницу. И она это прекрасно понимает, она не в восторге от тебя, но у неё, на данный момент, нет выбора. А такой страсти - Качай похлопал ладонью по дивану - у вас никогда не будет. Да, пару раз, между вами, случится нормальный секс, но не более того. Какая может быть близость у людей, когда вокруг одни проблемы? Неприятности на работе, в семье, проблемы со здоровьем - всё это блокирует половое влечение на физиологическом уровне. Чтобы преодолеть эту блокировку надо избавиться от проблем и искренне любить человека. Прости, но у неё нет этой искренности. Ты ей нужен только ради денег. Да, пока что ты хорошо зарабатываешь. Но со временем, по состоянию здоровья, тебя переведут на менее оплачиваемую должность. Вот тогда у вас начнутся настоящие проблемы: скандалы, упреки, оскорбления и так далее. И уж тем более у неё не будет желания ухаживать за тобой по причине старческой немощности. Ты же не вечный. Она выживет тебя из дома, и ты вернёшься туда, откуда пришёл. Твоя жена тебя примет, а со временем и простит, и ты доживёшь до конца своих дней. Она добрая, вот на кого ты должен молиться. А этот выпад в сторону... эта петля во времени... Тебе это надо?

Мужчина сидел, опустив голову, как школьник, уличённый в совершении плохого поступка.

Качай смотрел на него сбоку, с видом сострадания и жалости. После минутной паузы, по прежнему глядя на его правую щеку, он продолжал - "Ну, если уж ты так хочешь уравновесить нравственность с пороком, то обрати внимание на Любовь Орлову".

Мужчина поднял голову и сосредоточено смотрел перед собой.

- Какую Любовь Орлову - ту, или эту? - спросил он.

- Какую ту? - Качай удивлённо нахмурил брови, словно внимательнее вглядывался в мысли собеседника - Ту... Актрису? Ну, ты, вообще, обнаглел. Во-первых - та, уже, в прошлом. Я имею в виду инструментальщицу, которая по совместительству работает у вас уборщицей. Да, она полноватая. Да, со странностями в голове. Но у неё нет семьи, она никогда не была замужем, у неё даже кавалера не было. На данный момент у неё одна проблема - кошка не ест. Твоё внимание к ней, как к девушке, будет ей только в радость. Её душа заледенела от одиночества, от невнимания. Ни друзей, ни подруг. А она ведь тоже человек и ей хочется человеческого. Но этот лёд можно растопить. Попробуй, у тебя богатое воображение. Можно прямо сейчас прикинуть пару вариантов...

Вдруг Пол услышал где-то позади себя далёкий, приглушённый крик - "Иииираааа". Какая-то женщина, звала какую-то Иру.

Качай с мужчиной сидели на том же месте, продолжали беседовать и совершенно не обращали внимание на голос.

Пол повернулся и прислушался - крик, по-прежнему далёкий, но уже более чёткий, повторился. Ещё раз, окинув взглядом сидящих на диване, он не заметно вышел из ячейки.

Перед ним рос молодой олешик. Осторожно ступая по высокой траве, Пол медленно шёл между деревьев и вскоре оказался на берегу небольшого пруда.

"Не тот ли это пруд, где Рома и Толя бросались яблоками? - подумал он - Но при чём здесь Ира?". Он провёл взглядом вдоль берега и вдруг наткнулся на серый камень, возвышающийся над землёй. "Ну, вот и камень" - подумал он. Но теперь на камне сидела девочка лет десяти. Одета в

лёгкое, светло-зеленое платье, подтянув к груди правую ногу и обхватив её руками, она положила подбородок на изгиб колена, и застывшим взглядом смотрела на ровную гладь воды.

В последнее время имя - Ирина - приобрело для Пола особую значимость. В воображении вырисовывался только один образ, связанный с этим именем. Но была ли эта девочка, хотя бы чем-то, похожа на тот образ, он сказать не мог. Отчасти из-за разницы в возрасте, отчасти по причине того, что её лицо теперь на половину закрывали распущенные светло-русые волосы.

- Иииирааа - протяжно звал женский голос и Пол повернул голову в ту сторону, откуда исходил звук.

В абсолютно чёрном небе (хотя в ячейке был ясный день) немного сместившись в сторону горизонта, висела большая, полная луна. На поверхности её светящегося диска виднелось тёмное пятно в форме деревенского дома с остроугольной крышей, чуть наклонённым дымоходом и жёлтыми окнами. Рядом возвышалась ель, с зубчатыми боками, расширяющимися к низу.

- Иииира...

Голос звучал именно оттуда, с луны, но девочка на него не реагировала.

- Ах, вот ты где... - произнёс Качай за спиной у Пола - Ты больше так не делай. А если потеряешься? Я не знаю, что тогда будет, как тебя искать и чем всё кончиться.

В это время снова послышался всё тот же протяжный зов и Качай, глядя на девочку, замолчал.

- Она что, не слышит? - спросил Пол.

Ответ его сильно удивил.

- А ты выстрели ей в голову...

Качай проговорил это в сильном раздражении, граничащим со злостью, после чего резко развернулся и быстро зашагал прочь.

Полу ничего не оставалось, как в полном недоумении следовать за ним.

Однако, пройдя лишь пару метров, Качай вдруг остановился. Его плечи заметно приподнялись при глубоком вдохе, и опустились, при шумном выдохе. Одновременно послышался даже лёгкий стон. Затем он быстро обернулся и проговорил - "Я так и знал...". Пол также посмотрел назад и не нашёл той ячейки, которая находилась здесь только что.

Теперь они оказались в просторном жилом помещении, обставленном современной мебелью и бытовой техникой. Стены были покрашены в светло-жёлтый цвет, на полу лежал светло-серый ламинат. Зеркальный натяжной потолок отображал обстановку низа, от чего комната казалась двухъярусной и высокой. На стене висел чёрный плазменный телевизор, с вогнутым экраном, а напротив, на расстоянии пяти метров, стоял роскошный диван, обтянутый натуральной кожей коричневого цвета. Над диваном висела картина, изображающая пейзаж пустыни: барханы, верблюды, саксаул. Два светильника типа бра, висевшие на стене, по краям картины, били направленными лучами в центр дивана.

На диване сидела молодая красивая женщина в длинном байковом халате с капюшоном. Она откинулась на мягкую, покатуую спинку и запрокинула голову. Перед ней находился журнальный столик на маленьких колёсиках, со столешницей из тёмного стекла. В его центре стояла открытая бутылка виски, рядом два массивных толстостенных стакана. Один на треть был заполнен бурой жидкостью, второй, на половину, обычной водой. Пузатая форма бутылки и идентичность её цвета со столешницей и стаканами, производили впечатления целостности композиции. А вот открытая упаковка из-под лекарств была явно не отсюда.

Качай подошёл к столу, поставил ногу на край столешницы и наклонился к женщине, опершись локтём о своё поднятое колено.

- В ад собралась? - спросил он, глядя на пустую упаковку от лекарств.

Женщина пошевелила головой и чуть приоткрыла глаза.

- Ты кто?

Вопрос был похож на обессиленный плевок, преодолевший лишь нижнюю губу и повисший на бороде.

- Конь в пальто! - грубо ответил Качай, ещё ближе придвинувшись к её лицу.

Во время возникшей паузы женщина слегка пошевелила ярко-красными татуированными губами, почти не слышно повторив - "Конь...".

- Твой папаша, по пьяной лавочке, полез в петлю... Что же ты так не сделала? Зачем ты выпила эту гадость? - Качай бородой указал на упаковку от лекарств - Ты не хочешь, чтобы твоё лицо приобрело синюшный цвет и было изуродовано гримасой боли и страха? Ты надеешься на лёгкую смерть? А ты никогда не задумывалась, что потом твоё существование будет состоять из сплошных страданий? Или ты рассчитываешь, что тебя, всё-таки, спасут? Таким образом, ты хочешь вернуть мужа? Ведь сообщение о твоей беременности на него не подействовало, и ты решила пронять его своей жертвенностью? Но твой несостоявшийся суицид он примет за фарс, а состоявшийся - за тупость. Так что в любом случае у тебя ничего не выйдет. Ты ведь знала, что до тебя он был дважды женат. Но ты решила, что с тобой такого не произойдёт, потому что ты моложе, умнее и красивее предшественниц. Никто никогда не думает о брошенных жёнах: как им живётся, что они думают, что они чувствуют? Не задумывалась и ты до этого времени. А теперь, оказывается, что даже твоя эффектная внешность тебя не спасает. Он творческая личность, живущая эмоциями и впечатлениями. Эта пена, на гребне жизненной волны, скоротечна, поэтому люди такого типа находиться в вечном поиске. И если какой-нибудь певец, композитор или художник не меняет женщин как перчатки, то только потому, что это ему не позволяет материальное положение. Проще говоря - голодранец он. Ну, а твой при деньгах, потому как - мировая известность. Да и в чем трагизм твоего положения? Квартиру он за тобой оставляет, на детей будет платить алименты, при чём, деньги не такие уже и малые. Конечно, тебе надо будет идти работать. Конечно, тебе не хочется. Но и сводить счёт с жизнью из-за этого, тоже, по меньшей мере, глупо. Есть люди в более худшем положении. А она, видите ли - неженка такая... Ну, это у тебя наследственное.

Девушка повернула опущенную правую руку ладонью вверх и, по-видимому, хотела показать неприличный жест, но сил сделать это не хватило, и она только выставила кверху средний палец, слегка дёрнув им.

Качай вдруг резко выпрямился, на мгновение задержался взглядом на картине и быстро подошёл к окну. Некоторое время он стоял молча, вглядываясь в щёлку между горизонтальных полосок жалюзи, словно ждал кого-то или чего-то.

- На самом деле ничего этого нет - наконец ровным и спокойным голосом заявил он и обернулся - Всё это неправда: обман, иллюзия, сон. Ты живёшь другой жизнью.

Девушка приоткрыла глаза и повернула голову в его сторону.

- Посмотри - Качай движением руки указал на окно.

Встать и удержаться на ногах ей стоило не малых усилий. Но ещё с большим трудом давалось передвижение. И, тем не менее, шатаясь, почти падая, держась за стену, девушка всё же подошла к окну.

Словно кошка, выпустив острые когти, растопыренными пальцами она с треском опустила несколько полосок жалюзи.

А за окном была другая квартира. Точнее, это была та же квартира, только в зеркальном отображении и остеклённая рама являлась, как бы, общей границей между жилыми помещениями. И там, действительно, была другая жизнь. Там девушка, как две капли воды похожая на её, радостно улыбалась, прижимала к груди девочку лет пяти, а элегантный мужчина, высокий и стройный, с лёгкой проседью на висках обнимал их обеих, поочередно целуя каждую. Они были счастливы: держались за руки, улыбались, нежно смотрели друг на друга. Казалось, радость от их отношений невидимыми лучами распространялась в пространстве, переходила границу двух миров, умиротворяюще действуя на людей по эту сторону окна.

- Это что? - спросила девушка. От увиденного, она вся преобразилась: тело выпрямилось, глаза загорелись, взгляд стал осмысленным.

- Там твоя жизнь. А здесь сон. Тяжёлый, кошмарный сон - грудным басом говорил Качай.

Девушка повернулась к нему.

- Я хочу туда.

- Иди...

- Как?

- Через окно.

- Почему через окно? - девушка нахмурила брови.

- Потому, что только здесь, и больше нигде, соприкасаются эти миры.

Три толстые, стальные трубы радиатора, расположенные горизонтально под окном, послужили ступеньками, по которым девушка взошла на широкий подоконник. Повернув ручку на раме и потянув её на себя, она открыла окно.

По-видимому, в этот момент её стали одолевать какие-то сомнения, потому что она долго всматривалась в лица людей, находящихся напротив.

- Нас будет двое? - спросила она не сводя глаз со своего двойника.

- Нет - ответил Качай - Всё, что случилось здесь, ты сразу же забудешь. Ты будешь помнить только то, что происходило там. Тебя, которая здесь, там не будет. Ты будешь та, которая там.

Выставив вперёд ногу и осторожно коснувшись поверхности противоположного подоконника, девушка сначала убедилась в надёжности конструкции и только потом постепенно стала перемещать туда центр тяжести тела. Однако, она ещё по-прежнему держалась обеими руками за раму.

- Смелее, не бойся... - подбадривал её Качай.

Как только она переставила вторую ногу, все, что находилось по ту сторону окна, вдруг, разом исчезло.

Девушка полетела вниз и, хотя на мгновение успела ухватиться руками за нижний край рамы, удержаться не смогла.

Качай ещё около минуты стоял на том же месте, прислушиваясь к звукам за окном, потом обернулся и сказал - "Кажется успел...".

- Ты убил её... - тихо проговорил Пол.

- Да... - коротко ответил тот и сразу же добавил с иронией - Зря она не слушала свою бабушку. Чертям верить нельзя.

- Зачем? - также тихо выдавил из себя Пол.

Качай поднял вверх указательный палец и, повернув голову к распахнутому окну, замер в тревожном ожидании. Через какое-то время снизу донёсся душераздирающий женский вопль.

- Всё верно - сказал он и, засунув руки в карманы, не спеша подошёл к дивану - Через три минуты сюда бы зашла её сестра и вызвала скорую. Тогда бы пострадавшую спасли, на беременность никто бы не обратил внимание. В положенный срок девушка бы родила...

Качай замолчал и долго смотрел на упаковку от лекарств, лежащую на столе.

- Этот препарат, нелегально выпущенный в странах третьего мира, содержит в себе талидомид. Он оказывает негативное влияние на внутриутробное развитие плода. Ребенок родился бы калекой и мучился всю жизнь. Мне его жалко. А так... Кто не рождается, тот и не страдает.

Пол долго смотрел на него застывшим взглядом, наконец, стал говорить тихо, почти шёпотом.

- Но ведь ты не имеешь на это право...

- Да, не имею - согласился Качай.

- Это чужая территория...

- Да, не моя...

Они какое-то время молчали, глядя друг на друга.

- Но ведь меня никто не остановил! Мне никто не помешал! - почти выкрикнул Качай - Значит, тот кто имеет на это право, согласен со мной. Он не против, чтобы я так поступил. Он что, не видел, как она стояла на подоконнике? Он не знал, чем всё это кончиться? Не поверю.

Пол в растерянности завертел головой, потом стал говорить быстро и тоже громко - "Я не понимаю, что здесь происходит? Это рай? Ад? Прошлые, настоящие или будущие? Что это такое? Что здесь происходит?".

От этих вопросов Качай почему-то погрузился и отвечал с видимой неохотой.

- По правде сказать - всё. Всё, о чём ты спрашиваешь.

- Как это? - растеряно спросил Пол.

- А вот так. Я даже не знаю, что и где находится. Это какой-то хаос, сумбур, скопление миров. Всё в одной куче. Вот, к примеру, что это такое?

После произнесённого вопроса помещение в одно мгновение исчезло, и они оказались на улице. Их взору предстало залитое солнцем морское побережье. Тёплый ветерок, ласковый прибой, щебетание птиц, неспешное порхание бабочек, всё это создавало обстановку блаженства и умиротворения. Тихо скользя на спокойной волне, под белыми парусами, по морю плыли небольшие лодочки. Их было так много, что ближе к горизонту поверхность воды выглядела совершенно белой. В каждом таком судёнышке находился человек, который стоял у мачты, обхватив её рукой. Одежды на всех плывущих были одинаковы и напоминали древнеримские тоги, ослепительно белого цвета. А ещё у всех были одинаковые лица, с бледной кожей, и причёски, представляющие из себя чёрные, выющиеся волосы, доходящие до плеч. Внешне, между этими людьми, отсутствовали различия по половому признаку.

Лодочки причаливали к песчаному берегу, замирали (именно замирали, а не останавливались, покачиваясь на волнах) из них спокойно сходили (именно сходили, а не выпрыгивали) люди.

Освободившись от груза, судёнышки повторяли движение волны, перемещались назад и в сторону. Но, по-видимому, конструктивно все они были рассчитаны на присутствия на них человека и, оставшись без него, вскоре начинали крениться на бок. Когда же парус касался с воды, материя быстро намокала, тяжелела и уходила под воду, утягивая за собой корпус лёгкого судёнышка.

Люди, оказавшись на песчаном берегу, шли к цветущему саду, который находился неподалёку, где их встречали другие такие же люди, только, по-видимому, прибывшие ранее. По каким-то признакам они различали друг друга, узнавали, бурно радовались встрече, обнимались и подолгу беседовали, сидя на траве под деревьями или прохаживаясь по песчаному берегу. Потом уходили вглубь сада, терялись среди зелени кустарников. Сад располагался на пологом склоне горы, вершина которой была окутана огромным белым облаком. С периферии, от него отрывались куски разнообразных форм и размеров, и медленно плыли по небу к горизонту. Казалось, там, за горизонтами, скрытый от посторонних глаз, сидел усталый творец и непрерывно лепил из них лодочки, паруса, людей, а затем пускал на воду, чтобы те, после долгих скитаний, пройдя через штормы и шторма, пристали, наконец, к этому берегу.

- Люди считают рай и ад противоположными крайностями, с огромным расстоянием между ними - неожиданно заговорил Качай - Но на самом деле рай и ад могут находиться совсем рядом. Я тебе приведу пример из жизни. Не выдумка, не фантастика, а вполне реальная история. В городе Нижневартовск жил один мужик. Работал в нефтегазовой отрасли, при хорошей зарплате пребывал в материальном достатке. И случилось ему, в порядке очереди, зимой пойти в отпуск. Дело такое, что сильно не поспоришь. Посетила его идея: провести отпуск на севере Австралии. Там в это время лето. Так сказать - "В гробу видал проклятую Сибирь". Люблю поэтов... Туристическая фирма клятвенно заверяла, что там, ни много, ни мало, райский уголок. И была права. Мягкий климат, яркое солнце, безоблачное небо, песчаный берег, тёплое море. Разве может рай выглядеть по-другому? Вдобавок ко всему - молодые стройные девушки поголовно ходят в открытых купальниках. А некоторые и без. И вот как только тот мужик опустил свою белую задницу в тёплые

прибрежные воды Индийского океана, так его тут же, в эту же задницу ужалила кубомедуза. В народе её называют "морская оса". Надо сказать, что укус обычной осы, которое насекомое, по сравнению с той, это лёгкая щекотка. Нет, Бог явно любит кубомедузу. Иначе, зачем награждать её таким оружием? Страшные боли во всём теле, тошнота, рвота, понос, жар, озноб. Всё это мужик начал испытывать уже через пять минут после укуса. В общем - весь отпуск провалялся в больнице и проклял этот рай. Вот тебе и два в одном. А на счёт будущего... Прошлое и будущее вообще разделяет лишь миг - Качай бросил задумчивый взгляд на далёкий горизонт, потом обернулся к Полу и, глядя ему в лицо, проговорил - Я тебе хочу кое-что показать...

Это был лесоповал. Далёкий, затерянный в прошлом, занесённый толстым слоем времени и пластами множества событий, произошедших с тех пор. Пол не сразу узнал то место и не сразу вспомнил те события. И он сам, молодой и здоровый, казался самому себе теперь чужим и не настоящим.

- Узнаешь? - спросил Качай, подходя спереди почти вплотную к молодому Полу, чего тот совершенно не замечал - Ты стоишь здесь, у костра, греешься, иногда бросаешь сучья в огонь. Так просто, от нечего делать, поскольку ты тогда уже не работал. В это же время, два зека, по кличке "Гиз" и "Рыбак" пилят старую, толстую сосну в пятнадцати метрах от тебя.

То ли они перенеслись в пространстве, то ли пространство закружилось возле них, но Пол и Качай вдруг оказались рядом с сосной, которую пилили.

Качай, какое-то время, молча наблюдал за работой людей, потом запрокинул голову и стал говорить вверх, словно обращался к верхушке сосны - "Они никогда не ошибались, рассчитывали всё точно: направление ветра, центр тяжести, угол наклона. Это дерево должно было свалиться в юго-восточном направлении. Но оно, почему-то, упало не так...".

Резкий и отрывистый треск, со скоростью молнии, прошёлся по всему стволу. Верхушка начала стремительно опускаться. Два зека, одновременно, чётким, отработанным движением вынули из расщелины пилу и отскочили в сторону. Дальше они с удивлением наблюдали, как дерево ложиться, несколько, в другом направлении.

Край верхушки стеганул по костру, с шумом подняв к верху беспокойный сноп моментально исчезающих искр.

Гиз и Рыбак, отбросив в сторону инструмент, подбежали к месту, где только что стоял ты. Рыбак полез в верхушку, стал задирать ветки. Вдруг он выпрямился и отпрыгнул назад.

- Пи.....ц - растерянно произнёс он, повернув голову к Гизу.

Качай и Пол молча смотрели на большую разлапистую кучу тёмно-зелёных, длинных, жёстких иголок, которые располагались на ветвях настолько плотно, что древесины, практически, не было видно. Даже не верилось, что вверху эта крона, когда она ещё совсем недавно представляла из себя живое дерево, напоминала всего лишь изрядно потрёпанный детский помпончик.

- Я не буду тебе показывать подробности, как острый сук проломил твой череп и вследствие небольшой амортизации дерева, превратил мозг в состояние жидкой каши - произнёс Качай - Я думаю, ты поверишь мне на слово. Я только скажу, что увидел эту картинку перед тем, как события должны были состояться. Я был уверен, что это твоё будущее. На твоей жизни я уже поставил крест. Но вдруг, всё произошло по-другому. Вот смотри...

Дальше действия стали происходить в обратном порядке: дерево, также как и падало, стало быстро подниматься, вспрыгнуло на пенёк и приняло вертикальное положение. Никто даже не обратил внимание, как одновременно с этим, комично пятясь задом, Гиз и Рыбак вернулись на прежнее место и склонились вниз, у комля.

Теперь Пол во всех подробностях вспомнил тот случай. Верхушка упала в двух метрах от него, что вызвало в нём всего-лишь небольшое удивление. Он повернулся, и, глядя на двух оболтусов, котрые замерли с открытыми ртами, громко, но беззлобно, спросил - "Вы что, совсем охренели?"

Сейчас снова всё в точности повторилось. Качай не мог понять причины, спрашивал об этом Пола, но тот её тоже не знал.

- Что-то случилось в самое последнее мгновение - говорил Качай - Может простое дуновение ветра, может как-то по-другому расположилась Земная ось, может вспышка на Солнце была иной. Не знаю. Я был удивлён, не понимал, начал искать причину, подробнее рассматривать эти две картинки, сравнивать их. Может ты что-то сказал, может подумал о чём-то таком? Не помнишь?

Пол отрицательно покачал головой.

- Тогда я стал пристальней изучать твои действия, секунду разбивать на мили, доли, и вот что я нашёл - после этих слов всё замерло. Особенно это было заметно по застывшим языкам пламени - Что ты сделаешь в следующий момент? - спрашивал Качай, заглядывая Полу в лицо - Не знаешь? Ну так смотри. Ты поднимаешь с земли ветку, чтобы бросить её в костёр - всё ожило ровно настолько, насколько это озвучил Качай - И вот теперь самое интересное - ты протягиваешь другую руку и что-то снимаешь с ветки - молодой Пол всё сделал согласно предсказанному и снова замер - Давай посмотрим, что ты там нашёл - предложил Качай и, взяв старшего Пола под руку, подвёл к его двойнику и ткнул указательным пальцем в его раскрытую ладонь. Там сидел муравей - Ты помнишь это?

Пол ответил неопределённо: сначала пожал плечами, потом слегка согласно кивнул головой.

- Ты спас муравья и за это тебе даровали жизнь - после этих слов Качай впал в задумчивость - Я не понимаю Бога - в той же задумчивости проговорил он - Каждый день в мире умирает миллионы людей. А здесь какой-то муравей... Ничтожное насекомое... Из-за этого менять планы?... Не понимаю... - затем он вздохнул, огляделся и добавил - Ну да ладно, проехали. В конце-концов, может это какое-нибудь другое измерение или параллельный мир. Ведь ту девушку я не обманул. Такая картинка здесь на самом деле существует. И перейти из одного измерения в другое можно всего лишь сделав шаг. Конечно, не везде, а лишь там, где эти миры соприкасаются, пересекаются или накладываются друг на друга. Деталей я не знаю. Ни я это придумал, и ни я это создал, и ни мне решать кому, куда и как переходить. Есть теория, что в местах пересечения параллельных миров или измерений частица обретает массу. Так называемый бозон Хиггса. Но как бы там ни было, а будущее я не предсказываю. Зачем мне это надо - позориться? Я придерживаюсь другого принципа. Как говорили древние - "Fartuna non penis - in manibus non recipere".

Пол, нахмутив брови, вопросительно посмотрел на Качая.

"Судьба не... эээ... хвост - в руки не возьмёшь" - перевёл тот.

Пол старший стал осматривать участок лесоповала. Теперь, спустя столько времени, он был ему совершенно не знаком. Пол младший смотрел на это совсем по-другому и думал по-другому и он, старший, не мог вспомнить тех мыслей.

- Мне много чего не понятно в вашей жизни - меж тем продолжал Качай - Например - понятие красоты в человеческом восприятии. Вот скажи Пол, это красиво?...

Они вдруг оказались где-то в заполярье: может даже на северном полюсе Земли. Была полярная ночь, в небе висело северное сияние. Глядя на этот мерцающий, зелёный свет, с вкраплениями фиолетового и жёлтого, Полу, почему-то, пришла в голову мысль о никчёмности человеческого бытия. По сравнению с безграничностью космоса, он даже не являлся атомам, а чем-то ещё меньшим. И вот в этой ничтожности, было заключено сознание, которое считало себя личностью...

Дальше философская мысль не пошла. Захваченный красотой светопредставления, Пол, никогда раньше не видевший ничего подобного, был поражён эффективностью явления.

- Это красиво? - спросил Качай.

- Да, это красиво - ответил ему Пол.

- А я всего лишь вижу частицы, которые называются солнечным ветром. Попадая в магнитное поле Земли, они люминесцируют в верхних слоях атмосферы, создавая такой вот зрелищный эффект. А так красиво?...

Полу вдруг показалось, что его зажали в тиски, сдавив со всех сторон чем-то острым, колючим, обжигающим. Казалось, тысячи невидимых игл пронзили его тело. Дышать стало невыносимо, потому что при вздохе в лёгкие проникало что-то острое, колючее и резало всё внутри.

- В общем-то, это какой-то процесс - продолжал Качай, задумчиво оглядываясь вокруг - Допустим, водяной насос создаёт давление воды в системе. Мы открываем кран, где-нибудь на седьмом этаже, набираем воду, или спускаем её в канализацию. Обычный процесс и никто не говорит, что это красиво или не красиво. Человек принимает пищу: откусывает бутерброд, жуёт, проглатывает. Или, допустим, человек читает инструкцию по пользованию посудомоечной машиной, или обычные новости в газете, или смотрит телевизор. Что тут превозносить, и чему тут восхищаться? Здесь, всё это светопредставление, тоже может быть частью какого-нибудь созидательного или информационного процесса. Обмен данными или воздействие на жизнедеятельность планеты. Мутация на генном уровне, к примеру, произошла от радиоактивного излучения, и запросто может быть каким-нибудь осознанным рабочим процессом, для достижения определённых целей. Как вариант - создание того же человека. Но для чего и зачем? Что есть человек по сравнению с галактикой? Тот же атом, а то и меньше. Но вполне возможно, что их объединяет разум. В природе ещё много неизвестного. Та же вездесущая, неуловимая тёмная материя, о которой люди почти ничего не знают, как, впрочем, и о человеческой душе. А вдруг это всё одно и то же? Ведь что такое душа? Это какая-то частица или определённые связи между частицами? Ведь, в сущности, тело человека представляет из себя обычную кучу мусора, состоящую из элементарных частиц. Но если собрать в кучу элементарные частицы - в тех же пропорциях, с тем же составом, это не значит, что получится человек. Как ты думаешь, Пол?

Пол в это время ни о чём не думал. Он стоял сгорбившись, обхватив руками живот и, как цапля, держал одну ногу на весу.

- Холодно... - просипел он.

- Да ну... - небрежно бросил Качай - Минус сорок семь градусов по Цельсию... Разве это холодно? Вот там - Качай указал пальцем вверх - абсолютный ноль. Вот это холодно.

- Падла, бля... - на последнем издыхании крикнул Пол приседая.

- Ладно, ладно... Иди, грейся. Там плюс сорок семь.

В это время обстановка изменилась, но Пол даже не обратил на неё внимание. По началу, он почувствовал, что мышцы расслабились, словно тело освободилось от непомерно тяжёлой ноши. И хотя кожу жгло, словно ошпаренную кипятком, дышать стало легче. Однако, в ту же минуту, он почувствовал резкий, неприятный до удушья, запах серы. И только это ощущение смрада заставило Пола осмотреться по сторонам.

Местность вокруг была мрачная: голые скалы, чёрного и тёмно-серого цвета, дымящиеся валуны, разных размеров, вещество, похожее на зыбучий песок, полосами оплывающее вниз и поднимающее облака пыли, при столкновении с теми же валунами. Глухой рокот, похожий на внутриутробный урчание, доносился снизу, и иногда сопровождался мелкой вибрацией поверхности земли. Высокая, конусообразная гора, у подножья которой они теперь находились, заканчивалась урезанным верхом, который венчал мерцающий ореол тёмно-красно-розового сияния.

- Это же вулкан - сказал Пол, задержав тревожный взгляд на верхушке - Он сейчас начнёт извергаться. Слышишь?

- А ты уже и боишься.

- Пирокластический поток, при извержении, движется со скоростью триста километров в час.

- Твою мать... - Качай криво усмехнулся - Слова то какие! Даже противно, до чего образованный... Ладно, так, надеюсь, будет лучше.

На этот раз они оказались в квартире Пола, прямо перед пылающим камином. Хозяин, выставив вперёд руки, опрометью бросился к нему, чуть не впрыгнув в огненную пасть.

Качай снова уселся в кресла и спустя минуту, глядя на пляшущие языки пламени, начал вслух рассуждать - "Красиво должно быть, когда дышишь чистым воздухом, когда сытый, когда не ощущаешь боли в теле, когда чувствуешь себя комфортно. А одежда, причёска, обстановка - это всё второстепенно. Но люди, почему-то, эту второстепенность ставят на передний план. Вот скажи мне, Пол, ты себя считаешь человеком красивым?"

- Мне плевать на красоту - грубо ответил Пол не оборачиваясь - Хищник должен быть сильным.

- Зачем?

- Чтобы добыть пропитание, чтобы отстоять своё.

- Или отобрать у слабого? - спросил Качай.

- Да - Пол повернулся к нему лицом и вызывающе посмотрел в глаза - И отобрать, если в этом есть необходимость. Иначе, зачем тогда сила?

- Чтобы помочь слабому, чтобы вершить справедливость.

- Вот когда брюхо полное, тогда можно говорить и о справедливости - жёстко отрезал Пол, отвернулся и снова выставил руки к огню.

А Качай тем временем, продолжал - "Как хищник ты, конечно, прав. Я тебе это уже говорил. Но как человек, который, стуча себя кулаком в грудь, кричит о гуманности и благородстве - полное противоречие. Хотя в человеческом обществе этому есть оправдание - власть. Чтобы добиться власти, надо быть сильным. Пол, тебе надо идти в политику. Хочешь быть президентом? Я помогу, я всем помогаю. У тебя для этого есть все задатки: сила и стремление. Ты же любишь власть?"

- У президента большая ответственность, надо во всём разбираться - не оборачиваясь, ответил Пол в пламенеющее жерло камина.

- Ну, ответственности не больше чем у тебя, и во всём разбираться не обязательно. Для этого из квалифицированных специалистов, комплектуется штат, который во всём разбирается. Любому президенту, чтобы добиться всенародной любви, достаточно обещать народу хорошую жизнь. Между прочим - обещать хорошую жизнь, верить в хорошую жизнь и хорошо жить, это разные вещи. Хорошо жить трудно, а верить обещаниям - легко и просто. Если не сказать, что даже приятно. Знаешь в чём феномен Лукашенко?

- Кто это? - спросил Пол, повернув голову и уперев подбородок себе в плечо.

- Как, ты не знаешь, кто это? - удивился Качай и, после короткого молчания, добавил - Ну, ты отсталый человек. Хотя... может это уже другое измерение? А Гитлера знаешь?

Пол резко повернулся и сел на пол, немного отодвинувшись от огня.

- Я не хочу быть политиком - глядя на Качая, твёрдо проговорил он - Чтобы стать тем же президентом, и уж тем более, чтобы что-то, кому-то обещать, надо обладать даром красноречья. А у меня его нет.

- Да, вижу... Вижу, что знаешь Гитлера. Это его высказывание. Если дословно... - Качай прищурил левый глаз, правый поднял кверху, несколько секунд вспоминал и наконец, процитировал - "Всякое великое движение на Земле, обязано своим ростом великим ораторам, а не великим писателям". "Майн Кампф" читал?

Пол причмокнул губами и отрицательно помотал головой.

- Ну, ладно. Давай я тогда тебя сделаю писателям, хотя этот поезд на сегодня переполненный. Но ничего, для тебя я найду место. Великим не обещаю, но хорошим - смогу. И ничего не буду требовать взамен. Безвозмездно и бескорыстно, так сказать - в знак доброй воли. Сейчас писать просто. Не стать писателям, а просто писать: сел за компьютер и жми пальцами на буквы. Это раньше талант пропадал лишь потому, что у людей элементарно не было пишущей машинки. Я люблю писателей - после этих слов Качай заметно оживился и, приподнявшись в кресле, наклонился вперёд - Я как-то Льву Толстому показывал будущее. Где-то ваше время. Ну,

решил, что это самый оптимальный вариант: не совсем далеко, но и с ощутимой разницей. Он восхищался буквально всем - архитектурой, транспортом, связью, коммуникациями. Когда дошли до оружия, сильно удивился. "Разве у вас ещё воюют? Зачем?" - спросил он.

Вся интеллигенция того времени и писатели особенно, очень желали, чтобы простой народ получил образование. Они думали, что их тогда будут читать. Я говорю - "Лёва, и не надейся. Как только народ получит образование - начнёт писать". Лев Николаевич не поверил.

А вот кино ему понравилось. С Бондарчуком свёл. Тот снимал "Войну и мир". По этому поводу они там даже пару вопросов "перетёрли". Так что - соглашайся.

- У меня нет таланта... - устало произнёс Пол, опираясь затылком о кафедру и отворачиваясь от собеседника - Да и к тому же, если честно, я безграмотно пишу.

- Ну, это не проблема. Грамотный писатель, я тебе скажу, довольно редкое явление. Если человек умеет рисовать, это не значит, что он художник. Если есть голос - не обязательно певец. И если ты умеешь писать, пусть даже и грамотно, это не значит, что ты уже писатель. Здесь талант больше не в умении писать, а в умении фантазировать. Ну и конечно, донести эту фантазию до читателя. Мне особенно нравятся философы, с любым уровнем образованности и грамотности, не смотря на то, что они, по жизни, почти поголовно нищета и пьянь. Кстати - в тему... Посмотри-ка вот на это...

После сказанного Качаем, кресло напротив Пола исчезло и на его месте появилась картинка из чьей то жизни. Скорее всего, это был школьный класс, но здесь проявились только учительница, сидящая за столом, и мальчишка лет десяти, стоящий рядом, с виновато опущенной головой. Перед преподавательницей лежала развёрнутая тетрадь, в которой она, резкими движениями руки, что-то зачёркивала.

- Ваня, у тебя со слухом, всё в порядке? - строго спрашивала женщина, не отрывая взгляда от тетради.

Мальчишка кивнул и ещё ниже опустил голову.

- Понимаешь, Ваня, стахановцем называют человека, который перевыполняет план. Я вам когда-то говорила, что был такой шахтёр, передовик производства, по фамилии Стаханов, который рекордно превысил суточную норму добычи угля. Его почин поддержали и, с тех пор, людей, которые ударно работают, называют стахановцами. А ты что написал? Стахановец? Это, несколько, не с той оперы. А Пургенев кто такой? Это твой родственник? Потом, ты пропускаешь буквы. Например - в слове "белят", ты пропустил "е". В слове "гребля" - "р"... Ой, Ваня, я боюсь читать твой диктант. А это что такое? Порно... порно... "порнокапытные". О, господи... У меня сейчас инфаркт будет...

Дальше наступила минутная пауза. За это время мальчик почесал рукой взъерошенную макушку, указательным пальцем этой же руки поковырялся в носу и поправил пионерский галстук. Учительница, всё это время бегала глазами по строкам. Вдруг она ткнула ручкой в тетрадь и спросила - "Ваня, кто тебя учил так писать букву "к"?"

- Это не "к" - сказал мальчик, глядя на место, куда указывал преподаватель.

- А что это за буква?

- "Х"

- Это буква "х"? - переспросила учительница, заглядывая в лицо ученику - В словах "улица Куйбышева" это буква "х"?

По-видимому, Ваня понял свою ошибку, потому что покраснел, как его галстук, снова опустил голову и медленно засунул указательный палец правой руки себе в левую ноздрю.

Учительница резким движением руки перечеркнула крестом страницу текста и захлопнула тетрадь.

- Ваня, уйди с глаз моих.

После ухода Вани исчезла и учительница, и весь интерьер. На их месте снова появилось кресло.

- Так вот - начал Качай - Ты не поверишь, но этот мальчик вырос и стал писателем. И, кстати, не плохим писателем. Если бы его учительница русского языка воскресла и узнала об этом, то тут же снова бы умерла.

Говорят талант - дар Божий... Всё верно. Бог в каждого человека вложил какие-то способности, какой-то талант. Но открываю его в человеке - я. Бог даёт, а я открываю. Могу открыть, могу не открывать. Могу закрыть, могу оставить. Не знаю почему, но у меня это получается. Я уже грешным делом начинаю подумывать - а не создан ли я именно для данного процесса. Ну и конечно, по принципу сделки, за это я от человека что-нибудь беру. Но для тебя я всё сделаю безвозмездно, потому как сам предлагаю. Ну, нравишься ты мне и всё. Тише...

Последнее слово явно не соответствовало теме разговора, и Пол внимательно посмотрел на Качая: тот стоял вытянувшись в струнку, напряжённо к чему-то прислушиваясь. Затем он резко повернулся и быстрым шагом направился к окну. Свободно пройдя сквозь материал плотно сдвинутых штор, отчего те даже ни шелохнулись, фигура человека растворилась в тёмно-синем бархате.

Пол долго смотрел на место, где исчез Качай, в надежде на его возвращение. Однако время шло, а того всё не было. "В конце концов - я же дома" - решил Пол, сел в кресло, свободно раскинув руки и ноги. Но тревожное чувство, что это всё же не настоящий его дом, не давало покоя. Наконец он не выдержал, поднялся и направился следом за Качаем.

Это был странный лес: страшный и мрачный. Повсюду росли высокие толстоствольные, в несколько человеческих обхватов, деревья, с грубой, шершавой корой. Их кривые и толстые ветки напоминали мускулистые конечности могучих гигантских чудовищ. Если где и могли обитать отрицательные сказочные персонажи или нечистая сила, то именно здесь.

Девушка, одетая в старинное широкое платье, с белым чепцом на голове, окаймлённым кружевной лентой, сидела на толстом корневище, изогнутым ступенькой у основания ствола дерева. Через плечо у неё была перекинута сумка, из грубо обработанной кожи с широкой лямкой. Рядом лежал небольшой продолговатый свёрток, из серой материи. Девушка слегка наклонилась над ним и, задумчиво глядя перед собой, медленно жевала сухую лепёшку, запивая водой из небольшого глиняного кувшинчика.

Качай расположился рядом с девушкой, с левой стороны. Он наклонился также как и она, опёрся локтями о свои колени и задумчиво разглядывал сложенные в замок, кисти рук.

- Скоро лес закончится, а там уже до города недалеко... Главное - до наступления темноты выйти из леса... Дальше, под уклон, идти будет совсем легко...

Он говорил отрывиста, делая большие паузы между фразами.

- Здесь плодородные земли... Люди живут не бедно... Много молодых парней и неженатых мужчин... Народ, в основном, мастеровой, нуждающиеся в пособничестве... На крестьянских подворьях, также требуются работники... Ты, девушка молодая, выносливая... У тебя крепкое, красивое тело, ты можешь рожать здоровых детей... У тебя сильные руки и ноги... Ты хороший работник, ты умеешь всё делать по хозяйству... Вот только ребёнок... Это обуза... Был бы парень... А девка...

В это время, где-то из глубины леса послышался протяжный волчий вой. Его подхватили ещё несколько таких же голосов, слились в один общий звук и, в конце, затихли почти одновременно.

Девушка приподняла голову и медленно прожёвывала откусанный кусок.

- Здесь много волков... Сейчас стемнеет и они, в поисках добычи, начнут рыскать по всему лесу... Люди ночью сюда не ходят, бояться... Стая издали учует человеческий дух и если настигнет... Спасти невозможно... Жертву растерзают, разорвут на части, не оставят даже следа... Никто ничего не узнает...

Вдруг девушка резко поднялась и Качай сделал то же самое, ещё ближе придвинувшись к ней.

- Иди... Повернись и иди... Не смотри по сторонам... Смотри только вперёд... Иди... Только не оборачивайся и не о чём не думай... - говорил он, находясь позади её и наклоняясь почти к самому уху.

Девушка положила остатки еды в сумку и решительно зашагала по тропинке.

Чуть позади следовал Качай, продолжая что-то шептать ей в затылок.

Пол посмотрел на оставленный свёрток и подумал - "Забыли что ли?". Он подошёл ближе и стал внимательнее рассматривать лежалую на земле вещь. Что-то продолговатое было завернуто в серую материю: один конец закутан наглухо и перевязан зелёной лентой, а другой, лишь прикрыт полоской холста. Пол склонился и через просвет заглянул внутрь свёртка.

Там находился ребёнок, которому, по всей видимости, было не больше года от роду.

Сначала Полу показалось, что это игрушка, кукла и он склонился ещё ниже, чтобы получше рассмотреть. Маленькое личико, маленький носик, с круглыми дырочками ноздрей, чуть припухшая верхняя губа, в форме сердечка, закрытые глазки... Это была не кукла.

Пол наклонился ещё ниже - живой ли ребёнок? В это время тот резко открыл глаза.

Пронзительный детский писк резанул слух и повторился эхом где-то в верхушках деревьев.

Девушка резко развернулась и метнулась назад так стремительно, что Качай не успел отскочить, и она прошла сквозь него. Громко шурша подолом платья, она подбежала к ребёнку, подняла его на руки, покрыла горячими поцелуями маленькое личико и прижала к груди.

Она уходила быстрым, уверенным шагом, как человек чётко и ясно видящий перед собой цель. По этой походке было понятно, что её уже никто не остановит.

Качай проводил её мрачным взглядом, как ловец ускользнувшую добычу, и повернулся к Полу.

- Ну, кто тебя просил? Какого чёрта ты лезешь не в своё дело?

- Но, ведь там - ребёнок... - растерянно оправдывался тот, не желая ещё верить в отвратительное, по своей сущности, предположение.

- А то я не знал - саркастически улыбнулся Качай, после чего в задумчивости опустил голову - Ребёнка он пожалел... Ты думаешь мне его не жалко? К твоему сведению - у меня вообще не было детства. Ни забыл, ни не помню, а не было, потому как дети вообще, а такие вот, в особенности, по своей сущности, безгрешны. А вот этот ребёнок, эта девочка, когда вырастет, станет матерью Адольфа Гитлера, со всеми вытекающими последствиями. Ребёнка, видите ли, ему жалко... А миллионы человеческих жизней не жалко.

- Но ведь... это в прошлом - робко возразил Пол.

- Это у вас в прошлом. А здесь, это в будущем. Не зря ведь параллельные миры и другие измерения не совпадают по времени. Не повторять же постоянно одни и те же ошибки. Где-то совершаются просчёты, в другом месте они не допускаются. Да что я тебе объясняю... Вали-ка ты лучше домой. Тем более, что тебя там ждут.

После этого, Качай выставил руку ладонью вперёд, из которой, как и раньше, свернула молния и ударила Пола в грудь. Тот почувствовал как невидимая, мощная волна оторвала его от земли и бросила в темноту.

Он очутился в своей квартире, в кресле перед камином. И только спустя какое-то время осознал, что боли в груди, как в прошлый раз, нет.

"Сон?"

Пол стал медленно осматриваться, словно таким образом искал ответ на вопрос. Свет в квартире включен, камин, мертвецы холодный и мрачный, как сопло давно потухшего вулкана, величественно зиял своим чёрным жерлом.

"Конечно сон" - пришёл к окончательному выводу Пол.

Вдруг, громкий мужской голос, похожий на мощный раскат грома, протяжно, с трубным завыванием, произнёс его имя.

Ферзь стоял в дверях и держал руку на выключателя.

- У тебя звонок не работает. Я жал на кнопку, мне никто не ответил. Я чисто случайно дёрнул ручку входной двери, и она открылась - оправдывался он.

Пол вскочил на ноги, сначала только повёл глазами из стороны в сторону, потом осмотрелся более внимательно.

- Да всё работает - наконец сказал он - Просто дверь надо сильнее прижать, кнопку сильнее нажать. Конечно, не лишним было бы всё отремонтировать, но руки не доходят.

- А ты что - один? - удивился гость.

- Ну, да... - ответил Пол и снова начал осматривать помещение. На этот раз он заглянул за кресла, стрельнул глазами под стол, с озабоченным видом, будто что-то искал, зашёл в спальню. По возвращению, бросил взгляд на люстру - все плафоны целы.

- Ну, да - снова произнёс он, на этот раз более уверенно - Больше никого здесь нет, я один.

- Но... - растерянно начал Ферзь - когда я вошёл, чётко слышал чужие голоса. Я ещё подумал - "Почему они сидят в темноте?" - и включил свет. А здесь, оказывается, кроме тебя - никого.

- Уснул я... - Пол покосился в сторону камина - Я часто дремлю в кресле. Скорее всего - просто бубнил спросонья.

Ферзь недоверчиво хмыкнул, подозрительно вглядываясь в лицо собеседника.

- Выпьешь? - спросил Пол, направляясь к буфету и, получив отрицательный ответ, с половины пути вернулся назад - Ты, наверно, по делу?

- Да - сказал Ферзь, немного подумав - Ты знаешь Турсуна?

- Конечно. Он на Голой площади, бывшей Площади Революции, держит казино. Мы же, когда-то, у него "бабки отмывали".

- Совершенно верно. Так вот - на днях, его "кинули".

Мужчины долго смотрели друг другу в глаза.

- Как это? - наконец спросил Пол.

- А вот так: пришли, выиграли крупную сумму денег, обналичили фишки и ушли. Всё легально, на законном основании, придаться не к чему. Кроме одного момента - за один раз, такую сумму, выиграть не реально, даже если тебе чертовски везёт.

- Подожди, ну а видеонаблюдение? А охрана?

- Понимаешь, там такая ситуация: охранник, лишь на мгновение оборачивается, и в это мгновение, мимо него проскакивает человек. И так на всех постах. Турсун у меня спрашивает. Он думает, это мы.

- Ну, что ты. У нас таких специалистов нет. Может "гастролёры"?

- Во-первых - не гастролёры, а гастролёр. Во-вторых - это была дама. Молодая, красивая девушка, в красном платье.

- В красном платье?!

Оживлённый интерес Пола к её одежде настолько бросался в глаза, что Ферзь не мог этого не заметить.

- Да - ответил он, несколько озадаченный такой реакцией - Самое интересное - её лицо ни разу не попало в камеру. Всё зафиксировали: волосы, грудь, ноги, даже один раз трусами мелькнула и это засняли. А вот лицо - нет. Ты что об этом думаешь?

Пол задумчиво смотрел в пустоту и как-то странно улыбался. Он не сразу среагировал на заданный вопрос.

- А? - спросил он, спустя какое-то время, недоумённо глядя на Ферзя и вдруг, словно спохватившись, добавил - А, нет... Ничего не знаю... Нет...

- Странно... - тихо произнёс Ферзь и потом повторил то же самое, но уже громче - Странно, говорю. Тут братва базарит, что тебя видели с ней. И вы, как бы, "перетирали" что-то между собой.

- Я??? - Пол, очевидно, переиграл, изображая удивление. От возбуждения, он даже привстал в кресле, но вскоре сам заметил этот перебор и, в следующее мгновение, успокоился - Кто говорит?

Когда меня видели? Ничего подобного никогда не было. Я с бабами никаких дел не веду, ты же знаешь.

- Да, я знаю, поэтому не поверил - сказал Ферзь, глубоко вздохнул и поднялся - Ты, всё-таки, почини дверь. Какой-нибудь зелёный домушник, по незнанию, обшмонает хату под ноль. Будешь потом пыхтеть.

- Да я всех домушников за версту на нюх определяю.

- Ага... Ты может и у Турсуна определишь на нюх?

На этот раз в голосе явно звучали злобные нотки.

Пол молча отвел взгляд и опустил голову.

- Ладно. Пойду я - уже вполне дружелюбно сказал Ферзь и повернулся.

Он сделал лишь пару шагов, потом, вдруг, резко остановился, посмотрел вниз, шаркнул ногой. Затем наклонился и что-то поднял с пола.

Хозяин собирался провожать гостя и в это время обходил кресло сзади. Его широкая и высокая спинка не давала возможности увидеть причину непонятных действий Ферзя. Но когда Пол зашёл спереди, то увидел, что тот держит и внимательно осматривает в вытянутых руках, наклоняя голову то влево, то вправо, женские трусы, которые оставила здесь Ирина Диголевская.

Дальнейшие действия Пола носили неосознанный, спонтанный характер: он рывком выхватил трусы из рук, долго разглядывал, растягивая резинку и быстрыми движениями поворачивая то передом, то задом. Затем, вдруг, поднёс их к носу и сделал глубокий, продолжительный вдох.

Трусы были настоящие.

Ферзь, в это время, смотрел на него вытаращив глаза и приоткрыв рот.

У Пола опустились плечи, спина ссутулилась, голова обречённо упала на грудь. Со стороны казалось, что он выдохнул из себя слишком много воздуха, от чего тело резко деформировалось, стало вялым и рыхлым.

- Значит... всё было... - вполголоса произнёс он растерянно глядя перед собой.

Оба мужчины стояли в оцепенении и не могли сказать, как долго продолжалась эта немая сцена. Наконец, хозяин стал первым приходить в себя: он снова посмотрел на смятый в руке предмет женского белья и перевёл взгляд на Ферзя. Его растерянно-удивлённый вид, казалось, окончательно привёл Пола в чувство - он выпрямился и, опустив глаза, стал оправдываться.

- Ну, а что?... Иногда... Почему бы и нет?... Что тут такого?...

- Да, да... Конечно... - также вполголоса проговорил Ферзь и быстро удалился.

А Пол, потом, ещё долго стоял посреди комнаты, уставившись отрешённым взглядом на дверь, не в состоянии сдвинуться с места. Его сознание зависло в собственных мыслях, состоящих, по большей части, из воспоминаний. Перед глазами, вплотную друг за другом, проплывали картинки видений, создавая в воображении своеобразный круг, который держал его в себе, не давая возможности пересечь эту условную границу.

На следующий день, с самого утра, Пол уже был в Сорочьей Роще и сразу же направился к кабинету Могура.

Он подошёл к двери и, поначалу, не заметил, что она немного приоткрыта. Вдруг, громкий, почти истерический женский крик - "Не знаю!" - донёсшийся из глубины кабинета, заставил Пола остановиться и замереть с приподнятой рукой.

- Мила, это не ответ. Прокурора он не убедит! - второй голос принадлежал врачу - Это серьёзное дело. Оно уже пахнет уголовной ответственностью, и ты к нему имеешь самое прямое отношение. Платье твоё?

- Да.

- Трусы твои?

- Нет!

- Ну, про туфли я уже не спрашиваю. Я их привёз из Румынии. Это эксклюзивная работа мастера Кичермана. Такой обуви по всему миру найдётся две-три пары. Так что здесь каких-то случайных совпадений быть не может.

- Трусы не мои...

- А дело и не в трусах. Дело в том, что пациентка, середь бела дня, вышла из палаты, незаметно проследовала мимо трёх постов и оказалась за территорией больницы. Как мне всем это объяснить? Ответ только один - она переоделась в твою одежду, каким-то образом открыла замок и ушла. Но тогда что она здесь делает? Тогда она не больна. Или ты ей помогла? Зачем?

- Я не знаю! Я ей не помогала!

Последние слова девушка прокричала сквозь слёзы.

- Представь себе - верю. Но вот заведующий отделением не поверит, не говоря уже о главном враче или следователе. И вообще - как это платье оказалось здесь? Зачем ты его сюда припёрла?

- Когда Оля Кисель отмечала юбилей, я его одевала. Ну, потом так и оставила в шкафчике. И туфли тоже.

- Зачем! - истошно прокричал Могур.

- На всякий случай...

- Какой случай?

- Такой случай: однажды Румянцева уронила пробирку с кровью себе на колени. Потом Кацплеснер донимал её своими шутками, мол, почему это у тебя месячные через колено идут? А в транспорте как ехать?

- Эта, твоя Румянцева, манда безрукая. Всё время что-то роняет. Спецодежду надо одевать, как положено по инструкции, а не халатик на плечи накидывать. И душ после смены принимать. Ты где платье хранила?

- В общем гардеробе на первом этаже.

- Шкафчик на замок закрывала?

- Конечно.

- Как же оно попало к Диголевской?

- Не знаю!

- Чертовщина какая-то... Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Замки везде целы, двери не взломаны, сигнализация исправна. Ничего не понимаю. Оля Кисель, это наша лаборантка что ли?

- Да.

- И тебя в этом платье видели?

- Конечно. Все сказали, что оно мне очень идёт.

- О, господи! Так, нам надо выдумать правдоподобную версию, иначе будем в большой жопе. Допустим, больную мы тайно вывезли в город, что бы проследить её реакцию на изменившуюся обстановку. Потом она от нас каким-то образом сбежала. За это получим по шапке, но сохраним голову. Когда там у нас вчера было совещание?

Внезапно дверь, издав громкий хлопок, резка закрылась перед носом у Пола. От неожиданности он даже содрогнулся. Вдруг ему в голову пришла мысль, что делать-то ему здесь, собственно говоря, больше нечего. Он уже всё узнал.

Повернувшись, он не спеша направился к выходу.

Следуя по длинному коридору, Пол заметил, что впереди одна из дверей открылась и из неё вышла пожилая, полноватая женщина, в белом халате, с ведром в одной руке и шваброй в другой. Она шла, заметно прихрамывая на правую ногу и для опоры, как посох, использовала рукоятку швабры. Когда они поравнялись, Пол вдруг схватил её за локоть и резко повернул к себе.

- Рая Павлюченко? - спросил он.

- Ну... - ответила та, недоумённо и недовольно кося глазами в лицо незнакомому мужчине.

Он наклонился к ней и, глядя в висок, стал злобно выговаривать слова, которые, как и сами действия, появились спонтанно, неожиданно - "Если ты ещё когда-нибудь будешь бить пациентов, то следующий раз, ударишься о сухожар не ногой, а головой. Понятно?"

- Что?! Я?! - женщина попыталась изобразить возмущение и непонимание.

Пол грозно нахмурил брови и до скрипа в зубах сжал челюсть, от чего произнесённое слово было похоже на глухой утробный вой - "Понятно?". При этом он со всей силы сдавил пальцами её локоть.

- Да... - побледнев, коротко ответила женщина и отшатнулась.

После этого он отпустил её руку и они быстро, без оглядки, пошли по коридору каждый в своём направлении.

Через несколько шагов Пол уже забыл об этой встрече. Его сознания переполняли совсем другие мысли. С ними надо было разбираться. Для начала рассортировать, разложить по полочкам. В первую очередь определить, где иллюзия, а где реальность. То, что девушка сбежала из больницы - факт уже неопровержимый. То, что она была у него дома - сомнительно. Ну а появление Качая - явно плод больной фантазии. Границу, наверно, следовало провести на моменте, когда Пол оставил Ирину на улице.

- Эйнштейн был не прав!

Пола вывел из задумчивости этот голос, прозвучавший со стороны. Его источник находился на противоположном краю скамейки. Там сидел не молодой мужчина в синем халате, застёгнутым на все пуговицы.

Пол, огляделся и не без удивления обнаружил, что тоже сидит на той же скамейке. Это, оказывается, была дворовая территория лечебницы.

То, что он где-то перепутал двери и вышел не туда - его не удивляло. А вот то, что он не помнил данного момента, вызывало, по меньшей мере, недоумение. Хотя, в последнее время, он довольно часто замечал за собой какие-то признаки рассеянность.

- Если массивные тела погибают материю пространство-времени, то орбиты планет в Солнечной системе должны находиться на разных уровнях, а Солнечная система иметь форму лейки, или конуса. И формы галактик тоже должны быть такими. И если материя прогибается, то в какую сторону? Да, понятия "плоскость" хорошо увязывается с расширяющейся Вселенной, но противоречит столкновению галактик. И почему из однородной Вселенной получилась неоднородная, и теперь существуют обе, как матрёшки, одна в одной? Как из симметрии, без вмешательства извне, может образоваться асимметрия? Всё это сомнительно и непонятно. В сущности, из этого сомнительного и непонятного состоит вся наша жизнь.

Мужчина сидел, держа спину ровно, голову прямо и неподвижным взглядом, через большие стёкла очков, в дешёвой пластмассовой оправе, смотрел на гладиолусы, росшие на клумбе, в двух шагах от них. Казалось, что он и разговаривал с цветами.

- По всем моим расчётам, этой реальности не должно быть вовсе. Верно?

Пол решил, что последний вопрос относиться к нему и, поскольку ответа не знал, молча пожал плечами.

По-видимому, собеседник принял его телодвижение за какой-то одобрительный знак, потому что подсел вплотную, так что их плечи тесно соприкасались.

- А Большой Взрыв? Вы представляете Большой Взрыв? После взрыва, что бы там ни было, разлетается в разные стороны, а в центре остаётся пустота. Значит внутри нашей Вселенной пустота?

На этот раз Пол молчал и не шевелился. Ему казалось, стоит ему только моргнуть, как этот странный субъект взгромоздится ему на колени.

- Почему Вселенная расширяется с ускорением? Ведь образование материи, звёзд, галактик, планет, это следствие затухания первичной энергии. Значит, она должна замедляться, а не

ускоряться. И если происходит обратное, значит что-то придаёт ей это ускорение? Говорят тёмная энергия... Хорошо. Но откуда она берётся?

Вдруг мужчина резко повернул голову к Полу и их глаза встретились. По хаотичному движению зрачков было понятно, что тот теперь видит не того кто сидит перед ним, а что-то своё. И разговаривает с кем-то или чем-то своим.

- Я считаю, что развитие Вселенной аналогично зарождению и развитию жизни на Земле - на этот раз мужчина говорил, понизив голос почти до шёпота - То, что заставляет жизнь на этой планете развиваться, то же заставляет и расширяться Вселенную. И причина этому - постоянное поступление энергии. Энергия никуда не исчезает, она концентрируется, накапливается, трансформируется. Взрыв, на самом деле не взрыв, а первичный поток этой энергии, ворвавшийся в нашу Вселенную через точку сингулярности. Вследствие трансформации этой энергии произошли аннигиляция, обретение массы, гравитация, все электромагнитные взаимодействия и так далее. И то, с чего когда-то всё началось, никуда не исчезло. Простейшие формы жизни и материи существуют и поныне. Фотоны, протоны, кварки, бозоны... Все они здесь. Здесь же прошлое настоящее и будущее. Всё здесь, в этом шаре под названием Вселенная. Ничто не исчезает, никто не умирает. Просто всё перемещается во времени. Время, между прочим, это и есть Бог. Только об этом никто не знает. Оно разумно и оно было всегда: до Взрыва, в момент Взрыва и после Взрыва. Оно же его и породило. И всё остальное в том числе.

Мужчина вдруг замолчал, потом снова стал смотреть на гладиолусы и говорить спокойно и ровно.

- Жизнь, по сути, есть перемещение вещества в пространстве: мы едим, испражняемся, рождаемся, умираем. Но от нас ничего не зависит. На уровне микромира вся наша жизнь это повторение какого-то процесса. Это следует из теории квантовой запутанности, когда частица, вне зависимости от местоположения и расстояния, в точности повторяет движения своей пары. Во Вселенной существуют множества таких миров как наш. Причём неизвестно, где процессы первичны, а где скопированы. Мы здесь считаем себя великими и мудрыми, можно сказать центром Вселенной, из всех сил стараемся показать свою индивидуальность, но на самом деле это не мы, это кто-то другой. Хотя может быть и наоборот - наша индивидуальность, кроме нас, больше никому не нужна. Да и нам, по сути, она тоже не нужна. Это какой-то побочный эффект жизнедеятельности человеческих особей. От нас, скорее всего, требуется определённый ход, движение, поступок, а всё остальное - всего лишь подготовка к этому процессу. Может наши процессы и первичны, но они, где-то там, проходят определённый отбор, по определённым критериям и управляются кем-то оттуда. Мы, люди, не можем этим управлять, потому что наши поступки противоречат всем жизненным законам, кроме, разве что, питания и размножения. Всё в том мире, который там. Мы понимаем только то, что надо им. И живём так, как надо им. И будущее у нас такое, какое захотят они.

Женщина в белом халате появилась возле них тихо и незаметно.

- Вовочка, пора обедать - сказала она.

Эта фраза прозвучала так же, как в детском садике воспитательница обращалась к детям.

Вовочка вскочил на ноги, повернулся к Полу лицом и, глядя вдаль, поднял вверх указательный палец.

- Обед! - торжественно сказал он - Я должен получить энергию накопленную растениями и животными, чтобы трансформировать её в мысль, которая вольётся в общую космическую энергию разума.

- Да, да... Конечно... - на полном серьёзе проговорил женщина - Идите скорее. Разум ждёт вас.

Быстрым шагом Вовочка удалился в сторону главного корпуса.

Проводя его взглядом, Пол и женщина одновременно повернули головы и посмотрели друг на друга.

- Если хотите, минут через сорок, я к вам доставлю его обратно - сказала она.

- Нет, не надо... Я его не знаю - быстро проговорил Пол и даже выставил вперёд ладонь.

- А... Вы пришли не к нему? Вы не его родственник? - удивилась женщина и, не дождавшись ответа, уверено произнесла - Тогда он вам надоел.

На выходе Пол подумал - "Ну вот, психи меня уже принимают за своего".

Ещё в дороге, когда ехал домой, на его мощной волной накатило чувство усталости. Это и не удивительно, ведь прошлую ночь он практически не спал.

Где-то в глубине сознания, далеко и расплывчато маячил вопрос - "Что делать?". Но усталость, как заледеневший туман, сковывала способность что-либо соображать. Он зашёл в квартиру и, не раздеваясь, упал на диван.

Почти сутки сна прошли одним мгновением. Усталость исчезла, унеся с собой все тревоги, оставив лишь пресные воспоминания. Пол помнил прошедшие события до мельчайших подробностей, однако теперь они перестали его волновать и от этого, даже если и были реальностью, стали похожи на обычный, пусть и кошмарный, сон.

Пол долго искал, но так и не смог найти интимную вещь оставленную Ириной и это ещё больше оттолкнуло его от правдоподобности произошедших событий. Он позвонил Ферзю и спросил - "Ты у меня был вчера?". Тот очень долго молчал, Полу даже показалось, что оборвалась связь.

- Нет - наконец произнёс он и бросил трубку.

Где-то в глубине души Пол чувствовал обман, но охотно принял его, и поверил в его. Вчерашний вопрос - "Что делать?" - как-то сам собой потерял актуальность и остроту.

- А ничего! Буду жить как жил. Ведь, в сущности, весь вопрос в том, куда я раньше попаду - в ад, или в дурдом? - решил он.

Однако жить как жил, уже не получалось. Первое время, действительно, всё шло привычно и накатано. Но постепенно, то ли случайные обстоятельства стали возвращать его к воспоминаниям, то ли воспоминания подстраиваться под эти обстоятельства.

Как-то Пол шёл по рынку и заметил небольшое скопление людей. Он бы не обратил на это внимание, если бы из толпы не доносился детский плач. Причиной тому являлся потерявшийся ребёнок.

Мальчику было годика четыре, он стоял в центре толпы и плакал навзрыд. Крупные слёзы катились по розовым щёчкам и падали на светло-серую курточку, оставляя на груди тёмные пятнышки.

Небольшая кучка продавцов близлежащих торговых точек, окружила мальчика. Среди них возник спор - кому отвести ребёнка в здание администрации, что бы там, по радио объявили о его местонахождении. Всё были заняты, у всех были дела, и никто не хотел оставлять рабочее место. Когда Пол вызвался отвести малыша, присутствующие одобрительно посмотрели на него и даже облегчённо вздохнули.

Пол ни разу в жизни не брал на руки детей. Тем не менее, этого ребёнка он поднял осторожно и аккуратно, можно даже сказать нежно. Посадил на руку, придерживая ладонью маленькую детскую спинку и слегка прижимая к себе его тельце. Мальчик тоже обнял его за шею и перестал плакать.

- Сейчас, сейчас мы пойдём искать твою маму. Ты не бойся, мы найдём её. Всё будет хорошо... - говорил Пол, не спеша шагая между торговых рядов. Странное дело - он никогда в жизни никого не успокаивал и не говорил ничего подобного. Теперь, повинаясь внезапно появившемуся родительскому инстинкту, который, невзирая на не востребованность, всё-таки сохранился в его душе, произносил эти слова с монотонным воркованием.

Мать ребёнка он вычислил издали: молодая девушка стояла между торговых рядов и, как бы дёргалась всем телом то в одну, то в другую сторону, намереваясь куда-то бежать, но не могла решить куда.

Мальчик, держа в ручонке пластмассовую машинку, молча указал на неё игрушкой.

Девушка стояла к ним спиной, но видно почувствовала на себе взгляд и резко обернулась. Вскрикнув и заплавав от радости, она бросилась им на встречу.

Пол присел, с намерением поставить ребёнка на землю. В это время девушка оказалась рядом и, обняв обоих, стала целовать в щёку то сына, его. И Пол не мог отстраниться и воспротивиться, потому что держал ещё в руках ребёнка и боялся уронить.

Мамаша никак не могла отойти от шока. Она прижимала к себе сына, гладила его по спине и, закрыв глаза, тихо скулила, как голодный щенок.

Пол не ждал наград и благодарностей. Даже наоборот - он уходил от них. Но уходил с чувством, никогда до этого не испытанным - радость, которая, почему-то, комом стояла в горле. Он почувствовал лёгкий холодок на щеке и, дотронувшись рукой, сначала не мог понять - почему она влажная? "Слёзы? - подумал Пол - Неужели это слёзы? Я плачу? Такого не может быть... Это что-то попала мне в глаз. Или мамаша облизывала своими поцелуями... Ну да, конечно же, эта мамаша".

И вдруг вопрос - "А зачем я это сделал?" - заставил его резко остановиться. "Действительно - думал он, застыв в раздумье - ребёнку, ведь, ничего не угрожало. В выходные дни, когда на рынке наплыв посетителей, дети теряются по несколько раз на день. И ничего, всех находят. Этого тоже кто-нибудь отвёл бы в административный корпус и всё закончилось бы благополучно. Так зачем я это сделал?".

- Жалостливый стал... - произнёс он вслух и, глубоко вздохнув, добавил - Это плохо.

Ответ на свой вопрос он получил спустя несколько дней, когда из чистого любопытства заглянул в магазин, где Ирина покупала нижнее бельё. Он прошёлся по залу, обращая внимание на стены и потолок, и отметил про себя - в секции женской обуви, камера видеонаблюдения замена. Охранник тоже был другой, а за столом администратора теперь сидела девушка. Когда Пол проходил мимо них, услышал отрывок разговора - "До сих пор ничего не может сказать. Язык весь искусан, распух. Врач говорит, какой-то странный вид невроза..." Пол догадался о ком речь, но посчитал неприличным останавливаться и подслушивать. И уж тем более спрашивать - было ли у них на прошлой неделе нашествие свиней? Он вышел на улицу и остановился на том месте, где Ирине стало плохо.

"Вот здесь из неё вышел, или был изгнан, бес, потому что это не его территория. Потому что человек - территория Бога. Но вернулся ли в неё Бог? - и вдруг, где-то в глубине сознания, он явственно услышал голос Ирины - "Бросить в большом городе душевнобольного человека, это тоже самое, что бросить ребёнка".

- Так вот в чём дело! - неожиданное предположение осенило Пола - У меня ребёнок ассоциируется с Ириной. Здесь я её бросил... Трусливо и подло сбежал. Теперь во мне сидит это чувство вины, которое, как кровоточащая язва, напоминает о себе. А ведь и надо-то было, всего ничего - вызвать скорую, помочь подняться, посадить в машину. Но почему же я сбежал? Что заставило меня струсить? При угрозе жизни, у человека возникает страх. Но разве на тот момент, моей жизни что-то угрожало? Никогда, ни от кого я так подло не бегал, никогда никого не боялся. Может быть, я посчитал, что таким образом избавлюсь от дьявола? А может всё это именно им, дьяволом, и было подстроено? Зачем? Чтобы обнажить мои порочные качества и тем самым сломить мою волю. Чтобы завладеть моей душой, что бы иметь на её право. Он врал, когда говорил, что ему не нужны человеческие души. На самом деле - только они ему и нужны. Просто он ждал подходящего момента. Если это так, то он, на какое-то время, добился своего. Но больше ничего подобного не случится. Мою душу он так просто не получит и манипулировать мной не будет...

"Так твоя душа давно уже у него".

Фраза, неожиданно появившаяся в сознании, сразу же превратилась в видение, и приобрела образ огромного, страшного монстра, внезапно выскочившего из темноты, чёрного как ночь, с горящими красными зрачками и звериным оскалом.

- Нет! - твёрдо проговорил Пол, глядя в сверкающие злобой глаза чудовища - Сделки не было!

- Сделка была... - прошипел монстр зловещим шёпотом - Он давно заманил тебя в свои сети, выпустил яд в твою душу и теперь правит ей, направляя твою руку на кровавые деяния.

- Сделки не было! Я никогда, ни у кого, ничего не просил и согласие ни на что не давал! А за все свои поступки, я готов отвечать перед кем угодно и как угодно! - чеканя каждое слово, проговорил Пол и пришёл в себя.

Он, вдруг, осознал, что уже подозрительно долго стоит на одном месте и смотрит в одну точку. К тому же, как выяснилось, и разговаривает сам с собой.

Говорят, время лечит... Может оно действительно так, если рану не "ковырять".

Как-то из-под скамейки, стоящей у подъезда, Полу прямо под ноги выкатился маленький пушистый котёнок. То ли от холода, то ли от голода, а может от того и другого, он постоянно пищал.

Пол даже не остановился, он всего лишь чуть сбавил шаг, проходя мимо. "Странно, откуда? - подумал он - Кошек здесь я никогда не видел. Наверно кто-то подбросил". От этой мысли в сознании сразу же выстроилась цепочка: котёнок - ребёнок - Ирина.

- И я, подлый трус... - прошептал Пол.

Это мяуканье разбудило его среди ночи. Живое существо отчаянно взывало о помощи. По-видимому, у кого-то не поднялась рука убить, и этот кто-то бросил животное на произвол судьбы. Отчасти может быть и гуманно, но дети, без родителей, редко выживают в естественных условиях.

- Неужели никому не жалко? - вслух сказал Пол, встал, оделся и вышел на улицу.

Он облазил весь сиреневый куст, откуда, вероятнее всего, прошлый раз и появился котёнок, звал, светил телефоном, прислушивался. Вокруг стояла полная тишина. Нигде ни звука, всё спало, что было даже как-то не естественно для этой тёплой летней ночи.

"Он затаился, он ко мне не подойдет. Ну и правильно. Инстинкт самосохранения. Я же не его мать. Я для него хищник" - подумал Пол и выпрямился. Вдруг, от увиденного, у него перехватило дыхание - окно его спальни, и форточка в том числе, были плотно закрыты. Обычно, форточку он всегда держал нараспашку, даже зимой, и теперь, никак не мог вспомнить - когда и зачем её закрыл. Рамы в окне, хотя оно и старое, прилегали плотно, так что звук мотора без глушителя еле-еле проникло в помещение, не говоря уже о каком-то там мяуканье.

"Я схожу с ума..." - решил Пол, направляясь обратно в дом.

Когда он снова разделся и лёг, явилась другая мысль, за которую он сразу же ухватился - "Мне приснилось это мяуканье". Она тоже была правдоподобной, к тому же более приемлемой, хотя и не исключала первую.

На следующий день он купил кусок колбасы. Обычной варёной колбасы, при чём, не дешёвой. Когда стемнело, мелко нарезал и горкой положил за скамейкой.

- А я и не знал, что я добрый... - подумал он, глядя на угощение.

На этот раз он спал уже точно с открытой форточкой. Но то ли сны ему не снились, то ли колбаса пришлась котам по вкусу, которой, кстати, утром не оказалось, но сон был крепкой.

Какой-то период времени его захватила работа. Или, может быть, он ухватился за работу. Но как бы там ни было, его "рана" стала затягиваться.

Тот день не предвещал ничего плохого. Посетив свои торговые точки, Пол шёл к автомобильной стоянке. Вдруг в стороне услышал голос Мишмана, который на кого-то кричал. Свернув в сторону, пройдя через торговый ряд, Пол увидел своего знакомого стоящего на свободной площадке у железных ворот. Он кричал, что все обнаглели, что ему всё надоело, что он вызовет ментов и пусть они разбираются. На его угрозы никто не реагировал и от этого создавалось впечатление, что Мишман ругается сам с собой.

- Проблемы? - спросил Пол подойдя.

- Да вот постоянно говорю, чтобы не ставили здесь машины, что это пожарный проезд. За это мне штраф выпишут. Знак висит, написано по-русски. Не понимают. Мне что - каждый день приходить и гонять их? Я, следующий раз, вызываю эвакуатор и всех на штрафстоянку нахер. С ними по-хорошему, а они наглеют - вдруг Мишман резко сменил тему - Слушай, у меня к тебе дело: в следующем году дочке исполняется восемнадцать...

- Как восемнадцать? Уже восемнадцать? - удивился Пол - Я думал ей шестнадцать.

- Шестнадцать было в прошлом году. Ну, ты же её видел, здоровая кобыла, грудь - как вымя у коровы. Так вот, в следующем году я хочу отдать её в автошколу. Но там ещё те проходимцы. Им нужны деньги, поэтому они гоняются за количеством, а на качество обучения им плевать. Им бы только вытолкнуть человека за рамки конторы, а дальнейшая его судьба, похер. Так вот - я хочу тебя попросить, чтобы ты поехал с Исой. В спокойной обстановке - показал, обучит, наставил. Она же в этом деле чистый "чайник", абсолютный ноль.

- Я? - удивился Пол - Почему я?

- Потому что ты водишь хорошо: спокойно, аккуратно, даже не ругаешься за рулём. Ты сможешь нормально объяснить, хотя бы, основные моменты. Не то, что эти инструктора, у которых каждое второе слово - мат. Я их понимаю. Я сам мог бы её обучать, но у меня не хватит нервов. Не хочу, чтобы она от меня услышала много новых слов. Всё же, родная дочь, жалко. Да и возу я хуже тебя. У тебя в талоне отметки о нарушениях есть? А у меня их три. И всё за превышение скорости. А это от нервов. Так что, когда появиться свободное время - дай знать. Не торопись, время терпит. Я, потом, в долгу не останусь.

После состоявшегося разговора у Пола весь день бешено колотилось сердце. Сразу же вспомнились слова Ирины - "Поднялось давление, участился пульс... Это любовь..."

Любовь Пол представлял несколько иначе. Он знал, правда, только в теории, что это сильное, волнительное чувство, сладостное, притягательное и желанное. Ему испытать ничего подобного не пришлось, потому, как всю жизнь держался от женщин на расстоянии. В школе, кажется в восьмом классе, писал записки на уроках Зое Богдановой. Не любовные, а обычный местный трёп. Им можно было встретиться на перемене и обсудить всё то о чём они писали. Но, почему-то обоим доставляло удовольствие именно на уроках сочинять записками. Может за этим и были скрыты чувства, может они и были заметны со стороны, потому как однажды кто-то из одноклассников, в разговоре произнёс - "Твоя Зоя". Но Пол этого не осознавал.

Потом Зоя с родителями переехали в другой город, и они переписывались уже по-настоящему, через почту. Тот же обычный трёп, только объёмнее: Зою интересовала жизнь класса, школы, городские новости. Её письма, в основном, состояли из вопросов, а его - из ответов. Сестра Пола, как-то протягивая ему письмо, игриво сказала - "От девушки".

- Откуда ты знаешь? - спросил Пол.

Ответ сестры был странным: она понюхала конверт и сказала - "Блондинка". А Зоя, действительно, была блондинка.

Перед экзаменами, в десятом классе, переписка резко оборвалась. Оно и понятно: хватало других забот. Но потом она так и не возобновилась. Вот и вся любовь.

Теперь же всё обстояло несколько иначе. Уже изначально в сознании Пола сидел страх перед их будущей встречей, причины которого были не определены. Он пытался трезво рассуждать, спокойно представить ситуацию, намереваясь понять, что конкретно его пугает. Ответ был только один - близость. Но предстоящая близость могла и не состояться. С чего он взял, что Иса будет добиваться её? В крайнем случае, можно было придумать множество причин, чтобы обойти не желательные моменты. "Держись за руль и смотри вперёд", или - "Что ты себе позволяешь, я ж тебе в отцы гожусь"... Но он боялся, что при её присутствии, его "переклинит" и он начисто позабудет все заготовленные отговорки. Она парализует его своими чарами, как змея ядом и проглотит с потрохами. Как тогда, в ресторане - нагло стала "лапать" за грудь, а он молчал и не шевелился. И не важно, что в этом деле он ничего не знает, и ничего не умеет. Ей это будет только на руку. Уж

лучше прямо и сразу отказаться от обучения, потому как Пол никому не давал никаких обещаний. Но вдруг он пришёл к страшному, для себя, заключению - его самого, оказывается, тянуло, влекло к этой девушке. Пусть где-то глубоко, на самом дне подсознания захоронилось это желание, но оно было. И пересилить себя, отказаться, являлось ещё более опасным шагом, потому что в таком случае, свой поступок, он сам же назовёт трусостью. "Лучше потерпеть поражение в бою, чем сбежать от одного вида противника" - решил он.

А ночью ему приснился сон, которого, в общем-то, в его положении, следовало ожидать. Он даже, в общих чертах, предвидел сюжет.

Ему приснилось, что он стоит на самом краю пропасти, спиной к обрыву, а перед ним, на расстоянии где-то пяти метров - Иса. На ней лёгкое вечернее платье, в котором она была в ресторане, на голову накинута синяя полупрозрачная шаль. Вдруг, вся эта одежда легко и беззвучно скользит по её телу вниз, словно оборвалась тоненькая невидимая нить, на которой она держалась и девушка предстаёт голой. Медленно, шаг за шагом, она приближается к нему, с хитрой улыбкой и лукаво прищуренным взглядом. А Пол стоит, мелко дрожа от напряжения, потому что деваться некуда. И вот когда её набухшие соски, касаются его груди, и он чувствует это лёгкое прикосновение, Иса превращается в Ирину.

Она даже его не толкает. Он сам пятится назад, срывается, падает в пропасть, и просыпается в холодном поту, с паническим, до отчаяния, чувством страха.

"Мне надо увидеть Ирину".

Это была первая мысль после пробуждения и, прямо с утра, он начал собираться в Сорочью Рощу.

У него не было конкретной цели, он не знал, чего хочет от встречи, но какое-то внутреннее чутьё твердило, требовало - надо увидеть. Надо увидеть, в каком бы та состоянии не была.

- Так её нету. Забрали - ответил врач.

- Она выздоровела? - не скрывая радости, спросил Пол.

Могур заметно стушевался, опустил голову, что-то невнятное пробубнил себе под нос.

- Ну, не совсем выздоровела, точнее - даже совсем не выздоровела, но... но мы провели полный курс лечения... Больше мы ничего не можем сделать и не имеем право держать.

- А кто её забрал?

- Родители. Забрали к себе домой.

- Да, конечно...

Пол потупил взгляд. Он как-то выпустил из виду, что у неё могут быть родители.

За девушкой был надлежащий уход, она была окружена родительской заботой и Пола, на какое-то время, перестало беспокоить угрызение совести по поводу своего поступка. Он начал обдумывать просьбу Мишмана и здесь открылся любопытный факт: как только он, в воображении, представлял облик Исы, он сразу же превращалась в облик Ирины. При чём - обе являлись ему голые. Казалось, у него в сознании конкурируют между собой две соперницы за право обладания его воображением. И Ирина здесь побеждала.

Тяжёлые сны стали сниться, когда Пол уже не думал даже о Исе. Как-то ему приснилось, что он идёт по улице и видит на противоположной стороне Ирину. Та сидела прямо на асфальте, подогнув ногу под себя и прислонившись спиной к кирпичной стене. Безумный взгляд устремлён в пустоту, рот полуоткрыт. Всё в точности, как тогда, когда Пол её бросил. Однако во сне, как только он поравнялся с ней, девушка повернула голову в его сторону, протянула руку и произнесла - "Помоги мне...". И Пол охотно бы это сделал, но, оказывается, он не владел своим телом. Его ноги подчинялись другому сознанию и уносили мимо девушки, прочь от неё. Пол изо всех сил противился этому. Казалось, он невидимыми руками цеплялся за невидимые предметы, а внутреннее напряжение становилось настолько сильным, что перехватывало дыхание.

Он проснулся в поту, мёртвой хваткой вцепившись руками в одеяло. И даже проснувшись, его тело не сразу подчинилось сознанию: он долго не мог разжать пальцы, лишь иступлённо глядел на дрожащие от напряжения кулаки.

Причиной второго сна, возможно, явилась духота. Душно было на улице и душно было в спальне. Он, скорее всего, уснул, мокрый от пота и, как следствие, ему приснился проливной дождь. В этом сне Пол оказался у пруда, того самого пруда, который привиделся ему во время воображаемого путешествия в ад, когда он, самовольно оставив Качая, пошёл на зов - "Ира". Теперь уже он сидел на том камне, на котором тогда сидела девочка. Сплошной стеной лил дождь, и поверхность водоёма как будто кипела.

Тело утопленника, лежало посреди пруда, лицом кверху. Тяжёлые капли дождя глухо стучали по коже щёк, вдребезги разбивались о лоб. Светло-русые волосы бесформенным пятном расплылись вокруг головы, а посиневшее лицо, с распухшими губами, напоминала торчащую из воды маску.

Что это Ирина, Пол определил каким-то внутренним чутьём, хотя её облик изменился до неузнаваемости. Вдруг она приподняла голову и, обратив к нему ослепительно белые, словно светящиеся изнутри, глаза, у которых, казалось, зрачки и радужная оболочка смылись водой, и еле шевеля толстыми, посиневшими губами, но, тем не менее, вполне внятно, проговорила - "Помоги мне...".

- Помоги ей! - громовым раскатам обрушилась откуда-то сверху и Пол, обернувшись и подняв голову, увидел над собой огромный, жёлтый диск луны, с чёрной тенью Качая в центре. Тот наставил на него пистолет и громко, так что под Полом слегка завибрировал валун, повторил - "Помоги ей!".

Пол встал с камня, подошёл к берегу, сделал шаг в воду. Несмотря на то, что при движении ноги вязли в иле, а вода по телу поднималась всё выше и идти становилось тяжелее, он продолжал приближаться к утопленнице. Когда до неё оставалось совсем близко, чуть больше вытянутой руки, ноги резко потянуло вниз, и волны сомкнулись над головой.

Пол понимал, что это сон, изо всех сил старался проснуться, но не получалось. И тогда, сделав ставку на то, что это всё-таки сон, до предела измучанный потребностью в воздухе, он решился на вдох. В то же мгновение вода хлынула в лёгкие, и он стал захлёбываться. Последнее, что запечатлел его взгляд - промелькнувшая в мутной воде нога девушки, с привязанной чуть выше щиколотки, бельевой верёвкой.

Затяжной, удушливый до рвоты, кашель стёр границу между сном и реальностью. Наконец, успокоившись, но окончательно обессиленный, лёжа поперёк кровати и тяжело дыша, Пол шептал, иступлённо глядя перед собой - "Это всё неспроста... Это что-то значит... Всё-таки, я должен её увидеть...".

- У нас нет сведений о местонахождении бывшей пациентки.

Пол достал из кармана бумажник, вынул стодолларовую купюру и положил на край стола.

- Мы не имеем право давать эту информацию - не глядя на деньги, сухо отрезал Могур.

Пол снова полез в бумажник и достал ещё одну такую же купюру. Но когда поднял голову, Могура за столом уже не было. Как, впрочем, и стодолларовой банкноты на столе.

Врач стоял у окна, спиной к кабинету и говорил в раскрытую папку, которую держал в руках - "Деревня Липкое, Дуборского района... Это не далеко... Недавно я лечил одного пациента из Дубора... Обычный психоз, на почве чрезмерного употребления алкоголя...".

От шоссе, по проселочной дороге, Пол проехал три километра и остановился на перекрёстке. Было как в сказке - налево пойдёшь, попадёшь в деревню Липкое, о чём вещал указатель за поворотом и до крайнего дома которой, было не больше пятисот метров. Направо пойдёшь -

чистое поле до горизонта. А если прямо, то приблизительно через полтора километра, окажешься в лесу.

Но Пол остановился не потому, что не знал куда ехать. Просто впереди, метрах в трёхстах, справа от дороги, он заметил кустарник, который казался ему похож на местность, когда-то виденную во сне.

Пол подъехал, остановился, вышел из машины. В десяти метрах от дороги находился пруд, внешне почти такой, каким он предстал его воображению в последнем кошмарном сне. Пятнадцать лет назад, когда Ирина была двенадцатилетней девочкой и, вполне возможно, действительно приходила сюда, и сидела на камне у берега, этот пруд выглядел таким же, как во сне. Теперь же он немного изменился: по краям порос камышом и осокой. Но камень точно также торчал из травы и Пол подошёл к нему, но сесть не захотел, а лишь поставил ногу и попробовал пошевелить, тем самым как бы убеждаясь, что это действительно настоящий камень.

Деревенская улица, где-то на середине, делала изгиб. Дворы, после поворота, были обращены к Полу задней частью и демонстрировали во всей своей неприглядности хлева, сараи, сортиры, сады, разнообразные остатки заборов и кое-где обрабатываемые участки земли. По численности дворов деревня считалась не большой, но растянутой. Расстояние между домами заполнялось, скорее всего, специально высаженными деревьями, в основном - липами. По-видимому, здешнее население в прошлом, а может и до настоящего времени, занималось пчеловодством. Именно из-за лип, а не потому что здесь что-то к чему-то прилипало, и пошло название этого населённого пункта.

Пол, слева направо, медленно скользил взглядом по деревне и вдруг остановился. Он заметил тёмный треугольник ели, похожий на остриё копья, возвышающийся над крышей одного из домов.

- Домик на луне... - мысленно произнёс он и презрительно хмыкнул, но не от презрения к чему-то, а от стечения обстоятельств, что наваждение, явившееся когда-то, теперь превратилось в реальность.

Деревенская улица была похожа на тоннель. Липы, росшие по обе её стороны, почти смыкались кронами. Здесь хорошо было спастись от зноя или мелкого, кратковременного дождя. Но, в общем-то, эта затенённость навевала мрачные мысли. А опустошённость улицы, на данный момент - ни машин, ни людей, ни зверей - даже страшные, потому как выглядела не просто мёртвой, а зловеще-мёртвой, наполненной затаившимися в тёмных углах призраками.

"Домик на луне" практически пришёл в полное запустенье: шиферная крыша, заросла мхом, облезла фасадная краска, покосились окна, оторвались ставни. Хозяйственные постройки находились в ещё более худшем состоянии. Если бы не протоптанная дорожка от колодца до крыльца и пара резиновых сапог, стоящих на лавке у покосившегося забора, то можно было подумать, что здесь никто не живёт. Ещё открытые сени свидетельствовали о присутствии в доме людей.

На стук Полу никто не ответил и он без разрешения вошёл в комнату. Ещё не переступив порог, в нос ему ударил резкий, тошнотворный запах давно не проветриваемого помещения. Пахло закишей мочой, кошачьим дерьмом, тухлым мясом, табаком, потом и алкогольными испарениями. В подтверждение последнего, на круглом столе, находившимся в углу помещения, между двух окон, стояли пять пустых бутылок из-под спиртного. А также грязные тарелки, стаканы, недоеденные куски хлеба, открытые консервные банки, яичная скорлупа, сальная шкурка и что-то ещё. Мухи роем летали над всем этим изобилием, сердитым гулом подтверждая права на территорию и съестные припасы. На полу валялись окурки, всё те же пустые бутылки, высохшие куски земли и навоза с частичным отпечатком протектора сапог.

На приветствие Полу никто не ответил и, перемявшись у порога с ноги на ногу, он сделал несколько шагов к середине помещения. Дверь в соседнюю комнату была открыта и, почему-то осторожно ступая, гость направился туда. Он оказался на пороге кухни, в буквальном смысле заваленной разнообразной посудой: горшки, кастрюли, тазы, миски. В левом углу находилась

русская печь, возле которой стояли ухваты, а внизу лежало несколько берёзовых палений. Между печью и окном, располагался диван, на котором в одежде и обуви, положив под голову грязную телогрейку, спала женщина лет пятидесяти. Она тяжело, с лёгким похрапыванием дышала, как дышат люди обессиленные и поверженные алкоголем. Мухи словно чувствовали её немощность: спокойно садились на лицо, руки, смело прохаживались по коже.

"Нет, наверно я ошибся" - подумал Пол и, решив не будить женщину, пошёл прочь из дома.

Возле машины он стал осматриваться в надежде, что где-то на улице появится кто-нибудь из местных.

Такой человек оказался почти рядом: через дорогу, у дома напротив, возле калитки стояла женщина и внимательно смотрела на Пола. Он поздоровался и быстро, словно боялся, что она исчезнет, направился в её сторону.

- Вы не подскажите, где живут Диголевские?

- Так вот... - женщина кивком головы указала на дом недавно покинутый Полом.

- Я там только что был. Там только женщина спит...

- Спит? - собеседница нахмурила густые, выгоревшие на солнце, брови. На её сильно загорелом, морщинистом лице удивление сменилось разочарованием.

- По-моему, она не трезвая - робко добавил Пол.

Услышав это, женщина махнула у себя перед лицом рукой, словно отогнала назойливое насекомое и стала смотреть в сторону. Не поворачивая головы, выдержав непродолжительную паузу, она заговорила - "После смерти сына, они стали пить по-чёрному - и дальше, уже глядя собеседнику в глаза, продолжала - Он, после ранения, вернулся из Афганистана инвалидом. Пенсию дали хорошую, но он её пропивал. Никто ничего не мог поделать, потому что если он не пил - вешался. Смотреть за ним надо было, три раза из петли доставали. Родители старались спасти сына, но сами, незаметно, ввязали в это болото. А после смерти - вообще сорвались. Дочь только и сдерживала их. А теперь... - женщина прикрыла рот ладонью и снова повернула голову в сторону - Вот когда она была здорова, за ней табуном бегали парни. А теперь, где они? Вот так всегда: когда ты здоровый, когда от тебя можно что-то взять, тебя, вроде бы, и уважают. Но когда ты сам нуждаешься в помощи, от тебя все отворачиваются. Никому ты не нужен.

- А где теперь их дочь?

- Дома должна быть. Они её недавно забрали из больницы.

- Но... но я заходил и там её не нашёл.

- Они в маленькой комнате её держат.

Пол повернулся и осмотрел дом, прикидывая в уме, где могла располагаться та маленькая комната.

Когда он шёл через двор, произошло что-то странное: то ли его окликнули, то ли это был какой-то другой звук, прозвучавший откуда-то со стороны, но превратившийся внутри сознания, в его имя.

Пол остановился и, медленно ворочая головой, стал прислушиваться к доносившимся звукам. Ничего подобного не повторялось.

Вдруг из полуоткрытых, покосившихся дверей гумна вышла курица. Обычная курица-несушка с небольшой плешью на груди.

"Ясно" - подумал Пол, но вместо того чтобы успокоиться, сердце его, почему-то, стало стучать сильнее. Что-то необъяснимое и непонятное влекло его внутрь строения. Он подошёл к двери, открыл шире и, переступив порог, остановился при входе.

Гумно было захламлённым. Повсюду валялись какие-то палки, жерди, колёса от телеги, ящики, двухсотлитровая металлическая бочка, с большими рыжими пятнами ржавчины по бокам.

В дальнем, тёмном углу что-то пошевелилось и Пол, вцепившись взглядом в темноту, стал медленно пробираться туда.

Небольшое, единственное окошко, с давно не прозрачными стёклами серого цвета, облепленное со всех сторон густой паутиной, напоминающей изодранную в лохмотья вуаль, слабо пропускало свет. И только подойдя почти вплотную, перед Полом предстала картина, всей своей сущностью до боли царапающей даже его зачерствелую душу - Ирина лежала на правом боку поджав ноги и что-то медленно жевала, перекачивая содержимое рта из одной щеки в другую. На ней были одеты пестрый, длинный халат, грязный до отвращения, и широкий в плечах мужской пиджак, с длинными рукавами и наполовину оторванным накладным карманом. Положив голову на солому, она всё тем же безумным взглядом широко открытых глаз смотрела в никуда. Лицо чумазое, кожа на бороде блестела от вытекающих слюней, в спутавшихся волосах торчали солома и куриные перья. Рядом валялась пластмассовая миска, перевернутая кверху дном. Но самым неприятным для Пола было то, что девушку привязали за ногу к стене обычной бельевой верёвкой, обычным простейшим узлом, который она, тем не менее, не могла развязать. Петля, от натяжения, сдавила щиколотку и, судя по следу на коже, довольно сильно.

Полу сразу же вспомнился сон: утопленница в пруду и бельевая верёвка на ноге. Взявшись за верёвку, он на мгновение задумался, и дернул на себя. Второй конец довольно легко оторвался от стены и упал к его ногам. Не надо было иметь богатое воображение, чтобы представить роковые события: Ирина отрывается от привязи, незаметно уходит, оказывается возле пруда и...

"О, Господи!" - воскликнул Пол в сердцах.

- О, Господи - озвучил эту мысль женский голос у него за спиной.

Скорее всего, из-за любопытства соседка пошла следом.

Вдруг послышался голос другой женщины, визгливый и пронзительный - "Чего ты здесь лазишь? Чего тебе надо?".

- Клава, что ты делаешь? Это же живой человек, не говоря о том, что это твоя дочь. А ты её как скотину...

Пол в это время наклонился над Ириной, чтобы развязать узел на ноге. Даже не видя женщин у себя за спиной он знал, что сюда пришла её мать, та женщина, которая спала в кухне.

- Так я только в избе прибраться - оправдывалась она и тут же напала на соседку - А ты чего здесь лазишь? Кто тебя звал?

Пол в это время поднял девушку на руки и повернулся.

- Её надо лечить - уверенно сказал он, смело глядя матери в глаза.

- А доктор говорит, что её уже не вылечишь - визгливо прокричала она дрогнувшим голосом, на что Пол возразил - "Если не лечить, то и не вылечишь".

Он нёс Ирину к машине, женщины шли следом.

Девушка обняла его за шею и прижалась.

"Как тот ребёнок..." - промелькнула у Пола мысль.

- А как же пенсия? Мы же ещё не оформили пенсию по инвалидности - на ходу спрашивала мать.

- Ага... Пити не за что - упрекнула её соседка, за что в ответ получила поток нецензурной брани, где весь смысл сказанного сводился к одному - это не твоё дело.

Пол усадил Ирину в машину и повернулся к женщинам. Затем достал бумажник, вынул из него все деньги и сунул в руку матери.

- Я потом сам всё сделаю - сказал он, написал свой номер телефона в записной книжке, вырвал листок и протянул женщине - Если что-нибудь понадобится или возникнут вопросы - звоните в любое время.

Прежде чем сесть за руль, Пол задержал взгляд на мужчине, который вышел из "домика на луне". Тот дошёл лишь до забора, и теперь, наблюдал за происходящим, опершись о столбик. С этого расстояния подробно рассмотреть внешность человека было невозможно. Единственное, что Пол заметил - не бритое лицо и взъерошенные волосы.

Полу казалось, что все события этого дня, происходили словно в тумане. Картинки из воспоминаний вырисовывались не чётко, расплывчато, звуки слышались глухо, не внятно. Острота ощущений появились, когда Пол на руках занёс девушку в дом, закрыл на замок входную дверь и медленно опустился на диван. Он наблюдал как Ирина, наверно от истощения и усталости, сначала села на пол, возле кресла, потом там же и улеглась, свернувшись калачиком, как бездомная собачонка. В это время сознание Пола постепенно заполнялось всё возрастающей волной панического страха.

"Что я делаю? Что я делаю? - мысленно спрашивал он себя и потом, так же мысленно отвечал - Я сошёл с ума... Я сошёл с ума".

Он никогда ни за кем не ухаживал, никогда не держал домашних животных. Даже в детстве, сколько себя помнил, у них в семье не было ни кошек, ни собак, ни птичек, ни рыбок. Теперь он, в прямом смысле, принёс в дом человека, за которым нужен уход и досмотр. Он этого делать не умел и даже не знал, с чего и как начинать. Он теперь просто сидел и беспомощно смотрел на лежащую девушку.

Из оцепенения его вывел резкий, приторный запах давно не мытого тела, постепенно заполнявший квартиру.

"Надо её вымыть... Одежду выбросить... Срочно переодеть..." - мысли обрывками появлялись в голове и кружились как тополиный пух. Это продолжалось до тех пор, пока очередная не разогнала все остальные - "А переодевать-то - не во что..."

Решение купить одежду пришло само собой.

Он взглянул на девушку - та, вроде, как бы, спала. Этим обстоятельством стоило воспользоваться.

Первым делом он зашёл в отдел женского белья, где намеревался приобрести трусы и лифчик. Продавщица спросила размеры, он их не знал и, поразмыслив, решил, что эти предметы, пока что, не нужны. Из одежды ничего лучшего не придумал, как взять спортивный костюм. Однако, уже на выходе, заметил женские халаты и решил, что эта вещь, в данном случае, подойдёт лучше всего.

Когда, повернув за угол, оказался возле продовольственного магазина внезапно, как обухом по голове, появилась очередная мысль - "А дома жрать-то нечего".

Так к приобретённым ранее товарам прибавились макароны, гречка, рис и овсянка.

Запах свежих испражнений ударил в нос, когда Пол лишь немного приоткрыл входную дверь квартиры. Быстро проскользнув и быстро захлопнув её, он вскочил в комнату и замер.

Казалось, по квартире прошёлся смерч, оставив после себя разрушения и хаос. Предметы, до этого находившиеся на столе, валялись на полу, книги ключьями вырванные из полок беспорядочными грудками лежали там же, компьютерные диски, видеомагнитофонные кассеты, разбросаны по всей комнате, журнальный столик перевернут, на карнизе висела только одна створка штор. Но самое интересное - Ирины нигде не было. Пол безрезультатно осмотрел всю квартиру. Оставалось только одна версия: девушка ушла и, нажав снаружи кнопку замка, закрыла за собой дверь. Но если это так, то она явно находилась в здравом уме. Оторванная штора могла служить ещё одним вариантом: Ирина открыла окно, выпрыгнула из второго этажа. Чтобы опровергнуть это маловероятное предположение, Пол подошёл к окну, чтобы проверить - закрыты ли защёлки. Перед этим он попытался ногой отодвинуть штору, лежащую возле батареи. И тогда всё стало ясно.

По-видимому, эта штора упала на девушку, когда та её оторвала. Запутавшись и, оставив тщетные попытки выбраться, или даже не предпринимав их, Ирина успокоилась и всё это время тихо, неподвижно лежала закутанная в синий бархат.

Девушка была мокрая от пота и грязная от пыли.

"Надо бы шторы постирать..." - подумал Пол, извлекая из плена Ирину и, чтобы быстрее избавиться от источника вони, сразу же начал раздевать. Под одеждой белья у неё не было.

"Всё правильно. Нахрена оно ей?" - мысленно прокомментировал Пол своё открытие.

Посадив девушку в ванну, он принялся поливать её дождиком, перед этим проверив, насколько комфортная температура воды.

Он отводил взгляд, когда направлял струю на её интимные места и потом, находясь за спиной, полотенцем вытер только плечи и волосы.

Пол никогда не готовил еду, поэтому о простой варке макарон, имел очень отдалённое представление. Все его кулинарные способности заканчивались завариванием чая и приготовлением бутерброда с колбасой, ветчиной или икрой. Эта процедура, превратившаяся в своеобразный ритуал, обычно проделывалась по утрам, иногда вечерам.

Ирину он усадил между столом и холодильником. Она безучастно смотрела на всё происходящее, не выражая никаких эмоций. Хотя, обильное слюнавыделение из открытого рта, могло свидетельствовать о сильном голоде.

Неожиданно процесс приготовления пищи был прерван грохотом упавшей на пол и разбившейся посуды.

Ирина стояла у открытой дверки холодильника, держала в руке вытянутую оттуда металлическую полку, содержимое которой валялось у её ног. Может быть, подобными действиями она выражала какие-то чувства. Очевидным было одно - её нельзя выпускать из виду.

Когда макароны уже почти сварились, "повару" стало понятно, что по объёму их получилось больше чем он рассчитывал. "Ничего страшного. Завтра доест" - вышел он из положения.

Бросив в кастрюлю солидный кусок сливочного масла, Пол неожиданно вспомнил, что когда-то, ещё в далёком детстве, мать, приготовленные таким образом макароны, посыпала сахаром. Он теперь сделал то же самое и, попробовав на вкус, пришёл к выводу, что получилось не так уж плохо.

Как он и предполагал - Ирину надо было кормить с ложки. Глядя на её громкое, механическое чавканье он думал - "Всё это плохо кончится. Её родители проснутся, протрезвеют и завтра же, вспомнят, или не вспомнят, куда девалась дочь, заявят в милицию о пропаже или похищении. И тогда... Я не менял на машине номера, меня вычислят сразу. А если об этом узнает братва..."

- Это будет финиш - глядя девушке в лицо, вслух произнёс он.

Тем временем, Ирина, с неуёмным аппетитом "умоляла" всё приготовленное. То ли она была настолько голодна, то ли у неё отсутствовало чувство меры, и она могла есть до тех пор, покуда макароны не "полезли бы у неё из ушей". Но Пол больше готовить не стал, решив, что съеденного вполне достаточно.

Дальше им предстояло вместе провести ночь. Это событие тоже не вызвало восторга. Пол предчувствовал беспокойную, и это в лучшем случае, а то и вообще бессонную ночь. Он стал размышлять - как лучше расположиться. Спальные места были в обеих комнатах, но о разделении не могло быть речи. С другой стороны Пол не допускал и мысли, чтобы улечься вместе.

Диван в большой комнате он отбросил сразу, по причине раритетной ценности последнего, предвидя возможный непоправимый ущерб. Оставалось только старинная, деревянная, с резными, широкими спинками, кровать. Но и она не являлась выходом из положения, хотя бы по той причине что девушка, скорее всего, страдала ночным недержанием мочи.

Для решения этой проблемы Полу пришлось снять шторку из ванной, чтобы подстелить под простынь. Сам же он соорудил себе место из кресла, взятого от камина и журнального столика, сдвинув их вместе, улав ватным одеялом и шерстяным пледом. Расположившись между массивным шкафом, с толстыми фигурными ножками и широкой тумбой, с большими шуфлядами, он, таким образом, рассчитывал держать девушку в поле зрения. Однако все его планы сразу пошли намарку, потому что та не только не спала, но даже и не лежала на кровати, которую он уступил. Не успевал Пол дойти до выключателя, как Ирина уже была на ногах.

После пресечения нескольких попыток куда-то уйти, он сделал вывод - либо её надо привязать, либо самому лечь рядом и держать. Впоследствии он использовал оба этих варианта: лег поверх одеяла рядом с девушкой, привязал к её руке полотенце и держался за другой конец.

Почти всю ночь сна не было. Только где-то под утро, уставши от борьбы за сон, оба обессилили, и задремали. Точнее - провалились в забытие.

Пол проснулся от сильного запаха свежих экрементов. "Макароны пошли" - мелькнула у него в голове и он рывком сел на кровати.

Ирина лежала на полу, вся в собственном дерьме и менструальной крови, запутавшись в порванном пододеяльнике.

Пол втянул голову в плечи, обхватил руками и мысленно произнёс - "От такой жизни, я, точно, сойду с ума".

Он смотрел на больную и, приступ злости, где-то внутри его, медленно раскручивающийся как огромный пропеллер.

- Нахрен ты мне сдалась - наконец утробно промычал он - Отвезу обратно в деревню и делай там что хочешь: круши, ломай, рви, обсирай. Мне плевать.

Вдруг Полу послышалась - "Ну, что, уже сдался? Струсил? Сла-бак... И чем ты лучше Раи Павлюченко?". Знакомый голос прозвучал настолько явственно, что Пол поднял голову и осмотрелся. И хотя никакого Качая поблизости не было, он твёрдо произнёс вслух - "Не дождёшься!". После чего решительно встал с кровати.

По жизни Пол был человек упрямый. Но ему нужна была цель. Когда он к чему-то стремился, то мог пожертвовать благополучием, деньгами, престижем, не смотря на то, что на самом деле, эта цель могла и не стоить затраченных сил и средств.

В скором времени в доме появились клеёнка, впитывающие простыни, стиральные порошки, бельевая верёвка, а также продукты питания. Пол постепенно научился готовить, стирать, перестал стесняться обнажённого женского тела. Он смело намазывал девушке промежность, задний проход, тщательно мыл их, смело запуская пальцы в складки и углубления. Эта смелость появилась после того, как он заметил, что Ирина совершенно не реагирует на прикосновения к её интимным местам. Неожиданно возникшая идея использовать памперсы для взрослых настолько обрадовала Пола, что он даже возгордился собой, словно сам их изобрёл. Единственное что его смущало - необходимость привязывать Ирину при отлучке из дома. В этом Пол видел "уподобление им", санитарам и родителям, которые, по этой же причине, согласно его нравственной шкалы, находились ниже той отметки, которую он определил для себя. Постепенно возникла мысль возить девушку с собой в машине, потому как надо было, хотя бы на какое-то время, появляться на работе. Последний раз Канцлер привозил документы на подпись в условленное место, не далеко от дома, что Пола сильно смущало. Но сначала Ирину надо было показать врачу.

- Зачем вы её привели ко мне?! - Могур даже вскочил с места - Я не занимаюсь госпитализацией. Это вам надо в приёмный покой. Направление у вас есть? На каком основании вы хотите её госпитализировать?

И вдруг Пол понял, что врач её просто боится. "Ну и есть за что" - подумал он, но вслух сказал - "Я рассчитывал на лечение..."

- Никто её лечить не будет. Смысла нет. Я провёл курс лечения и результатов это не дало. Могу лишь посоветовать обратиться в научно-исследовательский институт по изучению таких заболеваний. Город Риппоир, слышали? Там лекции читают мировые светила. В частности - профессор Летечко, Лев Михайлови. Самое главное - они могут экспериментировать. А мы? Что мы? Мы здесь практики. У нас правила, инструкции, указания. Рисковать здесь никто не будет, потому что на кону стоят человеческие судьбы, а то и жизни. А там могут. Я, конечно, не гарантирую, что они возьмутся. В конце концов, и это между нами, всё зависит от денег, которые вы готовы заплатить. Но если даже лечение там тоже результатов не даст, то, по крайней мере, уход за ней будет получше, чем здесь.

Побледневшая Мила облегчённо вздохнула.

Город Раппоир находился в четырёхсот пятидесяти километрах от Шатузола. Что поездка туда займёт не один день, и к ней надо основательно подготовиться, Пол понимал и поэтому сначала позвонил. Ему ответили, что профессор Летечко сейчас находится в заграничной командировке и будет только через месяц. Однако можно обратиться к другому специалисту. Пол отказался от этого предложения и решил ждать "светилу".

За время ожидания он, совершенно случайно, сделал кое-какие открытия, по отношению к Ирине. Оказалось, что если с ней, после того как уложишь в постель, разговаривать, то она довольно быстро засыпает.

Дело в том, что с лекарствами, прописанными врачом, возникли проблемы: она не принимала таблетки. Можно было вложить их в рот, но никаким образом не заставить проглотить. Пол их размельчал и подсыпал в еду. Однако то ли медикаменты по каким-то причинам не действовали, то ли дозы было не достаточно, но ощутимого эффекта они не имели. К тому же в большинстве случаев он просто забывал о них.

Как-то вечером Ирина находилась в сильном возбуждении. О сне речи не шло, она не могла лежать: периодически поднималась, куда-то стремилась идти. Пол лежал рядом и не позволял ей даже приподняться, прижимая плечо к подушке. И вдруг, как-то беспричинно он начал говорить, обращаясь к девушке и постепенно, сам того не замечая, его речь превратилась в подобие исповеди.

- Ну, и чего тебе не спиться? Чего ты хочешь? Куда ты идешь? Что тебя беспокоит? В принципе, мы с тобой в одинаковом положении - ты ненормальная, и я такой же. Ты ничего не соображаешь, а я чёрта вижу. По сути - мы два придурка. Может быть, ты и есть мой "крест", который я должен нести напоследок по жизни? Ведь это из-за меня ты стала ненормальной и теперь, по каким-то законам вселенской справедливости, превратилась в моё наказание. Скорее всего - это начала моего конца. И я ничего не могу поделать, ничего не могу предотвратить. С любой стороны я вижу один и тот же финал. Ну, что ж, пусть будет так. За всю жизнь я не совершил ни одного хорошего поступка. Так пусть, хотя бы в конце, я чем-то, или как-то, помогу тебе.

Он говорил что-то ещё, хотя потом, не мог сказать с уверенностью: произносил ли слова вслух, или это были только мысли. Просто он вдруг заметил, что в помещении стало непривычно тихо.

Ирина спокойно и крепко спала, лёжа на правом боку.

Пол повернулся на спину, смотрел в потолок, дышал еле-еле, словно боялся спугнуть её сон. Именно тогда ему в голову пришла мысль - читать на ночь. И читать сказки. Обычные детские сказки. Он уже тогда почему-то был уверен, что это сработает.

В квартире профессора Касьянова были книги относящихся, в основном, к какому-то профильному направлению. Большинство старинных, в жёстком переплёте, много на иностранном языке. Пол только один раз, при ознакомлении с квартирой, ради праздного любопытства вынул из полки первую попавшуюся, бегло просмотрел пару страниц, закрыл и поставил на место. Больше к ним никогда не прикасался. Но после погрома, который устроила Ирина, когда пришлось всё восстанавливать и аккуратно составлять книги, ему на глаза попала "Золушка". Старая, потрёпанная, в жёстком переплёте, с крупным шрифтом и цветными картинками.

Он её не дочитал даже до середины, а девушка уже спала.

"Надо будет проследить - на каком месте она засыпает?" - подумал он. Впоследствии, чтобы разнообразить репертуар, им были приобретены ещё пять книг со сказками.

Потом ему в голову пришла идея - скачать из интернета аудиокниги с записью сказок и прослушивать через акустическую систему. Это тоже благоприятно воздействовало на Ирину: она могла часами сидеть неподвижно, как изваяние и слушать запись. Вызывал ли этот процесс у неё какие-то эмоции, Пол не знал, и знать не стремился. Его вполне устраивало, что она просто неподвижно сидит на одном месте. Ещё он заметил, что такой же эффект вызывает спокойная

классическая музыка. С эстрадной он даже не экспериментировал, опасаясь, что девушка её не воспримет или хуже того - отстранится от прослушивания вовсе.

Пропустив из-за звучащих динамиков, несколько телефонных звонков, Пол приобрёл для Ирины наушники и аудиоплеер. Эффект был тот же, даже с выгодой - теперь стало возможным не только возить её в машине, но и оставлять там одну.

И всё же засыпала она, лучше всего, под его чтение, под его естественный, монотонный, с лёгкой хрипотцой, голос.

Пол, хотя и спал чутко, ночами стал высыпаться. И тут он заметил ещё одну особенность, хотя допускал, что это ему только показалось: ночью, во время сна, девушка вела себя как вполне нормальный человек. Иногда она что-то бормотала, пусть и невнятно, отрывисто, но вполне приемлемо для своего состояния. Когда она ворочалась и натывалась рукой на его тело, начинала шарить по нём пока не находила голову. Коснувшись волос или лица она придвигалась к Полу. Сначала это его смущало, корбило и злило. Но он не мог сказать с уверенностью: была ли эта злость от прикосновения чужого человека, или от того, что на самом деле эти прикосновения предназначались другому. Но как бы там ни было, всё это оставалось у него внутри и ни на грамм не перевешивало той выгоды, которую приносило спокойное поведение девушки.

Обычно, в нормальном состоянии, спящий человек реагирует на различные изменения вокруг себя: температуру, звук, свет и даже запах. А также на состояние своего организма. Чаще всего - на желание справить нужду. Пусть и не охотно, но человек подчиняется внутреннему позыву: просыпается, встаёт, идёт в отхожее место.

Пол заметил, что Ирина, в состоянии сна, вполне осознанно, естественно, как и все нормальные люди, поднималась, садилась на кровати, потом вставала и даже могла сделать несколько шагов. Но дальше она просыпалась и попадала в другой мир. Что там с ней происходило - было загадкой. Но в этом, родном для неё мире, всё выглядело до ужаса безобразно: она, действительно, испражнялась там, где стояла. Однако, если в это время, когда она только поднялась, взять её под руку, завести в туалет и посадить на унитаз, то она всё что надо, делала как надо. Впоследствии Пол начал сам, как бы, предчувствовать её состояние и водить в туалет. То ли это на самом деле было его предчувствие, то ли это у Ирины выработался рефлекс на отхожее место, но у них всё стало получаться.

Как-то, глядя на девушку слушающую Вивальди с идиотским выражением на лице, Пол подумал, что если бы он так весь день просидел в наушниках, то на его лице было бы такое же выражение. Тогда он стал водить её на прогулки. Обычно всё начиналось с Остاپовского парка, где они ходили по тенистым дорожкам, по набережной, переходили на другой берег по старому каменному мосту, шли вдоль кладбища и останавливались у церкви. Они смотрели в открытые настежь двери храма, но внутрь не заходили. Не то чтобы Пол не признавал религию. Просто он считал, что у него с религиями не совпадают принципы. По религиозным принципам, верующий человек должен молиться. Даже если он не верит, но молиться, его считают верующим. Но если ты веришь, но не молишься, то такая вера не признавалась. Пол относил себя к последним и был уверен, что с ним Бог сам разберётся и сделает так, как посчитает нужным. Поэтому, они какое-то время просто стояли, смотрели, словно ждали чего-то и, не дождавшись - уходили. Обратили теми же путями. В основном это были тихие, малолюдные места. Здесь на них никто не обращал внимания. И если бы вдруг Полу встретились знакомые, то они бы его просто не узнали, потому что он специально надевал шляпу и широкие солнцезащитные очки. Но это так, для банальной подстраховки. На самом деле он был уверен - его знакомые здесь ходить не будут.

Ирина, во время прогулок, вела себя как обычный нормальный человек. Пол брал её под руку, она послушно шла рядом. Со стороны могло показаться, что она просто находится в глубокой задумчивости. И никому не приходило в голову, что девушка, по причине своего болезненного состояния, никак не реагирует на окружающий мир. Что если бы теперь весь мир с грохотом разлетелся на куски, то она этого даже не заметит.

Однажды, оставив Ирину с "Котом в сапогах" Пол отправился в магазин. Выйдя из подъезда, он увидел старую женщину в инвалидной коляске. Это была соседка снизу.

Пол не водил дружбы с соседями, но знал, что за старухой ухаживают близкие родственники: дочери, внучки. Он ни разу не видел, чтобы в их квартиру заходили мужчины. В этом году за бабушкой смотрела совсем молоденькая, может даже ещё несовершеннолетняя девочка, постоянно жившая здесь. Взрослые дамы появлялись только иногда.

Обычный носовой платок упал на землю и женщина, сдвинув в сторону плед, которым была укрыта, пыталась дотянуться рукой до упавшей вещи.

Пол, поравнявшись с коляской, поднял платок и положил старухе на колени. Он собирался услышать обычное в таких случаях "спасибо", но женщина вдруг произнесла - "Бог придумал старость, чтобы люди не боялись смерти".

Эта фраза заставила Пола остановиться и он, не придумав ничего лучшего, как задать банальный, может быть даже глупый, по своей сути, вопрос - "В каком смысле?".

- В самом прямом - ответила старуха, поправляя на себе покрывало - Ну, вот, что я потеряю, если умру? Боль? Страдание? Слабоумие? У меня, в этой жизни, уже ничего не осталось, о чём можно сожалеть.

- А что приобретёте? - Пол, сам того не замечая, присел на скамейку.

- Не знаю, да и знать не хочу. Мне главное - от чего я избавлюсь, потому что дальше с этим жить уже невозможно.

- А если вы приобретёте что-то ещё более страшное?

- Ну... это, в любом случае, будет хотя бы что-то новое.

Они оба с какой-то настойчивостью смотрели друг другу в глаза.

- Вы верите в Бога? - тихо спросил Пол.

Женщина, глядя на него сквозь толстые линзы очков, отвечала спокойно и уверенно.

- А что мне остаётся делать? В старости, я думаю, все во что-то верят. И не потому, что боятся небытия, пустоты. Хотя пустоты полюбому не будет, вещество, из которого мы состоим, никуда не исчезнет. А потому, что с высоты прожитых лет нам виден весь пройденный путь. И если задуматься, почему же я дожил до этого времени, то ответы могут появиться самые неожиданные. В своё время я была атеисткой. Тогда к власти пришли большевики, они всенародно объявили - "Бога нет!" Бога нет, а есть торжество разума и величие человека. "Человек, это звучит гордо" - если помните. Теоретически всё верно. Только я так и не видела ни величия человека, ни торжества разума.

- Ну почему же? - робко возразил Пол - А технический прогресс, разве не есть торжество разума?

- Это торжество порока! - грозно проговорила женщина и дальше продолжала более мягким тоном - Судите сами, для чего человек создал автомобили, трактора, самолёты и прочую чудо технику? Потому что сам работать не хотел. Никогда! Таскать, копать, поднимать, носить, стирать, убирать и так далее. Можно сколько угодно говорить о производительности труда, об улучшении условий жизни, но в основе лежит обычная лень. И это началось не сейчас, это было всегда. Человек изобрёл каменный топор и у него появилась свободное время, что в свою очередь принесло новую напасть - скуку. Именно от скуки человек впервые на стене пещеры изобразил рогатую морду. Именно от скуки пошло всё то, что мы теперь называем искусством. И так везде, куда не глянь, в истоке лежит парок. Даже в основе добродетели, если разобраться, лежит всё тот же парок. Вот я делаю добро, потому что я такой хороший. Ничего подобного. Потому что тебе надо стать депутатом, губернатором, президентом. Потому что тебе надо добраться до власти, но не для того, чтобы выполнить свои обещания, а для того чтобы установить свои интересы. Обещания, которые даются людям, невыполнимы в принципе, потому что люди, в большинстве своём, порочны и желание их такие же. Если выполнять их желания, то у власти ты будешь долго. Но государство

угробишь окончательно. И наоборот кто сделал что-то полезное для государства, у власти не задержался. В общем - миром правит парок.

- А медицина? - Пол придвинулся ближе к инвалидной коляске - Человечество научились лечить болезни, спасать людей, продлять их жизни. Разве это не достижения?

Но старуха была непоколебима.

- Страх перед болью, смертью, желание дольше прожить. И то, жить с одним условием - наслаждаться. Страдать человек не хочет. Если кто и страдает, то в надежде на исцеление и, в дальнейшем, на то же наслаждение. Это одна сторона. А другая - исцеляют и спасают далеко не бескорыстно.

- Значит, вы хотите сказать, что Бог создал человека порочным? А как же доброта, любовь, сострадание, бескорыстие?

- Эти качества Бог вложил в людей для баланса. Чтобы человеку жить, а тем более выжить, он должен красть, убивать, обманывать. Любовью сыт не будешь. А технический прогресс, это не цель, это побочный продукт жизнедеятельности человеческих особей.

- А какая же тогда цель?

- Если я когда-нибудь встречу Бога, то задам ему этот вопрос.

- Ну, хорошо. А рай, ад?

- Здесь, я думаю, уже очередность: сначала ад, а потом рай. Как в бане - сначала в предбанник, чтобы раздеться, а потом в парилку, мыться.

- А безгрешные? Сразу в рай, конечно?

- Какие безгрешные? Дети что ли? Дети конечно в рай... Может, есть и другое место... Ведь зачем мыться, если не испачкался? Хотя... Что нам известно? Нам известно лишь то, что человек рождается и умирает. Ну, умирает, это, может быть, объяснимо. А вот рождается зачем?

В это время из подъезда выскочила молоденькая девушка с распущенными волосами, в коротком летнем платьице, словно специально демонстрируя такой одеждой свою идеальную фигуру.

- Бабушка, мне надо срочно отлучиться на пятнадцать минут - сказала она.

- Куда это? - поинтересовалась бабушка.

- Алла Синицына хочет купить юбку и попросила меня помочь выбрать. Это в нашем магазине, я быстро. А потом я тебя снова вывезу.

- Вот мне удовольствие прыгать по ступенькам...

И вдруг Пол, неожиданно даже для себя, предложил - "Пятнадцать минут я с ней посижу. Вы можете идти".

- Да... - то ли удивилась, то ли обрадовалась девушка и добавила - Здравствуйте...

Они какое-то время молча смотрели ей вслед, потом старуха заговорила ровным спокойным голосом.

- Я появилась на свет настолько слабой, что после рождения врач сказал - "Она долго не протянет". Но я выжила... Зачем?

Следующая пауза длилось довольно долго, бабушка продолжала глядеть вслед ушедшей внучке, потом повернула голову в противоположную сторону, уставилась застывшим взглядом на двери подъезда.

- Я родилась в этом доме и была шестой дочерью четы Ивапетовых - Юрия Николаевича и Софьи Михайловны. Меня звали Татьяна Юрьевна Ивапетова.

- Вот в этом доме? - удивился Пол.

- Да, в этом доме - подтвердила женщина - почти сто лет назад. В теперешней вашей квартире, плюс ещё кухня и зал ваших соседей через стенку, располагалась наша детская комната. А там где теперь квартира Муравьевых, находилась большая лоджия. Когда папа там курил, дым, через открытое окно, тянуло в детскую и мама ругалась на него. А в моей теперешней квартире жила горничная. И кто бы тогда мог подумать, что настанут времена, когда хозяйка будет жить в

комнате прислуги... Как вам такой расклад? Но дело не в этом. Дело в том, что судьба сыграла со мной злую шутку: от рождения я была, мягко говоря, не очень красива лицом. Надо отметить, что мои родители имели безупречную внешность. Братья, сёстры - писанные красавцы и красавицы. А я... Нет, в смысле физиологии и осанки - никакого изъяна. Во внешности просматривались родительские черты, фигура вполне женственная, но вот лицо... Всё то, что у родителей было утончённо и изысканно, во мне отобразилось грубо и вульгарно. Может быть, в природе существует ген уродства, или какая-то наследственная черта, таящаяся в глубине рода, по непонятным причинам всплывшая наружу и оказавшаяся именно в моём облике? А может быть я чьё-то наказания за чьи-то грехи? Не знаю...

Меня всё время ограждали от правды. Однако чем больше я выросла, тем отчётливее понимала, что с такой рожей не следует ждать сказочного принца. Хотя, где-то в глубине души, слабым огоньком ещё теплилась надежда, что свершится чудо и меня искренне полюбит какой-нибудь молодой офицер. Я в те годы была без ума от военных. Полюбит не за внешность, а за душевную красоту.

На двадцатилетие сестры Натальи родители устроили пышный банкет. Наш зал занимал нынешние вторую, третью и четвертую квартиры. Это я навскидку, мне ведь до сих пор неизвестно, где и что они там перекроили. Но суть не в этом. Было приглашено много гостей: родственники, знакомые, Наташины подруги. Кузен Балуновский пришёл с друзьями, курсантами военного училища. Столы стояли в одном конце зала, танцевали в другом. Неожиданно у меня на платье оторвалась пуговица на манжете и я, в перерыве между танцами, попросила служанку пришить. Поланья пошла за нитками, а я поднялась к себе, на второй этаж. У меня под окном находилась беседка, обсаженная сиренью. Туда молодые люди зашли отдохнуть. Через открытое окно мне хорошо было слышно, о чём они говорили. Парни обсуждали бал, девушек, в частности Наташу и её подругу Нелли. "Господа, а как вам Татьяна Юрьевна?" - вдруг спросил кто-то. Другой голос ему ответил... Какой-то остряк, почти открытым текстом сказал, что меня можно "иметь" только в темноте и то, закрыв лицо подушкой или завязав подол платья на голове. После этого они дружно рассмеялись.

Старуха замолчала и когда Пол к ней повернулся, то увидел, что она сидела, склонив голову на бок и закрыв глаза. Ему даже на какое-то мгновение показалось, что это говорила не она, что просто в его сознании звучал её голос. Но женщина вдруг глубоко вздохнула, выпрямилась и, тоскливо глядя собеседнику в лицо, жалобно проговорила - "Вы представляете, что значит услышать такое человеку ещё по-детски наивному, с неокрепшей психикой?"

Пол слегка кивнул.

- Я была близка к самоубийству, но не решилась, потому, как на то время была человеком глубоко верующим и по-детски боялась греха. Вот так Бог меня спас... Зачем?

Лютой ненавистью возненавидела я тогда весь этот мир с его порядками, обычаями, укладом. Стала замкнутой, злой, грубой. Возможно, на этой почве, я, в каком-то плане, даже помешалась рассудком. Я хотела всё разрушить, сломать, сжечь, чтобы не осталось камня на камне от этого мира, который хотел меня "иметь" через подушку.

Я вступила в ряды революционеров не из-за идеи. Просто мне глубоко в душу запали слова из песни - "Весь мир насилием мы разрушим...". А с большевиками меня свёл Леонид Скоболецкий, старший сын директора гимназии, в которой я училась.

Я вся отдалась революции и когда свершилась Великая Октябрьская, была в её первых рядах. И на фронт пошла не для защиты идей, а чтобы окончательно добить тот старый мир.

Убивать людей в бою - одно дело. Но мне доставляло огромное удовольствие самой расстреливать пленных белогвардейских офицеров. Я просила командира, чтобы он предоставлял мне такую возможность. Ему казалось, что я из жалости облегчаю приговор, потому что казнили, в основном, через повешенье, берегли патроны. На самом деле, это мне и только мне доставляло наслаждение.

Я направляла наган в это интеллигентное лицо, с правильными чертами, смотрела в эти умные глаза, одновременно медленно нажимая на курок. Звучал выстрел и, сквозь пелену дыма, я успевала заметить, как в стороны разлеталось кровавое месиво мозгов.

Меня прозвали "улыбающаяся смерть" наверно потому, что я улыбалась в это время, хотя, лично я, за собой такого не замечала.

После окончания Гражданская войны, мы вернулись в родной город. И вот тогда стали происходить страшные вещи. Надо сказать, что на то время я уже окончательно приняла коммунистическую идею. В ней не было ничего плохого: справедливость, равенство, братство. Но для построения такого общества, нужно было время и гибкая политика. Но к власти пришли наши оппоненты, которые рассчитывали в кратчайшие сроки достичь поставленных целей, используя жёсткие методы. Как и следовало ожидать, у них ничего не получилось. И тогда, вместо того чтобы сменить направление, они ужесточили политику, физически избавляясь от тех, кто с ней был не согласен.

Скобелецкий предсказывал это.

- Чувствую, пострадаем мы за наше буржуазное происхождение - говорил он, перед тем как пуститься в бег - Тебе легче, тебя не тронут, ты женщина... - сказал он мне напоследок.

Но он сильно ошибся...

Скобелецкого застрелили на станции Гуданово, при попытке вскочить в отходящих поезд. Человека, принимавшего непосредственное участие в создании революционного движения, идейного большевика, до конца преданного делу революции, защищавшего и защитившего её от внешних и внутренних врагов, убили как паршивую собаку. Где справедливость?

Меня арестовали за контрреволюционную деятельность, и тоже приговорили к расстрелу.

Камера смертников, где я оказалась, была переполнена. Люди вели себя по-разному: кто плакал, кто бился в истерике, кто молился, кто молчал, иступлённо глядя в пустоту. Один мужчина, по виду из простых, говорил, глядя мне в лицо и врят ли осознавал, что говорит именно мне - "Я же ничего не взял... Я там оказался случайно... У меня детишки малые... Есть хотят... Они совсем слабенькие...".

Если нет веры в Бога - умирать страшно. Тогда я не верила, но страха у меня не было. Была, скорее, обида.

"Когда-то - думала я - крупный промышленник нашего города Замков, вложил не малые средства в дело революции. Практически на его деньги, у нас в городе, велась агитационная деятельность, покупалось оружие. Миловский, Кранц, Полкин и даже ювелир Славин внесли свою лепту, пожертвовав на борьбу с царским режимом приличные средства. И где теперь эти люди? В лучшем случае - изгнаны, сосланы или в эмиграции. Почему? Почему теперь у власти оказались неизвестно кто? Я о них никогда ничего не слышала. Где они были до революции и после? Почему не встречались на фронтах гражданской? И откуда взялись теперь? Кто их прислал сюда, наделил полномочиями и правом таким образом решать чьи-то судьбы? Слава Богу, Ленин не дожил до этих дней, иначе его бы тоже беспардонно расстреляли. И почему все молчат, почему никто не сопротивляется? Откуда эта слепая покорность?".

Я попросила охранника отвести меня к комиссару Низову, председательствующему тогда в тройке.

- Почему вы меня расстреливаете? - спросила я глядя ему в глаза - Я воевала на южном и восточном фронтах, я ходила в штыковые атаки и сидела в окопах, по уши в грязи под обстрелом пушек генерала Каминского. Я участвовала в штурме Борсоновской крепости, где обосновался атаман Лаврентьев, я удерживала перевал Дымный и гонялась по тайге за бандой Хуторкина... И после этого вы меня расстреливаете?

Я не просила, я спрашивала, и смело смотрела ему в глаза.

У меня не было уверенности, что этот разговор что-то изменит в моей жизни, но и не было предчувствия смерти.

Он спросил фамилию, отыскал моё дело и, раскрыв папку, стал внимательно изучать.

- Почему вы не уехали с семьёй за границу? - наконец спросил он хриплым голосом.

Я ответила несколько уклончиво, я сказала, что ничего не знаю о семье с восемнадцатого года. Все мои близкие родственники, действительно, сразу же после революции, уехали в Стокгольм. Меня они не бросили, меня они просто не нашли.

Рассказ женщины оборвался, она какое-то время задумчиво смотрела вдаль.

- Я не знаю, в чём тут дело - вскоре продолжала она - То ли я обладала способностью взглядом подчинять себе волю людей, то ли Бог действительно есть. Ведь если человек не верит в Бога, это не значит, что Бога нет. В общем - меня перевели в другую камеру, заменив расстрел ссылкой.

Я покорно подчинялась всем перипетиям судьбы и смиренно сносила тяготы, выпавшие на мою долю. Но по дороге со мной произошёл ещё один случай. Наш вагон заполнили самой разнообразной публикой - политически ненадёжными элементами, бывшими эксплуататорскими классами и несколько человек уголовников. Последние вели себя нагло, потому что находились в привычной для себя обстановке, были люди физически крепкие и выносливые.

Нас кормили плохо, и однажды, верзила уголовник бесцеремонно отобрал у меня даже эту скудную пайку. Я стала возмущаться, он начал меня бить. И всё бы ничего, я бы выдержала эти побои, но он, в приступе злобы, мягко говоря, неприлично высказался о моём лице...

Во мне взорвалось что-то дикое, бешенное, неуправляемое и вогнало в тупое беспмятство. Я, какое-то время, не контролировала себя, а когда опомнилась, увидела вокруг испуганные, молчаливые лица. Оказывается - я зубами вцепилась в горло своему обидчику и перегрызла сонную артерию.

Моё лицо было в крови. Кровь текла по бороде, шее, капала на грудь. Мой вид, наверное, был ужасный, потому как одинаково нагнал страха на всю эту разношёрстную толпу.

Комендант поезда провёл расследование и, уходя, обронил фразу - "В Жилинске высажу эту ведьму к чёртовой матери. Пусть местный отдел с ней разбирается".

План побега созрел внезапно. По сути это даже не было планом: однажды под вечер, наблюдая как охранник с грохотом закрывал тяжёлые двери вагона, я подошла к ещё открытому проёму и поставила ногу на нижний желобок. Красноармеец удивлённо смотрел на меня с той стороны, а я на него - с этой.

- Задвигай засов и уходи - не громко сказала я, пристально глядя ему в глаза.

Он так и сделал. Только засов не вошёл в петлю.

Оказавшись снаружи, я уже закрыла двери как положено.

В тюрьме человек мечтает о свободе. Но если на свободе свирепствует голод - то лучше уж тюрьма.

У меня не было цели. Ноги шли, куда глядели глаза. Весь смысл жизни сводился к одному - что бы сегодня съесть. Я опустилась до того, что могла убить за еду, но это не спасало: еды ни у кого не было, убивать не было смысла, и люди сами умирали с голоду. Везде свирепствовали разруха и смерть. Иной раз за день пути я не встречала живой души. Мне приходилось питаться мертвечиной, не брезговала и человечиной.

Однажды я наткнулась на военное подразделение, стоящее лагерем вдоль реки. Хозяйственный обоз находился на опушке леса и охранялся часовым. Ночью я подкралась и ударила его палкой по голове. Не знаю - убила, нет... Я думаю - нет. Забрала винтовку и патроны.

Зимовать собиралась, забравшись далеко в лес, соорудив берлогу в густой чаще и настреляв немного дичи. Но патронов у меня осталось мало.

Однажды, по дороге на пристань, наткнулась на автомобиль. Водитель, подняв капот, копался в моторе, а две хорошо одетые женщины стояли рядом. Я их ограбила: забрала деньги, украшения и кое-что из одежды. У мужчины был револьвер. Но он для охоты не годился. Всё-таки мне нужны были винтовочные патроны.

Чтобы более-менее безопасно сбыть награбленное - серебряные серьги и кольцо - следовало отъехать от этого места подальше.

Ночью я забралась в товарный вагон, улеглась на какие-то тюки и под стук колёс уснула. Сон был настолько крепкий, что я не слышала, когда поезд остановился, не знала, сколько прошло времени в пути, и тем более не имела понятия где, в каком городе или станции нахожусь. К тому же, я настолько замёрзла, что меня буквально всю колотило. Я вылезла из вагона и направилась к ближайшему зданию. Это был здешний вокзал. Внутри топились буржуйка и несколько человек сидели подле. Увидев меня трясущуюся, они подвинулись, освободив место у огня. Я села на деревянный ящик, прислонилась к колонне и, отогревшись, сначала сладко задремала, а потом снова уснула.

Мне приснилось, но тогда я думала, что всё происходит наяву, будто от печки исходит настолько сильный жар, что вблизи невозможно находиться. Я вся зашла от тепла, облилась потом, но не слушались меня ноги, чтобы уйти, и руки, чтобы расстегнуть одежду. А пламя в топке всё пышет жаром, рвётся наружу через слегка прикрытые дверки и тянет ко мне свои бледно-жёлтые языки...

В общем - я не помню, как меня отвезли в больницу незнакомого города Зижень.

По-видимому, дела мои были плохи, потому что когда я очнулась, это вызвало удивление у медицинского персонала. Врач с круглыми очками на носу, осмотрев меня, спросил - "Тебя, как зовут, баба?" Я, недолго думая, ответила - "Вера Черпакова".

Во время моих скитаний, как-то пришлось проходить через погорелую деревню. Недалеко от дороги, в поросшей лозой неглубокой канаве, обнаружила полуразложившийся женский труп. Рядом были разбросаны личные вещи покойной. Барахло, ничего ценного. Я подняла клочок бумаги, синий от потёкших чернил. Может письмо, может какой-то документ. Более-менее хорошо сохранились лишь имя и фамилия - Вера Черпакова. Вот оно-то как раз и вспомнилось.

- Не знаю, Вера Черпакова, верующий ли ты человек, но я, на твоём месте, пошёл бы в церковь и поставил свечку. Если Бог есть, то он тебя любит - добавил врач.

Из больницы я вышла стриженной, слабой и нищей. Ни денег, ни украшений. Как пришли, так и ушли. Возвращаться в лес не могла, по причине слабости, да и не с чем. Идти было некуда, да и не хотелось. Я снова вернулась в больницу и попросилась, чтобы меня взяли на какую-нибудь работу. Мне предложили ухаживать за больными, потому как смотреть тифозных желающих находилось мало.

Так и осталось я при больнице. Поначалу жила в подсобке, потом выделили комнатку в ближайшем деревянном доме с окном в сад. Я взяла себе новое имя, фамилию, придумала отчество - Ивановна. Сочинила легенду о разорённой, сгоревшей деревне Ивановке, каких по всей России была тьма-тьмушая, о голодной смерти её жителей, о себе, чудом выжившей и скитавшейся по земле. Мне поверили потому что, таких как я, на то время, было очень много.

С новой фамилией наступила новая жизнь. Времена изменились и Вера Черпакова, женщина по натуре тихая, спокойная, не притязательная, не привлекательная, исполнительная, послушная, не конфликтная, очень хорошо вписалась в эту жизнь.

Я работала, получала какое-то жалование, у меня было где жить, меня никто не трогал. Тот старый мир, который я разрушила, точнее - разрушился с моей помощью, исчез окончательно. И хотя на его месте появилось что-то ещё более страшное и уродливое, я об этом не жалела. Правда искренне не понимала, почему так получилось? Ведь всё задумывалось совсем по-другому. Цели были благородные, перспектива ясная. Фабрики рабочим, земля крестьянам. Долой эксплуататоров, вся власть советам. Всё правильно и справедливо. Тогда зачем столько крови? Зачем этот страх, порождающий ложь, обман и подлость? Да, без сомнения были такие, кто мешал новой власти, кто занимался вредительством. Но нельзя же всем сносить головы не разобравшись, по обычному доносу, без суда и следствия. Ну, ладно мы, буржуазия. У них против нас какая-то врождённая злоба. Ну, может и было за что. Так ведь сами своих убивали. Рабочий - рабочего, крестьянин -

крестьянина, брат - брата. Навешивали ярлык - "Враг народа" и пулю в лоб. Здесь перегиб уже даже слишком очевиден. Впрочем, я поняла одну истину - если ты беден, не грамотен и глуп, то можно спокойно и неплохо жить. Я по всем параметрам подходила под эти определения. У меня не было ничего такого, чему кто-то мог бы позавидовать, и я старалась придерживаться этих критериев: прикидывалась, что не умею читать, писать, не понимаю пламенных речей. Дошло до абсурда - у меня был красивый каллиграфический подчерк, в своё время я прочла всего Пушкина, Толстого и Достоевского, но, чтобы не выделяться, пошла в вечернюю школу учиться читать и писать.

С началом Великой Отечественной я попросилась на фронт. Скажу честно - не из-за желания защищать Родину, хотя почему-то была твёрдо уверена, что и на этот раз немец Россию не возьмёт. Всё из-за банального страха перед голодом. Я думаю, что у людей переживших голод, этот страх пожизненно въедается в память и влияет на их поступки. "На фронте, хотя бы, кормить будут" - решила я.

Как и следовало ожидать, меня определили в военный госпиталь.

Войну я только слышала, потому что всегда находилась в прифронтовой полосе, куда доносились лишь звуки канонады. А видела я, в основном, только её последствия: кровь, страдания, смерть. Всё это проходило через мои руки. Я настолько привыкла к этим явлениям, что смотрела на всё с полным равнодушием. Мной в одинаковой степени воспринимался запах цветов, испражнений и гниющего мяса. У меня не было разницы в ощущениях от прикосновения к живому человеку или холодному труп. Но вот однажды, где-то уже под конец войны, к нам попал майор Смирнов. Ему миной оторвало правую ногу и всё его мужское достоинство. Как он убивался по этому поводу: плакал навзрыд, без стеснения, словно малое дитё. А тут ещё медсёстры и санитарки попались как на подбор - молодые, смазливые, фигуристые. Когда они ходили между коек, солдатики приподнимались и провожали их взглядами. А майор в это время захлёбывался слезами.

Чтобы не травмировать его психику, я всегда старалась находиться рядом, потому что моя внешность даже у здоровых мужиков не вызывала плотских желаний.

Майор ко мне привык и даже стал откровенничать. Это, говорит, меня Бог наказал за то, что обрюхатил когда-то Маню Свистунову, а замуж не взял.

Я его всячески успокаивала, перед сном как ребёнку, напевала колыбельную и он засыпал. Это как-то даже вошло в мои обязанности: иной раз прибежит дежурная и зовёт - "Иди, Вера, успокаивай своего, опять разошёлся".

Перед выпиской он мне говорит, мол, поехали со мной, пропаду я без тебя. Я подумала, а ведь и правда пропадёт.

В городе под названием Рощин нам выделили квартиру в двухэтажном кирпичном доме. Майору подыскали должность, дали хорошую пенсию. Казалось бы, живи да радуйся. Но напала на майора другая напасть: стал он напиваться до безумия. В пьяном угаре бросался на людей. И никто кроме меня не мог с ним совладать, никого он не слушал. А я ничего такого не делала, просто становилась у него на пути и молча смотрела в глаза. И он, не в силах освободиться от этого взгляда, ронял нож или топор, затихал, словно смертельно раненый зверь, успокаивался.

Ко мне потом стали прибегать люди, мол, твой опять пивнушку громит. Я брала у соседей тачку, потому как не на себе же его тащить, и за ним.

Я старалась быть рядом, не отпускать его от себя. Но не будешь же целыми днями с ним носиться. А как только отлучусь, он тут же за двери. Напиться для него проблемы не существовало - инвалид, грудь в органах, любой бесплатно угостит. Но справлялась как-то, и жили не хуже других. Только однажды появилась у нас на пороге женщина. Худая, высокая, со строгим взглядом. Майор увидел её, тихо произнёс - "Зина" и уронил костыли.

Это была его жена. Отыскала, приехала и забрала, потому как имела на него все права. А я ему кто? Ни с какой стороны никто. Нянька. А у неё, как потом оказалось, ещё трое детей от него.

Осталась я снова одна. Только через два месяца на пороге появляется эта Зина и, не здороваясь, произносит два слова - "Зовёт тебя".

Когда я к нему приехала, он уже лежал присмерти. Я взяла его руку, молча стала гладить. Он закрыл глаза, уснул и тихо умер.

После смерти майора накатил на меня страшная тоска, что никому я в этом мире не нужна. Был один человек, который, хотя бы таким образом, нуждался во мне и того не стало. И потянуло меня домой, на родину.

Вернулась я в Шатузол и, к своему удивлению, обнаружила, что дом-то мой стоит целый и невредимый. И стало мне от этого радостно на душе, хотя и жили в нём чужие люди.

Старуха вдруг подняла руку и полусогнутым пальцем указала перед собой.

- Вон там, за липам, когда-то находилась наша конюшня - продолжала она - А когда я приехала из Рощина, в ней располагалась спичечная фабрика. Чтобы быть поближе к дому, я устроилась туда на работу.

Окно моего рабочего места выходило на эту сторону. Я изучила всех жильцов, и, приблизительно, знала, кто, где живёт. Полная седая в дама, часто выглядывала из окна комнаты брата Максима. Семья директора магазина занимали комнаты сестёр Ольги и Евгении. Но мне почему-то запомнилась супружеская пара, жившая в подъезде, сделанном из внутренней угловой лестницы, которая вела когда-то из гостиной на второй этаж. У мужчины, лет этак под сорок пять, была молодая и очень красивая жена. Круглолицая брюнетка, с розовыми щеками, большими карими глазами, пышными вьющимися волосами. А фигурка - загляденье. По тому, как супруг возле неё суетился, можно было понять, как сильно он её любит. Да и как не любить такую красоту? И вдруг, у меня в голове появилась мысль - "А не попробовать ли мне устроиться к ним прислугой?".

Подкараулив хозяев у подъезда, я у них об этом так и спросила.

- А почему бы и нет? - сразу согласилась девушка - По-моему, тебе по штату положено иметь домработницу. Можно даже и с проживанием. Площадь позволяет, места много - три большие комнаты и чулан.

- Чулан под лестницей? - спросила я.

- Да. Откуда Вы знаете?

Я нисколько не соврала, когда ответила, что раньше здесь бывала. В детстве, когда мы с сестрами играли в прятки, я залезала в этот чулан. Все знали, что я нахожусь там, но нарочно ходили возле дверей и громко спрашивали - "Где же Таня? Где же Таня?". А я думала, что они и правда не могут меня найти. Сидела тихо, не вылезала, да иногда и засыпала там.

Фамилия хозяина квартиры была Пехотин. Он занимал высокий пост в Центральном Комитете Коммунистической Партии. Но, не смотря на это и солидный возраст, дома, с женой, вел себя как ребёнок. Улыбка не сходила с его лица, так и бросался шутками. То за бок супругу ущипнёт, то в щёку поцелует. Та же, наоборот, вся серьёзная, взгляд строгий. Только и осаждала мужа, мол, перестань, ведёшь себя как ребёнок. Я не знала как там у него на работе, но в быту он был человек добродушный, сердобольный, приятный. И как-то я, ни на что не рассчитывая, ни на что не надеясь, сама про себя подумала - вот бы мне такого мужа...

Старуха долго молчала, потом медленно облизала губы и продолжала.

- Через две недели жена сбежала от него с любовником.

Гордей Фёдорович затосковал, помрачнел, стал выпивать. Не так, конечно, как майор, но, тем не менее, довольно сильно, если брать во внимание, что раньше употреблял только по праздникам.

Я ничего не предпринимала для нашего сближения, я даже не думала об этом. Я даже хотела уйти, но он попросил остаться. "Сдохну от тоски. Окончательно свихнусь".

Где-то вскоре после этого обнаружили у меня болезнь - злокачественную опухоль. Предложили операцию, я согласилась.

На всё, про всё ушло около двух месяцев.

И вот, помню как сейчас, пришла в себя после наркоза, лежу на койке и чувствую в себе какую-то странную лёгкость, будто бы вырезал из меня какой-то орган, большой и тяжёлый. Или словно не под операцией была, а сходила в хорошую баню, где так пропарилась, что вся грязь сошла не только с тела, но и из души.

И вот в это время двери палаты открылись, и зашёл Гордей Фёдорович в белом халате, с цветами и полной авоськой продуктов. Я уже думала, что он забыл про меня и даже возвращаться не собиралась.

От увиденного у меня слёзы градом, дыхание перехватило и я, сама того не желая, заплакала навзрыд, как тот майор, хотя до этого, с тех пор как ушла из дома, никогда не проронила даже слезинки.

Вот, практически, с этой встречи у нас всё и началось. Как вы говорите - и любовь, и доброта, и сострадания. Я не знаю, что со мной случилось, но после операции меня будто подменили, словно вместе с опухолью удалили всё отрицательное: грязь, черноту, злобу.

Я родила ему троих дочерей, мы успели их вырастить, выучить, отправить на свой хлеб. Дождались внуков. Вот такая жизнь: половина - чёрная полоса, половина - светлая. Зачем? Неужели всё случайно? Сколько смертей я видела, сколько раз могла умереть? И не одна я тогда находилась на последнем издыхании. Большинство-то, "и сдохли". А я выжила... Зачем? Может теперь от того и век такой длинный, что уравнивалось плохое и хорошее? А может, моя такая жизнь кому-то нужна?

Я поверила в Бога, хотя, конечно, и скрывала это, потому как по работе - вступила в партию. Я даже одно время преподавала в Высшей Партийной школе. В моей душе одно другому не мешало, но, всё-таки, если говорить откровенно, где-то в глубине души, предпочтение, всё же, отдавала вере.

- Скажите - Пол сглотнул собравшуюся во рту слюну - а расстрелянные белогвардейцы вам не снятся?

- Вы, наверно, хотите узнать - раскаиваюсь ли я в содеянном? - в свою очередь спросила Ивапетова, подумала и ответила - Да... Теперь - да. Особенно последнее время. Ведь те люди, которых я убила, были не виновны в том, что я родилась некрасивой. Но чувство мести, сидевшее во мне тогда, не оставило шансов раскаяться. Понимаете, месть и раскаяние, это совершенно противоположные берега. Да и время было такое: вихрь, сильнейший круговорот событий. Война, революция... Всех увлекла эта необузданная сила. Смерть от холода, голода, пули, болезни, были настолько привычны, что на неё никто не обращал внимания. Какое уж там раскаяние? Только меня теперь не покидает одна мысль - если бы я тогда не грешила, то потом бы, и не выжила. Мне почему-то кажется, что только грешники совсем не боятся смерти. Они даже ищут её, словно торопятся в ад, чтобы быстрее отстрадать, отмучиться. Но они живут. Жизнь для них продолжается, как бы в наказание им же. Я уже давно приготовилась к смерти и ходила по краю. Но кто-то решил - рано... А может всем нам судьбой предназначено что-то совершить в этой жизни? Плохое или хорошее. Совершить поступок, действие, или, всего лишь, произнести кому-то, какое-то слово? И живём до тех пор, покуда не совершим, не скажем...

Внучка появилась неожиданно.

- Ну, вот и я - сказала она.

Наверно она отсутствовала дольше заявленного времени, потому что, немного погодя, коротко и невнятно добавила - "Извините...".

Пол поднялся и, глядя на старуху, произнёс - "Я рад, что у вас всё хорошо".

И вдруг ему показалось, что взгляд женщины от этого стал безумен, почти как у Ирины..

- У тебя тоже будет всё хорошо. Я видела тебя - ты улыбаешься, значит у тебя всё хорошо - сказала она.

- Где вы меня видели? - насторожился Пол.

- В будущем - коротко ответила женщина.

- Вы видите будущее?

- Да. Я вижу сны, и некоторые, особенно в последнее время, сбываются. Значит, я вижу будущее. А что тут удивительного? Жизнь, это как книга. А настоящее, это то место, где мы её читаем. Но иногда, по каким-то причинам, во сне или как-то по-другому, нам позволено пролистать пару страниц вперёд и прочесть пару строк. Там, в будущем, ты отпустишь бороду.

- Ааа... - протянул Пол, глубоко вздохнул и, задумчиво глядя в сторону, обречённо произнёс - Тот, с бородой... конечно... у него будет всё хорошо - вдруг он резко повернул голову к женщине - А тот, с бородой, вам ничего не предлагал, ничего не обещал?

- Нет - ответила женщина - только сидел, смотрел и улыбался.

Внучка в это время направила коляску к дверям подъезда. Вдруг девушка повернула к Полу голову и, крутанув указательным пальцем себе у виска, вполголоса, так чтобы не услышала бабушка, произнесла - "Не обращайтесь внимание. Что вы хотите - девяносто восемь лет".

Пол, соглашаясь, слегка кивнул, повернулся и пошёл в магазин. Но вдруг он вспомнил, что времени прошло значительно больше, чем положено и почти бегом вернулся домой.

С Ириной было всё в порядке.

Рассказ соседки впечатлил Пола, но мысли у него пошли какие-то свои.

"Вот душа - думал он - что такое душа? Как она появляется у человека? Ведь при рождении человек не осознаёт её. Она, наверно, есть, но похожа на чистый лист и с возрастом заполняется какой-то сутью, которую можно обозначить как грех и добродетель. Религия требует осознания греха и покаяния. А если грешник не виновен в своём грехе, если его, под страхом смерти вынудили совершить подлый поступок или в жизни так сложились обстоятельства? Суть дьявола, хотя Качай и отрицает это, состоит в искушения. Жадность, зависть, тщеславие и желание вкушать запретный плод, который ещё почему-то и сладок. Но откуда взялся запретный плод? Зачем он нужен? Кто его создал? А не стоят ли за этими пороками фундаментальные жизненные принципы? Потребность в питании порождает страх перед голодом. Запаситься впрок всем жизненно необходимым, не является пороком. Так разве можно осуждать человека за эту, пусть иногда и излишне обострённую черту? Ведь трудолюбие, понятие вознесённое до идолопоклонства, есть не что иное, как та же жадность. Жадность к деньгам, материальным ценностям. Зависть - оттуда же, а на запрете плоде основывается продолжение рода человеческого. Может быть, грех, есть последняя крайность этих понятий, а противоположность им, то есть добродетель, не что иное, как защитный барьер от этих крайностей? Но тогда, действительно, первоисточник человеческой сущности - парок. К примеру - я. Моя добродетель, а уход за душевнобольным человеком, надлежащий уход, чего там уже скромничать, бескорыстный, началась далеко не из благородных поступков. До этого были подлость, трусость, зависеть. Не было бы одного, не было бы и другого. Плохое и хорошее соединено меж собой и зависимы друг от друга. Но если душа формируется в процессе жизни, то к концу, она должна являть собой, если не совершенство, то, по крайней мере, какую-то, в той или иной степени, идеальную сущность. В жизни, и довольно часто, наблюдается обратное. Что такое слабоумие под названием старческий маразм? Это деградирующая душа или физиологический процесс: клеткам мозга не хватает кислорода, от сужения кровеносных сосудов, название чему - склероз. В чем же божественность души, если она полностью, или, в лучшем случае - на половину, зависит от состояния материала, в котором обитает? Если в основании мира лежит парок то его, логически рассуждая, следует уравновесить благодетелью. Может быть, человеческая душа и предназначена для того, чтобы переработать парок и создать эту благодетель, для уравновешивания. Тогда, в начале было не просто слово, а матерное слово. Ну а в конце, возможно, ещё при жизни человека, душа начинает отделяться от порочной плоти и трансформируется во что-то иное, оставляя за ненадобностью физическое тело. Так человек и доживает - душа частью на небесах, частью на грешной земле. И вся ненормальность и странность людей в преклонном возрасте, заключается в том, что они, хотя может и не все, видят ещё какой-то другой мир, чего не видит и не должен видеть нормальный человек.

Пол вдруг поймал себя на том, что в его голове возникли мысли, не понятные ему же.

"Только этого ещё не хватало - подумал он и, чтобы отвлечься, взялся за приготовление пищи. Однако, набирая воду в кастрюлю, вдруг снова задумался - Надо будет узнать - философские мысли, это признак шизофрении или паранойи?"

Как-то, уладив дела на работе, Пол собирался домой. Канцлер, как обычно, провожал его. Вдруг, на выходе, у них на пути нарисовался Сранч с сочным фингалом у левого глаза.

- Что, опять?... - удручённо спросил Пол.

- Карлик деньги отобрал - жалостливо проговорил Сранч.

- Ты работаешь у Карлика?

- Он тусуется там - уточнил Канцлер - И не знаю почему. Карлик его терпеть не может. Я его устроил в ларёк, к Аркашке Сойкину, здесь, через дорогу. Мужик жадноватый, но... Он тебе, кстати, заплатил?

Сранч молча кивнул.

- А Карлик забрал деньги? Вот так просто, беспричинно, взял и отобрал? - Пол нахмурил брови и повысил голос.

Мужчина в грязной, заношенной до дыр одежде, молча повернул голову в сторону. То ли от травмы, то ли от обиды, его глаза начали слезиться и по щеке покатилась крупная капля прозрачной жидкости.

Пол и Канцлер переглянулись.

Это, наверно, был единственный в мире случай, когда погоняло совпадало с фамилией. Происходило оно от имени Карл. По-другому быть не могло, потому что обладатель данной фамилии имел рост под метр девяносто, был широк в плечах и совсем не походил на карлика. Когда-то он поступил в художественное училище, откуда и сел на пять лет за драку с грабежом. Банальный случай - не хватало денег на выпивку. После отсидки зарабатывал, и неплохо зарабатывал, нанесением татуировок. Был молод, горяч, амбициозен и стремился к власти. Пока что, в небольшом районе, подчинил себе мелких воришек, шпану и местных бомжей. Однако Пол предчувствовал, что тот способен на большее.

- Ладно. Поехали разбираться. Только учти - если вина за тобой, там же башку снесу - пригрозил Пол.

Канцлер проводил их к машине и, когда они сели, подошёл к окну со стороны водителя.

- Может возьми пару пацанов - предложил он - Карлик - чувак непредсказуемый.

Пол слегка кивнул, но это означало, что от предложения отказывается.

- Вообще-то, я не занимаюсь подобными разборками - сказал он - У меня такой принцип: если ты попал в дерьмо, то сам и выбирайся. Ну, а если не выбрался, значит, не судьба...

То ли водитель ждал пока прогреется двигатель, то ли в уме прикидывал какой-то план, то ли просто сидел в задумчивости, потому как прошло больше минуты, а они не сдвинулись с места.

- Куда ехать? - наконец спросил Пол

- Беднохатка - ответил Сранч.

Деревня Беднохатка, которую все почему-то называли "район", находилась на расстоянии трёх километров от города. В своё время строительство в этом направлении было остановлено, и вот уже более пяти лет город пребывал в нерешительности. Причиной тому являлась действующая птицеферма, находящаяся недалеко от деревни. Казалось, её специфический запах навеки прописался в этом населённом пункте. Откуда бы ни дул ветер, здесь пахло одинаково. По этой причине город брезгливо воротил нос, в виде конечной остановки общественного транспорта и пугливо выглядывал окнами последних этажей серых высоток из-за холмов, которые обильно удобрялись отходами пернатого производства. Город давно сожрал бы эту деревушку и выложил на её месте широкий проспект, но вначале надо было разобраться с фермой, а та, в свою очередь, успешно откупалась яйцами, упитанными тушками бройлерных цыплят и множеством жёлтых пушистых комочков из инкубаторного цеха. Когда-то городом предпринимались попытки пересечь

эту условную черту, но они закончились провалом, о чём свидетельствовал ржавый строительный кран, как старый хрыч, уныло склонившийся над низким фундаментом, поросшим крапивой и чертополохом, зачатого по чьей-то оплошности, здания. Больше попыток не было, потому что для города перспектива остаться без яиц являлась ещё более худшей, чем то, что его здешний приграничный район в народе прозвали "Сектор газа". В деревне, по этой же причине, не было централизованного водоснабжения, не говоря уже о горячей воде и отоплении, отсутствовало газоснабжение, не ремонтировались дороги. Большинство нормальных жителей её давно уже перебрались в город: нашли работу, завели семьи, получали квартиры. Остались только, в большинстве своём - алкоголики, тунеядцы, люди с судимостями. В общем - район кишел криминалом, потому что милиция, как шутили местные жители, без противогазов туда не совалась.

Сначала Сранч ехал молча, тупо уставившись на дорогу. Потом, вдруг, в какой-то момент резко повернулся назад и словно завис между водительским и пассажирским сиденьями. Замерев всем телом, он смотрел на Ирину, открыв от удивления рот.

- Не отвлекайся - сказал Пол, наблюдая боковым зрением за его действиями.

- Кто это? - спросил Сранч, с тем же выражением лица, глядя на водителя.

- Тебя это не касается. Будешь много знать - засветишь вторым глазом.

Дальше ехали молча.

Обычно, деревни имеют одну центральную улицу, с домами по обе стороны, или по одну. Здесь же, строения располагались хаотично, словно разбросанные бильярдные шары, после сильного удара. Деревня была опутана сетью дорог, дорожек и тропинок, которые вместе с бесконтрольно разросшимися садами и просто кустарниками создавали настолько путаный лабиринт, что люди, не знакомые с этой местностью, по-настоящему терялись.

- Почему тебя зовут Сранч? - первым нарушил молчание Пол.

- Я шмонал дачи и за это получил первый срок. Было время, в народе дачи называли ранчо.

А меня зовут Александр. Вот и пошло - Санчо с ранчо.

- А почему ты начал воровать? Чего тебе в жизни не хватало?

- Захотелось... - огрызнулся Сранч.

Очевидно, на эту тему, у него не было желания говаривать и Пол не стал настаивать. Однако, уже через несколько минут, тот сам начал рассказ.

- Я родился на сто первом километре, от проститутки и алкоголика. Из меня могло получиться что-то иное? Да там все были такие. Я ничем не отличался от остальных.

Они снова молчали несколько минут.

- У тебя родственники есть? - наконец с явным дружелюбием спросил Пол.

- Да, младшая сестра.

- И где она?

- В Польше.

- В Польше? Что она там делает? - удивился Пол.

- В посольстве работает.

- Она знает польский язык?

- Она знает ещё и английский, и французский.

- Ну, вот видишь! - радостно воскликнул Пол - Проститутка и алкоголик здесь не причём. И окружение здесь не причём. Здесь всё дело в тебе.

- Да... - тихо согласился Сранч и опустил голову.

- Рано начал пить, курить? Влез в зависимость от вредных привычек? Леня было учиться? Только не говори, что тебя заставляли. Твоя сестра, наверняка, слабее тебя физически, но ведь смогла устоять. Я уверен, что ей тоже пытались навязать такую жизнь.

- С девок другой спрос. У пацанов, была своя коды, и всех кто не жил по её законам, попросту били. Чтобы не попасть под это влияние, надо было быть или очень сильным физически,

или иметь хорошую "крышу" - сказав это Сранч задумался, потом глубоко вздохнул и добавил - А вообще-то, моя сестра упрямая.

- Сила воли... Это называется - сила воли - жёстко проговорил Пол - Можно назвать по-другому - борьба с ленью или с самим собой. И ты её проиграл. А точнее - ты даже не боролся. Куда ехать?

Дальше они не затрагивали эту тему, потому что Сранч, тыкая пальцем в стекло, показывал направление.

Наконец Пол остановил машину у одноэтажного кирпичного дома, с крупными пятнами отвалившейся штукатурки на стенах. Дом был похож на бездомного пса, у которого от старости и болезни с боков повылазила шерсть. Левый столбик ворот, также сложенный из кирпича, был наполовину разрушен и ржавая металлическая створка, похоже, не двигалась. Другая половина, приоткрытая ровно настолько, чтобы в неё вошёл человек, висела косо. Двор и сад обильно поросли травой, что свидетельствовало о запущенности хозяйства, и лишь только свежие окурки, на потрескавшейся бетонной дорожке, ведущей к веранде, говорили о присутствии людей.

Перед тем как открыть двери автомобиля Пол вдруг замер.

- Слушай... - спросил он рассеянно глядя перед собой - а к тебе никогда не приходил человек... ну, в воображении или во сне... не соблазнял, не подговаривал к чему-либо?

Сранч задумался, удивленно глядя на собеседника.

- Нет... - осторожно произнёс он.

- А как ты начал воровать?

- Гоша Пламбир, Алик Кирпич, пацаны с нашей улицы, были ворами. Они меня научили.

- А вот скажи, если бы у тебя был выбор - украсть деньги, или честно заработать... Что бы ты выбрал?

- Украсть, конечно.

- Почему?

- Потому что я вор. Это сидит во мне. Я не могу по-другому.

- А убить человека, ты бы смог?

- Неет... Я вор, я не мокрушник.

- А за деньги? За большие деньги?

- Нет! У меня не получится. Я не умею это делать. Я вор.

Вдруг Пол откинулся на спинку сиденья, но по-прежнему продолжал рассеянно смотреть перед собой.

- Сидит во мне... Сидит во мне... - повторял он словно под гипнозом - В каждом человеке сидит свой бес...

- Чего? - Сранч слегка наклонной голову, чтобы заглянуть ему в лицо. Но в следующее мгновения Пол уже был обычным: суровый, жёсткий, решительный.

- Ладно, пойдём - сказал он.

Кнопка звонка находилась под низкой крышей веранды, и Сранч выдавил на ней условный код. Вскоре на пороге появился человек в грязной майке. От его дряблого тела, с мертвецки белой кожей, пахло потом, небритое лицо носило явные следы продолжительного запоя.

- Здесь? - спросил его Сранч.

По-видимому, короткое мычание мужчины, являлось положительным ответом, потому что Сранч переступил порог, зазывая Пола кивком головы. Глядя на второго человека, хозяин снова также замычал, на что Сранч, глядя ему под ноги, тихо попросил - "Молчи...". Они прошли через открытую дверь в прихожую, свернули в узкий, тёмный коридорчик и, через несколько шагов, оказались в просторной, светлой, в четыре больших окна, комнате.

Всё здесь носило отпечаток прошлого: мебель, обои, печка, оконные рамы, карнизы со шторами. За столом, с грязной посудой и пустыми бутылками, стоял старый, но хорошо

сохранившийся диван, на котором тосковала пьяная, ярко покрашенная, черноволосая девица. Трое мужчин заняли два мягких кресла неподалёку, курили и беседовали.

Карлик сидел, развалившись, раскинув ноги и, низко, почти до пола, спустив через подлокотник правую руку, с дымящейся сигаретой между пальцев. В другом кресле, наклонившись вперёд, сидел коротко стриженный, уже не молодой мужчина. Третий, худой и бритоголовый, с трёхдневной щетиной на впалых щеках, пристроился на подлокотнике кресла, боком к товарищу. Завидев гостей, они замолчали.

- Это что за чувырло? - прокуренным, хриплым голосом спросила девица, фыркнув табачным дымом.

- Заткнись! - цыкнул на неё сидящий на подлокотнике и поднялся. Двое остальных сделали то же самое.

- Какими судьбами? - немного растерянно спросил Карлик.

Он был крупный мужчина и отличался от своих товарищей наличием обильной растительности на голове. В частности - носил длинные волосы, зачёсанные назад и зафиксированные на макушке солнцезащитными очками. Так же он имел густую, коротко стриженную бороду, медного цвета. Внешне он, действительно, походил на художника.

Пол засунул руки в карманы брюк, дал кружка посреди комнаты, придирчиво оглядывая всё помещение. Его взгляд на мгновение зацепился за две иконы в верхнем углу между окон.

- Ты зачем человека обидел? - остановившись перед Карликом и, глядя ему в глаза, спросил он.

- Человек? - сморщив нос и насупив брови, переспросил Карлик - Это человек? Это чмо. Он на зоне был опущенным, с петушиного угла не вылезал. Да и не просто опущенным, а опущенным среди опущенных. От него за версту козлом несёт.

- И это тебе даёт право его бить?

- Я попросил помыть машину. Не бесплатно, кстати. А он? Он металлическим шпателем стал её шкрябать. Представляешь? А деньги я забрал так, для профилактики. Он за всю жизнь столько не заработает, сколько я потрачу на перекраску.

- Я шпателям только жвачку возле дверной ручки снял. Аккуратно снял, никаких следов. А внизу царапина не моя, это не я - оправдывался Сранч.

- Глохни, чмошник! - крикнул на него Карлик, через плечо Пола.

Пол смотрел в глаза стоящему перед ним человеку и молчал. Тот тоже не отводил взгляд. Так продолжалось около минуты.

- Вот мне ты бы такое не сказал - наконец проговорил Пол.

- Конечно, нет. Ты же нормальный человек и соображаешь что к чему.

- Дело не в этом... - Пол вдруг замолк и стал тереть ладонью о ладонь - Дело в том, что у меня рост метр девяносто три и вес сто четыре килограмма. В молодости я занимался боксом, у меня сильная рука. Лет десять назад я бы вас троих одними локтями уложил в течение минуты. Теперь на это времени потребуется больше...

Вдруг он развернулся, медленно чеканя шаг, подошёл к Сранчу.

- А у него рост метр шестьдесят...

- Семьдесят два - поправил Сранч, но это осталось без внимания.

- И вес шестьдесят пять килограмм...

- Семьдесят два - уже повысив голос, в котором звучали нотки возмущения, проговорил он.

- Худой, как велосипед и силы как у цыплёнка... Вы с ним в неравном положении. У тебя преимущество в силе. Бить того кто не может дать сдачи - это не справедливо - с последними словами Пол повернулся к Карлику - Поэтому будет правильно, если он воспользуется оружием.

Сказав это Пол достал пистолет, взвёл курок и протянул Сранчу.

- Мне? - удивился тот, осторожно берясь за рукоятку - И что? Стрелять?

- На твоё усмотрение - спокойно ответил Пол.

Карлик с ухмылкой глядел на происходящее.

Все знали, что Сранч стрелять не будет, и он сам это знал в первую очередь. Но чтобы трусость не выглядела так явно, решил прикрыть её куражом. Поставив ноги на ширину плеч, взявшись за оружие обеими руками и направив его на Карлика, он слегка прокашлялся.

- На колени! - наконец крикнул он, но голос сорвался и на середине слова дал "петуха".

Всё получилось настолько потешно, что Пол, сдерживая улыбку, сильно сжал челюсти и отвернулся.

Однако Карлика это несколько не развеселило.

- Что? - прорычал он - Я перед собой на колени? А не прих...уел ли ты?

Вдруг, по каким-то причинам, он резко поднял вверх правую руку. Возможно, хотел снять с головы очки или поправить их.

По-видимому, раньше, он часто награждал Сранча оплеухами и затрещинами, потому что тот сразу среагировал на этот жест - также резко отшатнулся. И в это время он непроизвольно нажал на курок.

В помещении выстрел прозвучал очень громко.

Девушка истошно завизжала, вскочила с ногами на диван и забилась в угол.

Карлик попятился, повалился спиной на кресло и с грохотом скатился с него на пол. Посреди его лба темнело небольшое пятнышко с коротким кровавым подтёком.

Пол долго смотрел застывшим взглядом на лежащее тело, ещё конвульсирующее в предсмертных судорогах, потом повернул голову к Сранчу.

- Я не хотел... - испуганно прошептал он.

- Я знаю... - всё также спокойно произнёс Пол и осторожно забрал у него оружие.

Двое мужчин стояли у тела убитого товарища. Пол, с пистолетом в руке направился в их сторону, и они одновременно стали отступать.

Пол долго, в глубокой задумчивости стоял над Карликом, словно прощался с ним, неподвижным и скорбным взглядом уставившись в его лицо.

- Тело надо предать земле - наконец сказал он и посмотрел на мужчину постарше - Кто-нибудь работал с трупами?

- Было дело - ответил тот.

Пол на секунду задумался.

- Хотя нет. Я поручу это своим людям. Так будет надёжнее. А пока в дом никого не впускать и никого не выпускать. Телефоны отключить, никаких звонков. И рот на замке, молчать до конца своих дней. Тогда, возможно, вы и доживаете до них - Пол посмотрел на девушку, направил в её сторону дуло пистолета и добавил - Ей тоже это объясните.

- Замётано... - просипел стриженный. Второй мужчина лишь молча кивнул.

Сранч в машине съёжился как от холода и его стал бить мелкий озноб. Если бы у него были зубы, то они бы теперь обязательно стучали.

- Ну, вот видишь - убить человека, на самом деле, очень легко - задумчиво сказал Пол - А дальше будет легче. Вскоре ты войдёшь во вкус и не захочешь расставаться с оружием - вдруг он повернулся к пассажиру, наклонился к нему, и, вглядываясь в лицо, почти шепотом спросил - Что ты чувствуешь?

- Я боюсь...

- Чего? Ада?

- Нет. Я боюсь, что они меня убьют - ответил Сранч и кивнул в сторону дома.

Пол разочарованно вздохнул, отвернулся и сел на прежнее место.

- Возможно... - с безразличием произнёс он, глядя в боковое окно.

- Как? - Сранч подскочил на сиденье, испуганно глядя на водителя. Его мондраж прошёл в одно мгновение.

- Ты же сказал...

- Что я сказал? - криком перебил его Пол - Я тебе сказал его убить? Я только на какое-то время дал тебе перевес. Ты мог выстрелить в воздух, мог, к примеру, прострелить ему ногу, потребовать обратно свои деньги, а мог и простить. Но ты использовал свой шанс таким образом. Ну что ж, это твоё решение. Ты его принял. Ты совершил поступок, а за свои поступки, надо самому и отвечать.

- Они меня убьют... - обречённо прошептал Сранч, сполз по спинке сиденья вниз и прислонился виском к стеклу.

И снова на Пола нахлынули какие-то странные мысли. То, что Сранч убил Карлика, его не удивляло. Да и убил он его случайно, с перепугу. Да и выхода у него, практически, не было: тот его потом бы достал. Убил или покалечил. Даже прощение врят ли смогло что-то изменить: Карлик не оценил бы этот благородный поступок.

"Униженные и оскорблённые, страдающие от своих тиранов и диктаторов, при первой возможности занять их место, становятся такими же тиранами и диктаторами - думал Пол - Сранч, завладев оружием, а практически - получив власть, сразу же захотел поставить Карлика на колени, то есть - унижить, опустить. А ещё раньше, Карлик забрал у него деньги не для того чтобы компенсировать расходы, а чтобы таким образом, унижить Сранча. Унижение, для человека - самое страшное наказание, воздействующее на него нравственно, озлобляющее до такой степени, что при первой возможности он расправляется с обидчиком с крайней жестокостью и цинизмом. Это чувство не исчезает, не проходит бесследно, оно сидит в нём и ждёт своего часа. И, в отличие от животного, человек не просто ждёт, а изобретает, придумывает, строит планы отмщения. Тот же пистолет изобрёл если и не униженный и оскорблённый, то, наверняка, одержимый жаждой мести человек. Значит, история цивилизации начинается не с одухотворённости плоти, а с желания отомстить. Пусть Бог и создал человека, но развиваться тот начал только благодаря Каину".

Подъехав к дому Пол долго сидел в машине, бессмысленным взглядом уставившись в лобовое стекло. Наконец достал телефон, набрал номер Канцлера и попросил, чтобы тот, на всякий случай, присмотрел за Сранчем и по возможности подыскал ему какую-нибудь работёнку.

Профессор Летечко вернулся из-за границы и сразу же начал приём посетителей.

Полу позвонили, предложили день и время. Он стал готовиться, собираться. И вдруг, неожиданно возникшая мысль, на какое-то время парализовала весь процесс его сборов - "А зачем я всё это делаю?"

"Чтобы вылечить..." - ответил он сам себе.

"Ну, а если она никогда не выздоровеет?"

Этот вопрос, казалось, был задан не им, а проник в его сознание извне. Пол даже обернулся - не явился ли снова Качай?

"Тогда отвезу её обратно..."

После этой мысленной фразы, стало как-то подозрительно тихо. И вдруг он очень явственно представил картину: открытые настежь двери гумна, где он когда-то нашёл Ирину, а за ними густая, непроглядная темень. Вдруг, где-то из её глубины, послышалось глухое шипение, будто через эту открытую дверь вырвался наружу тяжёлый вздох преисподней. Оборванные нити паутины, свисающие сверху, приподнялась и опустилась, а Пола на мгновение обдало волной пронзительного холода, от которого его тело, уже в реальности, пробила мелкая дрожь. И тогда он понял, что никогда не отвезёт Ирину обратно.

"Ну, так что, теперь всю жизнь будешь с ней возиться?" - послышалось за спиной.

Пол не обернулся. Он знал, что за ним никого нет. Однако почувствовал на себе колючие, острые как штыки, взгляды, стоящих в шеренгу Ферзя, Бахчы, Гудвина и Шеста. Они словно на самом деле находились у него сзади, с хмурыми, окаменевшими лицами злобно смотрели в спину.

- Так ничего другого мне и не остаётся...

И вдруг он осознал, что находится в ловушке.

Как хищник, он был расчётлив. Но как хищник он был и осторожен. Он чувствовал западню и всегда оставлял пути для отступления. Теперь же их не было. Теперь оставался только один выход - вылечить девушку. И чем быстрее, тем лучше, потому как время играло против него.

Шорох за спиной заставил Пола обернуться. Ирина смотрела ему в глаза. Поначалу этот взгляд показался осмысленным, но подойдя ближе, Пол понял - ошибался.

- Что случилось? - спросил он - Наверно хочешь в туалет? Пойдём.

"Да, добром это, однозначно, не кончится... - подумал он - Либо она выздоравливает, либо меня загоняет в гроб".

"Светило" не был похож на профессора: внешне - ни капли интеллигентности. Невысокий, полноватый мужчина, в районе за шестьдесят, с большой лысиной, замаскированной седыми прядями волос и бесцветными бровями. К его внешности больше всего подошла бы специальность повара или кондитера. Почему-то создавалось впечатление, что его слегка присыпали мукой. Высокий белый колпак идеально бы подошёл к его круглой голове, небольшому, приплюснутому носу и пухлым розовым щекам.

Его рабочий кабинет выглядел по-современному: просторный, чистый, светлый. Массивный стол, компьютер, большое окно, с белыми рамами и широким подоконником. При входе, с одной стороны - жёсткий топчан, с другой - двухстворчатый шкаф. В общем, интерьер кабинета соответствовал вывеске на дверях, где большими, под золото теснёнными буквами, красовались инициалы и должность хозяина кабинета. В свою очередь этот кабинет, с дверями, вывеской, обстановкой, соответствовал внешнему виду комплекса зданий. Современные постройки с затенёнными окнами, аккуратными сквериками, подстриженными газонами, размеченной автомобильной стоянкой. И всё это было обнесено высоким бетонным забором.

Когда Пол и Ирина вошли в кабинет, профессор предложил сесть, указав рукой на топчан. Всё это время, пока они не спеша подходили к указанному месту, врач очень внимательно, как-то даже по-хищнически, смотрел на девушку. Затем он спросил инициалы, что-то нашёл в компьютере и раскрыл перед собой канцелярскую папку.

Он читал, низко наклонив голову над столом, и почти не шевелился.

Полу стало казаться, что тот создаёт видимость работы, а на самом деле, просто дремлет над раскрытой папкой и, что бы скрыть это, время от времени переворачивает страницы.

Вдруг профессор резко откинулся на спинку кресла, сполз вниз на сиденье, так что подбородок лёг на его грудь и стал неслышно стучать пальцами себе по животу. Вцепившись в Пола придирчивым взглядом, долго молчал.

- Вы ей кто? - наконец задал вопрос Летечко.

- Я - просто знакомый - стушевался Пол.

Летечко резко приподнялся, наклонился вперёд и навалился грудью на край стола.

- Не. Просто знакомый - не годится. Нужны родители. У неё же есть родители?

Сделав паузу, по времени ровно столько, чтобы у собеседника в сознании сформировался вопрос - "Зачем?" - стал на него отвечать.

- Когда, к примеру, человеку делают операцию, у него берут письменное согласие на операцию. В силу сложившихся обстоятельств, она не может дать такое согласие. Значит нужно согласие родителей.

Пол вздохнул, опустил голову и стал искоса смотреть в сторону.

- Электрическим током будите лечить?

Этот вопрос, как ему казалось, он задавал мысленно, и только спустя какое-то время понял, что произнёс вслух.

Он по-прежнему сидел, не поднимая головы и не видел, как от этого вопроса профессор сильно смутился, суетливо закрыл папку, несколько раз стукнул пальцем по клавиши компьютера.

- Это из области профессиональной этики, которую я не вправе разглашать. Вы же хотите, чтобы она выздоровела?

Слушая этот раздражительный ответ, Пол думал совсем о другом. "Как быть с тем, что её родители постоянно пьют? - крутилось в голове - не повезёшь же их сюда датыми".

- В общем, так - продолжал Летечко - обдумайте и решите. Когда определитесь, обращайтесь в одиннадцатый кабинет, к Галине Макаровне Тучиной. Это здесь, по коридору и направо. Она вам всё объяснит.

Однако опасения Пола оказались напрасны: когда он на следующий день поехал в Липкое, застал родителей Ирины совершенно трезвыми. Поначалу, он долго всматривался в их лица, стараясь определить состояние и, когда убедился что они не пьяны, изложил суть дела.

- Когда ехать? Сейчас? - спросил отец.

Пол не планировал ехать сейчас, но раз обстоятельства складывались таким образом, то этим следовало воспользоваться.

- А Ира?... - робко поинтересовалась мать.

- Здесь - ответил Пол, кивком головы указывая на автомобиль.

Она бросилась к дочери, как только та показалась из машины. Обняла её, расцеловала, стала плакать, уткнувшись лицом в грудь. Вскоре подошёл отец, тоже обнял обеих и, глотая слёзы, стал гладить дочь по голове, плечам, шёпотом произнося ей в волосы - "Иринка-картинка, Иринка-картинка...". Но дочь, как и раньше, оставалась безразличной к их чувствам.

В дороге, через зеркало заднего вида, Пол видел лица всех сидящих сзади. Ирина располагалась посредине, мать - слева, отец - справа. Пол отметил про себя какую-то решительность, целеустремлённость во взгляде родителей, словно они были полностью уверены, что дочь вылечат. И Пол не понимал, откуда у них эта уверенность? Неужели они до такой степени надеются на него?

Галина Макаровна судя, по поведению, была женщиной доброй и заботливой. Её голос звучал мягко, нежно, с явным сочувствием и состраданием. Она суетилась возле них, скорее просила, чем указывала, предлагала, а не распоряжалась. И если это даже был шаблон, он идеально подходил и к месту, и к обстоятельствам.

Тучина позвала родителей к столу для оформления документов и, во время процесса, подсказывала, что, где и как надо писать. Пол и Ирина в это время сидели у стены. Ирину можно было оставить в машине: включить радио или одеть наушники. Но Пол решил не афишировать свои методы.

Вдруг Галина Макаровна вышла в смежный кабинет. По-видимому, вопрос был мелочный, потому что дверь туда она оставила открытой.

В это время мать Ирины кивком головы подозвала Пола к себе. Указывая ручкой на сумму, прописанную в документе, которую следовало уплатить за весь курс лечения, она шепотом произнесла - "У нас нет таких денег".

- Это не ваша забота - вполголоса сказал Пол - Вам надо только подписать.

Вошла Галина Макаровна и он вернулся на место.

- К сожалению, сегодня госпитализировать мы её не сможем. Есть небольшие проблемы с размещением - сказала она - Но где-то послезавтра решим эти вопросы. Вот вы и приезжайте послезавтра. Только квитанцию об оплате не забудьте. Если что-то изменится - я вас наберу.

Перерыв оказался кстати, потому как Пол не готов был оставить Ирину теперь. Хотя, в сущности, она была в нормальном состоянии: вымытой, ухоженной. Просто он хотел одеть её в новую одежду и купить зимнюю куртку.

Прямо из больницы он привёз родителей домой, в деревню Липкое.

- Не беспокойтесь, это лучшая клиника, врачи с мировыми именами. Я думаю, они смогут вылечить. Во всяком случае - надежда есть - говорил он, медленно шагая по двору, глядя на пятнистого кота, который нервно подёргивая хвостом, бежал впереди - Я буду держать вас в курсе.

Сказать больше было нечего, Пол остановился и родители тоже.

- Трудно с ней? - вполголоса спросила мать, заглядывая ему в лицо.

- Да нет, не очень...

Вдруг женщина упала перед ним на колени, схватила правую руку и стала неистово целовать тыльную сторону ладони.

Пол как-то не сразу осознал происходящее. Только спустя несколько секунд до него дошёл смысл этих действий.

- Мамо, перестаньте! - крикнул он, вырвал руку и отскочил в сторону.

Как сел в машину, как выехал на трассу, помнил смутно, как в тумане. Казалось, всё произошло одним рывком. Лишь через какое-то время осознал, что гонит машину на низкой передаче, на полном газу.

Сначала в горле стоял тупой, тяжёлый ком, потом ещё потекли и слёзы. Пришлось остановиться на обочине.

Он отёр ладонями глаза, опустил боковое стекло. Может быть от свежего воздуха, или от слёз, но ком в горле постепенно таял. Стало легче дышать.

"Мать Тереза - мысленно упрекнул он себя - Только почему я назвал её - мамой?"

Пол долго рылся в памяти и наконец вспомнил ту историю, которая объясняла такое неожиданного обращения к чужой женщине.

Эта история шуткой ходила среди автослесарей. Суть её заключалась в том, что автоэлектрик обращался к своей теще исключительно на "вы" и однажды выдал такую фразу, которая в их среде стала почти крылатой - "Мамо, (ити) вашу мать, вы опять сели на пульт от телевизора".

- Как к теще... - вслух сказал Пол и в мыслях добавил - А ведь она, действительно, в какой-то степени, считает меня зятем. Пусть и неофициальным, гражданским. Ведь ни она и никто другой не поверят, что чужой, посторонний человек, просто так, бескорыстно, будет заботиться о её дочери.

На следующий день, до обеда, он уладил дела на работе, заплатил за Ирину и купил необходимую одежду. Приехав домой, раздел девушку, сводил в туалет, после вымыл руки, завёл в кухню и посадил за стол.

Пол сам не заметил, как научился готовить и, практически всегда, питался дома. Он даже поправился на полтора килограмма и почувствовал, что стало тяжелее надевать носки.

Достав из холодильника кастрюлю, взял черпак и потянулся за тарелкой. Вдруг за спиной послышался странный звук, похожий на приглушённый вскрик слегка испуганного человека. Резко обернувшись, Пол увидел, что Ирина действительно испуганно смотрит перед собой. Он резко, всем корпусом сделал ещё пол оборота и сам чуть не вскрикнул от неожиданности - в дверях, прислонившись плечом к косяку, стоял Качай.

Он был всё так же одет в чёрное: длинный плащ, с поднятым воротником, широкополая шляпа, костюм с жилеткой, остроносые ботинки. От ехидной улыбки его рот скривился, клинообразная борода чуть сдвинулась в сторону, придавая тем самым небольшую асимметрию лицу. Засунув руки в карманы брюк, он вышел на центр кухни.

Вдруг Ирина сорвалась с места и забилась в угол, между нижним кухонным шкафчиком и стенкой. Сидя на полу, подтянув колени к подбородку, она испуганно глядела на Качая.

- Она тебя видит? - удивленно спросил Пол и, в следующее мгновения, обращаясь к Качаю почти торжественно объявил - Она тебя видит!

- Ничего удивительного - равнодушно ответил тот - Всё-таки, мы с ней, можно сказать, какое-то время были близки. Конечно, не так как ты... Я с ней не спал в одной постели...

Он повернулся к Полу, тот виновато потупил взгляд.

- Ты её не трахашь? - продолжал Качай - Нет? Зря. У неё крупная вагина, кстати, мышцы, сейчас, постоянно расслаблены, руками разминать не надо. Так что с совокуплением проблем не будет. Она бы такого момента не упустила.

- Что ты хочешь? - сквозь зубы выдавил из себя Пол.

- Вот ты опять кривишься. Ты напрасно кривишься - Качай сел на стул, откинулся на спинку и положил ноги на обеденный стол, зацепившись каблуками за край - Клинья вышибают клином. От стресса она вошла в такое состояние, от стресса она должна и выйти из него. А роды, что б ты знал, для женщины и есть стресс. Но чтобы родить, надо сначала забеременеть. А для этого надо совокупляться. Ха-ха... Представляю картину - родила и пришла в себя. Что? Где? Какие роды? Какой ребёнок? Ничего не помню... Я же целка... - Качай громко рассмеялся и, вдруг, резко прервал - Правда она давно уже не целка.

- Что ты хочешь? - очередной раз, только уже громче и настойчивее спросил Пол.

Качай резко выскочил на ноги.

- Я хочу чтобы ты был нормальным человеком - сказал он, строгим взглядом уставившись на Пола - Ведь ты же - король города... Да чего там города - район, область, край... Везде тебя знают, везде уважают, и это без преувеличения, как на воле, так и на зонах. И что же получается - кароль города, криминальный авторитет, подтирает задницу придурочной бабе?

- Это не твоё дело! - резко оборвал его Пол и более спокойно добавил - Это, вообще, никого не касается.

- Ну, почему же? - Качай медленно прошёлся по кухне, оглядывая стены и потолок - Во мне есть и твоя частица. И мне обидно, в конце концов... И я не понимаю - Качай резко обернулся - Что ты этим хочешь сказать? Чего ты добиваешься? Неужели ты думаешь, что тем самым избавишься от ада? Очень уж просто получается: всю жизнь грешил, перед смертью перевёл бабушку через дорогу и попал в рай. Халявы не будет! К тому же этот поступок тебе ровным счётом ничего не даст, поскольку душевную травму она получила из-за тебя. На добрый толк, ты, теперь, до конца жизни обязан безвозмездно ухаживать за ней. Вот если бы ты её не знал и стал заботиться, то это действительно являлось бы жертвой с твоей стороны. А так, это ничего не значащий жест.

Качай замолчал. По-видимому ждал возражений от Пола, но их не последовало и он продолжал.

- Если тебе там предстоит страдать, так ты, хотя бы, здесь поживи нормально. Тем более, что на полном серьёзе намечается такая перспектива. Иса Мишман - девушка молодая, красивая, к тому же - девственница. У её отца денег не мерено, ты сам знаешь. Она от тебя без ума - я тебе говорю. Тебе я тоже обещаю потрясающий взлёт. Какой хочешь. Хочешь - политиком, бизнесменом, писателем. Могу даже художником сделать, хотя ты в жизни кисть в руках не держал. В общем - любая сфера деятельности. Кстати - о писательстве. Та история, которую тебе напела Ивапетова, может сойти за потрясающий сюжет. Вдруг, ни с того, ни с сего, явишь миру гениальный роман. Слава, деньги, уважуха - обеспечены. Будишь жить как в раю. Ну, а с ней - он бестактно ткнул пальцем в Ирину - тебе ничего не светит.

- Я об этом подумаю... - проговорил Пол и, подняв глаза на Качая, твёрдо и решительно добавил - Только поле того как она выздоровеет.

Тот всплеснул руками, подошёл к стулу и сел, опершись плечом о спинку.

- Да никогда она не выздоровеет.

Качай долго смотрел на стену, наконец продолжил - "Я же не говорю её убить. Отвези туда где взял или определи в Риппоирскую лечебницу, куда вы завтра собрались ехать. За деньги они готовы всех лечить до конца дней. И, между прочим, в банке, на твоём счётике, появилась очень солидная сумма денежек, которых как раз хватит для лечения. Так что ты даже не потратишься. А там, кто знает, глядишь, может её и вылечат когда-нибудь.

Всё это Качай говорил ехидно улыбаясь и подёргивая головой.

- Какая сумма? Откуда сумма? - растерянно и даже испуганно спросил Пол.
- А... - Качай небрежно махнул рукой - В рулетку выиграл.
- Турсун... Значит, это, всё-таки ты Турсуна кинул...
- Ну, ни я а она - Качай кивнул в сторону Ирины - Какая, собственно говоря, разница?
- А как ты узнал номер моего счёта?
- Пол, ну, не тупи, а?

"Надо будет проверить налоги..." - мелькнула у Пола мысль.

Он в задумчивости подошёл к холодильнику и развернулся.

Качай, не спуская с него глаз, всё так же юродствуя, проговорил - "Соглашайся быть богатым, соглашайся быть счастливым... Уже согласен?".

- Почему я тебе должен верить? - в той же задумчивости спросил Пол.

- Не должен - подтвердил Качай - Я и не прошу этого. Более того - я даже тебе запрещаю мне верить. В этом мире верить нельзя никому. Телевидение, радио, газеты, это всё средства для формирования общественного мнения, которое кому-то выгодно. И вполне возможно, что истина там даже рядом не лежала. Поэтому информацию надо брать из разных источников, непредвзято взвешивать и самому делать выводы. То к чему ты придёшь и будет истина. Ну так вот и взвешивай, делай выводы: где я не прав, почему я не прав? Ну, Пол, почему?

- Потому что... - робко начал Пол, шаря глазами по комнате - потому, что ты ничего не значишь... Потому что от тебя ничего не зависит... Ты сам говорил - всё в руках Бога и человек, это территория Бога.

- Ах, вот как... Научил на свою голову... Хорошо... А что если я тебе скажу - что я и есть Бог?

- Ты?

- Да, я...

- Неправда...

- Почему? Ты видел Бога? У тебя есть с кем сравнивать?

- Потому что... Потому что Бог, это Добро. А ты... Ты сам говорил, что ты создан из грешных мыслей людей...

- А вот откуда ты знаешь, что Бог добрый?

- А какой? Ты же сам говорил...

Качай вдруг резко поднялся и стал перед Полом лицом к лицу.

- Да, я говорил! Ну и что? Я говорю то, что люди хотят слышать. Если б я им говорил правду, они бы до сих пор висели на деревьях зацепившись хвостами за ветки. Есть Бог, которого создали люди. А есть Бог, который создал весь этот мир, в том числе и людей - говорил он жёстко, вцепившись глазами в собеседника - Тот Бог, людской, действительно, добрый. Но некоторые жизненные процессы не вписываются в рамки его добра и люди создали дьявола. Я ничего не имел против. Я даже содействовал людям в создании их Богов и противоположностей им. Правда, иногда получалось не совсем то, что хотелось бы. В частности, я хотел, чтобы символом Христианства служило воскрешение Христа, а не его распятие. Ведь получается, что люди поклоняются страданию человеческому. Но они захотели так и я не настаивал. Человек о чём-то просит своего бога, но решаю я - нужно ему это или нет. Это я дал птице крылья, тигру - когти, гадюке - яд. И у меня нет разницы между добром и злом. Вот посуди сам - создание Вселенной, звёзд, галактик, Солнечной системы... Где здесь добро и зло? Назави противоположность этим процессам? А возьми человека... Что в его физиологии отрицательного? Или ты считаешь, что Бог создал сердце, а задницу дьявол?

- Разрушение... - не задумываясь ответил Пол - Разрушение противоположность созданию...

- Нет - коротко проговорил Качай - Разрушение, это то же создание. Разрушилась звезда, образовалась Солнечная система. Разрушится Солнечная система, образуется что-то ещё. Даже Большой Взрыв, который дал начало всему, произошёл от того, что что-то, где-то разрушился. Это

непрерывный процесс и здесь нет ни начала, ни конца. А чтобы создать человеческую жизнь, ты представляешь сколько надо разрушить других жизней? Ведь всё живое, живёт только за счёт живого. Ты не находишь, что заповедь - не убей - на планете Земля не актуальна?

- Но... но тогда получается... что... ада нет?... - как-то совсем потерянно спросил Пол.

- Нет ни ада, нирая. Ни добра, ни зла.. Ни подлости, ни благородства. Ни гиены огненной, ни цветущего сада. Ни запретного плода, ни змея искушителя. Ни сорока девственниц, ни кипящей смолы. Есть состояние бесконечности. Я это слово предпочитаю слову вечность. Так вот - всё создано из этой бесконечности где нет ни начала, ни конца. А сама жизнь, это всего лишь своеобразное переплетение материи, завихрения, узелки. Они то завязывается, то распрямляются, чтобы в следующее мгновение завязаться снова. Такой вот процесс.

- А там... - Пол кивнул головой в сторону - то, что ты мне показывал раньше, разве это был не ад?

Качай повернулся, засунул руки в карманы брюк, глядя себе под ноги, не спеша подошёл к столу и сел на край.

- Тот мир созданный из воображения людей - спокойно проговорил он - Там, действительно, есть и рай и ад... Вполне возможно, что туда и попадают души... Но... Это всё-таки мечты, фантазии, иллюзия. А реальность-то здесь...

- Ты хочешь сказать, что в реальности нет добра и зла?

Качай был на удивление спокоен.

- Я не создаю ни положительного, ни отрицательного. Я создаю жизнь, а человек делит её на добро и зло - задумчиво сказал он.

- Но человек... - начал Пол, однако Качай, по-видимому, предугадал его вопрос - Да, с человеком сложно... - сказал он - Тут вот в чём дело... Человек переносит понятия из своего нафантазированного мира в реальность. А тот мир мне не подвластен. Я его использую для влияния на человека, но ничего не могу в нём изменить. Будущее человека узнаю по его же фантазиям. Ведь человек что-то планирует, воображает и оно появляется в том мире. И если оно меня не устраивает, то я вмешиваюсь, но уже здесь, в этом мире. Как там у вас говорят - человек предполагает, а Бог располагает. Но дело даже не в вашем воображаемом мире. Всё дело в сущности самой жизни. Чтобы биологическая жизнь существовала, а тем более была успешной, мной в неё заложена программа сопротивления. Меняется окружающая среда и организмы подстраиваются под неё, создают защитный барьер, если возникает угроза. Проще говоря, закон жизни можно сформулировать так - живёт тот, кто сопротивляется.

- Жизнь, это борьба - на одном дыхании проговорил Пол.

- Совершенно верно - согласился Качай - Но эта же программа мне и вредит. Создай человеку райские условия жизни, и он станет сопротивляться им. Мало того - он будет сопротивляться, если его направляешь даже на правильный путь. А я, между прочим, сделал всё, чтобы человек жил и радовался жизни. Ну так он же и этому сопротивляется. Вот ты например. Тебя надо как помойного ката - взять за шиворот и носом тыкать в счастье, в счастье, в счастье... - Качай исподлобья окинул Пола злобным взглядом и продолжал - Ну, а как по-другому? Ты вот, я вижу, сильно хочешь в ад. По-твоему это справедливо. Да, это справедливо и благородно... Только торопиться зачем? Вот ты мне сначала ответь: палачь, приводящий в исполнение смертный приговор - грешник? Или солдат, убивающий в бою противника - грешник?

- Думаю... нет... - осторожно пробурчал Пол, сутулясь под пристальным взглядом собеседника.

- Конечно нет. Они вынуждены подчиняться общественным законам, уставом, правилам. А вот ты, Пол, считаешь себя грешником, потому что твои действия противоречат этим законам. Верно?

- Да...

- Конечно. И тебе хочется в ад... Но только вот грешник ли ты на самом деле? Да, ты убийца, "макрушник". Но назови мне хотя бы одного человека, которого ты убил незаслуженно? Буран? Папа Карло? Ах, да... Тот, с пилорамы, случайно попавшийся вам под руку... У него было погоняло Асбест. Срок он получил за кражу со стройки асбестовых труб. Но здесь есть ещё одна сторона: на той стройке работал сторожем некий Виктор Осипович. Семидесятичетырёхлетний пенсионер, у которого были дети, внуки и даже правнук. Он очень любил вторую дочку младшего сына, четырёхлетнюю Настеньку и собирался подарить ей на день рождения самокатик. Но в связи с кражей на его дежурстве, Виктора Осиповича уволили со сторожей. На этой почве он расстроился, заболел и умер. Не потому, что его уволили, а потому что не получилось сделать подарок любимой внучке. Вот за это Асбест и получил второй приговор в твоём исполнении. Смерть за смерть - разве не справедливо? Ещё, наверно, тебя смущает "простой работяга" как ты о нём думал. Но ты не знаешь, что тот "простой работяга" был режимником на зоне, которую ты топтал по первой ходке. Когда к Альбовичу на свиданку приехала молодая красивая жена, он выдвинул условия: встреча - через интимную связь. Это у них практиковалось довольно часто: сначала втирались в доверие к смазливой женщине и постепенно, намёками, а иногда и сразу, в открытую, называли цену. Тогда жена Альбовичу ничего не сказала. Режимники сами разнёсли слух по зоне. В их среде такие сделки считались престижными. Об этом узнал Альбович и поклялся отомстить. Вот поэтому у тебя и было задание доставить "простого работягу" живым. Альбович собирался убивать его медленно, хорошенько поиздеваться. Для начала - отстрелил гениталии. При чём - сам, лично. Но всё пошло не по плану: тот быстро умер от потери крови. Такой вот казус. Когда ты расчленил труп, чтобы сжечь, в помещении был полумрак и отсутствие мужского достоинства осталось незамеченным. Тебя мог смущать майор милиции, которого разорвало в сортире. Ты об этом ничего не знаешь, но я расскажу. В сущности, он был добродушный человек, но длительная работа в органах наложила свой отпечаток на характер и поведение. У него в подчинении работала молодая сотрудница. Однажды она неправильно заполнила служебные документы, и он на неё наорал. Обматерил, оскорбил, при чём, даже не от злобы, а чисто механически, инстинктивно. С ним так обращалось начальство, он так обращался с подчинёнными. В военных ведомствах, да и не только, но в военных особенно, это в порядке вещей. Ну а женщины создания эмоциональные, впечатлительные. А она, на то время, была беременной и у неё, на этой почве, произошёл выкидыш. Срок, правда, не большой, около месяца. Она даже сама сомневалась. И тем не менее, это уже была другая жизнь. Фактически, первая секунда после зачатия, это уже человек. В общем - убийство. Ну, и... такое вот наказание. А про Паруса, Карлика и остальную шушару, я и говорить не буду. Так что, Пол, никакой ты не грешник, а исполнитель Божьей воли. За что тебя в ад?

Пол молчал, опустив голову и лихорадочно шаря глазами по сторонам, словно искал зацепку, брешь, изъян в услышанном. И действительно, он вдруг выпрямился и, вытаращив глаза, крикнул - "Мент!".

- А, ну да... - нахмутив брови, произнёс Качай - Роман Сивецкий. Парень пошёл заплатить за интернет и получил пулю в лоб. Как-то уж совсем невинно. Но... Но послушай историю: была у него когда-то подружка. О целомудрии в их отношениях я промолчу. В современной молодёжи это, по-моему, вообще считается парокком. Как-то наедине они страстно лабызались и он полез... Ну, ты сам понимаешь куда. Она ему говорит, что сегодня без контрацептивов нельзя, мол, я боюсь. А он - "Не бойся, всё будет хорошо". Она это поняла как - "Я на тебе женюсь". Люди всегда слышат то, что им хочется. Ну, она и отпустила тормоза. И, как следовало ожидать - залетела. А когда ему об этом сказала, тот понёс - куда ты смотрела, это твои проблемы, разбирайся сама... И вообще - нам надо расстаться, мы не подходим друг другу и тому подобное.

Качай с задумчивым видом выдержал длительную паузу.

- Тогда она, не вслух, а просто глубоко в сердцах, бросила такую фразу - "Чтоб ты сдох...". Ну, вот... проклятие и сбылось.

Пол молча смотрел рассказчику в глаза и тяжело дышал.

Качай на мгновение отвёл взгляд в сторону, словно что-то вспоминал.

- А ты думаешь она святая? - он указал пальцем на Ирину - У неё за плечами аборт и половые связи с тремя мужчинами. При чём последний - женатый. Она положила глаз на начальника кредитного отдела, а у него семья. Просто замутила с ним на корпоративе. Инициатива исходила исключительно от неё. Посмотреть со стороны - хмель ударил в голову. Но на самом деле - трезвый расчёт. Нет, конечно, он того стоил: видный, образованный, денежный, с перспективой карьерного роста. Но, как видишь - сорвалось. Причём, окончательно. Всё очень хорошо стыкуется - ты её наказал. И вообще, чтоб ты знал, безгрешных людей не бывает. Разве что младенцы, и то только потому, что какое-то время ещё не могут грешить.

Пол задумчиво смотрел перед собой, с трудом "переваривая" смысл услышанного.

- Значит.... ты хочешь сказать... что за мной нет грехов?

- Да ты, вообще, святой - то ли в шутку, то ли всерьёз ответил Качай.

Пол напряжённо думал, медленно массируя ладонью лоб.

- Вот скажи, за что ты сидел? За то что дал по морде Жданову? Не избил, как это тебе навесили, а просто дал по морде. И разве он не заслужил этого? Кстати - после того случая он стал осторожнее вести себя с незнакомыми людьми. Твой урок пошёл ему только на пользу. Какой же ты грешник? Или Юра Гущин... Если бы он остался в спорте, ему светила болезнь Паркинсона в тридцать семь лет и смерть от этой болезни в сорок три. А так он дожил, точнее - доживёт, до глубокой старости. И всё благодаря тебе, твоему удару, той сломанной челюсти, из-за которой он оставил бокс. Так за что ты сидел? Да, уголовный кодекс ты нарушил. Но если бы грехи твоих жертв остались безнаказанными, разве это было бы справедливо? По всем нравственным понятиям, тебя незаслуженно наказали. Значит, теперь, ты имеешь право с чистой совестью, нет, ты даже обязан с чистой совестью жить в своё удовольствие. В сексуальном плане, я тебе обещаю, бурную страсть. Будете на ушах стоять от удовольствия. Но...

Качай молча указал рукой на Ирину и пожал плечами.

Пол не видел этого жеста - он, закусив губу, отрешённо смотрел в окно.

- Ты сказал младенцы... - вдруг он резко повернулся и словно выстрелил вопросом в Качая - А как же дети! Невинные, безгрешные души, погибшие по неосторожности, своей или чужой, при несчастных случаях, случайных стечениях обстоятельств?

- С детьми у меня никогда проблем не было - сразу же ответил Качай - Я их души легко перемещаю на разные уровни в другие измерения, параллельные миры. У детей небольшой объём памяти. А вот с взрослыми сложнее. Случаются разные нелепости. К примеру - просыпается человек и вдруг замечает, что может свободно разговаривать на китайском. Хотя до этого - ни в зуб ногой. Ну, куда это годится?

Качай вдруг замер, потом осторожно повернул голову к Полу - тот, вытаращив глаза, смотрел на него.

- А что... параллельные миры... существуют? - растерянно спросил он.

- Всё существует... - после глубокого вдоха, будто с неохотой ответил Качай - Большая часть звёзд, которые вы видите, на самом деле принадлежат к другим измерениям. Чтобы добраться до них, надо переместиться в их измерения. Но это всё у вас в будущем. А в настоящем люди уверены, что Земля голубым шариком вращается вокруг Солнца. И они не ошибаются. Но на самом деле, если посмотреть, так сказать, более внимательно, то вокруг Солнца вращается сплошной круг, где каждая его точка, это та же Земля, с теми же людьми. Эти миры не совпадают по времени, поэтому и события в них, отличаются. В каком-то другом мире ты ко времени приехал в институт, и у тебя не было стычки со Ждановым. Следовательно, ты не сел в тюрьму. В каждом мире ты живёшь по-разному. В некоторых ты уже даже не живёшь, или вообще не жил никогда. Если тебя переместить в ближайший параллельный мир, ты бы этого не заметил, потому что там, всё точно такое же как и здесь, только в определённых местах события начали развиваться по-другому. Например - те люди, которых ты замочил здесь, в параллельных мирах живы.

- И Сивецкий?

- И Сивецкий. У него, как раз в день вашего ограбления случилось расстройство желудка, и он целый день дальше пяти метров от унитаза не отходил. Сранч женатый. У него трое детей. В музыкальной школе работает, на баяне играет.

- Серьёзно? - удивился Пол.

Это известие настолько сильно поразило его, что он долго стоял разинув рот и смотрел на Качая вытаращив глаза.

- Вот это да... - наконец проговорил Пол - А здесь же - босяк босяком...

- Здесь у него другая миссия...

- Какая?

Живой интерес Пола встретил надменный взгляд Качая.

- Запомни одну истину - для вас, смертных, пути Господни неисповедимы - грозно произнёс он, глубоко вздохнул и продолжал - Я могу человеку изменить память. Но я ничего не могу поделать с его придуманным миром. Эти воспоминания ведут себя непредсказуемо и очень часто разрушают все мои планы. Мне подвластно физиология человека, но не его фантазии. Люди не могут видеть, а тем более попасть, в параллельные миры и другие измерения. Я за этим слежу. Но их нафантазированные миры соприкасаются и, при определённых обстоятельствах, это чаще всего в обычных снах, люди, всё-таки, что-то видят. Конечно, ничего хорошего в этом нет, кроме сумятицы в мозгах.

- А... инопланетяне... тоже существуют? - всё также не смело интересовался Пол.

- Конечно. Жизнь есть везде, где происходят какие-либо процессы.

- И они прилетали на Землю?

- Да, случалось. Что бы повлиять на какие-то события, мне приходилось использовать инопланетян. Потому как я... - Качай махнул рукой, намереваясь ударить кулаком по столу. Но кулак, в полной тишине, прошёл сквозь материю стола - Вот... Это теперь человек может просто сесть в самолёт и в течение суток, с определённой целью, появиться в любой точке планеты. Раньше на это уходило больше времени. А что поручишь динозавру или той же обезьяне? Но человек, по вселенскому времени, появился буквально секунду назад. Так что мне приходилось подключать к этому процессу более развитые цивилизации.

- И где они находятся, в смысле - инопланетяне?

- В этом мире все цивилизации я разместил на безопасном расстоянии друг от друга. Чтобы даже краем уха никто никого не слышал. Рано ещё контактировать. Придёт время, люди созреют для контакта, поумнеют, научатся мгновенно перемещаться в пространстве и тогда уже будут встречаться.

- А инопланетяне, похожи на людей?

Качай строгим взглядом молча уставился на Пола. И Пол знал почему - они отклонились от изначальной темы. Если одного это устраивала, то другого нет. И всё-таки, спустя какое-то время, Качай ответил.

- Не обязательно. Конечно, пользы больше от тех, кто лучше приспособлен к Земным условиям.

На этот раз тягостное молчание длилось дольше обычного.

- А в параллельных мирах, тоже есть инопланетяне? - не сдавался Пол и сразу же получил сухой и короткий ответ - "Естественно".

Пол тяжело вздохнул полной грудью.

- Почему ты так хочешь свести меня с Исой? Зачем тебе это надо? - наконец обречённо спросил он.

- Ну, так у вас же любовь... - ответил Качай.

Они долго смотрели в глаза друг другу.

- Я тебе не верю - сказал Пол.

- Ну что мне сделать, чтобы ты поверил? - дрожащим голосом, изображая страдание, взмолился Качай.

Пол перевел взгляд на Ирину. И вдруг ему явилась мысль, за которую он тут же ухватился.

- Сделай так, чтобы она выздоровела.

Он указал рукой на девушку.

- И тогда ты мне поверишь?

- Да...

- Ну, хорошо. Только один раз и только для тебя, потому как подобные чудеса - не мой метод убеждения.

Ирина всё также сидела на полу забившись в угол между кухонным шкафом и стеной. С полуоткрытым ртом, обслюнявленная, дрожащая, она диким взглядом уставилась на Качая. Но вдруг она перестала дорожать, закрыла рот и её лицо изменилось. О том, что она в здравом уме, говорили глаза: ясные, большие, округлившиеся от удивления.

- Где я? - тихо спросила девушка, обедая взглядом помещения и остановившись на Поле - Кто вы?

От неожиданности Пол растерялся. Он резко повернул голову к Качаю: тот с довольной ухмылкой указал рукой на Ирину, мол - видишь?

Поскольку вопросы девушки были обращены к Полу, ему надо было что-то объяснять. Тут оказалось, что это не так просто. Но когда он снова повернулся к Ирине, та уже сидела закрыв глаза и прислонив голову к дверям кухонного шкафчика.

- Эээ... Что это с ней? - спросил Пол.

- Спит - спокойно ответил Качай.

- Нет, мы так не договаривались.

- Как мы не договаривались? Ты хотел её увидеть здоровой - ты её увидел здоровой. Что ещё?

- А почему она спит?

- Потому что ей не надо слышать наш разговор.

- Когда она проснётся, она будет здоровой?

- А вот так мы, точно, не договаривались.

- Тогда я тебе не верю.

Качай тяжело вздохнул, пальцами обеих рук погладил брови, слегка помассажировал виски.

- Да, с людьми трудно... - тихо произнёс он, подошёл к стулу, сел и устало откинулся на спинку - Хорошо, я тебе скажу зачем. Потому что в далёком будущем, твоя пра пра правнучка создаст вакцину против вируса, который будет угрожать человечеству. Но для этого мне надо сейчас тебя и Ису Мишман свести вместе. Как там у вас говорится - "Бог не одну пару лаптей стопчет, покуда мужа с женой в одну кучу соберёт". Так оно и получается.

- Подожди, ты хочешь сказать, что для этого ты спланировал всю мою жизнь? И драку, и зону, всё ты?

- Конечно я. Я и твоё рождение запланировал и события в жизни. Но с людьми трудно. Впрочем, с ними никогда легко не было. Вот, к примеру, Эйнштейн. Ты думаешь было просто свести Германа Эйнштейна и Паулину Кох? Этого голодранца и девушку из состоятельной семьи? Но мне нужен был Альберт. Точнее - теория относительности. Здесь надо следить, чтобы всё появлялось вовремя. Вовочка ведь, ну, тот из психушки, который втирал тебе квантовую запутанность, далеко не дурак. Я даже не ошибусь, если скажу, что он, в некотором смысле, гений. Бывший физик-ядерщик. Он был близок к великому открытию, но... рано. Я долго уводил его от темы, но он с завидным упорством возвращался и возвращался к ней. Пришлось заразить игроманией. Он решил в казино применить свою теорию запутанности. Поставил по-крупному, ну и... проигрался. Всё спустил - квартиру, дачу, машину. И сам тронулся рассудком. Я пока сохраняю его жизнь, ведь кто знает, как всё может сложиться в будущем. Умными людьми не следует разбрасываться. Но если,

допустим, с теорией относительности не так принципиально: сто лет позже, сто лет раньше, то с вирусами это не проходит. Промедли - и можешь лишиться цивилизации.

- В будущем появится вирус? - удивленно спросил Пол.

- Ещё какой! - Качай вскинул брови - Много умрёт людей. Ну, а что делать? Надо как-то регулировать численность населения Земли. Природные ресурсы истощаются, окружающая среда загрязняется. С одной стороны война и стихийные бедствия для человечества лучше. С ними знаешь как бороться. Но я теряю много нужных мне людей. А это расточительно. Вирус работает более избирательно, его можно поднастроить. Ты же замечал, что, к примеру, гриппом одни болеют, другие нет. Иммуитет называется. Но корни этого явления уходят намного глубже. Можно даже сказать, что эта целая программа на уровне микромира, нацеленная на определённых личностей. Самое главное - вовремя остановиться. Создать противовирусный препарат. Промедление здесь тоже опасно. Я, обычно, вначале создаю противоядие, а потом уже яд. Ну вот, с вами я этим процессом и занимаюсь.

- Медицина... - растерянно произнёс Пол.

- Да, я говорю о медицине. Когда-то я дал нужные знание Эвелине Малькур. Её, правда, потом инквизиция сожгла на костре, но кое что она успела передать. В дальнейшем, её наследники по женской линии, работали только в медицине. Иса Мишман, на данный момент, находится с Эвелиной на одной генетической линии и тоже, в будущем, поступит в медицинский. И дочка её, вернее ваша, пойдёт в медицину, и внучки. Теперь всё дело за тобой. Ведь не зря же тебя судьба забросила в эти края, за тысячи верст от родных мест. Ну, а иначе - никак...

- А если я откажусь? - робко спросил Пол.

- Тогда ты мне не нужен - жёстко ответил Качай.

- Разве у Бога бывают ненужные люди?

- Конечно. Они едят и пьют. Они ещё хотят жить комфортно. Но природные ресурсы не безграничны, надо всё рассчитывать. Нужных людей надо вырастить, создать. Они сами не рождаются. Этим я занимаюсь всю человеческую жизнь. Но люди бывают настолько упёртые, что мне попросту не хватает терпения.

- Подожди... Но тогда получается, что всё отрицательное создаёшь тоже ты?

- Пол, у меня нет отрицательного. Добро и зло придумали люди, потому что их не устраивали мои поступки. На самом деле противоположности здесь нет. Ведь если разобраться, что такое ваше добро? По сути это то же зло, которое поставило на колени другое зло, только более слабое, долго издевалось над ним, глумилось и, наконец, зверски убило, вытерев напоследок свои окровавленные руки о собственную грудь. Вот это и называется добро. Неужели вы не заметили, что гуманность на войне никогда не побеждала? Вы молитесь Свету не осознавая того, что вначале была Тьма. Что-то случилось именно в этой крошечной тьме, после чего появился свет. Так что первичней? Или вот, казалось бы, Гитлер - личность отрицательная, с этим никто не будет спорить. Но ты никогда не задумывался над таким фактом: если бы в природе не существовало Гитлера, не было бы на свете и тебя? Нет, мир бы существовал, но всё сложилось бы по-другому и без тебя, такого умного и красивого. Вам, людям, кажется, что жизнь это прямолинейное движение с закономерными, естественными процессами. Ничего подобного. Нет, естественные процессы присутствуют, потребность в питании, например. Но они не в коем разе не случайно появившиеся. Иначе, всё давно бы сошло на нет, остановилось, замерло, как маятник в часах лишенных пружины. Какой-нибудь предмет или тело, захваченное гравитационной силой планеты, обязательно упадёт на её поверхность. Это без вариантов. Но вот то, что этот предмет, при падении, начинает менять направление, двигаться зигзагом, серпантинном или как-то по-другому, задевать посторонние предметы, тем самым влияя на их траекторию и состояние, здесь уже надо искать причину. Надо смотреть кому это выгодно, кто в этом заинтересован. Да и за самой гравитацией, если разобраться, тоже стоит интерес. Так вот, чтоб ты знал, Пол, жизнь, не только на этой планете, а вообще, состоит из сплошных случайностей, которые сознательно созданы мной и которые люди воспринимают как

естественный процесс. Вот сам посуди - на словах человечество постоянно призывает к миру. А на деле - воюет. Неужели так трудно понять простые истины: жить в мире - хорошо, воевать - плохо. Самое интересное, что все это понимают, все с этим соглашаются и делают наоборот. Но на самом деле, противоречия здесь нет. ТАК, НАДО, МНЕ. Везувий сжёг Помпеи, всего лишь потому, чтобы встретились два человека. "Титаник" потонул для того чтобы нейтрализовать организм, который находился в блохе, сидящей на спине у корабельной крысы. Самолёт, со всеми пассажирами, разбился в Альпах для того, чтобы какой-то другой человек, в другом месте, завёл другую семью. Такое происходит не только в человеческом обществе, такое происходит во всём мироздании, вплоть до самой бесконечности, как в одну, так и в другую сторону. Взрывается звезда, нарушается равновесие и где-то что-то меняется. Твоя иммунная система, это, по сути, то же поле битвы. Одни организмы вторгаются в тебя, другие тебя защищают. Причём и тем, и другим безразлично в кого вторгаться и кого защищать. Если ты заболел, значит это мной было так задумано. Если ты выздоровел или не выздоровел, это тоже я. Просто я работаю на всех уровнях, а вы, фактически, не видите дальше своего. А что делать? Ведь процессом, под названием жизнь, надо как-то управлять. Чем больше возможностей, тем легче управлять. Всё было бы намного проще, если бы люди гибли только по моей воле. Но их всё больше гибнет по своей глупости. Сколько раз мне приходилось их спасать, вытаскивать из дерма, потому что они мне нужны. Но другой раз даже я бессилен против их упрямства.

- Подожди, из-за какой-то блохи погибли тысячи людей?

- Ну, да. В другом мире, я пробовал другие варианты. Всё пошло ещё хуже. Я же не просто так, от нечего делать. Всё во имя жизни. Ущерб для человечества был бы слишком огромный. Да, тысячи погибли... Ну и что? На следующий день родилось столько же и даже больше.

- Но... это же... не гуманно...

- У меня нет такого понятия. Я ещё тебе скажу вот что - чем гуманнее я отношусь к людям, тем бесчеловечнее они обращаются сами с собой.

Пол долго смотрел на него застывшим взглядом.

- Я тебе не верю... - наконец произнёс он.

Качай тяжело вздохнул, гипотенузой вытянулся на стуле, закрыл глаза. Он долго молчал, но вдруг, не меняя позы, произнёс.

- С каким удовольствием я бы сейчас выкурил хорошую сигару. Жалко, что ты бросил курить. А может закуришь? А, Пол? - Качай открыл один глаз и искоса посмотрел на собеседника - Ну, пожалей бедного чёртика... Ты же добрый, ты котов кормил.

- Ты же Бог.

- Да, так оно и есть.

- Разве Бог курит? Врёшь ты всё...

- Чтобы ты зал - Бог ещё и пьёт - Качай зашевелился, сел на стуле как обычно и закинул ногу за ногу - Да, я придумал табак и виноград. Но пить вино и вдыхать дым, это чисто человеческое изобретение. Ну а поскольку человека я создал по образу и подобию, то мне же интересно знать от чего моё подобие испытывает наслаждение. Ну, и я тебе скажу - не дурно, не дурно... Я ценю хорошие вина и табак.

- А похмелье, тоже ты?

- Нет уж, увольте, я похмелье не люблю. Это такая гадость...

- Ага. Значит, пить водку - с человеком. А утром страдать - человек один.

- Потому что человек меня не слушает! - крикнул Качай - Да, я ему говорю - можно выпить рюмку, две, три, ну, четыре... Ну и хватит! Потом же будешь мучиться. Так нет же - человеку надо выжрать литру, а завтра полдня пугать унитаза. Ну, так причём здесь я? У меня всё работает исправно: протоны вращаются вокруг электронов, связи все на месте, к молекулам претензий нет. А вот что у человека клетки печени барахлят, так это уже надо искать причину на его уровне. Конечно, я тоже могу ему такое устроить. Но в большинстве случаев человек сам виноват. Вот ты

меня упрекаешь в не гуманности. А ты никогда не задумывался над таким фактом, что за всю жизнь ты даже пальцем ни тронул ни одной женщины, ни одного ребёнка, старика? Почему это тебе так везло? Вот я сейчас кое-что расскажу. Помнишь депутата, которого ты застрелил и член отрезал? Так вот - когда ты через чёрный ход вышел из дома, то, как раз на углу мог бы встретиться с соседской девчонкой. Мать её попросила узнать, кто приехал. Эта встреча была бы настолько неожиданной для тебя, что ты, с перепугу, убил бы ребёнка. Но я прикинул, что ты потом, всю оставшуюся жизнь будешь мучиться угрызением совести. Это бы отрицательно сказалось на твоих дальнейших поступках и испортило мне все планы. Я сделал так: как только девочка прошла калитку, на дорожке увидела змею и опрометью кинулась обратно. А змей в тех местах отродясь не водилось. Вот такая моя забота о тебе. А ты этого не ценишь. Но не ты один. Так было везде и всегда. Человек сломал ногу для того, чтобы потом ему не оторвало голову. У автомобиля отвалилось колесо, но он на переезде не попал под поезд. Кто-то опоздал на самолёт, но не погиб в авиакатастрофе. Но люди же и слышать не хотят об этой услуге. Застряли в лифте, и они проклинаят всё и всех, несмотря на то, что данное обстоятельство, в дальнейшем, спасло им жизнь: кирпич пролетел мимо головы. Но мы, кажется, отвлеклись... Так вот - для регулирования численности населения, я использую катаклизмы, стихийные бедствия, войны. Но они не очень эффективны. Человек может воевать, когда мне этого не надо. Или наоборот. Я же говорю, с людьми трудно. Помыслы меняются резко и неожиданно. Я за ними не успеваю ни в макромире, ни в микромире. Случаются ошибки, просчёты. Приходится исправлять. Но заметь - если, вдруг, я перестану это делать, человеческое общество, да и жизнь в целом, деградирует до нуля. Но мне нужна эта жизнь. Мне и только мне. Всё что случается с людьми в этом мире, происходит с моим участием. В человеческом обществе выживает не сильнейший, а нужный. Мне нужный. Человек, в некотором смысле, действительно произошёл от обезьяны. Но так было изначально задумано мной. Разные расы, народы, языки, веры, уровни развития - это тоже я. Потому что вложи всё в одно направление и, как говорят люди, можно прогореть. А так - исчезнет вера, народ, государство, пусть даже цивилизация - не страшно. Всё везде продублировано. Ну и конечно, излишки тоже приходится мне убирать. А что делать? Такая плата за свободу людей.

- Какую свободу?

- Свободу выбора в принятии решений.

- А зачем человеку эта свобода? У животных её нет, и они себя прекрасно чувствуют. Твои слова.

- Верно. Но у животных нет и души. А душа, это формирующейся субстанция. Ведь я, на самом деле, не вдыхал в человека душу. Я всего лишь создал место для неё. А чтобы оно заполнялось, нужна свобода. Как в той пословице - орлы в неволе не размножаются. Но эта свобода вкупе с программой к сопротивлению создаёт мне такие проблемы...

- Ну, а зачем это тебе? - на этот раз тихо спросил Пол.

Перед тем как ответить, Качай внимательно посмотрел ему в глаза.

- Ты лучше сразу спроси - зачем Бог создал человека?

- Хорошо.

Качай около минуты смотрел на свои колени.

- Тебе как ответить - просто или сложно?

- Давай просто...

Качай выставил перед собой руку с растопыренными пальцами, повернув ладонь кверху, слегка помахивая, словно пытался определить вес невидимого предмета на ней.

- А куда всё это девать? - спросил он и, после короткой паузы, продолжал - Газ, нефть, каменный уголь и прочие последствия жизнедеятельности организмов? К твоему сведению, это всё очень хорошо горит. Их уже столько накопилось, что планета превратилась в пороховую бочку. Такое когда-то было с цианобактериями. Грубо говоря, они жрали углекислый газ и испражнялись

кислородом. Ну, и засрали всю планету! Я потом еле всё исправил. Ведь заметь - углеводородное топливо на этой планете, кроме человека, больше никому не нужно. Ну, вот такой ответ.

- Что же будет с человеком потом, когда всё закончиться?

- Ничего. Человек будет работать, как и раньше: пахать землю, строить жилище, поддерживать огонь. Где сказано, что человек должен ездить на автомобиле и летать самолётом? Он должен бегать, прыгать, лазать по деревьям. Он должен хорошо питаться и размножаться.

Пол застывшим взглядом долго смотрел на Качая. Потом моргнул и резко повернул голову в сторону.

- Хорошо - он снова обратился к собеседнику - а какой сложный ответ?

- Сложный? А это уже сложно... - задумчиво сказал Качай, закидывая ногу за ногу и откидываясь на спинку стула - Но попробую... Ты знаешь, чем похожи между собой верующие и атеисты? Тем, что они одинаково верят практически в одно и то же. Спроси у верующего - "Бог есть?". Он скажет - "Да". "А что это такое? Как он выглядит?". "А мы этого не знаем" - ответит. Спроси у учёного - "Тёмная материя есть? - Да - Что это, как она выглядит? - Мы этого не знаем, но она есть". Я думаю, учёные, этот те же верующие, с той лишь разницей, что научным путём пытаются доказать существование Бога. И верят они в него сильнее, чем обычные верующие. Но они хитрожопые. Они специально отрицают Бога, чтобы тот подбросил им подсказку. И если у них что-то получится, то потом дружно станут кричать - "А мы в это верили изначально!". Но фиг я им что подброшу. Пусть потеют над своими формулами и чешут свои умные репы. А сомневающимся, типа тебя, я скажу вот что - если всё эти разногласия и варианты объединить понятием... ну... скажем... разум, то всё очень хорошо стыкуется. Понимаешь, есть мир духовный и мир материальный. И это всё энергия. Вернее - определённые виды энергии, составляющие единое целое. Так вот, человек нужен для того, чтобы создавать этот определённый вид энергии... Я, наверно, как и Вовочка, всё-таки назову её - Разум, потому как других, подходящих терминов, у вас попросту нет.

- Разум? - Пол посмотрел на Качая взглядом полным недоверия.

- Понимаешь, Разум, это не просто таблица умножения. Это очень сложный вид энергии. Ещё в самом начале, эта энергия была потрачена на создание материального мира: вещество, масса, звёзды, галактики и так далее. Всё просчитано до мелочей. А раз энергия потрачена, значит, она нуждается в восполнении. И если этого не происходит, то ветвь отрубается. Себе в убыток никто не работает. Это вам только кажется, что частицы материи, в невесомости, соединяются в сгустки сами по себе. Нихрена! Всё намного сложнее. А сложность создаётся Разумом и только Разумом. И ни в коем случае не случайностью. И если кому-то кажется, вплоть до уверенности, что какое-то событие произошло случайно, то так и знай, что за этим стоит точный расчёт. И только из человека, а не из амёбы, динозавра или макаки, можно извлечь такую энергию. Но для этого необходимо, чтобы положительное, в нём, схлестнулось с отрицательным. Любовь - с ненавистью, доброта - с жестокостью, сочувствие - с безразличием, сострадание - с цинизмом. Без этого жизни бы не существовало. И отрицательное - первично: человеку сначала надо пожрать, а потом думать о духовном. Но никак не наоборот. Короче - без зла, не было бы добра. Ну и движение. Всё должно двигаться, ничего не должно стоять на месте. В прямом и переносном смысле. Иначе ничего не будет, всё тут же сдохнет. Тоже в прямом и переносном смысле. Я для этого и создал время. А ещё создал асимметрию, потому что без неё не было бы гравитации. И в человеке я создал асимметрию, и не только в физиологии. Таракан, ползущий вперёд, это порядок. А человек думающий, мыслящий, это уже хаос. А ещё мне надо, чтобы количество людей преобладало над их разумом, потому как даже самый простейший организм может с лёгкостью произвести себе подобного, а вот самый сложный компьютер - нет. Так что фундаментом является обычный человек, способный размножаться. И разум, кстати, не всегда этому способствует. Далеко не надо ходить: вот, к примеру, ты. Ты же, Пол, умный, а толку? Себе подобного ты так и не произвёл. Пока ещё... В будущем, я надеюсь, это изменится... Ну не мне же этим заниматься вместо тебя!

- А я считал, что разум, это знания... - не обращая внимания на последний вопрос, сказал Пол.

- Так оно и есть. Но не только. Это составная часть. Какие-то знания вложены в инстинкты и чувства. Но они, со временем, притупляются и исчезают. Потери надо как-то компенсировать, не говоря о том, сколько вложено в создание Вселенной.

- Подожди! А как же любовь? - перебил его Пол.

- Ой... - Качай прикрыл глаза ладонью и спустя несколько секунд, добавил - Любовь зла, полюбишь и козла - потом он отнял руку от лица и, глядя на собеседника, произнёс на полном серьёзе - И ведь полюбишь, я могу так сделать. Но человек не предсказуем в своих фантазиях. Допустим, я на своём уровне просчитал, что если определённым образом, соединить определённые частицы, то получатся хорошие исходные данные. Это значит - на вашем уровне родится нужный мне человек. Может быть даже гений. На своём уровне я запускаю программу, которая на вашем называется "любовь с первого взгляда". Ну, или то, что я чуть раньше сказал. Для меня это не столь важно. Сожму вместе мужчину и женщину. Сработало. Они даже слюни пустили, так друг другу понравились. Остаётся дело за малым, но приятным. И тут начинается... Она уже сама ложиться под него, а он - нивкакую. "Почему?" - спрашиваю. "Я её люблю" - отвечает. Ну, хорошо, говорю. Раздвигай ей ноги и люби. Нет, говорит, я её люблю по-настоящему. Короче - не ест, не пьёт, не спит, стихи пишет... Ну, придурок самый настоящий. Или вот совсем недавно был случай. Дискотека, танцы, шманцы... Пиво, водка, косячек... Расслабились, понравились, познакомились... Он её домой провожает, она ему и говорит, мол, дома никого нет, мы можем у меня наедине продолжить беседу... А он - отказывается. В чём дело? - спрашиваю. И знаешь, что мне говорит? "У меня носки дырявые. Я стесняюсь". Ну, причём здесь носки? Не понимаю... Вдобавок ко всему люди научились предохраняться, симуляторов, стимуляторов разных напридумывали... Ничего нельзя спланировать. Везде надо вмешиваться, направлять, исправлять. Человечество умнеет и становится извращённое. Они хотят одного, мне надо другое. Если честно - я устал. Это у ваших богов целая армия помощников: ангелы, святые. А я один. Ох, если бы на самом деле существовал дьявол. Я бы ему поручил хотя бы какую-то часть работы.

- Так почему ты не создашь помощника?

- Ну, вот я и рассчитываю, очень даже рассчитываю, на образ и подобие. Но пока что из него пошник никакой. Мало того, что норовит уподобиться мне, так ещё и стремиться занять моё место. Объяснит какое-нибудь явление в природе и мнит себя Богом. Ну, прям как дети, честное слово.

- А нельзя ли эту энергию, или разум, пополнять какими-то другими способами? Зачем все эти муки, страдания, боль? - задумчиво глядя перед собой, спросил Пол.

Качай вдруг запракинул голову, закрыл глаза и улыбнулся.

Зачем любить? Зачем страдать?

Когда все пути, ведут в кровать

Не лучше сразу ли в кровать,

Чтоб не любить, и не страдать...

Произнеся эти слова, он снова посмотрел на собеседника.

- Люблю поэтов... Но дело в том, что, к примеру, формирование сверхновой звезды, от начала до конца, довольно длительный процесс. Человеческая жизнь по сравнению с этим - даже не мгновение. Но для получения нужной энергии, ей нет равных. Вот поэтому мне и нужна именно человеческая жизнь, в любом её виде. Как разведение пчёл. Человеку нужен мёд. Но главное это не мёд. Главное - сохранить рой. Если какое-то время, по какой-то причине не будет мёда - не страшно. Но если не будет роя - о мёде можно забыть. Поэтому в первую очередь я беспокоюсь о роде человеческом: рассчитываю, планирую, составляю. Кого-то приходится убирать, кем-то жертвовать, кого-то сохранять, кого-то спасать. Это вам только кажется, что в мире бардак. На

самом деле, это процесс наведения порядка. Если уткнутся носом в картину, то увидишь только элементы холста и красок. Но если отойти от неё на определённое расстояние, то из тех же элементов сложится смысл. Для меня нет людей плохих и хороших. Для меня все равны и одинаковы, просто с разными обязанностями. "Весь мир театр, а люди в нём актёры". Точно, красиво и правильно. А после спектакля у меня никто не обижен: ни те, кто сыграли праведников, ни те, кто изображали грешников. И в самой игре есть цель, нигде ничего не пропадает. Человек, когда достигнет определённого технического и нравственного уровня, будет участвовать в создании биологической жизни на просторах космоса. Как инопланетяне здесь. Кстати, похищение инопланетянам людей и перемещение их в другие миры, не такая уже и безнадёжная фантастика. Всё живое, по своей сути, уникально. Иногда нужный материал приходится доставлять на другой конец Вселенной. Или наоборот. Люди не умирают. Они просто переходят на другой уровень бытия. Истинная их миссия безгранична и бесконечна. Разбрасываться таким материалом - расточительно. Не для этого я четырнадцать миллиардов лет, по вашим меркам, создавал этот Мир. А у меня никто не обижен, поверь мне, Пол. Конечно, это совсем не то, что представляют люди. Вот к примеру: ты сейчас умираешь. Резко, неожиданно, мгновенно. Душа твоя какое-то время будет здесь. Но она будет воспринимать этот мир не так, как воспринимает его твоё тело. Она его будет видеть уже по-своему. Здесь, для неё, всё предстанет по-другому. Нет, всё будет на своих местах, останется таким же, но ты не увидишь ни этой кухни, ни мебели, ни окна, ни деревьев за окном. Ты будешь видеть тот мир, из которого состоят эти предметы, и будешь уже частью этого мира. Какое-то время ты ещё будешь помнить мир, оставленный тобой, но не долго, потому что ничего из нового мира, не будет напоминать тебе о старом. Ты уже будешь другой, у тебя появятся новые способности, о существовании которых, ты не мог даже представить.. Ты сможешь мгновенно перемещаться из микро космоса в макро и будешь испытывать положительные эмоции от этого перемещения. К материальным условиям, таким как холод, голод, жажда, зной и так далее, ты станешь совершенно безразличен, потому как, там не существует таких понятий как температура, размер, массы, расстояния, время. Может быть не сразу, постепенно, но ты осознаешь новую реальность, и тогда сможет определять другие миры и измерения. Ты узнаешь, что они пересекаются, не задевая друг друга и одновременно соприкасаются, влияя друг на друга. Ты будешь иметь возможность свободно перемещаться в них, одновременно видеть под разными ракурсами, углами и с разных сторон. От осознания нового бытия ты испытаешь только положительные эмоции, потому как там не существует отрицательных. Ты ощутишь своё могущество, осознаешь весь объём имеющихся в тебе знаний, способностей и возможностей творить: создавать новое, изменять старое. Там не существует времени, там Бесконечная Вечность и Блаженство... Разве это не рай? А справедливость, совесть... Ну, всё-таки это понятия материального мира. Хотя, один ваш мудрец сказал - "Существует всё, во что ты веришь". Веришь ты в справедливость, значит, она для тебя существует. И ты знаешь - я не хочу это опровергать. Например, без вашего нафантазированного мира, ты бы меня не знал, потому как я - плод твоего воображения. И если честно, то я с превеликим удовольствием был бы вашим добрым Богом. Весь в белом парил бы высоко в облаках, выращивал цветы и воздавал всякому по заслугам. Но мне надо лопатить дерьмо, потому что без этого не будет и вашего доброго Бога. Мне некогда отвлекаться на эмоции. Иной раз, чтобы подогнать обстоятельства под нужную цель, человеческой жизни и одного измерения, мало. Надо начинать издали. Когда ты, Пол, сел в тюрьму, Иса ещё не родилась. Но я уже тогда работал с Мишманом и Юлей Кальпоновской. И не думай, что мне было легко. У них уже были свои семьи и много кто меня проклял. Да и с тобой мне пришлось повозиться. Дерево, тогда, ведь, действительно упало на тебя. Я по-быстрому всё изменил в параллельном мире, который полностью идентичен, с той лишь разницей, что немного отстаёт по времени. Ты, фактически, теперь живёшь из-за этой разницы. Никто, ничего не заметил. И всё для того, чтобы свести тебя с Исой. Но если этого не произойдёт, то, ещё раз повторяю - ты мне не нужен. Я буду искать другие

варианты, другие пути. Понимаешь? Вот, как-то так... Короче - даю тебе на раздумье тридцать дней. Если не изменишь своё решение, умрёшь первого числа следующего месяца.

- Но сегодня уже пятнадцатое - внешнее с безразличием, глядя в одну точку перед собой, проговорил Пол.

- Да и этого много - Качай подхватился со стула и, засунув руки в карманы, нервно заходил по кухне - Ты не обижайся, но у меня нет другого выхода. Я сделал так, чтобы девушка в тебе влюбилась. И здесь мне тоже пришлось постараться: посмотри на себя в зеркало или загляни в паспорт. Он хоть и фиктивный, но возраст указан верно. А она девушка молодая, впечатлительная, и это её первое чувство. Вспомни себя в таком возрасте. Одноклассницу Зою Богданову, как вы с седьмого класса, на уроках, тайно друг другу писали записки. Она потом уехала в другой город, но вы ещё три года переписывались по почте. У меня нет времени ждать, пока она тебя забудет. Теперь жизнь течёт очень быстро. Мне легче тебя убрать из этой жизни, чем из её памяти. Нет, конечно, мне дорога каждая человеческая жизнь, но жизнь человечества мне, всё-таки, дороже. Ты же умный Пол, ты в тюрьме читал Достоевского. Ты должен это понять. Так что - подумай...

Качай сначала остановился посреди кухни, потом повернулся и, опустив голову, медленно пошёл к выходу.

- Подожди! - закричал Пол - Так в чём же смысл жизни?

Качай снова остановился и, сделав пол оборота назад, стал отвечать глядя собеседнику в глаза.

- Просто жить. Как сказал поэт - "Опять грешить и каяться...". Ну и, конечно, в любом случае, вести себя надо прилично. Без фанатизма и крайностей.

Он повернулся, чтобы проследовать дальше.

- Слушай, если ты Бог, то почему предстал предо мной в образе дьявола? - неожиданно даже для себя задал вопрос Пол.

Качай лишь немного замедлил шаг и, не оборачиваясь, ответил через плечо.

- Потому что у людей к Богу миллион вопросов и претензий. А с чёрта что возьмёшь? Сволочь и всё.

Когда прозвучало последнее слово, тот, кто произнёс его, уже растворился в воздухе и только удаляющимся эхом, три раза подряд повторилось в глубине коридора - всё... всё... всё...

Пол, растерянный и подавленный, подошёл к окну.

Был последний месяц осени. Над миром нависли хмурые, серые тучи, потянулись скучные, однообразные дни. Всё вокруг: дома, улицы, скверы, мосты, растения, животные, с каким-то угрюмым напряжением ждали зиму. Ветер свободно гулял среди оголившихся ветвей чёрных деревьев, носился по широким проспектам, суетливо заглядывая в тесные дворы и переулки. Как ни странно, но даже убранные от опавшей листвы и мусора скверы, своей чистотой навевали какое-то траурное настроение. Всё ждало зиму, когда, наконец, угрюмые, свинцовые облака соизволят бросить на землю белоснежное покрывало, внеся, тем самым, разнообразие и новизну в этот давно уже опостылевший пейзаж.

После произошедшего разговора, непонятное чувства душевного дискомфорта овладело состоянием Пола. Какая-то нестыковка в рассуждениях, ещё неосознанная и непонятная, ощутимо нарушала привычный порядок мыслей и даже разрушала устоявшиеся принципы.

"Чушь какая-то... Ерунда... Бред полнейший... Получается, что между Грехом и Добродетелью нет никакой разницы? Так не должно быть. Добро должно возноситься, поощряться. И справедливость должна быть".

Внизу, между рамами, мелко дрожала паутинка с высохшим тельцем, когда-то неудачно залетевшей сюда, мухи. Паучка поблизости не было, видно он заблаговременно перебрался в более тёплое место.

Пол никогда сам не мыл окон. Он, обычно, весной и осенью нанимал фирму, которая занималась уборкой квартир и офисов. Но на этот раз было не до окон.

И вдруг мысли, вращающиеся в его сознание, сложились таким образом, что он по-другому стал смотреть на произошедшие события. У него на глазах нестыковки стали стыковаться, разногласия обрели единое направление.

"Стоп! Он говорил - Разум? Но Разум это ведь и есть мысли людей, их думы, фантазии, рассуждения, осмысления. И поступки они совершают, основываясь на своём воображаемом мире. Значит, там находится и нужная энергия. Что он говорил о пчёлах? Пчелы производят мёд, перерабатывая нектар. А что если и человек перерабатывает какой-то материал и таким образом производит ту энергию, о которой он говорил? Что он ещё говорил - без зла не было бы добра. Это как - без дерьма, не было бы цветов. Растения перерабатывают компост и создают красоту, нужную, в основном, для продолжения рода. А если человек, как та пчела, собирает отрицательное и создаёт из него положительное? Тогда Добро и Зло не противоположность. Это поэтапное производство энергии. Из ненависти - любовь, из печали - радость, из цинизма - сострадания и так далее. А он создаёт это отрицательное и подбрасывает человеку, потому что ему нужно положительное. Откуда он берёт отрицательное? Из естественных процессов, которые сам и создал. Вот так из материального появляется духовное. И для этого Богу нужен человек. А рай и ад, это маяки, на которые должен ориентироваться человек, совершая те или иные поступки".

Неожиданно вспомнился ещё одно обстоятельство.

- Муровей... - шевеля одними лишь губами проговорил Пол, и, в следующее мгновение, повторил это слово уже в голос - Муровей!... Был ведь муравей... Конечно... Муровей!

В это время зашевелилась и застонала Ирина. Пол наклонился над ней и проговорил в лицо - "Муровей, понимаешь, там, в моей руке, сидел муравей. В каком-то мире я пощадил муравья и мне там даровали жизнь. Значит, есть добро на свете".

Девушка по-прежнему была больна. Она безучастно смотрела сквозь Пола, из её открытого рта выплыла тоненькая нить слюны.

- Сейчас, сейчас будем кушать...

Он поднял девушку, усадил за стол, подошёл к плите.

- Представляешь, я, оказывается, сейчас разговаривал с Богом... Да... Он говорил, что бы я от тебя отказался... Не знаю даже...

Он сдвинул в сторону кастрюлю, чтобы зажечь камфорку. Вдруг его боковое зрение заметило странное движение: Ирина протянула руку и что-то взяла со стола. Пол медленно повернулся к девушке. Та сидела откинувшись на спинку стула, в правой руке держала нож, а указательным пальцем левой руки легонько гладила кончик острия. Искоса посмотрев на Пола, она криво, надменно усмехнулась.

- Конечно, надо отказаться - грудным голосом, с лёгкой хрипотцой, что, обычно, бывает после длительного молчания, сказала девушка.

- Я так и знал, что это ты... - обречённо проговорил Пол.

Ирина тяжело вздохнула и, немного помолчав, вполголоса произнесла - "Ну, и зачем мне ждать целый месяц?". После этого она повернула голову и пристально посмотрела Полу в глаза.

Может быть, сущность, сидящая теперь в ней, таким образом, гипнотизировала его или что-то внушала, посылала какие-то команды. Пол и сам толком не знал, почему неожиданно сорвался с места и побежал в сторону коридора. Возможно, где-то в подсознании, инстинктивно сработал механизм защиты: он побежал к схрону за оружием. Но как бы там ни было, на какое-то мгновение Ирина его опередила.

Она резко поднялась и толкнула перед собой стол, который, в свою очередь, при падении, задел стул, стоящий рядом и который повалился прямо под ноги бегущему. Пол споткнулся и с грохотом упал.

Девушка решительно и уверенно шла к нему, манипулируя между пальцев правой руки блестящим стальным лезвием ножа. Но вдруг она резко остановилась, вскинула руки, словно наткнулась на невидимую стену. Глаза её округлились, рот широко раскрылся, она зашаталась и с

глухим, утробным стоном, рухнула на пол. Какое-то время её тело содрагалась от рвотных спазм, потом стало биться в судорогах. Хрипя и кашляя, она хватало воздух открытым ртом.

Пол подполз к Ирине, сел и положил её голову себе на колени.

- Тихо, тихо... - задыхаясь, шептал он, глядя её по волосам - Всё будет хорошо... Вот так мы его победим... Спасибо, дорогая, спасибо... Не бойся, я тебя не оставлю... Никогда...

Когда на следующий день, два санитары уводили Ирину по больничному коридору, Пол с грустью смотрел вслед до тех пор, пока она не скрылась за дверью. После этого он глубоко вздохнул и тоже пошёл к выходу.

- Осталось четырнадцать дней... - произнёс он вслух, запуская двигатель автомобиля.

В первую очередь надо было позаботиться об Ирине. Он оплатил весь курс лечения и, на всякий случай, держал наготове крупную сумму наличных денег. Обратился к юристу, который вёл его дела, и они долго обсуждали разные варианты, составляли бумаги. По предложению Пола, было решено подключить к этому делу Галину Макаровну Тучину: ему казалось она хороший, заслуживающий доверие, человек. За её согласие он предусмотрел и хорошее вознаграждение.

Весь бизнес, а это мастерская по ремонту автомобилей, магазин автозапчастей и две торговые точки на рынке, решено было передать Канцлеру. Но тот, узнав об этом, отчаянно запротестовал.

- Ты же справишься - убеждал его Пол.

- С делопроизводством я справлюсь, но я не заменяю тебя. Я не вхожу в ваш круг, твои же кореша меня и порешат. Лучше я останусь на своём месте.

"И то, правда..." - подумал Пол.

- И с чего ты решил, что с тобой что-то случится? - допытывался Канцлер.

- Жизнь такая - ветиевато ответил Пол - Я убиваю людей, следовательно, и меня могут убить.

Впутывать в свои дела братву, Пол не хотел.

Отпущенные дни пролетели мгновениями.

Поздно вечером тридцать первого числа, Пол, почему-то, решил помыться. Он не готовил себя к смерти. Ему было безразлично, где его похоронят, кто будет идти за гробом, в каком костюме, или целофане, он будет лежать и где. А помылся потому, что, по непонятной причине, замёрз, его пробил озноб и он залез в горячую ванну, чтобы попросту согреться.

"Ну вот, подхватил вирус и ночью умру" - подумал он.

Сон не шёл. И смерть тоже. Тогда он начал сам себе петь колыбельную, как мать в детстве.

"Баю, баюшки, баю..."

Сначала пел мысленно, про себя, но потом заметил, что произносит слова вслух. Он открыл глаза и увидел незнакомую квартиру.

"Баю, баюшки, баю..." - вполголоса напевал он, качая правой рукой детскую кроватку. Точнее, это был не он. Сознание его, Пола, но тело чужое. Тот, чужой Пол приподнял голову и заглянул внутрь кроватки. Там спала маленькая девочка, как две капли воды похожая на Ису. Её рыжие волосы рассыпались по подушке, с изображением весёлых гномиков на наволочке, длинные реснички закрывали глазки, маленький курносый носик спокойно посапывал.

- Она у тебя так хорошо засыпает... - слышался женский голос за спиной.

Это был голос Исы и тот, чужой Пол, стал оборачиваться. Вдруг картинка мгновенно, словно резко сдёрнутое покрывало, улетела в сторону, и настоящий Пол оказался в своей квартире.

Неоновые цифры электронных часов испускали слабый зеленоватый свет и показывали шесть часов семнадцать минут.

"Прошло шесть часов семнадцать минут, а я ещё жив" - подумал Пол и всеми мыслям переключился на недавнешний сон. Он был похож на вспышку от выстрела в темноте, на мгновение озарившую какую-то реальность. Пол медленно прокручивал в сознании этот короткий эпизод, датошно вглядываясь в каждый кадр.

"А что если и я, как та Ивапетова, вижу будущее? Ну, тогда, если это так, то получается, что я не умру сегодня".

Возникшая мысль несколько обнадежила его, хотя, в сущности, ничего не изменило.

Утром аппетита не было: с трудом выгнал в себя чашку кофе.

"Может напиться, до потери сознания?".

Обдумать этот вариант не пришлось, потому что позвонил Канцлер и напомнил, что на сегодня назначено замена подъёмника. Оно было согласовано и запланировано месяц назад и теперь Полу, в обязательном порядке, требовалось не просто появиться на работе, а присутствовать и руководить. Об этом он совсем забыл.

- Из-за работы и помереть некогда - сказал он и стал собираться.

Чтобы смонтировать новый подъёмник, надо было демонтировать старый. На демонтаж ушло пол дня и ещё столько же на установку нового. Потом оказалось, что левая балка цепляет верхнюю опору и её надо смещать. На эту работу ушло ещё часа три. Весь процесс настолько отвлек Пола, что он начисто забыл о смерти и вспомнил о ней, когда остался один в кабинете. Мрачные мысли снова накатили на него. В одиночку они были ещё мрачнее и страшнее.

"Может здесь остаться ночевать? - подумалось ему - Там, внизу, сторож. С ним можно всю ночь проговорить. Вот была бы со мной Ира...".

И вдруг, в сознании отчётливо прозвучал вопрос, бесцеремонно оборвавший его мысль - "Боишься?".

Пол поднял глаза и вызывающе посмотрел на входную дверь, словно это она так нагло и дерзко задала вопрос. В следующее мгновение он поднялся и решительно направился к выходу.

Приехав домой Пол не зажигал свет: на ощупь нашёл кресло перед камином и сел в него. До конца суток оставалось три часа. Всё это время он так и просидел в кресле, глядя в чёрную, холодную пасть камина, очертания которого проявились после того как глаза привыкли к темноте. Пол бы не удивился, если бы в это время из темноты появилось клыкастое чудовище и вонзило в его горло острые зубы. Но ничего подобного не случилось, и последние минуты уходящих суток Пол неотрывно смотрел на циферблат. Когда же там всё обнулилось, он облегчённо вздохнул и вслух произнёс - "Вот если бы я обещал кого-то убить первого числа, то убил бы точно".

Неожиданно его телом овладела настолько сильная усталость, что он еле добрался до кровати.

Лишь только голова коснулась подушки, ему ещё вспомнился вчерашний сон. Но теперь он не вызвал никаких эмоций. Реальность в сознании Пола треснула как тонкий лёд под ногами, и он провалился в глубокое забытие.

Явившиеся сноведения и на это раз были похожи на фантастическую реальность.

Приснился пустой железнодорожный вокзал и то место, где они когда-то провожали Бравого. Но теперь нигде ни души. По перону тянулась белёсая дымка, скрадывая и без того тусклый свет жёлтого фонаря, одиноко висящего на бетонной опоре. Холодно, тихо и жутко. Казалось, чёрная ночь сожрала не только город, но и весь мир, и лишь небольшая часть перона осталась существовать за счёт этого тускло мерцающего света.

Из темноты появились Ферзь, Гудвин, Бахча, Шест и незнакомый мужчина. Ему за сорок, он высокий, крепкий, с широким, обветренным лицом и волевым подбородком. С первого взгляда понятно - зек. Зона оставляет отпечаток на внешности, который сохраняется до конца жизни. Зачем они здесь? Они кого-то встречают или провожают? Пол задал вопрос всем присутствующим, молча стоящим у жёлтой стены - "Что случилось?". Ферзь, опустил голову, и, глядя себе под ноги, ответил - "Пол умер".

- Но, я... живой... - робко возразил Пол.

Ферзь тяжело вздохнул.

- К сожалению, он умер у меня на глазах.

Немую сцену прервало резкое шипение. Оно усиливалось и это означало, что источник звука, неуклонно приближался. И наконец, в тусклый островок света вполз старинный паровоз. Окутанный клубами пара, пыхающий и коптящий из топки чёрным дымом, он натужно тянул длинный состав товарных вагонов. С пронзительным визгом остановившись напротив собравшихся людей, паровоз громко чихнул и протяжно выдохнул под себя плотную струю белёсого пара. В окне кабины, блестя белками глаз из-под ломаного козырька форменной фуражки, появилась закопченная рожа машиниста. Он мутным взглядом осмотрел присутствующих, достал грязный, мятый лист бумаги, повернулся к свету.

- Шатузольские - сипло произнёс он и сразу же крикнул в сторону перона - Бахча!

Бахча сделал шаг от стенки, машинист осмотрел его и указал кивком головы на состав позади. В это время дверь первого вагона с грохотом открылась, Бахча, опустив голову, вошёл в чёрный проём и скрылся в темноте.

- Гудвин! - снова крикнул машинист, и Гудвин последовал за Бахчём.

Такая же участь ждала Ферзя и Шеста. И наконец...

- Пол!

Пол не собирался никуда идти и был сильно удивлён, что его товарищи так безропотно подчинялись чьим-то непонятным приказам.

Но вдруг незнакомый мужчина сделал шаг вперёд и, после одобрительного кивка машиниста, молча направился за остальными.

"Почему он идёт вместо меня? - удивлённо подумал Пол и крикнул - Стойте! Это я Пол!".

Машинист подозрительно осмотрел его с головы до ног.

- Нет. Ты Зайцев" - сказал он, затем беглым взглядом окинул список - Нет здесь Зайцева - произнёс он и, почти на половину высунувшись в окно, добавил - Нет ни Зайцева, ни Пизайцева.

Обнажая белые, крепкие зубы, машинист зашёлся диким хохотом, затем дёрнул рычаг у себя над головой и паровоз дал протяжный гудок.

Дверь вагона тут же закрылась, состав тронулся.

"Я Зайцев, я Зайцев... - мысленно повторял Пол, сопровождая глазами проносящиеся мимо состав.

" Тызайцев, тызайцев, тызайцев... " - отстукивали колёса на стыках рельсов.

В зарешётчатых окнах, расположенных почти под крышей вагонов, виднелись лица людей. Бледные, мрачные, с большими, округлившимися от страха и ужаса, глазами.

Пол не знал, куда их везут, но предчувствовал что-то страшное. Да и состав двигался как-то странно: под уклон, словно в преисподнюю.

Когда последний вагон исчез в темноте, а стук колёс уменьшился до полной тишины, Пол проснулся.

За окном уже было светло, новый день по-деловому хозяйничал в городе. И странное дело - теперь, все произошедшие до этого события, Полу показались сном. Причём не только вчерашние, и даже не полугодовой давности, а вся его жизнь. Он помнил всё, но почему-то не было остроты чувств, переживаний, словно это была чужая жизнь, наблюдаемая им со стороны.

"Как Ивопетова после операции..." - неожиданно подумалось ему.

На текущий день он ничего не планировал. Вообще. Как, впрочем, и на вчерашний. Позавчера этих дней для него не существовало. Но они наступил и, без планов, были совершенно пусты. "Может, я на самом деле умер вчера?" - предположил Пол. Но мочевого пузыря и желудок, утверждали обратное. А ещё сердце как-то странно стучало и стук этот отдавался в ушах необычным созвучьем - "Тызайцев... Тызайцев... Тызайцев...".

После завтрака он поехал на работу.

О предсказании Качая, Пол вспомнил только вечером, вернувшись домой.

Он никогда, никому, даже самому себе не признался бы, что привык к Ирине и теперь, без неё, стал ощущать какую-то пустоту. Эта пустота неприятно давила на плечи, создавая тем самым определённый дискомфорт. Пол не знал чем заняться, куда себя деть. Ему везде было неудобно: что-то мешало или чего-то не хватало. И только на работе, погружаясь с головой в дела производства, он отвлекался и забывался.

Так минула неделя. Днём, занятый делами, Пол окончательно забывал о предсказании и вспоминал о нём только вечерами, лёжа в постели. Однако ничего не предпринимал по этому поводу, просто долго вслушивался в тишину, с тем и засыпал.

Как-то ранним утром позвонил Канцлер - событие до этого небывалое.

- Срочно приезжай...

Пол понял, что произошло что-то важное по части криминала. Захватив оружие, он направился в мастерскую.

- Ты помнишь, где-то с полгода назад, принял на работу реализатора, по фамилии Курицкий? - начал Канцлер, как только они встретились - И вот в последнее время я стал замечать, что его выручка за четыре месяца висит на одном уровне. Такого раньше не было. Начало сезона всегда давало прибыль. Я даже подумал - не лоханулись ли мы с ассортиментом? Я к нему, мол, покажи накладные, товар. Поначалу он спокойно достал бумаги, открыл склад. Потом говорит - пойду, чайник поставлю... Вышел в подсобку и сиганул через окно. Я сразу поднял вокзальных, пацанов послал туда. И что ты думаешь? Нарисовался с чемоданчиком. А под двойным дном - вот... - он бросил на стол пачку денег в вакуумной упаковке - Я не вскрывал, но уверен, что здесь сумма недостающего товара. "Слить" собрался. Знакомый приём. Только сейчас ни на тех нарвался.

Пол какое-то время молча смотрел на туго обтянутые полиэтиленовой плёнкой купюры и, не сводя с них глаз, спросил - "Где он?".

Реализатора, с заломленными назад и связанными скотчем, руками, заперли в небольшом помещении компрессорной.

Когда Пол вошёл, тот лежал на бетонном полу и тяжело дышал. Видно было, что пацаны с ним уже поработали: фингал, разбитая губа, глубокий, кровоточащий, шрам над бровью, правая щека в крови. Когда он увидел, что человек, которого он хотел обмануть, присел перед ним на корточки, отвёл взгляд и стал всхлипывать.

- Зачем? - спросил Пол, сурово нахмутив брови, но, тем не менее, пока что, ещё тихо и спокойно - Зачем ты это сделал?

Не получив ответа он снова стал задавать вопросы, только на этот раз более мягче, даже с какой-то мольбой в голосе.

- Чего тебе не хватало? Ты голодал? Ты наркоман или алкоголик? Тебе нужна доза или ты может, хочешь завязать? Может у тебя долги? Ты проигрался в казино? Или тебе нечем платить кредит? Зачем? Зачем ты себя унизил? Ведь ты себя унизил, мне ты хуже не сделал. У меня денег много, очень много... Но это мои деньги. Они мне достались кровью. Я их получил за свои грехи и впереди меня ждёт расплата. За грехами всегда следует расплата. Таков закон справедливости. Вот и ты должен ответить за свой поступок. Но я хочу знать причину. Может ты невиновен, может тебя заставили? Угрожали тебе? Я не хочу убивать невинных. Это тяжкий грех, убить невинного... Так что?

Прежде чем ответить Курицкий три раза особенно громко, до икоты, всхлипнул, потом беззвучно пошевелил губами и наконец, произнёс - "Бес попутал..."

Вдруг Пол изменился в лице, глаза округлились.

- Ты его видел? - совсем тихо спросил он - Он приходил к тебе? Он испытывал тебя?

Пол выпрямил спину и долго, отрешённым взглядом, смотрел в дальний угол комнаты.

- Да, он такой, он может... - наконец сказал он, всё ещё находясь в прострации, но потом резко повернул голову к Курицкому, заговорил горячо и быстро - Он сказал тебе - укради! Он испытывал тебя, он хотел завладеть твоей душой... Надо сопротивляться, иначе он тебя одалеет - Пол достал из кармана носовой платок и стал вытирать собеседнику кровь с лица - Только не делай ему послаблений, уступак... Ты веришь в Бога? Держись своей веры и принципов. Он боится сильных. Но только сильных духом, потому как сам есть дух. Злой дух. Но ты ни в коем случае не поддавайся соблазнам, искушениям. Он хитёр и коварен, спрашивает, чтобы обнаружить слабинку и воспользуется ей. И тогда ты пропоешь...

У Курицкого страх сменился удивлением. Вытаращив глаза, он смотрел на своего хозяина и даже перестал всхлипывать. Но когда тот, без особых усилий, взял его, взрослого мужчину, весившего семьдесят восемь килограмм, за одежду, поднял и поставил на ноги, чувство страха заняло прежнее место. Потом, когда Пол обратился к Канцлеру и попросил нож, всё внутри у Курицкого замерло. Его прошиб холодный пот, и он запищал, как подстреленный заяц.

- Пол, ну не здесь же... - испуганно проговорил Канцлер.

- Мне скотч разрезать...

В выдвижном ящике металлического столика, стоящего в углу помещения, нашлась отвёртка.

- Нет, я этим ему руки пораню - сказал Пол.

- Да ему их надо отрубить - сердито пробурчал Канцлер и, порывшись в ящике, достал ножницы по металлу.

Пол освободил Курицкому руки, обнял его за плечи и повёл к выходу.

- Ну, ты понял меня? Ни в коем случае не поддавайся. Сопротивляйся изо всех сил. Иначе погибнешь. Поверь мне. Если будешь стремиться к добру, оно тебя и защитит. Но для этого надо осознать свой грех и верить в добро. Падать всегда легче, чем подниматься.

- Э, ты что, собираешься его отпустить? - изумлённо спросил Канцлер, следовавший за ними.

- Да, конечно...

- Пол, он тебя кинул... Он тебя хотел поймать... Ты это понимаешь?

- Но он же всё осознал, раскаялся... Он больше не будет - сказал Пол и, обращаясь к Курицкому, с нескрываемой жалостью в голосе, спросил - Ведь правда?

- Да... - только и смог ответить тот, давясь этим коротким словом.

- Ну, вот и хорошо. Завтра, как обычно, выходи на работу и работай как обычно. Ничего и никого не бойся. Если возникнут вопросы - обращай напрямую ко мне. Я помогу.

От удивления Курицкого словно парализовало: он не мог двинуться с места.

- Ну, всё, иди...

Пол слегка подтолкнул его в бок.

Сначала тот шёл медленно, втянув голову в плечи, потом, как-то сам по себе перешёл на быстрый шаг, а свернув за угол, побежал без оглядки.

Канцлер пожал плечами и, глядя в сторону, обиженно проговорил - "Ну, ты знаешь, что делаешь..."

Пол зашёл в мастерскую. Здесь стоял шум: вой разнообразных двигателей, крики людей, грохот металла. Автомобили, как средство передвижения, имели свойство ломаться. Люди по-другому передвигаться не желали и отдавали их в ремонт. Так что данное предприятие было перспективным, приносило хороший и стабильный доход.

Вдруг Пол обратил внимание на парня сильно западавшего на правую ногу при ходьбе.

"Что-то я не помню, чтобы хромых брал на работу" - подумал он и заинтересовался об этом у Канцлера.

- Так это же тот, Афганец, который хотел завязать. Помнишь? Как видишь - передумал.

Вдруг взгляд у Пола застыл, лицо помрачнело. Какое-то время он стоял неподвижно, словно окаменев, потом еле заметно дёрнул головой, как бы очнувшись.

- Ты, это... отпусти его... Не хочет - не надо... Пусть идёт куда хочет, без всяких условий.

Канцлер снова удивленно посмотрел Полу в глаза и снова пожал плечами.

- Хорошо...

Вдруг Пол резко повернулся и быстро направился к Афганцу.

Тот возился с подвеской у поднятой машины и не заметил подошедшего к нему сзади начальника. Когда же он обернулся - в испуге отпрянул назад.

- Мне сказали, вы хотели завязать?

Поскольку вокруг было шумно, Пол приблизил лицо к его уху.

- Нет... - бледнее ответил Афганец и сделал шаг назад.

- Если хотите - пожалуйста. Никто вас насильно удерживать не будет. Честное слова.

- Нет... - снова повторил парень.

- Ну, смотрите сами... Если что - я вас отпускаю - произнёс Пол и ушёл так же неожиданно, как и появился.

В небольшом коридорчике между ремонтным цехом и лакокрасочным он неожиданно наткнулся на Сранча. Пол сразу уловил в его внешности какие-то перемены. Если раньше этот человек казался ему жалким, то теперь находил его смешным. Худощавый, невысокий, похожий, в свои сорок семь лет, на подростка, он, в общем-то, и вёл себя как подросток, с той лишь разницей, что шалости теперь были далеко не детские: выпить, украсть, снова выпить, получить по морде от своих или резиновой дубинкой между лопаток от ментов. Ни обязанностей, ни ответственности. Вольная птица, которой, как он сам выражался - "всё похер".

Одной из особенностей внешности Сранча бы его длинный нос. Казалось, что при родах, его тянули из чрева именно за этот нос. Теперь же он был испачкан то ли копатью, то ли мазутом.

- Ну, что - опять? - как-то машинально вырвалось у Пола.

- Нет, нет... Всё нормально... - Сранч выставил перед собой руки ладонями вперёд.

- Уникум, между прочим - вмешался Канцлер - Фотографическая память у него.

- Как это? - удивился Пол.

- А так: любую автоматическую коробку передач может разобрать и собрать без схем и чертежей.

Сранч выпятил вперёд грудь и довольно заулыбался.

- Это Вонки его нашёл - продолжал Канцлер - Говорит, сорок лет работаю с коробками, а так не могу.

Пол окинул взглядом уника и воодушевлённо проговорил - "Ну вот, а ты говорил сын алкоголики и проститутки".

- Когда это я такое говорил - возмущённо пробасил Канцлер.

Сранч замахал на него руками, потом достал и сунул в рот сигарету.

- Ну, ты мне ещё закури тут! - крикнул на его Канцлер, после чего тот юркнул между стоящих людей и направился в сторону курилки.

- Эй! - криком остановил его Пол - А ты умеешь играть на баяне?

- Нет - ответил Сранч, немного подумал и добавил - Отец у меня классно играл. Я тоже пробовал учиться, но бросил.

- А вот и зря. А, кстати, почему?

- Два пальца порезал - Сранч поднял указательный и средний пальцы левой руки.

Пол понимающе кивнул, и, проводив его взглядом до дверей, обратился к Канцлеру

- Слушай, раз такое дело - может нам его официально оформить?

- Я тебя умоляю - Канцлер приложил ладонь к груди - Это будет до первой полочки. Пусть лучше всё остаётся как есть. К слову - Вонки его не обижает.

Неожиданно Пол задумался и, чуть повернув голову в сторону Канцлера, спросил - "Слушай, а тебе на зоне, никогда не снилось, что ты другой человек, что у тебя другая жизнь?".

Канцлер медленно отвёл взгляд и с грустью ответил - "Мне на зоне жрать хотелось, было холодно и чири на теле замучили".

- Мне вот тоже ничего не снилось - в тон ему проговорил Пол и вдруг спросил - Как ты думаешь, Бог есть?

- Да - уверенно ответил Канцлер.

- Почему?

- Потому что я не вижу смысла в жизни. Ты его видишь?

Пол неопределённо пожал плечами.

- Вот... - продолжал Канцлер - А он есть, он должен быть, я в этом уверен. Иначе... - Канцлер сделал круговое движение головой - какой в этом смысл? Просто от нас его, по какой-то причине, скрывают. И это может делать только тот, кто создал этот мир.

- А почему от нас его скрывают?

- Потому что, скорее всего, поиск смысла жизни и есть цель для человека.

- Ты его нашёл?

- Ищу...

- Как?

- Живу...

- Просто жить, ты считаешь, это и есть поиск?

- Да.

- А если не найдёшь?

Канцлер долго молчал, потом глубоко вздохнул и произнёс - "В конце истина откроется любому - вдруг он задумчиво улыбнулся и, глядя Полу в глаза, продолжал - Один мой знакомый... правда он немного чёкнутый, хотя и имеет два высших образования... Так вот, он говорит, что у нас девять жизней. Это как девять беговых дорожек и на всех мы стартовали одновременно. Цель - хотя бы одному добраться до финиша".

- А если все доберутся?

- Тогда это хорошо.

- А если никто не доберётся?

- Это плохо... Только потому их и девять, чтобы хоть кто-то добрался.

Пол задумчиво кивнул и, глядя в сторону, произнёс - "Может твой знакомый и прав".

На следующее утро он, неожиданно, как-то по-другому посмотрел на произошедшие с ним события и ужаснулся.

"Взрослый человек, а повёлся на такую маляву... Поверил в сон, иллюзию или что там ещё... Да, это диагноз..." - сказал он сам себе.

И вдруг, словно злая собака из подворотни, в его сознание ворвалась другая мысль. Суть её сводилась к тому, что Качай, наверно, решил, что он, Пол, насовсем оставил Ирину в лечебнице. То есть избавился, как тот советовал и поэтому до сих пор жив.

"Но я и не думал... - стал он сам себе оправдываться - Я её заберу, как только она пройдёт курс лечения. Хотя, конечно, если она выздоровеет, то сюда уже не вернётся. А меня, возможно, даже не вспомнит и не узнает. Но я ни в коем случае её не бросаю".

В этот же день он решил ехать в Риппоир, хотя о состоянии Ирины можно было справиться по телефону. Но это был, как бы, вызов самому себе, как доказательство того, что он не отступился от своего решения.

В вестебюле приёмного пакоя, помещении просторном, уставленном горшками и кадками с буйно разросшимися декоративными растениями, к Галине Макаровне образовалась не большая очередь. У стен стояли три мягких кожаных дивана и четыре такие же кресла, так что люди

расположились свободно. Не смотря на это, между ними чувствовалось какая-то напряжённость: разговаривали шёпотом, мало, старались не смотреть друг на друга.

Вдруг Пол почувствовал, как будто холодный, колючий ветерёк подул ему в левую щёку. Повернув голову, он встретил пронизательный взгляд голубых глаз. На его внимательно смотрел парнишка лет двадцати, с конопатым, приплюснутым носом и жиденькой рыжей бородкой. Пола и молодого человека разделял большой фикус. Парнишка был похож на испуганного, загнанного в угол зверя, внимательно наблюдавшего за поймавшим его охотникам.

- Сидишь... - наконец тихо прошипел молодой человек и, последующие слова, произносил уже громче и отчётливее - Молчишь, палец в жопу засунув... Вот так же ты сидел и раньше, когда глумились над страной... Но ты молчал, потому что тебя всё устраивало и делал вид, что не понимаешь.

Рядом с парнем находилась уже не молодая женщина, по виду - не из простых, и с самого начала речи юноши, пыталась его осадить.

- Николай, прекрати... Успокойся... - говорила она, дёргая его за плечо. Но тот не обращал на это внимание.

- Вам лапшу на уши вешали, а вы молчали! Только не говорите, что ничего не знали... Была доступна информация, но вы просто не хотели её знать! Не хотели смотреть правде в глаза, дрожали за свою шкуру! А вы никогда не задумывались, что всё это дерьмо достанется нам? Что мы будем его раслёбывать: пол жизни вкалывать даром, чтобы только рассчитаться с вашими долгами. Но вам-то всё похер, вы теперь на заслуженном отдыхе. А нам до такого отдыха, вкалывать и вкалывать. И счастлив будет тот, кто дотянет до этого срока. Вот так вы заботились о будущем поколении. Теперь мы сидим по уши в дерьме и должны отвечать за ваше трусливое молчание. И ведь не надо было идти на жертвы. Можно было просто встать, и, смело глядя в глаза, заявить - "Мы хотим жить по-другому!". Но вы, одурманенные красивыми речами, позволили зажать себя в тиски и срать себе на голову. Вот вы и просрали страну своей пакорностью! Так за что мы вас должны теперь уважать?

Парнишка всё больше раполялся, никакие уговоры на него не действовали. Он вскочил и, обойдя растение, остановился перед Полом. Его речь была уже несурзной, слова походили на истерические вопли, на губах выступила пена.

"Нет, моя Ира не такая... А этого бы я, точно, прибил" - подумал Пол, глядя парню в глаза.

На шум выбежали Галина Макаровна и два санитара. Крепкие мужчины взяли парня под руки, легко и быстро увели в кабинет, плотно закрыв за собой дверь. Женщина, наверно мать Николая, последовала за ними.

Тучина, стоя посреди вестибюля, обвела придирчивым взглядом присутствующих, словно проверяла - не возникнет ли ещё подобный инцидент? Вдруг её глаза наткнулись на Пола и было заметно, что она обрадовалась.

- Как хорошо, что вы приехали. Я вам уже хотела звонить. Пойдёмте ...

Они прошли по длинному коридору и остановились возле лифта.

- Наркомания процветает. Тюрьмы и наркологические стационары переполнены - вполголоса проговорила женщина, и, после тяжёлого вздоха, добавила - А власти замалчивают эту проблему.

Когда они вошли в кабину и поднимались, она, обращаясь уже к Полу, заговорила снова.

- Но вас это не касается. У вас совсем другое дело.

Они поднялись на третий этаж, на посту к ним присоединился санитар и, проведя их по другому коридору, открыл одну из палат.

- Мы провели первый курс лечения - ещё в пути отчитывалась Галина Макаровна - Второй сеанс следует начинать после месячного перерыва, не раньше. А третий - только срустя два месяца.

"Ого... Тогда у меня уйма времени" - подумал Пол и даже слегка улыбнулся.

- Теперь пациентка находится на стадии наблюдения. Скажу честно - здесь, в стационаре, особых изменений не выявлено. Но так обычно всегда бывает: первый сеанс больше пробный. Результаты появляются при последующих. Теперь, по правилам, за ней следует наблюдать в быту, то есть - как она будет вести себя дома. Но эта процедура, после первого сеанса, не обязательная. Так что, если нет возможности, вы можете её оставить. Ну, а заберёте - тоже хорошо... Поймите, мы ни в коем случае не избавляемся от неё...

Ирина сидела на кровати, всё тем же бессмысленным взглядом уставившись перед собой. Единственное, на что Пол обратил внимание (может раньше этого просто не замечал) - теперь она очень ровно держала спину.

"Здесь, хотя бы, её не привязывают" - подумал он. Нельзя было не заметить, что в палате не только светло, чисто, но и, самое главное, нормальный воздух.

Галина Макаровна и Пол остановились напротив Ирины.

Девушка какое-то время сидела неподвижно, но потом вдруг резко встала и сделала шаг вперёд. Затем она также резко опустилась и села на пол.

- Вот видите! - как-то возбуждённо произнесла Галина Макаровна - Она раньше так не делала. Ведь, правда?

- Да - ответил Пол, садясь на корточки перед Ириной.

- Значит, есть изменения.

"Залечили, что на ногах не может стоять" - подумал он, коснувшись зачем-то рукой волос Ирины.

Вдруг его нос уловил слабый запах закишей мочи.

"Нихрена они её не смотрят... Не смотрят, так как я... - подумал Пол и, продолжая гладить девушку по голове, произнёс вслух - Я её заберу".

И всё-таки, в домашних условиях изменения в поведении Ирины были. Правда, неизвестно - насколько всё делалось осознанно. Зайдя в квартиру, она прямоком пошла в спальню и легла на кровать, как кошка, свернувшись калачиком на покрывале. Впрочем, на этом изменения и заканчивались. Однако Пол в данном поступке видел огромный прогресс и, в дальнейшем, обращался с девушкой как с сокровищем.

В ванной он долго и тщательно мыл её волосы, не жалея шампуня. Потом, по мере высыхания, несколько раз расчёсывал. Затем сварил картофель и сделал пюре. Подогрел заранее купленную котлету. Не спеша и аккуратно кормил девушку, за каждой ложкой вытирая полотенцем рот. Прodelывая все эти процедуры, он, время от времени, повторял - "Иринка-картинка, Иринка-картинка...".

Перед сном одел на девушку новую, белую рубашку. Подгузники решил не использовать, потому как между ног заметил небольшие потёртости. Видно в больнице с ними переусердствовали. Лёжа в постели прочитал вслух сказку.

Где-то в глубине души Пол всё-таки ждал каких-то событий в отношении себя. К примеру - появление Качая. И как бы в подтверждении того, что он ни о чём не жалеет, ни от чего не отрекается, и не думает менять решение, повернулся на правый бок, обнял и прижал к себе спящую девушку.

Пол проснулся среди ночи и не сразу понял отчего. Он смотрел на потолок и вся его сущность сопоставлялась осознанию увиденного: здесь всё было чужим. Уличный свет падал на низкий потолок с другой стороны. Это означало - окно не его квартиры и расположено не там. Через не плотно задёрнутые шторы с улицы пробивлась клинообразная полоска света, освещающая чужую, незнакомую люстру. Незнакомый белый шкаф с двумя зеркальными дверями, комод, такого же цвета с зеркалом в резной оправе. Всё чужое.

Но Пол, оказывается, проснулся не от этого. Он проснулся от прикосновения руки к его телу.

Женская ладонь круговыми движениями легонько гладила его по груди, постепенно перемещаясь на живот, потом опустилась ещё ниже. Когда пальцы коснулись его крайней плоти, горячая волна ударила Полу в голову. И вдруг он осознал две страшные вещи. Одна из них заключалась в том, что он ничего не может с этим поделать. Его мозг возмущался, протестовал, наверно посылал нервные импульсы телу, но тело не слушало. То ли импульсы не доходили, то ли это было другое тело, и сознание Пола, почему-то, оказалось в нём, но факт тот, что он не мог ни пошевелиться, ни закричать. И второе обстоятельство, ещё более страшное по своей сути - его репродуктивный орган, который всю жизнь служил ему исключительно для мочеиспускания, теперь, оказывается, реагировала на это прикосновение. С этим Пол, тем более, ничего не мог поделать.

Длинные пальцы нежно обхватили его набухший член, торчащий уже строго вертикально и скользили по нём то вверх, то вниз, тем самым ещё больше укрепляя его прочность.

Вдруг одеяло рывком слетело в сторону.

Над Полом нависла женская фигура.

Он был уверен, что это Ирина, хотя в полумраке лица не видел. Она сняла с себя рубашку, перекинула через Пола ногу, оседлав его как лошадь. Усевшись ему на низ живота, стала медленно двигать корпусом то вперёд, то назад.

Оголённое окончание его мужского достоинства, приведённое такими действиями в "боевую готовность", чувствовало то прикосновение жёсткого волосяного покрова, то горячую и влажную борозду. Наконец Ирина привстала, словно наездница в стремях и, придерживая рукой его возбуждённый "аппарат" в вертикальном положении, стала медленными, поступательными движениями опускаться на него.

Внезапно у Пола перехватило дыхание, судорогой свело мышцы живота и горячая волна, образовавшаяся в месте глубокого проникновения в другую плоть, мгновенно пронеслась по всему телу, которое тут же покрылось испариной.

Последний раз он ходил на лыжах ещё в школе. С настоящего трамплина не прыгал никогда. Однако теперешнее состояние он сравнивал именно с прыжком с трамплина: стремительное скольжение, спёртое дыхание, резкий бросок и...

Волна сладостного дурмана стремительно понесла его, закружила, подбросила на гребне и исчезла в пустоте...

Пол очутился у себя в квартире, сидящим на кровати, будто прыжок с трамплина забросил его в свою реальность.

Даже находясь в привычной обстановке, он долго не мог прийти в себя. Лишь осмотревшись, найдя рядом спящую Ирину, он, наконец, понял, что недавнее видение было всего лишь сном.

Пол облегчённо вздохнул, упал на спину. Он ещё тяжело дышал, грудь и шея оставались мокрыми от пота. Он хорошо помнил в подробностях недавнее сновидение. Угасающее состояние возбуждения ещё оказывало влияние на организм: дыхание было тяжёлым, конвульсивно сокращались мышцы в области паха.

Он вдруг почувствовал влажное касание пододеяльника к коже внизу живота. Просунув туда руку, резко одёрнул, одновременно сорвав с себя одеяло.

- Чёрт... - прошепел он, вскакивая на ноги, ощупывая мокрое пятно - Чёрт... - ещё раз повторил и быстро направился в ванну.

Пол слышал, что у мужчин случается непроизвольное семяизвержение во время сна. Но он никогда, ни разу, даже мысли не допускал, что это может произойти с ним. И ведь раньше такого никогда и не было.

Он снял трусы, бросил их в стиральную машину. Потом сразу же достал и, долго не думая, выкинул в мусорное ведро, затолкав их на самое дно, под пустой пакет от молока.

Только в ванне, под струями воды, он немного успокоился. Эмоциональное воздействие, никогда до этого не испытанных чувств, привело душу в трепет и даже теперь, тело, время от времени, пробивало короткой мелкой дрожью. Успокаивало лишь то, что это был сон, состояние не подвластное человеческой воле.

"Ивапетова говорила, что во сне можно видеть будущее. И что же, это есть моё будущее? - рассуждал он, неподвижным взглядом уставившись на стену и не замечая льющейся на него воды - Нет. В моём будущем такого точно быть не может. А вот параллельные миры, как говорил Качай... Здесь чёрт его знает... Если он прав, то может быть, где-то там я семейный человек, а Ирина моя жена. Или любовница. Но это однозначно не будущее. В реальности такого не случится никогда. Вот тот первый сон, с Исой и ребёнком, больше похож на реальность. А этот нет..."

Однако в его сознании присутствовала ещё одна мысль, от которой он пятился как от медленно надвигающегося облака ядовитого тумана: где-то глубоко в душе он считал, что впечатления-то, оказывается, не такие уж неприятные.

Когда, наконец, оцепенение прошло, и он вылез из ванны, на него снова накатила очередная волна мыслей.

"А может быть всё намного проще и банальнее - я, в силу возрастных изменений, теряю контроль над своим телом".

Вдруг, почему то, вспомнилось далёкое детство, когда ему было годика три-четыре и слова матери, обращённые к знакомой женщине, может подруге.

- Мы ведь его не планировали, он у нас получился случайно...

Да, они не планировали его, у них уже было двое детей. Пол в это верил. Но теперь ему верилось и в то, что это планировал кто-то свыше, и у этого кого-то была какая-то своя цель. А теперь, возможно, он выполнил запланированную миссию и этот кто-то уже в нём не нуждается. Теперь материя, вещество, которые пятьдесят три года назад, случайным, не запланированным образом начало организовываться, складываться и, наконец, приобрело форму Василия Качая, подвергается обратному процессу. Его сознание уже не так строго контролирует его тело, и оно склоняется в сторону природных инстинктов. Оно, таким образом, отреагировало на близкое присутствие женского тела. Оно и должно было так среагировать. А дальше будет ещё хуже: слабоумие только усилит общую деградацию организма и приведёт к зловонной немощности. А с материей, веществом, составляющим его плоть, ничего не случится. Оказавшись на просторах бесконечности эти атомы, электроны, пратоны, возможно будут только рады, что избавились от опостылевшей формы и будут по-своему наслаждаться обрётённой свободой. Может быть, полная свобода без всякого смысла, это и есть рай?

Пол только сейчас обратил внимание, что всё это время сидел на краю ванны с банным полотенцем в руках. Он стал перед зеркалом, чтобы вытереться, но, оказалось, необходимости в этом нет: его тело и даже волосы на голове высохли сами по себе. Видно он уже давно сидел в таком положении.

Странный звук донёсся из коридора. Он был похож на мелодию домофона, оборвавшуюся в самом начале вызова. Переговорное устройство не работало давно, а электрический замок функционировал исправно. Вот только сама дверь часто заедала, потому как барахлил доводчик.

"А это, из какого мира?" - подумалось Полу.

В трубке было тихо. Ни шума, ни треска. Какое-то безжизненное молчание.

"Показалось" - решил он, но только успел подойти к дверям спальни, как вновь услышал сигнал. На этот раз коротко и хрипло прозвучал звонок входной двери.

"Что за чертовщина?" - Пол замер, прислушиваясь к тишине. Сигнал не повторился, и он решил - галлюцинации. Но всё-таки, спустя несколько секунд, направился к дверям, на ходу подпоясывая халат.

Он был уверен - за дверью никого нет. Озабоченный тем, что вся проблема в нём, он даже обрадовался, увидев на тёмной лестничной площадке силуэты людей.

- Пол... - голос Ферзя был подобен спасательному кругу.

- А что в темноте-то... - сказал Пол и включил проходной выключатель, находящийся справа от дверей.

От яркого света он прищурился и не сразу заметил, что здесь, оказывается, вся компания: Гудвин, Шест, Бахча.

- Да чёрт его разберёт, где у тебя здесь выключатели - недовольно пробурчал Ферзь.

- А... что случилось? - спросил Пол, удивленно осматривая присутствующих.

- Что, в дом не пригласишь, хозяин?

Хозяин засуетился, стал извиняться, распахнул настежь дверь. Но здесь, на площадке, оказывается, было пять человек. Незнакомца он не заметил. Только когда тот последним вошёл в квартиру, хозяин обратил на него внимание.

- Это с нами - заметив его интерес, объяснил Ферзь и сразу же завалил упреками - Ты, вообще, когда-нибудь трубку берёшь? На звонки отвечаешь? Я уже неделю не могу с тобой связаться.

- Ах, да... Я отключал телефон... - признался Пол.

- Короче, есть возможность отмыть бабки. Но надо всем ехать в Борубайск.

- Где это?

- Булибостан. Бывшая Лоберусия.

- Ого! Так далеко.

- Да, путь не близкий. Ну, а что делать? Это, пока что, единственное место в мире, где можно отмыть "чёрный нал". Их деньги нигде не котируются, поэтому там бросаются на любую валюту. Но вместе с тем, у них достаточно высокая техническая оснащённость банковской системы. Мы и едим туда одновременно как бизнесмены, и как лохи: все в одной машине. Поэтому и проводника взяли, он там жил и ходку имел - Ферзь кивнул на незнакомца.

- Ну, вы же хотите пересечь границу нелегально, а там дороги не для "Лексусав" - стал оправдываться проводник.

- Ладно, всё... Мы это уже обсуждали - оборвал его Ферзь.

- Где сидел? - по-деловому спросил Пол проводника.

- Новые Сады - ответил тот.

- Да, я слышал про эту зону...

Тяжёлый взгляд Ферзя был подобен торчащей между лопаток финке.

Пол медленно обернулся.

- Ну, чего стоишь? Собирайся.

Вдруг Пол помрачнел и, опустив голову, тихо произнёс - "Извините, но я не могу ехать".

- Почему?

- Н-не получается... Дела у меня...

- Какие у тебя могут быть дела? Ты свободный человек, ты сам себе хозяин. Ну, ладно - пару часов мы подождём. Надеюсь, этого времени хватит, чтобы всё уладить?

- Нет, я не поеду - твёрдо проговорил Пол.

На этот раз Ферзь смягчился: стал говорить спокойно, словно упрямивая.

- Но без тебя мы не сделаем твою долю. Мы все едим туда не из-за того, что не доверяем друг другу, а как юридические лица. Всё пойдёт безналичным расчётом. Проблема ведь не в деньгах, а как ими воспользоваться. Просто снять сумму и купить яхту, виллу, как это происходило раньше - уже не получается. Теперь ты покупаешь швабру и отчитываешься, откуда деньги. Надо изобразить какое-то дело, которое принесло прибыль. Но для этого, нужны затраты на производство. Везде нужен точный расчёт иначе, кое у кого появятся вопросы. Не всё так просто и потом. А если тебя не будет... - он вопросительно посмотрел на Гудвина - Мы же не сможем обналичить его долю? Кстати - мы, на всякий случай, решили отмыть и общак. Он, хотя и ходовой,

но при желании можно раскрутить. Другого случая не представится. И, кстати, там пацаны, тоже рискуют.

Гудвин задумчиво повёл глазами.

- Теоритически, можно что-то протиснуть на расчётный счёт... Там не государственный банк. Их, практически, никто не контролирует. Скорее всего, сама власть пользуется этим каналом: в надёжном месте откладывает копейку. Но согласятся ли они на сделку вслепую? Всё-таки, риск какой-то есть... Но, попробовать можно. Дай номер твоего счёта.

Пол снова замялся.

- Знаете что, ребята, не надо... - произнёс он, ещё ниже опустив голову - Раз я не еду, то и не надо... Возьмите мою долю, разделите между собой... Это будет честно. Я не обижусь.

Какое-то время все молча, в полной тишине, изумлённо смотрели на Пола.

- Ну... - наконец сказал Гудвин, вопросительно глядя на Ферзя - Если так, то это совсем другое дело...

Ферзь тяжело вздохнул, потер ладонями щёки, лоб, снова вздохнул и опустил голову.

Пол осмотрел молчаливые, растерянные лица друзей и остановился на незнакомце.

- Как дела в бывшей Лоберусии?

- Да как везде - ответил тот - Народ набрал кредитов и ждёт, когда государство накроется медным тазом.

Полу эта шутка показалась оригинальной и он громко рассмеялся. Однако присутствующие его смех встретили изумлёнными взглядами.

- Что? - спросил Пол, вглядываясь в их лица.

- Ты смеёшься? - озвучил общий вопрос Бахча.

- Ну, а что тут такого?

- Ничего... Просто я никогда не видел, чтобы ты даже улыбался...

- Хорошо - голос Ферзя, на этот раз, звучал твёрдо и уверенно - Тогда у меня к тебе просьба... Ты не мог бы отложить нам свой ствол? Путь далёкий, всё может случиться, а у нас, с оружием, напряг...

Пол охотно согласился, достал из схрона пистолет и патроны. Он объяснил и даже продемонстрировал его конструктивные особенности, чем вызвал восхищение присутствующих. Однако Ферзь довольно равнодушно воспринял всё и с безразличием спрятал патроны в карман зимней куртки. Ствол положил туда же.

Пол смотрел на его, не скрывая радости - хотя бы, таким образом, сможет помочь товарищам.

- Чаю, кофе не хотите? - спросил он, поворачиваясь.

В это время Ферзь сунул руку во внутренний карман куртки, достал другой пистолет, с глушителям, и направил его Полу в затылок...

Прозвучавший выстрел, напоминающий глухой, но сильный хлопок.

Павел Иванович Зайцев чуть подался вперёд и шумно рухнул на пол.

Присутствующие стояли словно пришибленные.

- Ты... ты... ты... - пищал Бахча, не осознавая, что издаёт этот звук произвольно.

Кровавое пятно почти чёрного цвета, резко контрастировало на почти белых волосах головы жертвы.

Ферзь, подойдя к изголовью Пола, внимательно смотрел на кровоточащую рану и решал - делать ещё выстрел или нет? По-видимому, именно это безформенное, быстро увеличивающееся пятно крови, склонило его к мысли - стрелять больше не следует.

- Вы не видите, что у него крыша поехала? Я давно за ним наблюдаю. Живым его оставлять нельзя - сказав это, Ферзь поднял голову и, по выражению лиц товарищей, на которых застыло изумление, граничащее с ужасом, понял - что-то происходит у него за спиной. Он резко сделал пол оборота корпусом, держа пистолет наготове.

Ирина, в широкой и длинной рубашке, молча и неподвижно стояла в дверях. Чистые, пышные волосы, вымытые накануне, полностью закрывали ей лицо. В таком виде она была похожа на приведение.

Ферзь от лёгкого испуга незаметно вздрогнул, мышцы тела резко сократились, как от удара электрическим током и указательный палец непроизвольно нажал на курок...

Если бы он целился в сердце, то, скорее всего, промахнулся бы. Но поскольку выстрел был спонтанный, то, по так называемому закону подлости, пуля полетела точно в центр груди.

Девушка молча попятилась, скрылась за проёмом дверей и упала, издав короткий, неровный звук.

Ферзь твёрдой походкой направился к ней.

Его подельники стояли как вкопанные и почти не дышали.

- Бахча, иди сюда - вдруг послышался строгий голос Ферзя, словно тот к кому он обращался, был виновен в каком-то серьёзном проступке.

Ирина лежала на спине, верхнюю часть лица скрывали спутанные пряди волос. Её рубашка на груди безформенным окровавленным пятном прилипла к телу.

Ферзь, наклонившись над девушкой, также как и над Полом, смотрел на рану и старался определить наличие или отсутствие признаков жизни в неподвижно лежащем теле.

- На - он протянул пистолет Бахче - стреляй ей в голову.

- Я? - удивился тот и сделал шаг назад - Почему я?

- А ты хочешь быть чистиньким? Тебе только давай твою долю, а руки марать должны другие? Стреляй ей в голову или я прострелю твою!

Гудвин с Шестом переглянулись, но не сдвинулись с места. Они не видели происходящего, но чётко представляли картину по доносившемуся разговору.

- Я... я... - тихо стонал насмерть перепуганный Бахча.

- Голова вот здесь... Да не дрожи ты! - сдерживая злобу, сквозь зубы басил Ферзь.

Тяжело ухнул приглушённый выстрел.

Через несколько секунд в дверях появился бледный, с глазами навыворот, Бахча. Его опущенная правая рука с оружием, казалось, безжизненно болталась вдоль тела.

Наконец Бахча протянул пистолет владельцу. Однако Ферзь не торопился принимать оружие.

- Себе ложи в карман - сказал он - Сначала поставь на предохранитель. Вот это предохранитель! - он ткнул пальцем в деталь на пистолете - Теперь снимай глушитель. А говорил - "скачок", "мочилово" со стрельбой... Какой, нахрен, стрельбой? Из чего? Ты не знаешь где дуло, где магазин.

- Я забыл... - прошептал Бахча, отсоединяя глушитель от ствола и пряча всё в карман куртки.

- Ну, конечно... - криво ухмыляясь, сказал Ферзь и, обращаясь к Гудвину, Шесту и незнакомцу, добавил - Не вздумайте здесь ничего лапать. Уходим... - затем он снова повернулся к Бахче - Тихо уходим...

В машине ехали молча. У каждого были свои мысли по поводу произошедшего, но, пока что, никто не решался завести об этом разговор.

Первым нарушил молчание Бахча.

- А сколько нам, выйдет... ну... с долей Пола? - не смело спросил он, не отвлекаясь от управления автомобилем.

Ферзь, в глубокой задумчивости, сидел на переднем сидении, и, казалось, был разбужен этим вопросом. Громко вздохнув и посмотрев в окно, он вдруг приказал остановиться.

- Зачем? - удивился Бахча, но встретил такой грозный взгляд, что резко нажал на тормоза.

Ферзь достал из кармана пистолет Пола и положил себе на колени.

- Ты чего? Чего? Я же... я же только спросил... - срывающимся голосом завизжал Бахча, вжимаясь спиной в дверь и скользя коблуками по резиновому коврику.

- Сидеть!!! - рявкнул Ферзь и долго держал на нём жёсткий, молчаливый взгляд. Затем потянул за ручку дверей и толкнул их. Но они не открылись.

- Эээ... Надо опустить стекло и открыть снаружи - уже даже чересчур услужливо посоветовал водитель.

- Тваю мать! У тебя нормальной машины не нашлось? - отчитал его Ферзь, выбираясь наружу.

- Так не успели... - оправдывался Бахча, но уже перед товарищами, которые сидели за спиной - Сказали срочно... Едим все... Со всем бараклом... А "бусик" крепкий: движок отличный, ходовую перебрали, резина новая... Он до Берлина доедет...

Бахча говорил и через открытые двери внимательно следил за Ферзём.

Тот стоял на мосту, взявшись за перила, смотрел на чёрные, спокойные, не поддавшиеся лёгким ночным заморозкам, воды Шатуна. Через какое-то время, бросив короткие взгляды по сторонам, резким движением руки швырнул вниз пистолет. И когда глухой, утробный всплеск, свидетельствующий о том, что тяжёлый металлический предмет вошёл в глубокие воды реки, достиг его слуха, стал бросать пачки с патронами, также осматриваясь перед каждым броском.

Когда всё было кончено, Ферзь вернулся в машину.

- Это меченый ствол. От него уже давно надо было избавиться - сказал он и захлопнул двери.

Светофоры включились только на выезде из города, и автомобиль попал под красный свет.

Молчаливое ожидание тянулось невообразимо долго и, как раскалённая печь, жгло душу. Секунды отбивались в сознании громовыми ударами, от которых, казалось, сотресалось тело.

- Ну, наконец-то выпал снег - сказал Шест, глядя на заснеженный город, рассчитывая, таким образом, смягчить последствие томительного ожидания.

- А сегодня, между прочим, по старому стилю, первое число - поддержал разговор Гудвин - Так что - всё верно.

- Да, сегодня первое - присоединился к разговору Ферзь, после чего светофор загорелся зелёным и машина, наконец, двинулась дальше.

Снежок начинал кружиться ещё во вчерашних сумерках и шёл, по-видимому, всю ночь. Лишь под утро подуставшая зима решила передохнуть и, уже при свете дня, осмотреть проделанную работу. Спецтехника дорожной службы работала всю ночь, поэтому даже за городом трасса была расчищена.

Люди в машине успокоились и их, в скором времени, стала одолевать просыпающаяся дремота. Но вдруг дальний свет фар выхватил из темноты патрульную машину ГАИ.

- Нифига себе... - голос водителя изорвал в клочья лёгкий занавес нежной сонливости - Менты? В такую рань?

- Надеюсь, с документами у тебя порядок? - чуть пошевелив плечами, спросил Ферзь.

Присутствующие решили про себя, что это обычный пост, выставленный на трассе, на пятом километре от города, для того, чтобы показать работу службы областной автоинспекции. Все рассчитывали проехать мимо, в надежде, что постовые в машине, если не спят, то просто отсиживаются, короткая время до конца смены. Но все их надежды рухнули, когда на дороге появилась человеческая фигура, расчерченная светоотражающими полосками. Но и тогда это обстоятельство ни у кого не вызвало тревоги. Проверка водителей на состояние алкогольного опьянения в такое время - явление обычное. Не плохое средство дохода для государства и милиционеров. Но, не смотря на то, что Бахча был трезв с как стёклышко, подъезжая к указанному полосатым жезлом месту, Ферзь сунул ему в руку сто долларов.

- Вот, на всякий случай - сказал он и ободряюще добавил - Не нервничай. Спокойно. Всё будет хорошо.

Милиционер, шурша зимней экиперовкой, с автоматом через плечо, подошёл к водителю и представился в открытое окно. Из его недовольного бурчания можно было понять, что он сержант Мухин. Взяв документы, он долго изучал их, освещая фонариком.

- Куда едим? - наконец прозвучал ожидаемый вопрос.

- Так, в командировку... Путь не близкий, поэтому с раннего утра и собрались... Люди, знающие Бахчу, по голосу поняли: он прилично волнуется. Но для беспокойства причины не было, потому как милиционер этого не знал. И, тем не менее, Ферзь пришёл на помощь товарищу.

- В Белосольск едем, коммерческий контракт заключать.

Мухин через окошко вернул документы водителю и круговым движением головы окинул беглым взглядом автомобиль.

- Багажник откройте - вдруг приказал он.

Милиционер указывал лучом фонарика на предметы и задавал вопросы.

- Что в канистрах?

Бахча объяснял каким-то излишне услужливым тоном.

- Топливо. Путь ведь не близкий. А это маторное масло... Ну, на всякий случай.

- В чемоданах что?

- Продукты, личные вещи.

Милиционер указал на большую чёрную сумку с блестящей застёжкой.

- А здесь что?

- Ну... тоже... личные вещи...

Мухин проработал гаишником восемь лет, и по поведению водителя, мог определить наличие какого-либо криминала у него.

После полученного ответа он резко повернул голову и посмотрел Бахче в лицо.

- Откройте - приказал милиционер и отступил на шаг назад.

Это была не та сумка, в которой Бахча полгода назад нёс деньги к реке и обратно. От той сумки Гудвин давно избавился. Но он купил другую, точно такую же.

Теперь в этой сумке денег не было. Они находились в трёх кейсах, которые Гудвин держал у себя между ног. Деньги были надёжно спрятаны под двойным дном и сверху замаскированы документами. Но Бахча этого не знал. Он был уверен, что вся сумма находится сейчас в сумке, на которую указал милиционер.

Ферзь, после того как водитель вышел из машины, облегчённо вздохнул, расслабился и откинулся на спинку сиденья. Но вдруг, где-то внутри его, появилось и стало стремительно расти, непонятное чувство тревоги. Он наморщил лоб, стараясь определить причину беспокойства, найти нестыковку, накладку. Вдруг он зашипел, втягивая в себя воздух через зубы и тихо произнёс - "Бля, у него же ствол...".

Ферзь несколько раз лихорадочно дёрнул за ручку дверей, потом стал опускать стекло. В это время раздались первые выстрелы...

Бахча стрелял, крепко сжав зубы и тупо уставившись на милиционера. Тот сделал пару шагов назад, зацепился ногой за ногу и упал на спину. А Бахча всё жал и жал на курок, посылая пули в бронежилет, не замечая других частей тела, открытых и уязвимых.

Град пуль из трёх автоматов обрушился на автомобиль сплошной стеной. Свинец, пронзая металл, стучал звонко и отрывисто, а так же издавал короткие, глухие хрипы, от разрывающийся одежды, человеческой плоти, дерматиновых сумок, чемоданов, обшивок сидений.

Бахча получил в спину десяток пуль и замертво упал в багажник, накрыв грудью ту самую чёрную сумку с блестящей застёжкой.

Ферзь так и не смог опустить стекло, потому что ручка оторвалась и упала где-то под ноги. Он попытался покинуть машину через место водителя и тут же получил пулю в левый висок. Последнее, что он успел увидеть в этой жизни - Шест, неподвижно прислонившийся головой к

стеклу и безумный взгляд Гудвина. Из его полуоткрытого рта появлялись и тут же лопались кровавые пузыри.

Три милиционера "поливали" из автоматов автомобиль до тех пор, пока не раздался первый взрыв. Машина дёрнулась, как в испуге, выплюнула вверх клуб чёрного дыма и, через выбитые стёкла, замахала огненными платками.

Когда Мухин, перекачиваясь как бревно, отделился от объётого пламенем автомобиля и оказался на проезжей части, стрельба прекратилась. Два милиционера подбежали к товарищу, подхватили под руки и потащили к патрульной машине.

Второй взрыв был слабый, но после него, пламени стало больше и горящий микроавтобус начала медленно двигаться назад, в сторону патрульного автомобиля.

- Убирай машину! - крикнул лейтенант водителю.

Тот ещё даже не коснулся дверной ручки, как раздался странный и страшный звук. Он состоял из громкого протяжного трубного воя клаксона, скрежета металла и пронзительного визга тормозов. В следующее мгновение из темноты появился огромный бензовоз. Ослепив присутствующих дальним светом фар, он в каком-то тупом безумии стремительно двигался на горящий автомобиль.

Милиционер отскочил от машины в самый последний момент, когда уже стало понятно, что он не успеет даже сесть за руль.

Левый корпус цистерны подцепил горящий микроавтобус, столкнул с патрульным автомобилем, сбросил обе машины в неглубокий кювет. С пронзительным скрежетом он просунулся ещё несколько метров и завалился боком цистерны прямо на огонь.

Кабина бензовоза была повернута вправо и напоминала сломанную шею гигантского чудовища. Покинувший своё место водитель, по сравнению с ним, походил на муровья.

- Назад! - крикнул лейтенант водителю бензовоза, растерянно уставившемуся на огонь - Назад! - повторил он, и, после того как тот обернулся, махнул ему рукой.

- Надо тушить... - потерянно произнёс перепуганный мужчина, подойдя к милиционерам.

- Надо бежать - ответил ему лейтенант, и, обращаясь к остальным, крикнул - Уходим!

Они отступили на безопасное расстояние, безопасность которого определили на глаз.

Тем временем языки пламени жадно облизывали левый бок цистерны, и огненный монстр приготовился проглотить её всю. Он вдруг глухо вздохнул, приподнялся, одновременно увеличившись в объёме.

- Там много топлива? - глядя на объятую пламенем машину, тихо спросил лейтенант.

Тот лишь приложил ладонь к щеке и молча покачал головой.

- Ложись! Все в кювет и лежать! - скомандовал лейтенант, после чего яркая вспышка света от огненного гриба озарила окрестности, вырвав из темноты часть ближайшего кустарника.

Первая пожарная машина приехала через сорок минут.

Среди груды искорюженного металла человеческих остатков не обнаружили.

Чудо... Люди, верующие в чудеса, воспринимают их как должное, не задумываясь о происхождении. Люди же не верующие в чудеса, ищут причину их появления.

Пол и Ирина остались живы. Это чудо объяснялось тем, что пистолет и патроны были изготовлены кустарным способом. Качество металла не соответствовало нужному, оружие обладало низкой убойной силой. У Пола пуля лишь пробила кость черепной коробки, но мозг не задела. У Ирины она даже не проникла за грудину. Ферзь видел, что девушка жива, поэтому приказал Бахче стрелять в голову. Но произведённый выстрел, из-за нервного треммера стрелявшего, а так же из-за спутывшихся волос Ирины, пришёлся по касательной и лишь вспорол кожу на голове, вызвав обильное кровотечение. Но произошло ещё одно чудо, которое не объяснялось так просто. Оно заключалось в том, что девушка, после наркоза, проснулась вменяемой, адекватной, в здравом уме.

Она ничего не помнила из произошедшего с ней в состоянии болезни. Она была уверена, что её ранили во время ограбления банка.

С Полном всё обстояло намного хуже: травма вызвала необратимые изменения в психике и почти полный паралич тела. Мужчина практически не двигался, почти не разговаривал и ничего не соображал. Он, как когда-то Ирина, неподвижно сидел и застывшим, ничего не выражающим взглядом, словно в глубокой прострации, смотрел перед собой. Возможно, какие-то мысли и обители в его голове, но об этом никто знал. И если до этого, неопределённость состояния Ирины, допускало возможное улучшение в будущем, то насчёт Пола врачи были категоричны - нет. А поскольку ни родных, ни близких у его не находилось, то перспектива вырисовывалась довольно мрачная - дожить до конца дней в доме инвалидов.

Случившееся перемены в жизни Ирины, после её выздоровления, тоже несли оттенок негатива. Квартира, которую она снимала, была уже сдана другим, половина личных вещей безнадежно исчезли. На работе ей предложили должность по другой специальности и с низкой зарплатой. Немногочисленные подруги как бы сторонились её. Знакомые и сотрудники в её присутствии вели себя сдержанно. И вдруг она поняла причину такого отношения: однажды, подходя к курилке, через открытые двери услышала обрывок фразы - "... пол года в психушке...". Она вдруг почувствовала себя не просто одинокой, а цинично брошенной всем миром.

Родители тоже вели себя странно. Сначала, конечно, обрадовались выздоровлению дочери, но потом стали интересоваться тем мужчиной, который за ней ухаживал. Стали, в тайне от неё, посещать его в больнице. Потом, всё чаще и настойчивее, заводили разговор, чтобы забрать его к себе.

Последнее Ирина считала поступком не оправданным. Да, она постоянно слышала о том, что жила у Зайцева, и что он за ней ухаживал, потратил на лечение не малые средства. Но она ничего этого не помнила и не понимала причину его, без сомнения, благородного поступка. За всем этим ей виделась чья-то скрытая карыстная цель. Иногда, всё услышанное казалось ей надуманным и лживым, которое родители, посредством однообразного внушения, зачем-то пытаются запихнуть в её сознание.

Она, пока что, молчала, потому как сама не знала - верить или не верить в такое бескарыстие.

Было ещё одно изменение, хотя немного странное, но положительное со всех сторон - родители, вдруг, стали сильно набожными и перестали пить.

Однажды ей позвонил незнакомый мужчина, представился адвокатом Зайцева и попросил зайти в его контору.

Это был уже не молодой человек с фамилией Беломорский, в хорошем костюме и дорогих очках, с крючковатым носом, совершенно лысым черепом, отёкшим, не бритым лицом и золотыми зубами. Внешне он больше походил на прилично одетого барыгу.

- Вы знаете Павла Ивановича Зайцева? - спросил он, вытаращив глаза на Ирину.

От этого вопроса её уже тошнило. Сколько раз следователи задавали его. Им она отвечала "нет", но здесь сказала - "Да".

- Так вот... - продолжал Беломорский - этот Павел Иванович Зайцев, после своей смерти завещал вам всё своё состояние.

Девушка долго молчала. Эта информация не укладывалась в сознании.

Глядя на неё молчал и адвокат.

- Мне... Состояние... Но, почему мне? - наконец пришла в себя Ирина.

- Этот вопрос к Павлу Ивановичу, но никак не ко мне - мужчина начал перекладывать бумаги, лежащие перед ним на столе - Имеется документ, составленный в ноябре прошлого года, скреплённый подписями и печатями, где сказано - "после моей смерти, всё движимое и не движимое имущество, а так же денежные вклады, переходят во владения Дигольской Ирины Ивановны". Вы Дигольская Ирина Ивановна? Значит вам.

Беломорский внимательно осмотрел её растерянное выражение лица и продолжал зачитывать, чуть приподняв листок бумаги.

- Значит, по завещанию, к вам переходят две торговые точки на рынке, авторемонтная мастерская и магазин автозапчастей при ней, автомобиль BMW, двухкомнатная квартира, улучшенной планировки, общей площадью семьдесят восемь квадратных метров и денежный счёт в банке.

Мужчина на другом листе написал цифры и передал его Ирине.

Она молча указала пальцем на крючок в конце суммы.

- Это в валюте - объяснил адвокат.

Потом передвинула палец на точку посреди цифер.

- Это тысячи.

Ирина долго смотрела в глаза Беломорского, убеждаясь таким образом - не розыгрыш ли здесь какой? - наконец шёпотом произнесла - "И это всё мне...". Вдруг она резко изменилась в лице и с испугом спросила - "А что, Павел Иванович, уже..."

- Нет - опередил её адвокат - Но здесь дело вот в чём - решением суда он признан недееспособным. Следовательно, по причине болезни, он нуждается в уходе. Если вы согласны досматривать его, то частично, я повторяю - частично, вступаете во владение наследством. Ну, об этом отдельный разговор. Так вы согласны?

Ирина, вдруг, снова растерялась.

- Я... подумаю... - неуверенно произнесла она.

- Конечно. Но не затягивайте, за ним нужен уход. Вот мой телефон - Беломорский протянул визитку.

В дверях Ирина вдруг остановилась и спросила - "А если я откажусь?".

- Девушка... - твёрдо проговорил адвокат, снимая очки - За эти деньги...

- Ясно... - оборвала она его на полуслове и покинула помещение.

Два дня она ходила сама не своя. Парой, ей казалось, что это шутка. Порой ей хотелось, чтобы это была шутка. Она боялась этого, внезапно свалившегося на её, состояния, потому как давно уже не верила ни в чудеса, ни в сказки. Она искала причину такого везения, не находила её и боялась ещё больше. Ведь всего лишь год назад, ей только мечталось выйти замуж за какого-нибудь здешнего замухрышку, но со своей жилплощадью. А теперь...

Во время этой расейности, на работе, она сделала ошибку. Она её признавала и готова была к наказанию. Начальник её грубо отчитал, и к этому она была готова. Особенно больно резануло слово "придурочная", которое тот употребил несколько раз.

На людях она ещё держалась, но оказавшись одной, в туалете, эмоции сами по себе вырвались наружу. Выплакавшись, ей стало легче. В голове прояснилось, мысли упорядочились. Девушка, вдруг глубоко и прирывисто вздохнула, вытерла слёзы и вслух произнесла - "А не пошли бы вы все нахер".

Беломорский, получив от Ирины согласие, внимательно посмотрел ей в глаза и сказал - "Я вас, на всякий случай, хочу предупредить - кроме обязанностей, вы берёте на себя ответственность. Если, не дай Бог, Павел Иванович умрёт и эта смерть, хотя бы чем-то отдалённо будет напоминать насильственную, я вам не позавидую. Ну, вы понимаете".

Девушка молча кивнула. Ещё несколько дней назад, эта информация заставила бы её, по меньшей мере, поколебаться в принятии решения. Но теперь, у неё перед глазами, во всех подробностях стояла картина: громко стуча каблуками, Ирина решительно заходит в кабинет начальника, гордо и надменно глядя ему в глаза небрежно бросает на стол заявление.

"Чтобы я ещё хоть на минуту осталась в вашей грёбоной шараге".

Под эту, мысленно произнесённую ей, фразу, начальник поставил свою размашистую подпись.

- Да - подавляя нерешительность, произнесла Ирина хрипловатым голосом, после чего Беломорский достал из кармана ключи и открыл сейф.

Осмотрев ремонтную мастерскую, вид у Диголева стал испуганный.

- Я не справлюсь. Я ничего не понимаю в технике. От этого можно избавиться? - спросила она Беломорского. Однако, Илья Романович Волков, работающий здесь главным механиком, горячо запротестовал.

- Да справитесь вы, справитесь. Ничего сложного здесь нет. Я вам буду помогать, я всё объясню.

Почти тоже самое сказал один из реализаторов, работающий на рынке, по фамилии Курицкий.

Беломорский, как бы подводя итог дискуссии, выразил поддержку Ирине.

- У Зайцева весь бизнес прибыльный. Долгов никогда не было. Вы напрасно беспокоитесь.

После того как все вышли из торговой палатки, Канцлер внезапно вернулся и, придирчиво глядя Курицкому в глаза, строго спросил - "Надеюсь ты, на счёт её, ничего не планируешь?".

- Нет - ответил тот, отводя взгляд в сторону - Добро не стоит забывать - добавил он и посмотрел Канцлеру в глаза.

- А вот это правильно - сказал последний и ушёл.

Никто не знал, что тогда, после разговора с Полом, Курицкий побежал на вокзал, купил билет на первый проходящий поезд и сел в него. Но по дороге, всё обдумав и взвесив, сошел на первой же станции вернулся обратно и на следующий день, вышел на прежнюю работу.

Для ухода за больным Ирина была не ограничена в средствах. Однако, по привычке, приобретала имущество по скромной цене. Для Павла Ивановича купила широкую кровать, себе же - скромный диванчик, который поставила в другую комнату. Шкафы, комоды, шторы, постельное бельё, посуда всё было приобретено в течении нескольких дней, собрано и расставлено.

Смотреть за лежащим больным, это постоянная работа, при чём тяжёлая, грязная, а порой, вернее очень даже часто - до рвоты тошнотворная. Но об этом Ирина знала только понаслышке.

Желание всё бросить, отказаться и убежать, возникло у неё как только Зайцев оказался в квартире. Однако мысль о том, что этот человек, когда-то, точно также ухаживал за ней, заставила её перебороть себя.

В начале были моменты, когда от осознания того, что всё это принадлежит ей, что она теперь девушка состоятельная, кружилась голова. Ирина даже планировала какую-то личную жизнь основываясь этих обстоятельствах. Но как только здесь появился хозяин, пусть даже больной, немощный, неосознающий кто он и где находится, она сразу же почувствовала себя чужой и даже, как бы, приниженной. Правда в будущем это чувство быстро прошло, благородя тем же хлопотам по уходу.

В первую ночь, как только она залезла под одеяло, возникла мысль, что на её дверях следовало бы установить замок. Кто знает, что может взбесить в голову этому ничего не соображающему мужчине? А вдруг он не больной, вдруг он прикидывается, умело симулирует или у него случится какой-то заскок и он среди ночи заявится к ней в комнату? Ведь при выписке врач заявил - "Нельзя сказать, что пациент полностью парализован. В спокойном состоянии он может самостоятельно подняться, пройтись, держась за стену, опираясь на что-то или на кого-то, может даже что-то говорить. Но в возбуждённом, нервном состоянии, его "клинит" всего и полностью. Так что имейте в виду - успокоительные надо давать не когда он активен, а наоборот, когда пассивен".

Но постепенно мысли о замке стали меняться другими. Она представила, что Павел Иванович ночью упадёт с кровати, удариться головой и, не дай Бог, умрёт. Ей же, потом, надо будет доказывать, что он упал сам, что она его не толкала и не била. А как доказать, если этого никто не видел?

Ирина вдруг поднялась и пошла в соседнюю комнату.

Зайцев лежал на кровати, но одна нога уже торчала из-под одеяла, хотя, Ирина точно помнила, что укрыла всего полностью.

Чтобы не шуметь среди ночи, она осторожно перетасила две съёмные спинки от своего дивана к нему комнату и пристроилась на них. Однако сон не шёл и здесь.

"А если ночью он обделается... Надо же будет как-то обмывать - вдруг подумала она и с тяжёлым вздохом произнесла вслух - О, Господи... И зачем мне это всё?"

Неожиданно она поймала себя на мысли, которая, в прямом смысле парализовала её - а ведь он, с ней, делал то же самое...

"Он трогал мои интимные места... Может быть, даже, бесовски рассматривал... А может, о ужас, и отыграл меня? И не один раз... А почему бы и нет? Он жил один, всё происходило без свидетелей. Никто ничего не видел".

Ирина вдруг подхватила, подошла к кровати, тяжело дыша и, скрепя зубами от злости, долго вглядывалась в лицо Павла Ивановича.

Зайцев лежал на спине с закрытыми глазами, дышал спокойно и ровно. Но Ирине показалось, что на его губах застыла хитрая улыбка.

- Ууу, скотина бесовская... - мысленно произнесла она.

Неожиданно эта мысль исчезла, словно её сдуло сильным сквозняком.

- Да какой там имел? Он старый, у него уже не стоит...

Успокоившись, она снова легла на свою постель. Но уснуть, всё равно, не получилось. То ли в дремоте ей снилось, что больной шевелиться, то ли он на самом деле шевелился. Однако, стоило ей приподнять голову, прислушаться, как всё смолкало и затихало. К утру она придумала изменения в обстановке квартиры.

"Во-первых, Зайцева надо положить на краю кровати, со стороны стены. Чтобы не свалился. Во-вторых - на стену надо прикрепить мягкий ковер. Чтобы не ушиб голову. В-третьих - к ножкам кровати следует приделать колёсики с резиновыми ободками. Тогда, откатив её от стены, человека проще поднять и положить. И колёсики должны быть непременно с тормозами, как на детских колясках, чтобы исключить самовольные сдвиги. Но как мне всё это сделать? Где взять нужный материал?"

И вдруг она вспомнила, что фактически, является руководителем автомастерской.

Илья Романович молча выслушал её просьбу, длинной почти в пол часа, и в конце сказал всего два слова - "Сейчас буду". По приезду он всё осмотрел, обмерал и к концу дня привёз и смонтировал, ещё пахнущие свежей краской, колёсики. Правда он только руководил работой, а исполнял всё не высокий, худощавый мужчина, внешне похожий на жулика, только смешной. Звали его Александр. Он настолько искренне и охотно выполнял порученную работу, так горячо уговаривал Ирину звать его на помощь, подражаясь выполнять любые поручения, что она даже подумала - " Ни родственник ли это какой-нибудь Павлу Зайцеву и не претендует ли он на завещания?"

Вторая ночь также не обещала спокойного сна - Павел Иванович крутился, шурудил, бубнел.

"И это называется спокоен... - думала Ирина, тяжело дыша от возмущения - Может, дать ещё снотворного, чтобы отрубился?"

Может быть, с другим человеком, она бы так и поступила. Но с этим не решилась.

"Вот влипла - думала девушка - А этот хорошо устроился: я с него должна пылинки сдувать. Ну, и придётся сдувать... и буду сдувать".

И на этот раз у неё сон соревновался со страхом. Силы были равные, вперёд поочередно вырвался то один, то другой. Ирина поняла, что и теперь выспаться не получится.

Решение проблемы пришло неожиданно: она легла рядом с Павлом Ивановичем, только с другого краю кровати.

"Если будет сктываться, меня заденет, я почувствую. Если будет вести себя неподобающе, хорошенько получит по зубам, не смотря на то, что старый и больной".

- Да спи ты уже! - крикнула она на мужчину и тот действительно затих.

"Вот так, наверно, и он кричал на меня - размышляла Ирина, прогнав сон порывом злости - Может быть даже бил. Может быть привязывал к кровати. Вот тогда-то он, скорее всего, меня и имел. Растянул руки-ноги в стороны, привязал за запястье и щиколотки к сетке под матрасом и делал что хотел. А теперь щедро вознаградил, чтобы искупить вину. Сволочь".

Вдруг возникла новая мысль, которая своим появлением разогнала предыдущия.

"А может я ему понравилась? Может он в меня влюбился? А что, я ведь красивая - она коснулась ладонью груди, скользнула по животу, опустилась ниже - Везде...".

Раньше она об этом, почему-то, не думала, хотя такой вариант её более чем устраивал.

"И почему мне в голову лезет только плохое? А если у него, на самом деле, были вполне благородные чувства. Правда здесь очень много неясного - кто он, откуда он, почему жил один, как мы встретились, где? А также - кто в нас стрелял? Зачем? Непонятно...".

Мысли плыли по поверхности сонного марева и, безответные, тонули в нём.

"И ничего он не старый... - вдруг пронеслось у неё в голове - Пятьдесят два года... Разве это старый? Просто взрослый мужчина... И не дурак, раз сколотил такое состояние... Далеко не дурак..."

На следующий день Ирина случайно наткнулась на стопку книг, ещё никуда не пристроенных и поэтому лежащих на полу, в углу комнаты, рядом с остальными, не разобранными вещами. Это были сказки.

"Странно - подумала она - Взрослый, можно даже сказать пожилой, человек интересуется сказками?".

"Золушка", "Спящая красавица", "Белоснежка и семь гномов", "Руслан и Людмила". Названия не просто знакомые, а как будто прочитанные ей буквально накануне.

Рядом с книгами лежали чёрные, с красными вставками, дорогие наушники, подключённые к небольшому аудиоплееру. Ирина, растянув пружинистую дугу, одела их на голову. Объёмные динамики, в виде мягких углублений элпсообразной формы, плотно прилегли к голове, полностью поглотив в себя уши вместе с серебряными серёжками. Звуки окружающего мира почти не проникали за эластичное, мягкое уплотнение и девушка, вначале, слышала только шум своей крови, движущейся по сосудам. Когда же она слегка коснулась чёрного треугольничка, расположенного на корпусе серебристой коробочки, то от услышанного вздрогнула и сделала шаг назад.

Ей было знакомо имя композитора Вивальди, но не более того, поскольку классической музыкой никогда не увлекалась. Теперь же спокойные, мелодичные звуки его "Эльфийской ночи", казалось, перенесли её в совершенно другой мир. Она не закрывала глаза, но видела перед собой только белые облака, на фоне голубого бескрайнего неба. Казалось, звуки музыки превратились в специфическую материю, которая заполнила собой пространство и теперь всё: и облака, и небо, и она сама, медленно плыли, плавно покачиваясь на спокойных волнах этого невидимого эфира.

По-видимому аккумулятор в плеере давно не подзарежался и, оставшийся в нём потенциал, неожиданно иссяк.

Когда музыка резко прекратилась, Ирина также резко вернулась к реальности, почти в прямом смысле свалившись с небес. Сняв наушники, она долго смотрела на них, потом перевела взгляд на стопку книг. Почему-то теперь она была убеждена, что напрасно так не хорошо думала о человеке. Теперь она была уверена, что тот ничего плохого ей не сделал и не собирался делать. И ещё - теперь она знала, как его успокаивать и что предпринимать в дальнейшем, чтобы тот быстрее засыпал. Оставалось только дожидаться подходящего момента.

Домашней работы (а уход за больным состоял именно из этого) Ирина не боялась. Её сильно пугало производство. В банке она была рядовым экономистом, а здесь, фактически, руководителем, отвечающим за всё и за всех, хотя и с ограниченными полномочиями. Для поддержания

нормального функционирования производства, знаний одной экономики мало. Всё производство, в особенности его техническая, коммерческая и организационные части, по-прежнему, держались исключительно на Илье Романовиче. Он, правда, постепенно вводил её в курс всех дел и она, пока что, не заметила, что от неё что-то скрывают.

Всю бухгалтерию вёл Богдан Семёнович Колотый. Фамилия вполне соответствовала внешнему виду. Ирина могла только догадываться, что творится на его теле под одеждой, глядя на кисти рук и пальцы, почти полностью синевшие от татуировок. Весь его вид, а также прокуренный голос, воспалённые глаза, лёгкий запах алкоголя, свидетельствовали о том, что человек имеет уголовное прошлое.

После первого знакомства Ирина хотела от него избавиться. Однако, спустя какое-то время, побеседовав о работе, поняла - это специалист высокой квалификации.

Когда Ирина села за руль BMW, ей, на какое-то время, показалось, что делает это не впервые. Три года назад она купила машину, чтобы ездить к родителям. Надо сказать - подержанный "Опель", оказавшись в женских руках, добросовестно отработал два года. Затем потянулась бесконечная цепочка неисправностей и его, почти задаром, пришлось отдать перекупщикам. Она уже подумывала о новой машине, но известные, точнее, не известные, события отменили эти планы.

Ирина понимала - принципы вождения этих двух автомобилей, несомненно, отличались. Но она настолько быстро освоилась на новой, что даже сама удивлялась. Не было ни проб, ни ошибок. Знания, казалось, шли откуда-то изнутри её тела.

Если Пол, приезжая на работу или в любое другое место, мог спокойно оставить Ирину в машине, то она с ним так поступать не решалась, хотя и убедилась в эффективности наушников. Она доставала инвалидную коляску, которую всегда возила с собой, вытаскивала из машины Зайцева и катила их, к примеру, по магазинам или на прогулку по парку. Правда в своём офисе она этим не занималась: ещё на подъезде, как из-под земли появлялся Александр и с завидным энтузиазмом брал на себя обязанности по TRANSPARTИРОВКЕ своего шефа. Ирина как-то поймала себя на мысли, что, не смотря на внешность, почему-то полностью доверяет этому человеку.

Спустя какое-то время Ирина позвонила Беломорскому и спросила, можно ли ей из завещанных средств купить себе что-нибудь из одежды, долларов этак на триста.

- Вам можно всё - ответил адвокат - Можете поставить у себя в туалете золотой унитаз. Если что, вы уже прокурору будите объяснять необходимость этого приобретения. Я вас не контролирую.

Вот здесь он лукавил. В завещании было прописано, что только он имеет право контролировать движение денежных средств и имущество. Ирина ничего не могла ни продать, ни купить. А всё что могла приобрести, ей это не принадлежало. Совершать любые сделки она могла только с его одобрения, после его подписи. Конечно, одно дело приобретать предметы первой необходимости - памперсы, продукты питания, моющие средства. И совсем другое - "Мерседес" последней модели с бешеными наворотами или вкладывать средства в какие-то посторонние проекты. Всё было сделано для того, чтобы деньги не увели. Конечно - кофтан шился не по размеру. Деньги предназначались для несколько другой Ирины и распоряжаться ими должен был другой человек. И тот кто бы ими распоряжался, мог тратить только на её лечение. Но волею судьбы этим тем другим, стала она сама.

Был один человек, который нелегально мог бы завладеть этими деньгами, после чего ему пришлось бы залечь очень глубоко, или очень быстро, уехать очень далеко. Это был он сам, Беломорский. Но он знал кто такой Павел Иванович Зайцев, догадывался, какие у него связи и представлял последствия для себя. Да это было и не в его характере. Он, Беломорский, на зоне держался достойно, сукой не был и здесь ссучиться не собирался. Да и к тому же, фактически, своей работой он был обязан Полу.

- Не внимательно девочка читает бумаги - сказал он, после того как опустил трубку на рычаги - Надо присматривать.

Они лежали в одной кровати, только под разными одеялами и на разных подушках. Ирина привстав на локте, Зайцев лёжа на спине. Она вслух читала сказку "Аленький цветочек". И хотя девушка была обращена лицом к мужчине, она настолько увлеклась чтением, что не заметила когда тот уснул. Лишь дойдя до финала, где по сюжету всё закончилось хорошо и все остались счастливы, Ирина обратила внимание, что тот кому она всё это читала, оказывается, давно уже спит. Она перевернулась на другой бок, положила книгу на тумбочку и выключила прикроватное освещение.

В сознании ещё стоял сюжет счастливой истории, в которую верили маленькие дети и Ирина подумала, что они с Павлом Ивановичем чем-то похожи на главных героев: она - красавица, он - чудовище. Только она не могла определиться - он чудовищем был раньше, или наоборот, стал лишь теперь.

"Что бы там ни происходило - думала она сквозь сгущающуюся дремоту - он всегда был добрый... Просто заколдован".

И вдруг, из темноты, громко и чётко послышался голос - "Иринка-картинка".

Девушка резко села на кровати. Затем она снова включила свет и, приподнявшись, опираясь на вытянутую руку, стала внимательно вглядываться в лицо мужчины, стараясь понять - он на самом деле произнёс эти слова, или ей показалось. Ведь только отец так называл её в далёком детстве.

- Что ты сказал? - шёпотом спросила девушка и стала легонько тормазить его за плечо, всё время повторяя - Что ты сказал?... Что ты сказал?...

Ирина внимательно, по частям, рассматривала лицо Зайцева: чёрные густые брови, закрытые веки, плотно сжатые губы. По её решению - подстригать легче чем брить - он отпустил бороду, которая ему очень даже шла. И вдруг...

Первый раз это случилось когда следователь привёз её на опознание.

Мужчина сидел в инвалидной коляске и неподвижным взглядом смотрел перед собой. Ирине сразу бросилось в глаза - у них одинаково перебинтованы головы.

Она его не знала, но подходила всё ближе и ближе, чтобы заглянуть в лицо. Когда она наклонилась, их глаза встретились. И именно тогда, словно невидимый электрический разряд проскочил между ними. Ей показалось, что мужчина то ли узнал её, то ли что-то вспомнил, потому как его лицо немножко, еле заметно, вдруг просияло и такая же незаметная, лёгкая улыбка появилась и застыла на устах. Он так и остался жить с этой улыбкой.

Сейчас произошло то же самое: короткий, быстрый как молния, импульс, беззвучно щёлкнул где-то внутри Ирины, разрушив в ней какой-то невидимый барьер и, материально неопределённая субстанция, название которой - нежность, могучей, горячей волной разлилась по всему её телу, унося прочь остатки сомнений, расплавляя, ломая и круша лёд недоверия, местами ещё сохранившийся в их отношениях.

Девушка осторожно опустила щекой мужчине на грудь.

Даже сквозь одеяло были отчётливо слышны спокойные, мощные удары его большого сердца.

Зачем-то слёзы стали накапливаться в глазах, и, чтобы они не перелились через край, она промокнула их пододеяльником.

Милла задержалась у окна и, внимательно глядя на улицу, не оборачиваясь произнесла - "Диголевская Зайцева привезла".

Могур сидел за столом, писал в карточке историю болезни. После слов медсестры он остановился и бросил взгляд на экран компьютера.

- Всё верно. Ему сегодня назначено - сказал он и продолжил прерванное занятие.

Милла не отходила от окна.

- Мне кажется она беременна: живот округлился, в лице изменилась - сказала она - Какого-то носатого мужчину наняла коляску катить...

- Ничего удивительного - на этот раз, не прекращая описание, произнёс врач - она женщина, самого подходящего для рождения детей, возраста. Вот если бы это Зайцев был беременный, я бы точно удивился.

Милла тяжело вздохнула и, наконец повернулась к нему лицом.

- Нет, ну, это понятно. Просто интересно от кого?

- Я думаю от Зайцева. Я слышал у него приличное состояние - Могур, держа авторучку над незаконченным словом, задумчиво посмотрел в сторону девушки - Понимаешь, в этой ситуации, ей легче даказать отцовство ребёнка, чем выйти за Зайцева замуж.

- Ты считаешь его репродуктивный аппарат в норме?

От этого вопроса врач, казалось, подпрыгнул в кресле.

- Милая моя! Если бы мы пациентам не давали успокоительное, то ты бы, в своём халатике, заходила к мужчинам в палату как в клетку к тиграм. Это нормальные мужики напридумывали себе проблем и потом удивляются - почему же у них "хрен" не стоит? Вот от того и не стоит, что голова всякой хренью забита! А у наших пациентов нет проблем. Природные инстинкты ничто не подавляет. У наших мужиков эрекция происходит пока сердце бьётся.

- У него же другая причина: травма головного мозга и, как следствие, обездвиживание конечностей - не сдавалась Милла.

Могур глубоко вздохнул и задумался.

- Рубески написал - "... в следствии гематомы головного мозга...". Но он сам прекрасно понимает, что гематома в этой области мозга вызывает совсем другие последствия. Но он должен был что-то написать. И никто, никогда не станет опровергать его диагноз, хотя бы по той простой причине, что это никому не надо. А я читал отчет хирурга, извлекавшего из головы Зайцева пулю. Гематомы там не было. Кровь вытекала через пулевое отверстие в затылочной части черепной коробки. Ни пуля, ни кость мозг не задела.

- Так он симулирует?

- На тот момент - нет. И теперь, я думаю, тоже. Рубески - спец по подобным симуляциям. Он бы её определил однозначно. Но я не удивлюсь, если когда-нибудь Зайцев утром проснётся нормальным человеком. Другое дело, насколько ему это надо? Ведь кое у кого могут возникнуть вопросы. А так, что с него возьмёшь? А причины... Истинные причины вполне могут быть такие же как и у Диголеской.

Девушка долго молчала, наконец тихо произнесла, глядя в пустоту перед собой.

- Тогда получается, что он, просто забрал себе её болезнь... -

После этих слов её рука непроизвольно потянулась к серебряному крестику на груди.

- Вот не люблю я эту бабскую синтентальность: во всём видеть благородство - возмущался врач, не оставляя своего занятия - Во всяком случае - здесь его нет. Я уверен, что Зайцеву бошку прострелили из-за денег. И Диголеская под него легла, или на него залезла, тоже из-за денег. Всё от лукавого.

- Может из-за денег... - всё так же тихо проговорила девушка и про себя добавила - "А может нет никакого лукавого? Может это Бог, таким образом, испытывает человеческие души на прочность?..."

КОНЕЦ

